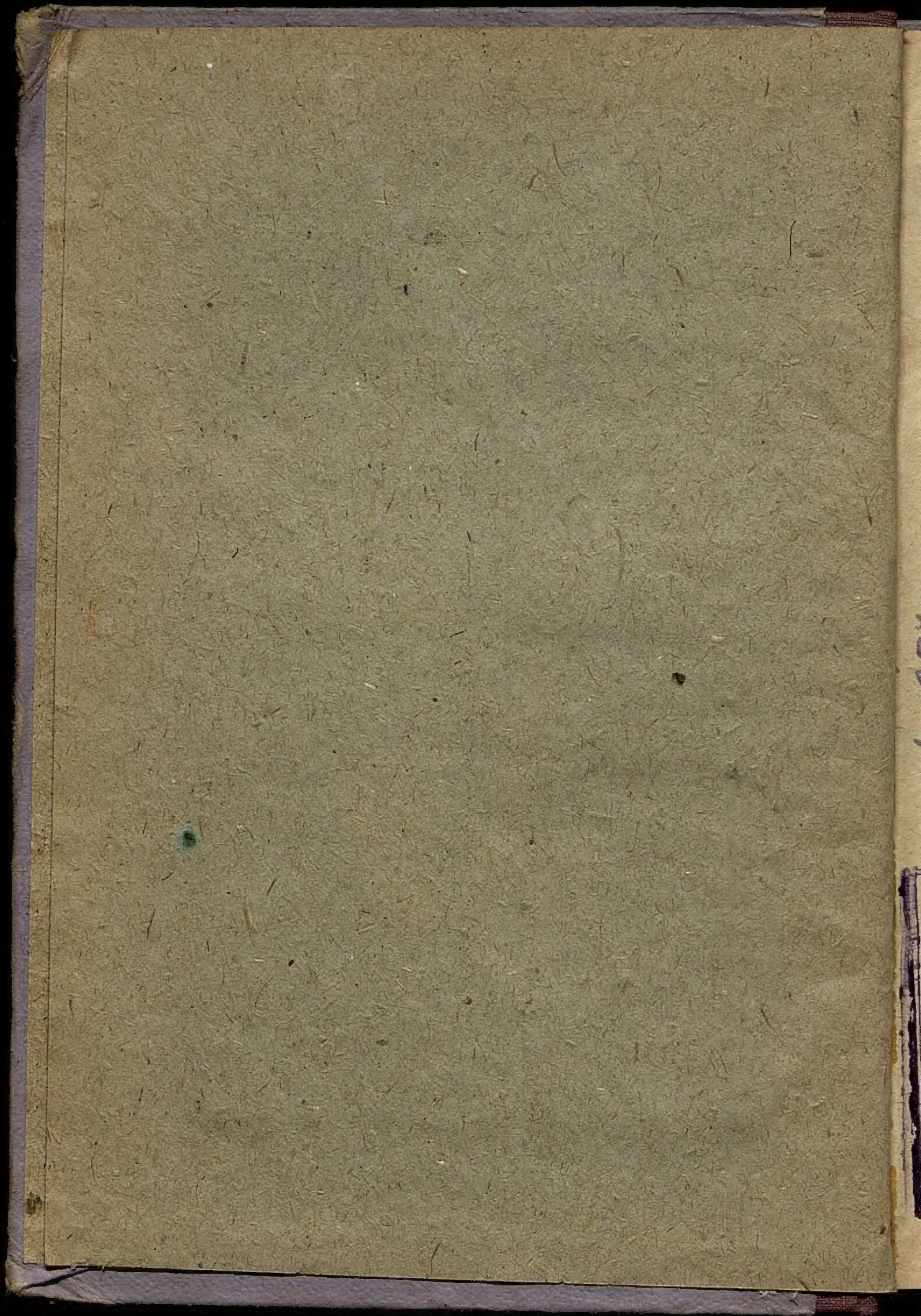
А. Е. БАДАЕВ

БОЛЬШЕВИКИ в ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

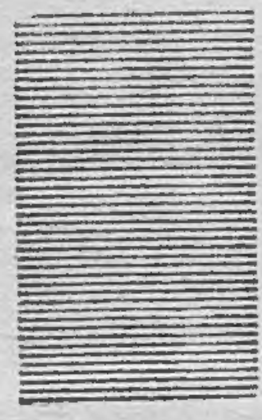
партиздат
1932

ИБЦ РЭУ им.Г.В. Плеханова
001215316

А. Е. БАДАЕВ

БОЛЬШЕВИКИ в ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ФРАКЦИЯ
IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
и
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ПЕТЕРБУРГЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

партиздат
МОСКВА
1932

Редактор Д. Орлицкий
Технический редактор Б. Сутин

Сдано в производство 11 июля 1932 г.
Подписано к печати 19 сентября 1932 г.
Партиздат № 1857/м. Ленгорлит № 54887.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 1026.
Бумага 82×110 1/32, 23 ¼ печ. л. 38 900 тип. зн. в 1 бум. л.
6 3/16 бум. л.

Оглавление

Вместо предисловия

Замечательная книга[1]

За последнее время в печати появилось не мало исторических работ, освещающих отдельные периоды, отдельные моменты в истории революционного движения России, в истории нашей партии. Пишут их иногда опытные литераторы, кропотливо изучающие по архивам и библиотекам наше прошлое. Но трудно найти среди этих произведений что-либо равное по силе увлекательности, правдивости изображения и доподлинной большевистской твердости, чем это произведение А. Е. Бадаева, бывшего депутата IV Государственной думы, бывшего члена нашей большевистской «шестерки». Слишком скромно автор назвал свою книгу «Воспоминания». Нет, это не просто воспоминания: это серьезная историческая работа. И вряд ли какой-нибудь историк нашей партии сможет теперь, после выхода этой книги, описывать предвоенные годы (1912 — 1914), не изучив «Воспоминания» А. Е. Бадаева. Да и не только историк: каждый большевик должен заинтересоваться этой книгой, чтобы освежить в своей памяти эти годы героической и упорной борьбы рабочего класса, поднявшегося после нескольких лет самой глухой и свирепой реакции. Не следует забывать, что именно в *эти годы* борьбы с ликвидаторами-меньшевиками и борьбы с левыми — отзовистами и бойко-

[1] Рецензия на книгу т. Бадаева, помещенная в «Правде» № 250(4384) 29 октября 1929 г.

тистами, именно в эти годы, когда большевистская партия вполне оформлялась как особая *организация*, когда примиренцы всякого рода во главе с «внефракционным» Троцким сколачивали августовский блок, — именно в эти годы в партии воспитывался новый слой большевиков, которые теперь, в период социалистического строительства и в период предыдущей борьбы, дали столько ярких примеров большевистской выдержанности и стойкости.

Эту книгу должен прочесть и молодой ленинец. Он найдет в ней необычайно яркое и красочное описание условий жизни и борьбы рабочего класса при царизме, увидит все бесправие рабочего класса в капиталистическом обществе. Словно оживают на экране яркие моменты этой борьбы рабочего класса в 1913—1914 гг. Здесь взрыв на Охтенском пороховом заводе, где «взрослые семейные люди получают 70 — 80 коп. за длинный рабочий день», где, «чтобы дойти до рубля, — это высший предел, — нужно проработать несколько лет», где «женщины и девушки получают еще меньше, где полный произвол администрации, грубое обращение с рабочими, где рабочие утрачивают свое здоровье, убивают энергию и покорно ждут своей очереди умереть от подобного взрыва или систематического отравления вредными веществами и газами» (стр. 108). Вот рабочие железных дорог, «где рабочие по 18 *часов работают*, ворочают шпалы, — ни одно животное постольку не ворочает, как рабочий класс за какие-нибудь 40—50 коп.» (стр. 109). Вот массовые локауты на текстильных фабриках, массовое отравление на «Треугольнике» и других фабриках и заводах. Фабриканты отказываются разговаривать с профессиональными союзами. Рабочий депутат Шагов, сам текстильный рабочий, в Государственной думе говорит о тяжелом положении текстильщиков, «которые только при самой интенсивной работе могут выработать те гроши, которые им нужны для того, чтобы не умереть от голода». Вот забастовка у Лесснера, где рабочий Яков Стронгин вынужден повеситься в пролете лестницы между двух этажей мастерских, чтобы протестовать против обвинения его в воровстве. «Старый Лесснер» бастует 68 дней, «Новый Лесснер» — 102 дня. И это при самых свирепых преследованиях со стороны полиции, охранки, капиталистов. Вот забастовка на Балтийском заводе, на Обуховском заводе. Рабочим этих заводов не лишне вспомнить, какие были тогда порядки. А. Е. Бадаев с думской трибуны оглашает правила из рабочей книжки: «Урочным временем

на заводе считается для всех рабочих непрерывно продолжающаяся работа — 12 часов днем и 12 часов ночью и для рабочих, занятых прочими работами, — 9 часов днем и 9 часов ночью. При 12-часовом рабочем дне — от 7 часов утра до 7 вечера. Рабочие обедать домой не ходят, а принимают пищу в свободные промежутки между работой» (стр. 145). Молодым рабочим следует знать, в каких условиях приходилось работать на капиталистической фабрике. Только тогда они смогут понять, как далеко мы шагнули за годы революции от этих гнусных порядков, какие глубокие, *коренные изменения* произвела революция.

Деятельность думской фракции, нашей рабочей «шестерки», является вряд ли превзойденным образцом, как много может сделать для дела рабочего класса даже парламентская фракция большевиков, сохраняющая связь с широкими массами, действующая по директивам своей партии, хотя бы и подпольной. Думская трибуна была полностью использована для революционизирования масс, для их организации. Когда рабочий депутат Бадаев, обращаясь к черносотенной Думе, после запроса военному министру по поводу взрыва на Охтенском заводе говорит: «Народ хорошо знает, кто его враги, он хорошо знает, что вы скажете, он знает, что большинство Государственной думы не есть представители народа, а враги народа», — Бадаев выражает мнение широких рабочих и крестьянских масс. Бадаев, Петровский, Муранов, Шагов, Самойлов выступают с запросами правительству, расследуют действия правительства, разъезжая по провинции для связи с избирателями, связывают нелегальный центр партии с широкими рабочими массами. А. Е. Бадаев предсказывает этим зубрам Государственной думы: «Рабочий... доживет до того времени... когда все рабочие всей России требования предъявят, они вас тогда спрашиваться не будут и возьмут все от вас — и землю и всякую свободу» (стр. 148 — 149). Он бросает вызов от имени рабочих царскому правительству, капиталистам и помещикам: «Не к вашей жалости взываю я, господа, когда говорю о положении рабочих на Обуховском заводе. Как два лагеря друг против друга стоят: с одной стороны, объединенные министры, а с другой, объединенный пролетариат, и я от имени всего пролетариата бросаю здесь вызов министрам...» (стр. 149).

Зубрам не по себе, им хочется спровоцировать рабочий класс на немедленное выступление. Черносотенец Марков

ставит вопрос о захвате государственной власти рабочими. *«Вы именно на государственную власть ополчаетесь, вы думаете, что пролетариат в праве закричать: нас сто тысяч, десять миллионов или сколько там вас есть. Мы силою возьмем все, отнимем у вас землю и другое и третье. Но если вы ставите вопрос так, что вы силой возьмете все, чего вы тут — болтаете? Идите, берите силою. Если же силы нет, то зачем угроза?»* (стр. 151). Уже тогда проносилось дыхание революционной грозы, которая в 1917 г. смела этих Марковых и Родзянок, и Горемыкиных, а тогда они еще не чувствовали, что так близок их конец, когда Марков, «повернувшись к левым скамьям... изобразил руками винтовку, взятую наперевес: «вы нападаете на нас, а мы возьмем вас на прицел» (стр. 152). История показала, что прицел рабочего класса был вернее, чем прицел черносотенца Маркова. И это потому, что рабочий класс вел революционную борьбу под руководством испытанной большевистской партии. В «Воспоминаниях» Бадаева мы находим ряд интереснейших сведений о деятельности этой партии. Избирательная кампания в Государственную думу, руководство рабочей фракции в Государственной думе, краковское совещание, поронинское совещание, организация рабочей печати, деятельность «Правды», участие в работе большевистской фракции в Думе тт. Свердлова Я. М., Сталина и др., неустанная забота о деятельности фракции Владимира Ильича, ноябрьская конференция 1914 г. и ряд других моментов в жизни партии освещены в книге Бадаева необычайно любовно и вместе с тем достаточно документально. Также ярко освещены предвоенные дни, поведение большевиков и меньшевиков в начале империалистической войны, арест большевистской фракции, следствие и суд по делу фракции. Очень яркий дан портрет провокатора Романа Малиновского, которого охранка стремилась использовать в целях провокации и разложения партии. Малиновский принес огромный вред нашей партии. Благодаря его предательству были арестованы бежавшие из ссылки тт. Свердлов и Сталин. Благодаря его предательству охранке были известны многие шаги нашей партии. Однако прав был Ленин, когда, оценивая провокаторскую деятельность Малиновского, он указывал на то, что, помимо воли охранки, «Малиновский превратился в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связывавшей (и притом с разных сторон) нашу легальную базу с двумя крупнейшими органами воздействия партии на массы, именно

с «Правдой» и с думской социал-демократической фракцией. Оба эти органа провокатор должен был охранять, чтобы оправдать свое призвание»[1].

Трудно исчерпать в газетной рецензии богатое содержание замечательной книги, написанной большевиком-рабочим А. Е. Бадаевым. Молодые товарищи, которые знают т. Бадаева на трудной работе в органах кооперации, не всегда, к сожалению, знают о той роли, которую этот товарищ сыграл вместе с другими нашими рабочими депутатами Государственной думы в борьбе рабочего класса. Они должны знать об этом, должны знать об этом вчерашнем дне той старой гвардии, на долю которой выпала труднейшая задача строить вместе с рабочим классом на обломках и развалинах капиталистического государства новый тип «государственной коммуны» (В. И. Ленин) — социалистическое советское государство.

Черносотенная газета «Русское знамя» предлагала в июле 1914 г. накануне войны отправить т. Бадаева на виселицу. Статья в № 161 этой газеты так и была озаглавлена: «Бадаева на виселицу». Газета пророчила, что Бадаев когда-нибудь «предъявит счет редакции и осветит Россию повсеместными иллюминациями». В той революции, которая смела черносотенцев, немалую роль сыграла и эта работа накануне войны автора воспоминаний о большевиках в Государственной думе.

Эту книгу следовало бы перевести на иностранные языки[2] для наших братских коммунистических партий, для наших товарищей, которым приходится работать в буржуазных парламентах: они могут многому научиться из этой замечательной книги.

Ем. Ярославский.

---

[1] Из показаний, написанных и подписанных собственноручно Лениным для чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по делу Романа Малиновского.

[2] Со времени выхода в свет первого издания книги т. Бадаева она переведена на немецкий язык в Берлине и японский в Токио. Заканчивается перевод на французский, английский, испанский и др. языки. — *Ред. Партиздата.*

Предисловие автора

К первому изданию

Моя книга посвящена описанию революционных событий последних лет существования царской власти. Наиболее сильный подъем революционного движения между 1905 г. и Февральской революцией падает на 1912 — 1914 гг.

Деятельность большевистской фракции IV Государственной думы как центра работы нашей партии в России в этот период — тема книги. Я старался показать, как деятельность фракции отражалась на революционной борьбе рабочего класса и как в свою очередь те или иные моменты массового рабочего движения отражались на работе фракции.

Попутно мне пришлось вкратце остановиться на характеристике некоторых политических партий и отдельных правительственных и политических деятелей царской России, с которыми нашей фракции приходилось сталкиваться по целому ряду вопросов.

Из отдельных участков рабочего движения — наибольшее внимание уделено Петербургу. Петербургский пролетариат был всегда головным отрядом в борьбе рабочего класса; и его выступления имели наибольшее значение как в самой революции, так и в ее подготовке.

Описывая деятельность Центрального комитета, Петербургского комитета и других подпольных организаций нашей партии, я одновременно старался показать, как боролось с ними царское правительство, к каким приемам борьбы прибегала охранка.

В основу моей книги положены личные воспоминания. Поскольку за такой большой срок многое стерлось в памяти, я предварительно просмотрел целый ряд материалов, сохранившихся с того времени. В результате я получил возможность дополнить мои воспоминания некоторыми важными и необходимыми документами.

Итак, материалами для этой книги послужили: личные воспоминания, сохранившийся личный архив, материалы департамента полиции, хранящиеся в Архиве революции, нелегальные издания партии, дореволюционная «Правда», ликвидаторские и буржуазные газеты, стенографические отчеты Государственной думы, отчеты о суде над фракцией и кроме того беседы с рядом товарищей, принимавших участие в подпольной работе того времени.

Июль 1929 г.

К третьему изданию

За три года, с того времени, когда вышло первое издание моей книги, дело изучения истории партии значительно двинулось вперед. В архивах найдены новые материалы, относящиеся к революционной борьбе рабочего класса в годы царизма. Ряд товарищей, активно боровшихся в то время в рядах нашей партии, опубликовал свои мемуары. Все это дало мне возможность уточнить и дополнить отдельные места книги.

Июль 1932 г.

Избирательная кампания и начало работы IV Думы

ГЛАВА I

Выборы в IV Государственную думу

Почему социал-демократы участвовали в выборах.— Избирательная программа большевиков. — Избирательные права рабочих. — Выборы в крупных городах. — Как подготовляло выборы правительство.— Большевики о блоке с другими партиями. — Роль «Правды» в избирательной кампании.

В середине лета 1912 г. прекратила свои работы III Государственная дума, первая из дум, отбывшая полностью положенный ей пятилетний срок. III Дума имела помещичье-дворянское большинство и была послушным орудием в руках правительства. Незначительные по количеству депутатов фракции социал-демократов и буржуазной демократии (трудовиков)[1]) конечно не могли помешать Думе ставить штамп на всех законопроектах правительства. Либеральная буржуазия в лице кадетской партии,[2]) стоявшая якобы в оппозиции к правительству, пуще огня боялась решительных слов и действий. Во имя лозунга «беречь Думу» кадеты и близкая к ним фракция прогрессистов[3]) старались быть тише воды и ниже травы и позволяли правому большинству делать все что угодно. Правительство в лице III Думы получило то, что оно хотело — «законопослушное и работоспособное» народное представительство.

---

[1]) Объяснение слова см. в конце книги.

Оценивая пятилетнюю работу Государственной думы, «Правда» на другой день после ее закрытия писала: «Вся деятельность III Думы направлена была главным образом к охране классовых интересов господствовавшего в ней большинства. Благодаря этому пять лет «работоспособной» Думы нисколько не подвинули разрешения целого ряда назревших вопросов огромной важности для страны... А всякие попытки левых партий путем запросов вносить свет в темные стороны русской общественной жизни и привлечь к ним внимание страны — господствующее большинство Думы подавляло своими голосами». — «Скатертью дорога!» — так напутствовала закрытие III Думы «Правда», выражая общее отношение к ней и рабочего класса и крестьянства.

На смену закрывшейся третьей должна была притти четвертая Дума. Избирательный закон сохранялся тот же, что и во время предыдущих, а поэтому и большинство в новой Думе должно было получиться такое же черносотенное. Не могло быть никаких сомнений, что деятельность IV Думы также будет направлена против трудящихся, и ее «законодательство» не принесет никакой пользы ни рабочему классу, ни крестьянству.

Несмотря на это, наша партия, как и перед II и III Думами, решила принять деятельное участие в выборах. Опыт всех предыдущих лет показал, какое большое агитационное значение имеет избирательная кампания. На том же опыте партия и рабочий класс убедились, какую огромную роль играет деятельность думской социал-демократической фракции. Наша фракция, отказываясь от участия в так называемой «положительной» законодательной работе, использовала думскую трибуну для того, чтобы вести революционную агитацию в стране. Еще большее значение имела внедумская работа социал-демократической фракции, становившейся организующим центром партийной работы в России. Все это подсказывало нашей партии необходимость активнейшего участия в новой избирательной кампании.

В выборах в Государственную думу принимали участие и большевики и меньшевики. Но в вопросе об избирательной тактике и будущей роли думской фракции линии большевиков и меньшевиков остро сталкивались. Теперь, когда революционная волна переживала новый подъем, разногласия между большевиками и меньшевиками вспыхнули с новой силой.

Вопрос о IV Государственной думе был лишь одним из вопросов текущей партийной работы. Но в нем, как в капле

воды, отразились основные линии политической платформы: с одной стороны, последовательно революционных марксистов-большевиков, а с другой — ренегатов марксизма — меньшевиков, тянувших пролетариат на путь либеральной рабочей политики, т. е. на путь отказа рабочего класса от революционной борьбы.

Еще в январе 1912 г. за полгода до роспуска III Думы, Пражская конференция[4]) нашей партии выработала программу участия в предстоящей избирательной кампании. Конференция признала, что главной задачей партии на выборах, «задачей, которой должны быть подчинены все остальные, являются социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса». Тактическая линия партии на выборах должна быть следующая: «...партия должна вести беспощадную войну против царской монархии и поддерживающих ее партий помещиков и капиталистов, неуклонно разоблачая при этом контрреволюционные взгляды буржуазных либералов (с партией кадетов во главе их) и их фальшивый демократизм. Особое внимание в предвыборной борьбе должно быть уделено отмежеванию позиции партии пролетариата от *всех* непролетарских партий и разъяснению как мелкобуржуазной сущности мнимого социализма демократических (главным образом трудовических, народнических, эсеровских) групп, так и вреда, проистекшего для дела демократии от их колебаний в вопросах последовательной и массовой революционной борьбы».

Избирательную кампанию в Государственную думу большевики рассматривали как возможность более или менее широкой революционной агитации и пропаганды, как один из путей организации рабочих масс. Стремясь провести своих кандидатов, большевики не превращали избирательную борьбу в борьбу только за депутатское место в Думе. Деятельность думской фракции как в стенах Думы, так и вне ее имела крупное революционное значение. Но не меньшее значение имела вся кампания по выборам; поэтому в этой кампании должна была быть сохранена в полной чистоте революционная позиция социал-демократии, не затушеванная и не прикрашенная никакими привходящими соображениями.

Как же рассуждали меньшевики-ликвидаторы.[5]) Оценивая предстоящую избирательную кампанию в IV Думу, они полагали, что на выборах будут бороться только два лагеря— реакционеры и черносотенцы, с одной стороны, и либералы

(намечавшийся в то время блок кадетов, прогрессистов, левых октябристов 6) — с другой. Отсюда они делали и соответствующие выводы, выставляя лозунгом избирательной борьбы необходимость «стремиться выбить реакцию из ее думских позиций», «вырвать Думу из рук реакции» и т. п. По существу эта позиция меньшевиков означала проведение избирательной кампании рука об руку с либералами, союз с контрреволюционной по своей сущности буржуазией, — иначе говоря, сдачи рабочим классом своих революционных позиций.

Расхождения между большевиками и меньшевиками еще с большей яркостью видны при сравнении тех политических платформ, с которыми выступили обе фракции партии в избирательной борьбе. В той же резолюции Пражской конференции большевики следующим образом определяли политическую платформу, которая должна была проводиться на выборах в IV Государственную думу:

«Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах должны явиться: 1) демократическая республика; 2) 8-часовой рабочий день; 3) конфискация всей помещичьей земли. Во всей нашей предвыборной агитации необходимо возможно более наглядное разъяснение этих требований на основании опыта III Думы и всей деятельности правительства как в области центрального управления, так и местного. В неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны пропагандироваться все остальные требования социал-демократической программы-минимум, как то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа и т. д.».

Эти три основных лозунга большевистской партии, получившие впоследствии название «трех китов», формулировали основные требования пролетариата и крестьянства России. Лозунгом «демократическая республика» в решительной форме ставился вопрос о низвержении царизма, хотя бы и прикрашенного куцым думским парламентаризмом. Уже сам по себе этот лозунг разоблачал «конституционные иллюзии» и показывал рабочему классу, что не может быть и речи о каких-либо надеждах на реформаторскую деятельность Государственной думы и возможность улучшения положения рабочего класса, до тех пор пока сохранится существующая форма правления.

Два следующих «кита» формулировали основные экономи-

ческие требования трудящихся. 8-часовой рабочий день был основным требованием экономической борьбы рабочего класса. Почти все стачки и забастовки, число участников которых в это время непрерывно увеличивалось, сопровождались требованием о введении 8-часового рабочего дня. Лозунг — конфискация помещичьих земель—был лозунгом революционного разрешения аграрного вопроса и формулировал требования и настроения стомиллионного русского крестьянства.

Все остальные требования программы-минимум большевики выдвигали именно в связи с этими основными лозунгами, т. е. большевики подчеркивали, что они могут быть разрешены лишь при условии и после осуществления основных требований революционного движения.

Какова же была программа меньшевиков в избирательной кампании? Именно те дополнительные требования, которые выдвигали большевики лишь в связи с основными требованиями революционного движения, меньшевики выставляли как самостоятельные.

Три основных лозунга большевиков меньшевистская платформа подавала в урезанном и затушеванном виде. Вместо «демократическая республика» они говорили: «полновластие народного представительства», вместо «конфискация помещичьих земель» они выдвигали расплывчатое требование «пересмотра аграрного законодательства» и т. п.

Вся платформа меньшевиков носила характер подмены основных лозунгов, под которыми проходила революционная борьба рабочего класса, лозунгами и требованиями, приспособленными к легальному движению.

Избирательный закон, изданный правительством еще к выборам в I Думу, был построен так, что преобладающее большинство в Думе обеспечивалось буржуазии, помещикам, фабрикантам и дворянам. Выборы были многостепенные. От различных групп населения (помещики, крупные собственники в городах, крестьяне, рабочие и т. д.) избирались сперва выборщики, которые уже потом из своей среды выбирали депутатов. В отношении к рабочим и крестьянам эта система была еще более сложной: рабочие выбирали сперва уполномоченных, эти последние избирали выборщиков, и уже затем выборщики участвовали в губернском избирательном собрании. Ко всему тому закон предусматривал различные рогатки по цензу, допуская например к выборам в городе лишь имевших собственную квартиру.

Хитрая избирательная механика, примененная правитель-

ством при выборах в I и II Государственные думы, не дала однако желательного для правительства большинства. В первых двух Думах большинство было оппозиционное, и царскому правительству пришлось распустить их до срока. Законом 3 июня 1907 г. была введена новая система выборов, еще более урезывавшая права избирателей и лишавшая права выборов в Думу новые значительные группы населения.

Закон 3 июня 1907 г., диктаторски проведенный царским министром Столыпиным, знаменовал собой поворот правительственной политики на путь самой черной реакции. Правительство Николая II стремилось как можно скорее дочиста вытравить все следы завоеваний революции 1905 г. Политический курс данного правительства, получивший историческое название «третьеиюньский режим», в первую очередь был направлен против руководителя и главного борца революции 1905 — рабочего класса. Естественно, что и новый закон о выборах в Государственную думу особое внимание обращал на рабочих.

В I и II Думы по всей России рабочие выбирали всего 208 выборщиков — 3,36% всех выборщиков, в то время как кучке помещиков было предоставлено право избирать 1952 выборщика — 31,48%, т. е. почти треть всех выборщиков. Но и это показалось царскому правительству слишком опасным. Новым законом избирательные права рабочих были урезаны вдвое. Число выборщиков от рабочих во всей Европейской России было сведено к 112 человекам (2,13%), а помещикам было предоставлено право избирать около половины всех выборщиков (49,39%).

Составители нового избирательного закона не решились однако совсем отрезать рабочим доступ в Государственную думу. Были выделены по всей России шесть губерний, в которых от рабочих курий было обеспечено избрание по одному депутату. Эти губернии следующие: Петербургская, Московская, Костромская, Владимирская, Харьковская и Екатеринославская. Такие крупные рабочие районы, как Урал, Польша, Кавказ и т., д. были лишены права посылать рабочих депутатов. На эти шесть губерний приходилось всего 34 выборщика, причем они распределялись очень неравномерно. Так, в то время как по Петербургской губернии на 70 уполномоченных приходилось шесть выборщиков, в Харьковской — на 134 уполномоченных было 4 выборщика.

Избирательными правами даже по такой усеченной системе пользовались не все рабочие. Для того чтобы выбирать

уполномоченного, рабочий должен был проработать на данной фабрике или заводе непрерывно не менее шести месяцев. Это, с одной стороны, давало широкое поле для злоупотреблений, а с другой — крайне затрудняло возможность для революционных партий заранее подготовлять желательных кандидатов. В любую минуту администрация могла уволить «подозрительного» кандидата, и, перейди он даже на работу в новое предприятие, он все равно не смог бы принять участие в выборах, а тем самым и быть избранным в уполномоченные.

Несмотря на все эти препятствия и рогатки, выборы по рабочей курии несомненно должны были дать победу представителям левых партий. Не могло быть сомнения в том, что рабочие не отдадут своих голосов либералам, а тем более реакционерам. Иначе обстояло дело на общегородских выборах, в которых также принимало участие значительное количество рабочих, а также приказчики, служащие и ремесленники.

В крупных городах — Петербурге, Москве, Одессе, Риге и Киеве — в выборах по второму городскому разряду участвовали многие тысячи демократических избирателей[1]. Борьба за них шла фактически между социал-демократами и кадетами. И здесь правительство применяло всяческие махинации, чтобы сузить круг избирателей.

Одним из способов сокращения числа избирателей было составление избирательных списков. Хотя правом выборов пользовались все квартиронаниматели, достигшие определенного возраста (25 лет), избирательные списки составлялись только на тех, кто платил квартирный налог, т. е. кто занимал наиболее дорогие квартиры. Вся же остальная масса квартиронанимателей, а также другие группы населения, вроде пенсионеров, должны были сами подавать личные заявления о включении их в число избирателей. Но избирателям, подававшим заявления, приходилось проходить через столько полицейских мытарств, что пропадала всякая охота участвовать в выборах. Прежде всего нужно было получить удостоверение от полиции, которая всячески тормозила выдачу. Приходилось ходить по пяти-шести раз к «господину приставу», и в результате можно было получить такое

---

[1] Городские избиратели делились на два разряда — первый, к которому была отнесена крупная буржуазия, и второй, в который входили квартиронаниматели, чиновники, служащие, приказчики и т. д.

удостоверение, которое затем признавалось на выборах неправильным и недействительным. Избирателя обманывали, говорили, что он уже пропустил срок, а пока он доискивался правды, срок действительно оказывался пропущенным. Словом, применялись самые разнообразные ухищрения, чтобы лишить избирателя его права участвовать в выборах.

Другим способом сокращения числа избирателей были знаменитые «разъяснения». Не говоря уже о «разъяснениях», т. е. о лишении избирательных прав под тем или другим предлогом отдельных, неугодных правительству кандидатов, «разъяснялись» целые группы населения. Одним росчерком пера были лишены права участвовать в выборах в IV Думу почти 95% евреев, живущих вне черты оседлости 7) и пользовавшихся так называемым «условным» правом жительства.

«Разъясняли» конечно не только евреев. Каждый губернатор действовал по своему разумению, каждый пристав по своему толковал избирательный закон.

Царское правительство во время выборов в IV Думу повторило проделанный уже им «удачный» опыт избирательной борьбы перед предыдущей Думой.

Сразу же после роспуска III Думы при министерстве внутренних дел был образован специальный избирательный аппарат, изобретавший поправки и дополнения к избирательному закону, обеспечивавшие правительству большинство. В одних губерниях создавались специальные курии духовенства, в других, где это было выгодно, духовенство присоединялось к помещикам. Вообще попы играли большую роль на выборах в Думу, — во всех Думах было значительное количество депутатов в рясах. Армией попов командовал синод. Синод давал попам инструкции — не только как улавливать души прихожан, но и как собирать их голоса на выборах.

На окраинах с преобладающим так называемым «инородческим» населением, среди которого оппозиционные настроения к правительству были достаточно сильны, создавались самостоятельные русские курии, т. е. выделялось в отдельные группы чиновничество, получавшее право избрания выборщиков иногда в большем количестве, чем все коренное население района. Правительственный аппарат работал полным ходом.

При такой системе выборы по городским куриям, в которых участвовало значительное количество обывательски настроен-

ных масс, в отдельных случаях могли дать и черносотенных кандидатов. Поэтому и избирательная тактика нашей партии на общегородских выборах была отличной от тактики на выборах в рабочих куриях.

Большевики считали необходимым в рабочей курии повсюду выставлять своих кандидатов и не допускать здесь никаких соглашений с другими партиями или группами, в том числе и с меньшевиками-ликвидаторами. Что же касается так называемой «второй курии городских избирателей» (первая курия избирателей состояла из крупных собственников, и там демократические кандидаты ни в коем случае не могли пройти) и выборов от волостных обществ, то и здесь считалось необходимым выставление самостоятельных социал-демократических кандидатур, так как уже одно это имело большое агитационное значение. Однако, в порядке страховки от победы реакционных кандидатов, большевики признавали возможность на перебаллотировках, при избрании выборщиков от второй курии городских избирателей, заключать соглашения с буржуазной демократией (трудовики и т. п.) против либералов, а затем с либералами против всех правительственных партий. В пяти же крупных городах, в которых существовали прямые выборы с перебаллотировками, выставление самостоятельных социал-демократических кандидатов признавалось обязательным, причем, ввиду явного отсутствия черносотенной опасности, мы не должны были итти ни на какие соглашения с либеральной буржуазией. Резолюция Пражской конференции, предусматривавшая всю эту избирательную тактику, подчеркивала, что «никакие избирательные соглашения не могут относиться к выставлению общей платформы и не должны ни связывать социал-демократических кандидатов какими бы то ни было политическими обязательствами, ни останавливать социал-демократов в деле решительной критики контрреволюционности либералов и половинчатости и непоследовательности буржуазных демократов». Соглашения, которые допускались большевиками при перебаллотировках, таким образом отнюдь не носили характера блока политических партий.

Основная трудность борьбы на выборах состояла в том, что наша партия была на нелегальном положении и находилась под непосредственным непрерывным обстрелом царской полиции и охранки. Избирательную кампанию приходилось организовывать из подполья под угрозой ежедневных разгромов, арестов и высылок.

Меньшевики были в лучшем положении и потому, что выступали с урезанными, приспособленными к легальным возможностям требованиями, и потому, что располагали большими литературными силами. Лидеры меньшевиков — Дан, Потресов и др. — жили в Петербурге легально, открыто сотрудничали в печати, тогда как вся руководящая головка большевистской партии либо находилась в ссылке и по тюрьмам, либо вынуждена была скрываться в эмиграции. Все же надо сказать, что во время выборов в IV Думу большевики имели в руках одно сильное орудие, которого не было у них в предыдущие избирательные кампании. Этим орудием была газета «Правда».

«Правда», созданная за несколько месяцев перед выборами по инициативе Ленина и при ближайшем участии Сталина, сыграла огромную роль в избирательной борьбе. На страницах газеты, являвшейся рупором передовых революционных рабочих, большевистская партия одновременно боролась и с ликвидаторством, и с влиянием либеральной буржуазии, и с бесформенной «беспартийной» позицией, вредной для рабочего движения.

Страницы «Правды», начиная с июня 1912 г., стали наполняться статьями, заметками, корреспонденциями и сообщениями о предстоящих выборах. Большую кампанию «Правда» провела против абсентеизма [1] городского демократического избирателя, призывая его во-время озаботиться о своих правах и заранее проделать все необходимые формальности. Из номера в номер газета призывала избирателей следить за тем, чтобы их фамилии не были пропущены в избирательных списках, для чего им надо было подавать в избирательную комиссию соответствующие заявления. «Правда» обратилась с призывом к своим читателям, чтобы каждый из них привлек не менее трех избирателей из своих товарищей по станку или из своих соседей по квартире.

Еще большую роль сыграла «Правда» в подготовке выборов по рабочей курии. В то время как для общегородских выборов некоторое значение имели предвыборные собрания, сопровождавшиеся конечно сильным полицейским нажимом, — в рабочей курии этого орудия избирательной борьбы не было. Закон запрещал предвыборные собрания среди рабочих. При таком положении агитация «Правды» приобретала особенно большое значение.

---

[1] *Абсентеизм* (от лат.—отсутствие) Уклонение лиц, имеющих избирательное право, от участия в выборах.

ГЛАВА II

Выборы в Петербурге

Избирательная кампания в Петербурге. — Вторая стадия выборов. — Избирательный съезд. — Кассация выборов от крупнейших фабрик и заводов. — Забастовка и демонстрация против отмены выборов. — Вторичные выборы. — Принятие большевистского наказа. — Выборы депутатов.

Выборы уполномоченных на фабриках и заводах должны были состояться в начале осени 1912 г.; но уже в течение всех летних месяцев шла подготовка и агитация среди петербургских рабочих.

Придавая исключительное значение результатам выборов в Петербурге, Центральный комитет дал директивы Петербургской организации как можно шире развернуть свою работу, мобилизовать для выборной кампании все партийные силы. Петербургский комитет был пополнен рядом товарищей, представителей от районных организаций.

Для непосредственного руководства выборами из ПК была выделена Центральная избирательная комиссия, члены которой распределили весь город между собой по участкам.

В конце лета в Петербург приехал т. Сталин. Только что бежавший из нарымской ссылки (пятой ссылки по счету) т. Сталин принял на себя руководство всей избирательной борьбой нашей партии.

Фактическим центром и штабом избирательной кампании большевиков была редакция «Правды». Здесь кипела неустанная ежедневная работа. Помещение редакции служило местом встреч и собраний с представителями районов и отдельных фабрик и заводов. Одновременно начались нелегальные предвыборные собрания по районам.

При непрерывной слежке со стороны полиции за каждым «подозрительным» рабочим нам приходилось прибегать к самым разнообразным ухищрениям, чтобы собираться хотя бы небольшими группами. Обычно, чтобы не привлекать внимания полиции, созывались немногочисленные собрания, не больше 10 — 20 человек. Помогало летнее время. Под видом прогулки за город группы рабочих отправлялись в пригороды, большей частью за Охту, и забирались в глубину леса. Лес был лучшим убежищем от полицейских шпиков; дальше опушки, в чащу леса, сыщики не рисковали итти: во-первых, там легко было от них ускользнуть,

а во-вторых, шпики побаивались расправы в глухом, уединенном месте.

На собраниях шли горячие споры с ликвидаторами. Наша партия призывала рабочих итти на выборы под основными «неурезанными» лозунгами и выбирать в уполномоченные исключительно большевиков. Ликвидаторы не переставали твердить об «единстве», необходимости выступить единым фронтом, бросить фракционные споры и конечно выбирать их кандидатов.

Кое-где появлялись и эсеры, настаивавшие на бойкоте выборов. Но их бойкотистские предложения не имели никакого успеха в рабочей массе. Основные споры на всех рабочих собраниях шли по линии борьбы ликвидаторов и большевиков.

К концу лета на «лесных» собраниях началось обсуждение будущих кандидатов в уполномоченные. Для успеха избирательной борьбы надо было, чтобы немедленно затем следовала агитация за будущего кандидата среди всей массы рабочих данной фабрики или завода. Однако этой возможности мы были лишены: будущий кандидат в уполномоченные, как только его имя стало бы широко известным, наверняка был обречен на арест. Не был в безопасности уполномоченный даже после выборов, кандидат же в уполномоченные автоматически должен был попасть в полицейскую ловушку. Поэтому имена намеченных кандидатов держались в тайне и сообщались рабочим только в момент самих выборов.

Какие политические партии боролись на выборах этих уполномоченных? Черная сотня, представленная «союзом русского народа», [8]) «союзом Михаила архангела» [9]) и тому подобными махрово-черносотенными организациями, боялась и нос высунуть на фабриках и заводах. Никаких шансов среди рабочих не имели и партии либеральной буржуазии. Кадеты, хотя на словах и утверждали, что они защищают интересы рабочих, однако хорошо понимали, что рабочие голосовать за них не будут. На фабриках и заводах кадетам делать было нечего. Вся масса рабочих прекрасно знала, какого рода защиту может она ожидать от буржуазных партий, руководимых злейшими врагами пролетариата — промышленниками и купцами. Кадеты, хотя и не решались агитировать за своих кандидатов, но не смогли удержаться от попытки помешать избирательной кампании социал-демократов. В последние дни перед выборами они распространили слухи, что социал-демократы бойкотируют Думу. Это была старая

ложь, которой кадеты пользовались и в предыдущие избирательные кампании.

При полном отсутствии каких-либо шансов у правых и либералов, с одной стороны, и при бойкоте Думы эсерами [10]) с другой фактически на выборах по рабочей курии борьба шла исключительно между большевиками и меньшевиками. Но одновременно необходимо было опасаться возможности выборов каких-либо случайных кандидатов, шедших под флагом беспартийности, могущих впоследствии сыграть какую-либо роль при избрании выборщиков. У таких «беспартийных» обычным доводом против кандидатов партии было то, что, мол, «не следует итти на поводу какой-либо партии, а надо выбирать просто честных и известных рабочим людей».

Большевики вели упорную агитацию против такой точки зрения, разъясняли вред ее для рабочего класса, указывая на то, что беспартийные — это люди без твердых убеждений, без принципов, что они очень легко могут пойти по неправильному пути. Действительное представительство рабочего класса может быть осуществлено только членами партии, которая имеет свою платформу, свою программу и руководит своими представителями.

Избирательная борьба проходила под общим руководством Ленина. Из Кракова (Галиция), где в это время находился Центральный комитет нашей партии, Ленин посылал в «Правду» статьи, заметки, корреспонденции, посвященные выборам, пользуясь всеми доступными конспиративной технике путями, и присылал директивные указания партийным работникам. Петербургская организация под руководством т. Сталина практически проводила эти указания в жизнь, развернув горячий бой за большевистскую платформу избирательной кампании.

Чем ближе подходил день выборов, тем жарче разгоралась борьба. Точный день выборов заранее не был известен: это тоже был один из избирательных фокусов правительства, которое неожиданным назначением дня избирательных собраний старалось лишить рабочих возможности провести необходимую подготовку и уменьшить число фактических избирателей.

В Петербурге выборы уполномоченных по рабочей курии были назначены на воскресенье 16 сентября. Между тем о дне выборов рабочие узнали только в пятницу 14 сентября, а на некоторых предприятиях даже в субботу. На Семянниковском же заводе объявление о выборах было вывешено как

раз во время трехдневного заводского праздника, т. е. тогда, когда никого из рабочих на заводе не было.

Ко дню выборов большевики и меньшевики мобилизовали все свои силы. Призывая голосовать за большевиков, «Правда» 16 сентября, в день самых выборов, писала:

«Выборы по рабочей курии в Петербургской и Московской губерниях будут иметь огромное значение для пролетариата всей России, ибо здесь больше всего сознательных передовых рабочих. Сплотившись на выборах уполномоченных, пролетариат сможет и дальше также дружно работать для осуществления великих задач, стоящих перед рабочим классом в настоящий момент. Смешно конечно и думать о кандидатурах каких-нибудь черносотенцев или кадетов среди рабочих. Но не должны пройти и «беспартийные», т. е. люди без руля и без ветрил. Не отдадут своих голосов рабочие и тем колеблющимся, нетвердым рабочим-демократам, которые плохо верят в силы самого рабочего класса и готовы итти на уступки и соглашения с либеральной буржуазией. У рабочих есть надежная путеводная звезда — это идеалы последовательной рабочей демократии. За нею шел всегда рабочий класс за нею пойдет он и теперь Товарищи-рабочие! Выбирайте достойных представителей, убежденных и последовательных рабочих-демократов».

Неменьшую подготовку вели меньшевики. Ко дню 16 сентября они приурочили выпуск первого номера своей газеты «Луч», которая была полна нападок на большевиков и призывала голосовать за меньшевистских кандидатов. «Луч» прикрывался фальшивыми призывами к единению и вместе с тем сеял рознь в рабочем движении, обвиняя «Правду» и большевиков в раскольничестве и прочих смертных грехах.

Выборы происходили в воскресный день одновременно на всех заводах и фабриках. Помещения для выборных собраний по закону должны были предоставляться фабрично-заводской администрацией. Но даже и это требование закона нарушалось. На одном из крупнейших в Петербурге заводов, Обуховском, выборы не могли состояться, так как в назначенное время все помещения завода оказались на запоре. На Ижорском заводе хотя помещение для выборов и было предоставлено, но впуск в него был ограничен всего 15 минутами. После этого калитка была наглухо закрыта, и подошедшие позже рабочие были лишены таким образом избирательного права. Еще проще поступила администрация завода Сименс-Гальске, Международного общества спальных вагонов и

ряда других предприятий, в особенности находившихся за чертой города. Рабочие этих заводов не были внесены администрацией в список избирателей по рабочей курии. Когда рабочие узнали об этом и подали заявления с протестами в избирательную комиссию, там им заявили, что уже поздно и восстановить их права комиссия не может.

Целый ряд мер принимался и для того, чтобы выборные собрания прошли «соответствующим образом». Кое-где полиция произвела аресты кандидатов в уполномоченные и наиболее активных революционно-настроенных рабочих. По закону на самих собраниях посторонние лица, в том числе заводская администрация и полиция, не имели права присутствовать. Зато около здания заводов были расположены сильные наряды полиции, убедительным образом свидетельствовавшие о полицейском нажиме. Для того чтобы сохранить повод для отмены выборов, на некоторых заводах администрация не дала списков рабочих, имеющих избирательный стаж. На Путиловском заводе администрация в самый момент выборов начала делить цехи на отдельные группы, заявив, что ремонтные рабочие должны выбирать отдельно, плотники отдельно, маляры отдельно и т. п.

Эти несколько примеров, — а их можно было привести еще много, — показывают, в какой обстановке проходили выборы уполномоченных в Петербурге. Фабрично-заводская администрация всюду деятельно помогала правительству урезывать избирательные права рабочих; неправильное составление списков, непредоставление помещения для собраний, «15-минутный» впуск на завод, — все это было рассчитано на то, чтобы уменьшить число участников избирательных собраний и не дать возможности превратить выборы в политическую демонстрацию. Эти средства не достигли однако своей цели. Не говоря уже о том, что выборы по рабочей курии не дали ни одного либерального или черносотенного кандидата, почти все избирательные собрания сопровождались выступлениями рабочих, принимавших резолюции по основным, волновавшим в то время рабочие массы, вопросам. Почти всюду рабочие принимали резолюции протеста против недопущения представителей профессиональных союзов на съезд фабричных инспекторов и резолюции с требованием немедленного созыва съезда для выборов в страховой совет. Рядом с ними принимались резолюции и общеполитического характера. Таким образом выборы уполномоченных от рабочих показали, что питерский пролетариат стоит на революционной позиции.

Выборы в вагонных мастерских Николаевской железной дороги, где я в то время работал, прошли приблизительно в таких же условиях, как и на других петербургских фабриках и заводах. Наш завод, на котором работало около 3 тыс. человек, издавна отличался революционными настроениями. Избирательное собрание на нашем заводе состоялось в Яме, — так называлась одна из мастерских нашего завода, вмещавшая до 10 тыс. человек. В этом помещении, сыгравшем историческую роль, устраивались огромнейшие митинги всего района как в первую революцию, в 1905 г., так и впоследствии. Избирательное собрание открылось общим докладом о выборах. После доклада начались прения о задачах избирательной кампании, о Государственной думе, участии в выборах рабочих и т. д.

Уже за несколько месяцев, в середине лета, мне стало известно, что партийной организацией намечается моя кандидатура. По мере приближения выборов вопрос о кандидатах стал горячо обсуждаться в цехах и мастерских завода. По прошлой моей работе меня хорошо знала вся заводская масса, поэтому кандидатура встречала общую поддержку, и было ясно, что на выборах она пройдет подавляющим большинством. Вторым кандидатом от большевиков был т. Мельников. Кроме нас были выставлены кандидаты и от меньшевиков, назывались и беспартийные.

О кандидатах спорили горячо, собрание обсудило кандидатуру каждого в отдельности. Помимо политической платформы говорили и о личных качествах, об активности кандидата, об его авторитете на заводе, о стойкости и т. п. Выборы производились тайным голосованием. Когда подсчитали поданные записки, выяснилось, что моя кандидатура прошла единогласно. Прошел в уполномоченные и второй наш кандидат т. Мельников. Остальные кандидаты получили всего по 2—3 голоса.

Избранные по рабочей курии от Петербурга около 80 уполномоченных в огромном своем большинстве прошли как социал-демократы. Многие из них имели за собой революционное прошлое, подвергались преследованиям полиции, были под судом, в ссылке и т. д. Некоторые из них однако еще недостаточно определились и колебались между большевиками и меньшевиками. Таким образом неясно было, кого даст вторая стадия выборов от рабочей курии (избрание выборщиков), состав которых предопределял и будущего депутата.

И меньшевики и большевики начали усиленную агитацию

среди уполномоченных, стараясь перетянуть на свою сторону тех, кто колебался. Избирательная борьба за кандидатов в выборщики была еще более горячей, чем на выборах уполномоченных. Закон о выборах в Государственную думу и здесь ставил ряд препятствий. Предвыборные собрания уполномоченных не допускались. Все попытки устроить под каким-либо флагом такие собрания пресекались полицией, которая зорко следила за тем, чтобы избранные от рабочих уполномоченные не общались друг с другом.

Поэтому и во второй стадии избирательной кампании огромную роль играла агитация печати. «Правда» и меньшевистский «Луч» усиленно агитировали, призывая уполномоченных голосовать за своих кандидатов. Полемика между «Правдой» и «Лучом» перед избранием выборщиков была еще более ожесточенной, чем во время выборов уполномоченных. Большевики и меньшевики мобилизовали весь арсенал своих доводов.

Меньшевики-ликвидаторы главным своим аргументом против большевиков выставляли обвинение последних в нарушении единства рабочего класса. Этим «единством» меньшевики прикрывали свои попытки не допустить среди уполномоченных обсуждения политических программ обеих фракций. Постановки вопроса о революционной программе ликвидаторы боялись больше всего, так как они заранее знали, что по этой линии они будут биты. Заметая следы, они всячески обходили обсуждение политической платформы, взамен которой на все лады твердили о «соглашении», «единстве» и «персональных кандидатурах».

«Лишь соглашение между социал-демократическими организациями, — писал «Луч», — а если оно не осуществится — между социал-демократическими уполномоченными в целях единого выступления на съезде уполномоченных и для избрания из числа социал-демократических уполномоченных — без различия оттенков — наиболее стойких, достойных и качественно подходящих выборщиков и депутатов — есть единственный выход из трудного положения».

Этот выход был «единственным» для меньшевиков, так как под флагом «наиболее стойких, достойных и качественно подходящих» можно было провести кого угодно, человека с любой политической платформой, а значит и меньшевика, даже при том условии, если меньшевики не окажутся среди уполномоченных в большинстве.

«Правда», разоблачая меньшевиков, писала, что не следует

бояться борьбы внутри рабочего класса, что эта борьба не нарушит единства, а, наоборот, укрепит его в будущем. «Эта борьба неизбежна, ибо рабочие должны решить, какой тактики будет держаться социал-демократическая фракция в Государственной думе. Эта борьба, — мы особенно подчеркиваем, — ни капельки не ослабит единства рабочего класса, ибо речь идет только о выборе того или другого уполномоченного в выборщики. Рабочие должны и будут действовать едино, но именно ради этого единства пролетариата необходимо, чтобы депутат от рабочих представлял взгляды большинства, а не меньшинства рабочих».

Для того чтобы узнать, на чьей стороне большинство, большевики предлагали выяснить голосованием число сторонников обеих политических платформ, предварительно обсудив их на собрании уполномоченных. Вопрос о платформе тесно был связан с подчинением большинству, а этого как раз и не хотели меньшевики-ликвидаторы, опасавшиеся, что результаты обсуждения сложатся не в их пользу.

Большевистская постановка вопроса об избрании выборщиков таким образом сводилась к борьбе политических программ, определявших тактику будущей социал-демократической фракции в Государственной думе, тогда как меньшевики пытались победить в этой борьбе, выдвигая личное начало, т. е. личные качества отдельных кандидатов.

Споры между большевиками и меньшевиками приняли ожесточенный характер. Эти споры шли как в верхушках партийных организаций, так и в низах — на фабриках и заводах и среди самих уполномоченных.

За неделю до избрания выборщиков состоялось нелегальное собрание уполномоченных в лесу в двух-трех верстах от ст. Пороховые. На собрании присутствовало человек тридцать уполномоченных и несколько представителей от большевистского ПК и от Организационного комитета меньшевиков. Квалифицированный состав собрания давал возможность поставить вопрос во всей его резкости. Бой шел в открытую. Большевики доказывали необходимость избрания выборщиками тех товарищей, которые будут выполнять программу партии и подчиняться партийным директивам; ликвидаторы настаивали на своем: необходимо-де, во избежание партийного раскола, выбирать известных лиц, независимо от того, какой платформы они придерживаются.

От большевистского ПК выступил т. Лашевич. С присущей ему горячностью он заявил: «Мы сорвем с вас

маски, которыми вы прикрываетесь, мы покажем рабочим, что скрывается за вашими фальшивыми фразами об «единстве».

Собрание, продолжавшееся более пяти часов, протекало в чрезвычайно бурных спорах. Хотя наша резолюция и прошла абсолютным большинством, собрав две трети голосов присутствовавших уполномоченных, но ликвидаторы отказались ей подчиниться.

Все попытки добиться какого-либо соглашения не привели ни к каким результатам. И та и другая сторона выдвигали различные предложения, но эти предложения категорически отвергались противниками. Параллельно с переговорами об установлении какой-либо единой линии шла индивидуальная обработка отдельных уполномоченных.

В последний день перед избирательным съездом уполномоченных меньшевики выступили с угрозой раскола, если не будут приняты их предложения. «Луч» писал, что если не будет достигнуто соглашение при избрании выборщиков, меньшевики выставят самостоятельных параллельных кандидатов и по второй курии Петербурга. Конечно эта угроза не могла сколько-нибудь повлиять на наше решение.

Съезд уполномоченных по рабочей курии состоялся 5 октября. Как и в первой стадии выборов, правительство применило испытанный прием, опубликовав сообщение о выборах накануне, т. е. за несколько часов до собрания уполномоченных. Такая скоропалительность уже сама по себе была направлена к срыву избирательного съезда; но на этот раз готовили новый сюрприз. Одновременно с назначением избирательного съезда были «разъяснены» уполномоченные целого ряда фабрик и заводов. 4 октября, т. е. накануне избирательного съезда, рабочим 21 фабрик и заводов было сообщено, что выборы уполномоченных признаны недействительными. Наконец, на самом избирательном съезде, по экстренному уведомлению губернатора, «разъяснили» уполномоченных еще 8 предприятий Шлиссельбургского уезда. В число «разъясненных» попали крупнейшие заводы, как Путиловский, избравший 9 уполномоченных, Невский судостроительный, пославший 3 уполномоченных, и т. д.

Избирательному съезду предстояло выбрать шесть выборщиков. Меньшевики и большевики выставили своих кандидатов. В «Правде» крупными буквами на первой странице был помещен следующий призыв к уполномоченным:

«Сегодня выборы выборщиков по рабочей курии С.-Петер-

И. В. Сталин. 1915 г.

А. Е. Бадаев.

бургской губернии. Товарищи уполномоченные! Выбирайте последовательных и стойких рабочих-демократов!

Голосуйте за социал-демократов: Леонида Федоровича Егорова — Сестрорецкий завод, Якова Ивановича Иванова — Охтенский завод взрывчатых веществ, Михаила Ивановича Зайцева — фабрика Паля, Петра Игнатьева — Охтенский пороховой завод, Василия Ильича Егорова — Ижорский завод, Алексея Егоровича Бадаева — Главные вагонные мастерские Николаевской железной дороги.[1] Этот список, заготовленный заранее, для того чтобы не подвергнуть аресту кандидатов, был опубликован только в день самих выборов.

Выборы происходили в здании петербургской городской думы. Начало избирательного съезда было назначено в 12 часов дня, но большинство уполномоченных собралось уже за час до срока. Знакомясь друг с другом, мы старались выяснить, кто стоит на нашей позиции и кто будет голосовать за меньшевиков.

Официальным председателем съезда по назначению правительства был товарищ петербургского городского головы Демкин, махровый черносотенец, который, выполняя добросовестно свой полицейский долг, старался как можно больше урезать и без того урезанные выборы. На предварительное совещание для выяснения списка кандидатов Демкин предоставил только один час.

Среди пятидесяти уполномоченных беспартийных было всего 5 — 6 человек, остальные — социал-демократы: большевики и меньшевики. Совещание, ограниченное только узким составом уполномоченных, было последним этапом борьбы, которая велась в предыдущие недели. Теперь предстояло уже окончательно установить, кого выбирать. Поэтому споры и прения на совещании приняли исключительно страстный и бурный характер. Каждая группа явилась со своим списком, со своим решением; не могло быть и речи, чтобы кто-нибудь уступил. Выступления имели целью перетянуть на свою сторону только тех уполномоченных, которые почему-либо еще окончательно не определились, не решили точно, за кого голосовать. Выступали преимущественно кандидаты, намеченные партией: от нас Зайцев, Игнатьев, Егоров и я, от меньшевиков Петров и еще 2 — 3 человека.

Несмотря на противодействие ликвидаторов, мы все же настояли на том, чтобы приступить к обсуждению изби-

[1] «Правда» № 135 от 5 октября 1912 г.

рательных платформ. Первым говорил представитель меньшевиков; когда же после него начал излагать избирательную платформу один из кандидатов-большевиков, в зал явился Демкин и прервал совещание, предложив перейти к самим выборам.

В зале были установлены избирательные урны по числу уполномоченных; на каждой была прикреплена карточка с фамилией уполномоченного. Баллотировка производилась тайным голосованием — шарами. Прошло более часа, пока все шары были положены и процедура выборов закончилась. Начался подсчет поданных голосов. Результаты выборов оказались следующие: Судаков П. И. (завод Крейтон) — 41 голос, Петров Н. П. (Ижорский завод)—27 голосов, Игнатьев П. (Охтенский пороховой завод) — 33 голоса, Зайцев М. И. (фабрика Паля) — 32 голоса, Бадаев А. Е. (Вагонные мастерские Николаевской железной дороги) — 31 голос, Егоров Л. Ф. (Сестрорецкий завод) — 26 голосов. Все избранные были социал-демократы, причем большевиков по предложенному «Правдой» списку прошло четверо.

Обстановка, в которой прошел избирательный съезд, вместе со скоропалительными «разъяснениями» уполномоченных почти от половины фабрик и заводов не могли не вызвать взрыва негодования среди рабочих Петербурга. Издевательство правительства зашло слишком далеко, — питерские рабочие ответили на него мощным движением протеста.

Первым выступил Путиловский завод. В день самих выборов, 5 октября, после обеда, рабочие, не приступая к работе, собрались по мастерским и объявили забастовку. Бастовал весь завод — около 14 тыс. человек. В 3 часа дня несколько тысяч рабочих вышли из завода и с пением революционных песен направились к Нарвским воротам, но были рассеяны полицией. За Путиловским заводом последовал Невский судостроительный, 6 500 рабочих которого устроили митинг и политическую демонстрацию. К ним присоединились рабочие фабрики Паля, фабрики Максвелля, столярной фабрики Алексеева и т. д. В следующие дни к забастовке примкнули заводы Эриксон, Леснер, Гейслер, «Вулкан», Дюфлон, Лангезиппен, «Феникс», фабрики Чешера, Бека, Лебедева и др.

Забастовка распространилась по всем районам Петербурга. В ней участвовали не только заводы, на которых выборы уполномоченных были отменены, но и те, где уполномоченные не были «разъяснены». Забастовки сопровождались митингами и демонстрациями. На некоторых заводах рабочие

к протесту против кассации выборов присоединили протест против преследования профессиональных союзов. Забастовка носила исключительно политический характер, — никаких экономических требований не было выставлено. В течение 10 дней забастовочное движение протеста против кассаций выборов уполномоченных охватило 70 тыс. человек. Движение это показало, что рабочие не хотят уступать своих избирательных прав и понимают, какое исключительное значение имеют для них выборы и будущая работа рабочих депутатов в Государственной думе.

Забастовочная волна росла до того момента, пока правительство, увидев, что изъять рабочих избирателей не так-то легко, не назначило новые выборы уполномоченных на «разъясненных» предприятиях. В список предприятий были внесены многие заводы и фабрики, не участвовавшие ранее в выборах уполномоченных. В связи с этим были кассированы и выборы выборщиков, которые должны были состояться вновь после доизбрания уполномоченных. Это было крупной победой рабочего класса, которая демонстрировала высокую революционную сознательность пролетариата Петербурга.

Дополнительные выборы уполномоченных свыше чем на 20 предприятиях были назначены на воскресенье 14 октября. Как и перед первыми выборами, «Правда» и наша партийная организация развили усиленную агитационную кампанию, призывая рабочих голосовать за большевистских кандидатов. Выборы происходили в обстановке все продолжавшейся забастовки протеста против лишения избирательных прав рабочих. Собрания на фабриках и заводах отличались большим революционным подъемом и еще более повысившимся интересом к избирательной кампании.

На собраниях выступали десятки ораторов — и меньшевиков и большевиков. На ряде заводов на летучих собраниях выступал т. Сталин, только что бежавший из Нарыма, куда он был сослан на несколько лет. Тов. Сталин проживал в Петербурге нелегально. Естественно поэтому, с каким огромным риском были связаны его выступления. Рабочие организации и сами рабочие принимали меры к тому, чтобы оградить т. Сталина от преследовавшей его по пятам полиции.

На «разъясненных» предприятиях в большинстве случаев прошли те же уполномоченные, но на этот раз их снабжали наказом. Почти всюду принимался наказ, выработанный большевиками. Характерно, что наш наказ был принят даже на некоторых предприятиях, где были избраны меньшевики.

*

На Семянниковском заводе, избравшем одного большевика и двух меньшевиков, последние попытались внести к нашему наказу «поправку», заключавшую в себе один из меньшевистских лозунгов о свободе коалиций. Эта поправка была отвергнута подавляющим большинством, принявшим проект наказа без всяких изменений.

Большевистский наказ принимали и те фабрики и заводы, где были утверждены первые выборы уполномоченных. Под наказом были собраны многочисленные подписи рабочих.

Сразу же после окончания выборов уполномоченных был назначен избирательный съезд, на котором снова должны были быть избраны 6 выборщиков по рабочей курии. И на этот раз перед избирательным съездом не удалось договориться об едином списке кандидатов в выборщики. Переговоры, которые велись между обеими партийными организациями, носили такой же характер, как и раньше. И меньшевики и большевики твердо стояли на своих прежних позициях, отказываясь вступить друг с другом в какие-либо соглашения.

Список кандидатов, выдвинутых большевистской партией, был в основном почти тот же, что и на первых выборах. На первой странице «Правды» крупными буквами было напечатано новое обращение нашей организации:

«Сегодня выборы выборщиков по рабочей курии С.-Петербургской губернии.

Товарищи уполномоченные! Выбирайте последовательных[11]) и стойких социал-демократов.

Голосуйте только за следующих товарищей: Егорова Леонида Федоровича — Сестрорецкий завод; Иванова Николая Ивановича — Невский судостроительный завод; Зайцева Михаила Ивановича — фабрика Паля; Игнатьева Петра Игнатьевича — Охтенский пороховой завод; Бадаева Алексея Егоровича — Главные вагонные мастерские Николаевской железной дороги; Костюкова Анисима Федоровича — Путиловский завод».

На второй избирательный съезд, состоявшийся 17 октября, явилось почти в два раза больше уполномоченных, чем на первый. В зале городской думы собралось свыше 80 уполномоченных. Забастовки и митинги протеста петербургских рабочих видимо произвели впечатление и на Демкина. Он уже не ограничивал времени предварительного совещания, продолжавшегося свыше четырех часов. С новой силой разгорелись жаркие споры между большевиками и ликвидато-

рами. В связи с обсуждением избирательных платформ борьба развернулась по всей линии революционных задач, стоявших перед рабочим классом.

Считая необходимым использовать выборы для политической демонстрации, уполномоченные в конце совещания вынесли ряд резолюций по основным политическим вопросам: резолюцию протеста против происходившей в это время балканской войны; резолюцию, обязывавшую будущего депутата возбудить вновь вопрос о пересмотре дела втородумцев; резолюцию протеста против суда над черноморскими матросами. В обращении к избирателям второй городской курии собрание уполномоченных призывало их голосовать за кандидатов социал-демократической партии как «единственно стойкой революционной и бесстрашной защитницы народных интересов, как единственно непримиримого борца против политического бесправия во имя полной свободы и неурезанных прав народа».

В конце совещания единогласно был принят предложенный большевиками «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

Наказ был написан т. Сталиным. По существу наказ представлял собой в сжатом виде политическую платформу нашей партии и излагал, применительно к легальным возможностям его опубликования, основные революционные требования рабочего класса. Утвержденный Петербургским комитетом, наказ, как я уже говорил, был раньше принят на ряде заводских собраний по выборам уполномоченных и сыграл крупнейшую роль в избирательной борьбе.

Указывая на всю важность использования думской трибуны для революционной агитации, наказ обязывал как петербургского депутата, так и всю социал-демократическую фракцию бороться за «неурезанные» требования рабочего класса. Следующий текст наказа был принят уполномоченными полностью, без всяких дополнений и поправок:

«Выдвинутые движением 1905 г. требования русского народа остались неразрешенными.

Развитие реакции и «обновленного строя» не только не удовлетворило этих требований, а, наоборот, еще больше обострило их.

Рабочие часто лишены возможности не только бастовать, — ибо нет гарантии, что в них за это не будут стрелять; не только устраивать союзы и собрания, — ибо нет гарантии, что за это не арестуют; но и выбирать в Думу, так как их все равно «разъяснят» или вышлют: ведь «разъяснили» же на-днях путиловцев и рабочих с Невского судостроительного завода.

Мы не говорим уже о голодающем десятками миллионов крестьянстве, отданном на произвол помещиков и земских начальников.

Все это говорит о необходимости удовлетворения требований 1905 г.

Состояние же экономической жизни России, уже появляющиеся признаки будущего промышленного кризиса и все усиливающееся обнищание широких слоев крестьянства делают необходимость разрешения задач 1905 г. настоятельной.

Поэтому мы думаем, что Россия живет накануне грядущих массовых движений, быть может более глубоких, чем в 1905 г. Об этом свидетельствуют ленские выступления, забастовки-протесты против «разъяснений» и т. д.

Застрельщиком этих движений будет, как и в 1905 г., наиболее передовой класс русского общества, русский пролетариат.

Союзником же его может быть лишь многострадальное крестьянство, кровно заинтересованное в раскрепощении России.

Борьба на два фронта, — с феодально-крепостническими порядками и с либеральной буржуазией, ищущей союза со старой властью, — вот какую форму должны принять будущие выступления народа.

И борьба эта будет победоносна лишь постольку, поскольку рабочий класс будет выступать во главе народного движения.

Но чтобы рабочий класс мог с честью выполнить роль вождя народного движения, он должен быть вооружен сознанием своих интересов и большой организованностью.

Думская трибуна и является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого мы и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей социал-демократической фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в Государственной думе.

Мы бы хотели, чтобы социал-демократическая фракция IV Думы и наш депутат в частности высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере черной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов социал-демократической фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях 1905 г., о русском рабочем классе как вожде народного движения, о крестьянстве как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе, на почве вышеупомянутых лозунгов, социал-демократическая фракция IV Думы была единой и сплоченной.

Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами.

Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса в России».

Несмотря на то, что большевистский наказ был принят единогласно, на последовавших затем выборах голоса подавались за два самостоятельных списка — большевиков и меньшевиков. Произведенное таким же путем, как и на первом съезде, тайное голосование шарами показало, что абсо-

лютное большинство получили только пять человек. По нашему списку прошло двое: я получил 49 избирательных голосов и 33 неизбирательных, Костюков — 45 избирательных и 37 неизбирательных. Остальные трое были меньшевики: Гудков, Петров и Судаков. Произведенная на другой день перебаллотировка дала одинаковое большинство двум большевикам — Игнатьеву и Зайцеву, первый из которых после жеребьевки прошел в выборщики.

Вторая стадия выборов таким образом закончилась равными результатами для большевиков и меньшевиков. И мы и ликвидаторы имели среди выборщиков по три человека. Партия требовала, чтобы все выборщики, за исключением кандидата, утвержденного партийной организацией, отказывались от баллотировки, подчинившись решению большинства. При равенстве же голосов нельзя было ожидать, чтобы какая-либо из фракций добровольно отказалась выставить своего кандидата.

Оценивая результаты выборов, т. Сталин в «Правде» подчеркивал, что принятие большевистского наказа ясно указывает, кто должен быть избран в Думу: «Как ни старались ликвидаторы замутить воду, в одном — и в самом главном — все-таки сказалась воля уполномоченных. Это вопрос о наказе. Собрание уполномоченных приняло подавляющим большинством определенный наказ депутату, наказ сторонников «Правды»... Нетрудно понять, что наказ этот в корне расходился с «платформой» ликвидаторов; он целиком антиликвидаторский. И вот вопрос: если ликвидаторы все-таки осмелятся выставить своего кандидата в депутаты, то как быть с наказом, который ведь должен проводить депутат, раз имеется об этом определенное решение съезда уполномоченных?» [1]

Для ликвидаторов явно выраженная в наказе воля уполномоченных однако не имела значения. Им во что бы то ни стало хотелось провести своего кандидата, и ради этого они были готовы итти на любые меры.

Те несколько дней, которые прошли от избрания выборщиков до выбора депутата, были использованы для непрерывных переговоров между партийными комитетами и между самими выборщиками. Мы доказывали, что от петербургских рабочих в Думу может быть выбран только большевик, так как все обстоятельства указывают на преобладающие большевистские настроения в рабочей массе. Ход выборов и в пред-

[1] Статья подписана: «К. Ст.», «Правда» № 147 от 19 октября 1912 г.

варительных стадиях был за нас. На первом избирательном съезде по нашему списку было выбрано четыре человека, а из остальных двух только один прошел как определенный ликвидатор, другой только после выборов присоединился к меньшевикам. На втором съезде тоже преобладали большевистские настроения, что прежде всего видно из принятия наказа. Случайное распределение голосов не должно быть основанием для того, чтобы исказилась воля огромного большинства питерских рабочих.

Никакие доводы на ликвидаторов не действовали. Они упорно стояли на своем. Более того, они отвергали даже предложение о жеребьевке, которое выдвигалось некоторыми большевиками, пытавшимися хотя бы таким способом установить единство действия на выборах. Ни одна из сторон не уступала. И меньшевики и большевики явились на губернский съезд выборщиков с твердым намерением провести своего кандидата в Думу.

Съезд состоялся 20 октября в здании губернской земской управы на Кабинетской улице. Всего от Петербургской губернии должно было быть избрано 4 депутата: один от крестьян, два от помещиков и домовладельцев и один от рабочей курии. От всех этих групп на съезде участвовало 66 выборщиков. Большинство составляли прогрессисты и октябристы, заключавшие между собой соглашение против правых и националистов.

Назначенный правительством председатель, светлейший князь Салтыков, огласив соответствующие пункты закона и инструкции и проверив списки выборщиков, предложил приступить к выборам депутатов. Выборы производились закрытым голосованием, шарами. Первым баллотировался кандидат от крестьян, среди выборщиков от которых был один прогрессист и четыре правых. По просьбе прогрессистов мы согласились голосовать за их кандидата, поставив ему условие по рабочим законопроектам голосовать в Думе с социал-демократической фракцией. Намеченный кандидат был избран. От домовладельцев прошел тоже прогрессист, от помещиков представитель октябристов.

Затем съезд перешел к выборам депутата от рабочей курии. Баллотировались все выборщики — большевики и меньшевики. Когда произвели подсчет поданных голосов, выяснилось, что большинство голосов подано за мою кандидатуру. Я получил 34 избирательных голоса и 29 неизбирательных. Ликвидаторы получили значительно меньшее количество голосов.

Взбешенные своей неудачей ликвидаторы начали распространять самые грязные клеветнические слухи о ходе выборов, желая хотя бы этим объяснить свой провал.

ГЛАВА III

Социал-демократическая фракция IV Государственной думы

После выборов. — Посещения и письма рабочих. — Состав социал-демократической фракции. — Варшавский депутат Ягелло.—Большевистская шестерка.— На чью помощь мы могли рассчитывать.

Между выборами в Петербурге и открытием Государственной думы прошел месяц. Этот месяц был заполнен подготовкой к открытию Думы, организацией и конструированием думской социал-демократической фракции и другими подготовительными работами, связанными с деятельностью нашей фракции.

Деятельность внутри Думы была только небольшой частью тех задач, которые стояли перед рабочим депутатом. Главное и преобладающее место занимала внедумская работа. Сразу же после выборов я целиком вошел в эту работу. Передо мной вырос целый ряд новых обязанностей по партийной работе, по профессиональной, по газете «Правда» и т. д.

С «Правдой» я связался самыми крепкими нитями. «Правдой», так же как и всей нашей работой, руководил в это время т. Сталин. Немедленно после окончания выборов т. Сталин начал подготовку к формированию и организации думской фракции.

Тов Сталин поднял вопрос о необходимости созыва за границей, еще до открытия Думы, совещания ЦК вместе с рабочими деуптатами. На совещании должен быть выработан план действия большевистской части думской фракции и разрешен целый ряд вопросов, связанных с будущей нашей деятельностью. Я вполне присоединился к предложению т Сталина, считая, что нам, рабочим депутатам, необходимо с первых же дней тесно связаться с ЦК и непосредственно получать от него руководящие указания. Созвать совещание однако до открытия Думы не удалось; решено было отложить его до первых думских каникул, когда совещание можно было подготовить и провести более организованным порядком.

С т. Сталиным я встречался и в редакции и в других мес-

тах. Иногда эти встречи и совещания устраивались и у меня на квартире, куда т. Сталин приходил, всячески скрываясь от шпиков.

При ежедневных посещениях редакции «Правды» я встречался с представителями рабочих организаций и узнавал настроения широких рабочих масс. Рабочие приходили сюда из всех районов города и рассказывали, что происходит на фабриках и заводах и как работают там легальные и нелегальные организации. Беседы и встречи с представителями наиболее революционно настроенных групп рабочих давали мне как петербургскому депутату огромный материал для будущей думской деятельности.

Среди рабочих проявилась огромная тяга к рабочим депутатам, в которых они видели подлинных представителей своих интересов. Как только результаты выборов по Петербургу были опубликованы в газетах, ко мне начали обращаться рабочие различных фабрик и заводов с самыми разнообразными просьбами и запросами. Для того чтобы иметь возможность встречаться с представителями всех заводов и, вместе с тем, чтобы быть ближе к редакции «Правды», мне необходимо было перебраться в центр города. Покончив работу на заводе, я снял квартиру на Шпалерной улице в районе Государственной думы, куда и переехал из-за Невской заставы.

Уже и раньше на заводе шпики не оставляли меня без «внимания». Когда я был выбран уполномоченным, это внимание усилилось; после избрания выборщиком хвост охранников еще более вырос; теперь же шпионы положительно осаждали мою квартиру и следили за каждым моим шагом и за каждым моим посетителем.

На мой адрес стала ежедневно поступать обширная корреспонденция. Писали не только из Петербурга, но и из других городов. Кроме письменных было множество и личных обращений. Для того чтобы как можно ближе связаться с широкими массами рабочих, я через «Правду» опубликовал часы «приема» у себя на квартире. Ежедневно у меня бывало большое количество посетителей, приходивших и по личным вопросам и от имени различных организаций.

Круг вопросов, по которым обращались ко мне, был самый разнообразный. В беседах и поступавших ко мне письмах затрагивались решительно все стороны рабочей жизни. Мне сообщали о работе и преследованиях профессиональных обществ, о забастовках, локаутах, безработице, о новых случаях полицейского произвола, просили похлопотать об арес-

тованных. Много писем я получал от ссыльных с просьбами организовать для них какую-либо денежную и материальную помощь. Среди обращавшихся ко мне были и приходившие по личным делам, даже с просьбой о работе. Часто приходили поговорить о будущей думской деятельности, расспрашивали о Государственной думе, высказывали свои пожелания, требования, давали советы и т. д.

На все письма и просьбы надо было немедленно отвечать. В экстренных случаях я посылал ответы по телеграфу. По ряду дел тут же начинались различного рода хлопоты, переговоры с правительственными учреждениями. Все это поглощало очень много времени и заполняло почти целые дни еще задолго до открытия Думы.

Телеграммы и сообщения с мест постепенно рисовали картину выборов по России. Вскоре стал известен приблизительный состав будущей социал-демократической фракции в Государственной думе. Но не все сведения были достаточно точными и достоверными. Так, не было ясно, что собой представляет иркутский депутат Маньков. Ошибочным было сообщение о выборе социал-демократического депутата от Приморской области в Сибири. Впоследствии оказалось, что там прошел не социал-демократ, а трудовик. Вообще обстановка выборов была такова, что вполне положиться на сообщения официального телеграфного агентства нельзя было. Часто в телеграммах сообщалось, что избран «левый», а к какой партии принадлежал этот «левый» — не было известно.

Состав избранных депутатов начал выясняться с определенной точностью только тогда, когда они стали съезжаться в Петербург. Как петербургский депутат я опубликовал в «Правде» объявление, приглашавшее всех приезжавших социал-демократических депутатов для переговоров об организации фракции. Мой адрес я предлагал узнать в редакции газеты. Это объявление имело целью сразу же связать депутатов с «Правдой» и взять их под влияние партийных органов большевиков. Первым местом, куда являлись в Петербурге социал-демократические депутаты, была таким образом редакция «Правды», и, только побывав там, они шли в Государственную думу. Кроме рабочих депутатов, нанесли «визиты» в «Правду» и меньшевики—Чхеидзе и Скобелев, старавшиеся установить «добрые» отношения с большевиками.

Когда большинство социал-демократических депутатов съехалось в Петербург, начались совещания и взаимное ознакомление с наказами и настроениями районов, откуда де-

путаты были избраны. Первоначально мы встречались в Таврическом дворце, а затем в специальном помещении фракции. Снятая для фракции квартира помещалась на 9-й Рождественской, в доме № 39. Это была небольшая квартира в 4—5 комнат. Дом, в котором помещалась фракция, немедленно же оброс нарядом шпиков, которые круглые сутки не спускали глаз с входа и окон фракционного помещения.

Как и во II и III Думах, социал-демократическая фракция IV Государственной думы начала свое существование как фракция объединенная, включавшая большевиков и меньшевиков. Но, в отличие от предшествовавших Дум, во фракции с первых же дней наметилась резкая борьба между депутатами большевиками и меньшевиками. III Дума открылась в период жесточайшей реакции и спада революционной борьбы, выборы же в IV Думу происходили при подъеме рабочего движения. Рабочий класс, выступивший снова на арену революционной борьбы, быстро освобождался и от ликвидаторских настроений. На выборах по рабочим куриям борьба между большевиками и меньшевиками разгорелась с особенной страстностью, и естественно она должна была переброситься внутрь думской социал-демократической фракции. Поэтому с первого же организационного собрания внутри объединенной фракции между ее большевистской и меньшевистской частями установились отношения обостренной борьбы.

Незадолго до открытия Думы состоялось первое организационное собрание фракции. Пользуясь своим большинством во фракции, меньшевики постарались занять преобладающее число мест в президиуме. В результате наших требований однако меньшевикам все же пришлось уступить большевистской части фракции почти половину мест в президиуме. Председателем фракции был избран меньшевик Чхеидзе, товарищем председателя — большевик Малиновский, казначеем — меньшевик Туляков. Кроме них были избраны еще два члена президиума — большевик Петровский и меньшевик Скобелев.

Всего в социал-демократическую фракцию IV Государственной думы входило 14 депутатов, из них 6 большевиков и 7 меньшевиков, к которым примыкал неполноправный член фракции, депутат от польских рабочих (депутат г. Варшавы), Ягелло. Такой, хотя и незначительный, перевес меньшевиков внешне как будто давал возможность говорить, что большинство рабочего класса стоит на стороне меньшевизма. Это однако было бы грубой ошибкой. При внимательном рассмот-

рении итогов выборов легко было убедиться, что именно большевики вели за собой преобладающую часть русских рабочих и что только депутаты-большевики были подлинными представителями рабочего класса в Государственной думе.

Выборы во всех шести рабочих куриях крупнейших промышленных районов дали победу большевикам. Члены Думы — меньшевики, наоборот, были избраны в нерабочих центрах, главным образом на окраинах, с преобладающим мелкобуржуазным составом населения. Простой подсчет рабочих в районах, давших большевиков, и в районах, откуда были избраны меньшевики, показывает, за кем шли рабочие массы. В шести куриальных губерниях насчитывалось 1 008 тыс. рабочих (фабричных и горных), в то время как в восьми губерниях, пославших меньшевиков, рабочих было 214 тыс. человек, и даже в Бакинской губернии, где по закону рабочие не выбирали, — 246 тыс. рабочих. Из одних этих цифр видно, что большевики фактически представляли в пять раз больше рабочих, чем меньшевистские депутаты. Только уродливость избирательной системы, специально направленной к уменьшению представительства рабочего класса, могла привести к получившемуся соотношению сил внутри социал-демократической фракции.

О том, что фактически преобладающий перевес в рабочих массах имели большевики, говорил и другой подсчет, исходящий из сравнения избранных от рабочих курий в предыдущие Государственные думы. Во II Государственной думе от рабочей курии меньшевиков было 12, большевиков 11, в III Думе тех и других было поровну, а в IV — все шесть куриальных депутатов были большевики. Если в момент выборов во II Думу, совпавший с Лондонским съездом, внутри социал-демократии уже преобладали большевики, то теперь уже не могло быть никакого сомнения, что большевики ведут за собой по крайней мере три четверти всех революционных рабочих.

То, что при таком положении состав всей социал-демократической фракции все же не соответствовал составу партии, было явлением не случайным. Оппортунистический состав парламентских представительств рабочих партий характерен для всех буржуазных государств. Этому способствует избирательная система, которая при всяком буржуазном строе направлена к ограничению прав наиболее революционных передовых рабочих. Вместе с тем в буржуазном обществе наибольшую приспособленность и стремление к парламент-

ской деятельности проявляют непролетарские элементы социалистических партий — примыкающая к этим партиям мелкая буржуазия, служащие и в особенности интеллигенция.

В то время как в большевистское крыло фракции входили исключительно рабочие, пришедшие в Думу прямо с фабрик и заводов, меньшевистская семерка наполовину состояла из интеллигентов: Чхеидзе был по профессии журналистом, Скобелев — инженером, Чхенкели — адвокатом. Вся эта тройка была избрана от Кавказа, который и в прошлые Думы посылал меньшевиков. Решающую роль в этой меньшевистской устойчивости кавказских выборов играла оппозиция населения Кавказа против руссификаторской политики царского правительства. Именно на выборах кавказских депутатов очень легко убедиться, что меньшевики избирались в Думу главным образом голосами мелкой буржуазии. Депутаты-рабочие, входившие в меньшевистскую группу, тоже были избраны от населения окраин: Бурьянов — от Таврической губернии, Туляков — от Донской области, Хаустов — от Уфимской губернии и Маньков — от Иркутской. В выборах этих депутатов преобладающее значение имели голоса обывательских кругов населения, которое угнеталось националистической политикой самодержавия.

Выборы Манькова даже прошли против воли рабочих избирателей. На губернском избирательном собрании в Иркутске из 20 выборщиков участвовало только 12. Остальные выборщики были «разъяснены» и новых выборов, вместо кассированных, не было произведено. Такая избирательная махинация не позволила иркутским рабочим провести своего кандидата, и неожиданно оказался выбранным Маньков, ультраликвидаторские взгляды которого не отвечали настроениям рабочих избирателей. Одновременно с приездом в Петербург Манькова фракция получила протест от рабочих Иркутска против его избрания. Одно время даже стоял вопрос о сложении Маньковым его полномочий. Выдвигалось и требование о кассации иркутских выборов. Даже у меньшевиков сперва были колебания, следует ли с таким «аттестатом» принимать Манькова в социал-демократическую фракцию.

Еще более недопустимый характер имели выборы примыкавшего к меньшевикам варшавского депутата Ягелло. Ягелло принадлежал к ППС[12]) (польской партии социалистов), в которой преобладали мелкобуржуазные националистические тенденции. С этой партией Бунд[13]) заключал на выборах блок против социал-демократов. Уже этим самым Бунд проя-

вил себя как раскольническая организация, нарушившая все решения и директивы партии, которая категорически отказывалась принять в свои ряды ППС. Социал-демократы получили на выборах большинство: из трех выборщиков от рабочих два (Броновский и Залевский) принадлежали к социал-демократам. Третье место получил кандидат блока — Ягелло. Таким образом Ягелло уже во всяком случае мог считаться кандидатом лишь меньшинства рабочих. Этому представителю меньшинства отдали свои голоса представители еврейской буржуазии, которые не решались выставить своего кандидата и в то же время не хотели пропустить в Думу польского националиста-антисемита. Ягелло был избран в депутаты таким образом в результате блока ППС, Бунда и националистической еврейской буржуазии против большинства варшавских рабочих, отдавших свои голоса польской социал-демократической партии.

Несмотря на то, что Ягелло заявил, что он будет подчиняться всем решениям социал-демократической фракции, мы категорически возражали против его приема во фракцию. Большевики не желали этим самым санкционировать раскольнический шаг Бунда. В крайнем случае Ягелло мог быть принят как примыкающий к социал-демократической фракции, так же как это сделано было во II Думе по отношению к литовским социал-демократам, которые в то время не входили в российскую социал-демократическую партию.

Меньшевики однако встретили Ягелло как союзника, который мог дать им лишний голос в борьбе с большевистской шестеркой. Они хотели безоговорочно включить его в члены фракции на равных правах с другими депутатами. Мы решительно запротестовали против такого полного игнорирования постановлений партийных органов. Это была одна из первых схваток внутри фракции. После долгой и упорной борьбы мы все же заставили меньшевистскую часть фракции сдать отчасти свои позиции. Под давлением рабочих депутатов-большевиков меньшевикам пришлось принять «урезанное решение». Ягелло был принят в социал-демократическую фракцию как неполноправный член. Он получил решающий голос по вопросам думских выступлений и совещательный по вопросам внутренней жизни социал-демократической партии.

«Решение социал-демократической фракции, — писал по этому поводу в «Правде» Сталин, — является попыткой пощупать почву, найти нечто примиряющее. Нашла ли фракция путь к миру, покажет будущее. Одно ясно во всяком слу-

чае: Бунд, старавшийся добиться от фракции одобрения своего раскольнического шага, получил отказ».

Будущее показало, что скептический взгляд т. Сталина на возможность примирения большевиков и меньшевиков в социал-демократической фракции был совершенно правильным. Отражая волю всего рабочего класса, пославшего их своими представителями в Думу, рабочие депутаты-большевики вели ни на минуту не угасавшую борьбу с ликвидаторами.

Депутаты-большевики были крепкими нитями связаны со всей массой российского пролетариата, который только в них видел своих подлинных и действительных представителей. Вся наша большевистская шестерка целиком состояла из рабочих, пришедших в Государственную думу из самой рабочей гущи. Каждый из нас сызмальства испытал на своем горбу все «прелести» капиталистического хозяйства. Для всех нас произвол царского правительства, жесточайшая эксплоатация рабочего класса буржуазией и ее прислужниками не были отвлеченной теорией, — все это мы испытали на самих себе.

Рабочему классу с огромным трудом, с многочисленными потерями, с жестокими поражениями, приходившими на смену побед, досталось право послать своих представителей в Государственную думу. Своей борьбой с существующим строем в самом пекле, в самом сердце вражеского стана, мы должны были оправдать огромные потери, понесенные русскими рабочими. Сознание большой и ответственной задачи еще более усиливало революционную энергию и волю рабочих депутатов, боровшихся и против открытых врагов пролетариата и против тех скрытых его врагов, которые пытались тормозить поступательный ход революционного движения.

Четыре металлиста и два текстильщика составляли большевистскую шестерку в IV Государственной думе. Петровский, Муранов, Малиновский и я были металлисты, Шагов и Самойлов—текстильщики. Депутаты-большевики были избраны от крупнейших промышленных районов России: Г. И. Петровский был депутатом от рабочей курии Екатеринославской губернии, М. К. Муранов — от Харьковской, я — от Петербургской, Н. Р. Шагов — от Костромской, Ф. Н. Самойлов — от Владимирской и Р. В. Малиновский — от Московской.

Но по существу рабочие депутаты представляли собой не только те районы, от которых они были избраны. Как только стало известно о нашем избрании, мы начали получать пись-

Открытие I-й сессии IV Государственной думы.

Таврический дворец.

ма, заявления и резолюции от рабочих различных районов, поручавших нам представительство своих интересов.

Приведу в виде примера одно из таких писем, полученное мною в первых числах ноября 1912 г.:

«Уважаемый товарищ, из газет вам известен печальный исход выборов в Курской губернии. Благодаря действию избирательного закона 3 июня в члены Думы прошли марковцы, злейшие враги рабочих. Таким образом кровные интересы пролетариата остались без защиты. Поэтому мы, группа курских уполномоченных, поручаем вам, избраннику петербургских рабочих, и другим членам социал-демократической фракции IV Думы защиту интересов наших избирателей и присоединяемся к наказу, данному вам петербургским пролетариатом. С товарищеским приветом уполномоченные Курской губернии».

«Витебская губерния, — писали в своем наказе двинские рабочие, — дала в Государственную думу одних черносотенцев. Ни один представитель трудящегося населения не смог проникнуть в стены Таврического дворца через изгородь третьеиюньского закона. Мы, передовые двинские рабочие, обращаемся к социал-демократической фракции в целом с горячим товарищеским приветом и с просьбой принять на себя защиту интересов демократии Витебской губернии».

Минуя полицейские кордоны, несмотря на репрессии, которым подвергался каждый находящийся в переписке с депутатами-большевиками, рабочие со всех концов России посылали нам свои наказы, приветствия и обещания поддержки.

Высказывая пожелания об установлении крепкой связи с депутатами, рабочие в ряде наказов предлагали своим депутатам в то же время тесно связаться с петербургским пролетариатом, бывшим все время в авангарде революционного движения. В наказ, полученный Мурановым от рабочих паровозно-строительного завода в Харькове, а также социал-демократических групп городской, заводской и железнодорожной, был включен следующий пункт: «В острый политический момент депутат обязан связаться с тем пролетариатом, которым он избран в члены Государственной думы, и обязательно войти в близкую связь с петербургским пролетариатом».

Такие же пожелания были получены и другими рабочими депутатами. Для большевистских депутатов поддержка петербургских рабочих имела первостепенное значение. Выступая с думской трибуны, обвиняя и разоблачая правительство, большевики всегда были уверены, что тут же за стенами

Таврического дворца их поддержат питерские пролетарии, которые своими забастовками и внушительными демонстрациями усиливали впечатление от думских выступлений во много раз. Следом за питерцами выступали рабочие и всех других районов России. Но первый, непосредственный натиск наиболее сильными и наиболее сплоченными рядами всегда производили рабочие Петербурга. Именно поэтому деятельность думцев-большевиков, быть может, на добрые три четверти опиралась на революционное движение пролетарского авангарда — рабочих Петербурга.

Выражая настроения революционных петербургских рабочих, «Правда» в следующих словах приветствовала начало нашей думской работы: [1]

«Редакция «Правды» приветствует социал-демократическую фракцию IV Государственной думы и желает ей успеха на ее тяжелом и ответственном посту в деле стойкого и последовательного отстаивания интересов пролетариата и всей демократии».

«В IV Государственной думе, — писала в присланном через «Правду» приветствии группа питерских рабочих, — имеются немногие скамьи, узенький отрезок в думском полукруге, где сидят действительно народные избранники, где сидят люди, сердца которых бьются вместе с сердцами рабочей и крестьянской России. Это — рабочие депутаты, это — социал-демократическая фракция».

В Государственную думу мы вступили таким образом сильные поддержкой не только тех сотен тысяч пролетариев, которые непосредственно участвовали в выборах по рабочим куриям, но и всей остальной массы российского пролетариата, выразившего свое отношение к рабочим депутатам в многочисленных резолюциях, пожеланиях, приветствиях, наказах и т. д. Эта крепкая и еще более усилившаяся впоследствии связь с широкими массами рабочих давала нам огромную помощь в нашей думской деятельности, чрезвычайно сложной и трудной для депутатов-рабочих.

Для меньшевиков трудности думской работы облегчались наличием среди них более подготовленных для этой деятельности людей. Лидер меньшевиков Чхеидзе в течение пяти лет перед этим возглавлял социал-демократическую фракцию III Государственной думы. За это время он успел приобрести большой опыт; он хорошо знал, как следует лавировать в

[1] «Правда» № 169 от 15 ноября 1912 г.

сложном переплете думской обстановки. Большое значение имела также и привычка к думской трибуне, знание специальных приемов, которые давали возможность избегать председательского нажима и отражать выпады черносотенного большинства.

Работе всех думских фракций помогали так называемые «сведущие лица». Это были сторонники и единомышленники представленных в Думе партий. При их участии и помощи собирался необходимый материал для выступлений, разрабатывались законопроекты, составлялись запросы, обсуждались и утверждались тексты речей и т. д. Для социал-демократической фракции такого рода «сведущие лица» имели особое значение, так как наша партия была нелегальной.

Работе социал-демократических депутатов помогали главным образом партийные литераторы и журналисты, а также те партийцы, которые имели необходимую подготовку по соответствующим вопросам (юристы, экономисты и т. д.). Среди них были и меньшевики и большевики. Однако первых было значительно больше, так как охранка в своих преследованиях свое главное внимание обращала на большевиков, которые были более опасными врагами для царского правительства. Меньшевики пользовались относительно большими легальными возможностями. Целый ряд видных меньшевиков сравнительно свободно и подолгу живали в Петербурге, занимаясь литературой и общественной работой. Такие например меньшевистские лидеры, как Дан, Потресов, Ежов, жили легально.

Иначе обстояло дело у большевиков.

Огромную помощь и при организации фракции и в разные периоды ее работы оказал нам т. Сталин. Когда между очередным побегом из ссылки и новым арестом т. Сталин появлялся в Петербурге, он помогал и руководил работой нашей «шестерки». Но эти периоды были короткие. Охранка, считавшая т. Сталина одним из самых опасных врагов царизма, охотилась за ним с исключительным рвением. Поэтому руководство нашей фракцией со стороны т. Сталина конечно не могло быть систематическим.

В разное время участие в работе фракции принимали также тт. Свердлов, Молотов, Каменев, Бубнов, Ольминский, Крыленко, Квиринг, Крестинский, Савельев, Конкордия Самойлова и другие руководящие работники партии. Но и они появлялись в Петербурге нелегально, на короткий срок, между одним и другим арестом.

ГЛАВА IV

Открытие Думы

Забастовка в день открытия Думы. — Меньшевики и большевики о забастовке. – 15 ноября на улицах Петербурга. — Первое заседание IV Думы.— Социал-демократическая фракция и выборы президиума Думы. — Правительственная декларация. — Ответная декларация социал-демократов.— «Пропуски» Малиновского.

Волна забастовочного движения сопровождала начало работы новой Государственной думы. Рабочий класс хорошо усвоил себе, каким важным орудием в его руках является забастовка, и широко пользовался им в борьбе с царским правительством и буржуазией.

Непосредственно перед открытием Думы, которое было назначено на 15 ноября 1912 г., в Пертербурге прошла забастовка протеста против приговора над матросами Черноморского флота. Военно-морской суд в Севастополе приговорил по делу о подготовке восстания 17 матросов к смертной казни и 106 матросов к каторжным работам. Ответом на этот приговор были массовые забастовки протеста, начавшиеся в Петербурге, а затем перекинувшиеся в другие районы России. За неделю в однодневных забастовках приняли участие свыше 60 тыс. рабочих, т. е. около четверти всех рабочих Петербурга. Всего по России в забастовке протеста против смертного приговора над матросами-роволюционерами приняло участие около четверти миллиона человек. На некоторых питерских заводах забастовки сопровождались демонстрациями.

Рабочие выходили на улицы с красными флагами и пением революционных песен.

Забастовочное движение, вызванное приговором военно-морского суда, не утихало до самого открытия Государственной думы и вылилось в новую политическую забастовку, которая была приурочена ко дню первого заседания Думы. Основным лозунгом забастовки 15 ноября были протест против третьеиюньского режима и реакционной Государственной думы и демонстрация поддержки избранных в Думу социал-демократов. Вместе с тем забастовавшие рабочие вновь протестовали против смертного приговора над матросами и против насилий над политическими заключенными в Алгачинской и Кутомарской каторжных тюрьмах. [14])

Забастовки и демонстрации были организованы тремя инициативными группами петербургских социал-демократов. Прокламация, выпущенная за три дня до открытия Думы, имела следующие подписи: «Спб. центральная социал-демократическая группа профессиональных работников», «Группа социал-демократов», «Группа революционных социал-демократов». Ни большевистский Петербургский комитет, ни Организационное бюро меньшевиков к выпуску прокламации и организации забастовки не имели никакого отношения. Более того, инициаторы забастовки не уведомили о выпуске своего воззвания не только партийные комитеты, но и редакции обеих газет («Правда» и «Луч») и даже нашу думскую фракцию, которая сконструировалась уже за пару недель перед этим.

Такого рода партизанские выступления отдельных инициативных групп были результатом еще недостаточной организованности революционного движения и недостаточной его четкости. С другой стороны, подобные выступления можно отчасти объяснить также трудностью установить связи с руководящими партийными комитетами, за которыми охранка охотилась в первую очередь и которым вследствие этого приходилось особенно конспирироваться. Это накладывало свой отпечаток и на характер выступлений таких «инициативных» групп: у всех у них отсутствовала четкая и твердая партийная линия.

Обычным их лозунгом были «нефракционность», «объединение» и та неясность и неопределенность, которые были характерны для будущих межрайонцев.

В прокламации, выпущенной инициативной группой, были перемешаны и большевистские и меньшевистские лозунги. Там нашли себе место и конфискация помещичьих земель, и «свобода коалиций», и «действительно народное представительство», и «борьба за демократическую республику», и т. п.

Она была выпущена и распространена на фабриках и заводах за три дня до 15 ноября. Одновременно среди рабочих шла устная агитация инициаторов забастовки. Таким образом и наша фракция и петербургские партийные центры были поставлены перед совершившимся фактом.

В экстренном порядке у нас состоялось совещание, в котором приняли участие все находившиеся уже к тому времени в Петербурге депутаты — большевики и меньшевики.

Под давлением меньшевистского большинства было решено

выступить против объявленной 15 ноября забастовки. От имени фракции в «Луче» было опубликовано сообщение о том, что, по имеющимся у фракции сведениям, распространяемая на фабриках и заводах прокламация «не исходит ни от одной из авторитетных петербургских социал-демократических групп».

Несомненно, что участие большевиков в отмене забастовки и демонстрации было ошибкой. Хотя забастовка подготовлялась неорганизованным порядком, не так как это следовало бы, но, поскольку призыв к забастовке вызвал сочувственные отклики среди рабочих, препятствовать их выступлению было неправильным.

Задачей партии было, направляя движение в организованное русло, одновременно поддерживать своим руководством каждое революционное выступление рабочих, используя его для еще большего расширения фронта революционной борьбы.

Заявление фракции было встречено протестом со стороны тех групп, которые организовали забастовку. Уже после 15 ноября, когда забастовка и демонстрация все-таки состоялись, в ПК был поставлен вопрос об отношении к ним думской фракции. Решено было создать комиссию для расследования совместно с представителями инициативных групп. В состав комиссии от меньшевиков вошел Скобелев, а я от большевиков. В помещении типографии «Правды» поздно ночью у нас состоялось совещание с представителями групп, организовавших забастовку, и с участием ПК. Мы разобрались во всех обстоятельствах, сопровождавших объявление забастовки и выпуск прокламаций (в частности выяснилось, что большинство организаторов забастовки — большевики), и признали поведение и позицию думской фракции ошибочными.

Об этом было доведено до сведения рабочих на ряде партийных собраний.

Всего в однодневной забастовке 15 ноября, по подсчетам охранного отделения принимало участие около 30 тыс. рабочих петербургских фабрик и заводов. В своем докладе директору департамента полиции охранка следующим образом рисует то, что происходило в этот день на улицах Петербурга: [1]

---

[1] «Архив департамента полиции», 4-е делопроизводство, № 61, 1912 г., ч. 2, т. II, гл. 208.

«Начиная с одиннадцати часов утра, в районе расположения Таврического дворца было замечено на тротуарах движение небольших групп рабочих, а около часа дня появилось там же небольшое число учащихся в высших учебных заведениях и интеллигентов. Публика эта долго циркулировала вокруг Таврического сада, но меры полиции воспрепятствовали ей сгруппироваться, понемногу она разошлась.

Повидимому из числа этих рабочих и студентов около $3^1/_2$ часов дня на Кирочной улице образовалась толпа, которая с пением революционных песен и красным флагом величиной с носовой платок с надписью «Долой самодержавие» вышла на Литейный проспект и направилась к Невскому проспекту. На углу Литейного проспекта, Бассейной и Симеоновской улиц мерами наружной полиции демонстранты были рассеяны, причем на тротуаре, где находилась толпа, полицией был поднят означенный флаг и вместе с тем задержан флагоносец.

Такая же толпа около 100 человек из числа расходившихся от Таврического дворца образовалась около 3 часов дня и на другом конце Кирочной улицы, откуда и направилась, но без демонстративных выступлений, по Суворовскому проспекту в направлении к Невскому проспекту, причем на углу 6-й Рождественской улицы была рассеяна полицией.

Затем, также около 3 часов дня, по Лиговской улице, вблизи Знаменской площади, из числа рабочих на разных фабриках образовалась небольшая толпа, которая направилась было по правой стороне Лиговской улицы к Обводному каналу, но вскоре была рассеяна полицией. Повидимому остаток этой толпы, в числе 15 — 20 человек, подошел к конфетной фабрике «Блигкен и Робинсон», что в доме № 52 по Лиговской улице, и прорвался через охраняемую сторожем калитку во двор фабрики, намереваясь проникнуть в помещение таковой, чтобы снять рабочих этой фабрики с работ. Но подоспевший наряд полиции воспрепятствовал осуществить это намерение, причем часть участвовавших в этом беспорядке успела перелезть через забор и спрятаться на путях Николаевской железной дороги, а 7 человек из них задержаны и привлекаются к ответственности по обязательному постановлению»

Хорошо осведомленная охранка однако в своем донесении начальству несколько затушевала события. Она не сообщила например о том, что одну из демонстраций полицейские разогнали обнаженными шашками, что попавшие во двор фабрики «Блигкен и Робинсон» рабочие пошли туда не сами, а были загнаны полицией, которая жестоко их избила; нет сведений и о других столкновениях с демонстрантами.

Во время демонстрации несколько человек были арестованы. Аресты и обыски были также произведены полицией еще накануне открытия Думы. Среди арестованных было несколько работников профессиональных союзов. Полиция усиленно искала большевиков, меньшевики на этот раз были оставлены без внимания. После обыска был арестован т. Батурин (Н. Замятин). Тов. Молотову, за которым полиция особенно охотилась, удалось скрыться.

Открытие IV Государственной думы прошло таким образом в обычной для царского правительства обстановке. Рабочие шли приветствовать своих депутатов, а полиция приветствовала рабочих очередной пачкой обысков, арестов и избиений.

В то время как на улицах Петербурга полиция показывала рабочим российскую конституцию «в действии», в стенах Таврического дворца происходила торжественная комедия открытия Думы. После солидной порции молебнов престарелый царский сановник, статс-секретарь Голубев, под громкое «ура» народных представителей огласил «высочайший указ». Очевидно для того, чтобы оппозиция помнила, что если она уже допущена в Думу, то ей полагается молчать и никому не мешать, Голубев не дал слова представителям социал-демократической фракции и трудовиков, которые хотели мотивировать свой отказ от участия в выборе председателя. Речью избранного председателем М. В. Родзянко, зычным голосом клявшегося в «незыблемой и непоколебимой преданности Думы своему венценосному вождю», первое заседание закончилось. IV Государственная дума начала свою «работу».

Всего в Думу было избрано 442 депутата. По отдельным фракциям они распределялись следующим образом: правые — 65 человек, националисты и умеренно-правые — 120, октябристы — 98, прогрессисты — 48, кадеты — 59, национальные группы (поляки, белоруссы и мусульмане) — 21, трудовики — 10, социал-демократы — 14 и беспартийные — 7. Третьеиюньский режим конечно не мог дать никакого другого большинства кроме помещичье-дворянского, питавшего стопроцентную классовую ненависть к рабочему классу и крестьянству. Черносотенная Дума хотя и делилась на различные фракции и группировки, но по существу была верным оплотом царизма. Если у Пуришкевича, Маркова и им подобных зубров верность существующему строю выражалась в громких криках «ура», то у Милюкова, не говоря уже об октябристах, она была лишь прикрыта либеральной фразой.

С самого же начала кадеты показали свое подлинное лицо, отдав свои голоса при выборах председателя Думы октябристу Родзянко, камергеру высочайшего двора и крупному помещику Екатеринославской губернии. У Родзянко был зычный голос, огромный рост и представительная фигура. Но этим не ограничивались достоинства нового пред-

седателя. Родзянко имел репутацию испытанного царского слуги, хорошо показавшего себя в предыдущей Государственной думе. Председательствуя в III Думе, Родзянко исправно расправлялся с левыми депутатами и, не давая им говорить, всячески их преследовал.

Поддерживая кандидатуру Родзянко, кадеты попытались втянуть в выборы президиума и трудовиков и нашу социал-демократическую фракцию. Трудовики сперва колебались, и их лидер Дзюбинский вначале вел по этому поводу даже какие-то переговоры. В колебаниях и шатаниях, характерных для трудовиков, представлявших мелкобуржуазные слои населения, на этот раз все же победили левые тенденции, и в выборах думского президиума они не приняли участия.

Для нашей фракции вопрос об участии в выборах председателя был совершенно ясен. Кадеты получили от нас категорический отказ. Из кого бы ни состоял президиум Думы, для социал-демократических депутатов было совершенно безразлично. Участие в избрании президиума явилось бы принятием на себя в какой-то мере ответственности за работу думского большинства, заведомо враждебного интересам рабочего класса. Это принципиальное отношение к думской работе было подчеркнуто нашей фракцией в заявлении, которое было подано при открытии Думы. Как я уже говорил, статс-секретарь Голубев не дал возможности его огласить. Вот текст этого заявления:

«Президиум призван наиболее неуклонно и последовательно осуществлять волю и желания Государственной думы. Ясно, что тот, кто принимает участие в выборах президиума, тем самым берет на себя ответственность за деятельность Государственной думы. Поэтому социал-демократическая фракция предыдущей Государственной думы не принимала участия в выборах президиума, отнюдь не желая брать на себя какой-либо ответственности за деятельность III Государственной думы, Думы государственного переворота, Думы господской, Думы, призванной для борьбы со всеми насущными народными интересами. Мы знали, что президиум такой Думы должен вести систематическую борьбу с социал-демократической фракцией при ее выступлениях на трибуне для защиты интересов народных масс. Можно смело сказать, что социал-демократическая фракция вышла победительницей из этой борьбы. Несмотря на все старания заглушить голос социал-демократов, к социал-демократам прислушивались народные массы. Мы уверены, что то же

самое нам удастся сделать и в IV Государственной думе, невзирая на то, из кого будет состоять президиум, из умеренных хвостовцев или зарвавшихся марковцев, из бывших упокойников или настоящих полу-упокойников, из гололобовцев или бывших гучковских молодцов.[1] При всяких комбинациях мы сумеем сказать свое слово, ибо мы ни на минуту не забываем, что это место добыто для нас ценою народной крови. Мы сумеем отстоять свободу слова здесь, невзирая на недавнее разъяснение сената, грозящее распространить положение об усиленной охране на думскую трибуну.[2]

Мы не позволим урезать свои права свободно выражать свои взгляды, невзирая на то, что большинство Думы состоит из избранников гг. Саблеров, Макаровых и К°[3]. Итак выбирайте угодный большинству президиум. Мы используем трибуну в интересах народа».

Своим отказом от участия в выборах президиума социал-демократические депутаты уже в первый день существования IV Думы заявили, что ни о какой «парламентской» работе для нас не может быть и речи, что рабочий класс ставит себе целью использовать Думу для еще большего сплочения и усиления революционной борьбы в стране. Эта же позиция определяла и отношение нашей фракции к думскому большинству. Не совместная работа, а решительная борьба и разоблачение перед всем рабочим классом и правых, и октябристов, и кадетов — такова была задача рабочих депутатов в помещичье-дворянской Государственной думе.

Несмотря на неудачу, которая постигла кадетское предложение при выборах президиума, в ближайшие дни кадеты сделали новую попытку втянуть социал-демократическую фракцию в какое-либо соглашение. Они прислали нашей фракции предложение принять участие в общем собрании «объединенной оппозиции» для обсуждения некоторых законопроектов, которые подготовлялись кадетской фракцией. В ответ на это предложение социал-демократическая

---

[1] *А. Н. Хвостов, Н. Е. Марков, Гололобов* — правые и националисты, *А. И. Гучков* — лидер октябристов, упокойниками назывались умеренно-правые.

[2] Сенат разъяснил, что депутаты отвечают за речи, произнесенные в Думе.

[3] *В. К. Саблер* — обер-прокурор синода, глава духовного ведомства; *А. А. Макаров* — министр внутренних дел.

фракция вынесла принципиальное решение — ни в какой совместной работе с кадетами не участвовать. Кадеты по существу являются контрреволюционерами, и между ними и партией рабочего класса возможны только отношения борьбы; во время избирательной кампании социал-демократы всюду боролись с партией либеральной буржуазии, и такая же линия, — заявляла фракция, — должна проводиться социал-демократами и внутри Думы. «Мы приветствуем,— писала по поводу этого решения «Правда», — этот шаг социал-демократической фракции как единственно правильный, точно отражающий волю социал-демократов вне Думы.

Группа трудовиков, по своей программе приходившаяся сродни эсерам, претендовала на представительство от имени всего российского крестьянства. По существу же она выражала интересы крепких, зажиточных слоев крестьянства. Совершенно естественна поэтому была близость трудовиков к партиям либеральной буржуазии — кадетам и прогрессистам. Совместные же выступления в отдельные моменты парламентской жизни с социал-демократической фракцией объяснялись тем, что трудовая группа отражала настроения протеста всего крестьянства в целом против феодально-крепостнического строя царизма.

В ближайшие же дни после открытия Думы все думские фракции получили возможность выступить со своими политическими декларациями в ответ на оглашенную в Думе декларацию правительства. Во всех парламентах обсуждение правительственной декларации является одним из самых ответственных моментов. Это так называемые «большие дни» парламентской жизни, когда политические партии выступают не по отдельным каким-либо законопроектам, а с критикой или одобрением всей правительственной политики в целом. Избиратели по ответным декларациям судят о всей будущей деятельности парламентских партий. Поэтому к прениям по декларации правительства все партии подготовляются заранее и с особенной тщательностью.

Правительственную декларацию в IV Думе огласил 5 декабря 1912 г. председатель совета министров, Коковцев. Его сопровождали все царские министры и высшие правительственные чиновники, сплошь заполнившие министерскую ложу. Парад дополнялся полным составом президиума на думской трибуне, переполненными ложами и хорами для публики, присутствием иностранных послов со своими свитами и т. д.

Коковцев начал с похвал III Думе, которая за пять лет пропустила две с половиною тысячи всякого рода законов. Такое похвальное поведение предшествовавшей Думы ставилось в пример и IV Думе, от которой правительство ожидало очевидно подобной же склонности к законодательной вермишели. Затем председатель совета министров перешел к перечислению реформ, которыми правительство собиралось облагодетельствовать страну. Во всех областях управления правительство обещало произвести «крупные» преобразования: по части местного земского самоуправления — укрепление и улучшение «полицейского» строя; в качестве обеспечения неприкосновенности личности — упрощение паспортных формальностей, введение более строгого закона о печати; по народному просвещению — поддержка и обеспечение церковно-приходских школ и усиление школьной инспекции и т. д. Коковцев закончил свою речь призывом к Государственной думе приступить к обсуждению предлагаемых ей законопроектов, «без партийных предубеждений, в согласном стремлении всех работать на пользу всем нам одинаково дорогого отечества». В переводе на общепонятный язык, Думу призывали ставить свой штамп на всех предложениях правительства и не мешать ему вести свою политику.

Ответные речи на декларацию правительства начались 7 декабря и продолжались в течение нескольких думских заседаний. Наша ответная декларация была оглашена в первый же день прений.

На выработку декларации социал-демократическая фракция затратила значительное количество времени. Подготовка к ней началась еще до открытия Думы, с первых же заседаний после организации фракции. Задача декларации была чрезвычайно ответственная: она должна была выявить основные требования рабочего класса и изложить программу его передового отряда — социал-демократии. Совершенно естественно, что при обсуждении проекта декларации резко столкнулись позиции большевистской и меньшевистской частей фракции. Фракция выступила от имени всей социал-демократии, а между тем программные противоречия в это время были уже чрезвычайно обострены. При таком положении выработка единой декларации социал-демократической фракции представляла огромные трудности и вылилась в напряженную борьбу между нашей большевистской группой и депутатами-меньшевиками.

В связи с обсуждением декларации были подняты все основные вопросы, по которым происходила в это время борьба между большевиками и меньшевистским крылом партии. Большевистская часть фракции исходила из постановления Пражской конференции, в твердой и решительной форме выдвигавшей три основных «неурезанных» требования рабочего класса (восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земль, демократическая республика); меньшевики же стояли на платформе «августовского блока» с его программой рабочей коалиции при самодержавии, «культурно-национальной автономии» и т. д.

Мы решительно возражали против меньшевистских лозунгов и настаивали на включении в декларацию требований и формулировок большевиков. Спор шел не только в основном, но и из-за каждой фразы, из-за каждого выражения.

Обсуждению декларации, начатому еще до открытия Думы, наша фракция посвятила целый ряд заседаний. Заседания отличались чрезвычайной страстностью и затягивались порой до глубокой ночи. С обеих сторон, кроме депутатов, в выработке декларации участвовали и находившиеся в это время в Петербурге партийные работники. От ЦК большевиков в этой работе близкое участие принимал т. Сталин, давший основные формулировки тем требованиям, которые выдвигались нашей шестеркой, меньшевики мобилизовали Левицкого, Ежова, Маевского и целый ряд других литераторов из «Луча».

В борьбе с меньшевиками при составлении декларации т. Сталин в полной мере проявил присущую ему настойчивость и твердость в проведении подлинно революционной линии нашей партии. Именно руководству со стороны т. Сталина и его непосредственному участию в обсуждении декларации обязаны были мы нашей победой: после долгой и упорной борьбы, после целого ряда горячих схваток с меньшевиками мы добились наконец включения в декларацию всех основных требований большевиков.

Выступить с декларацией, по предложению меньшевиков, было поручено заместителю председателя фракции Малиновскому. Со стороны меньшевиков это было тактическим ходом. Поручая огласить заранее и точно разработанную декларацию большевику, меньшевистская группа рассчитывала в будущем отыграться на этом и вознаградить себя с лихвой на других выступлениях. После небольшой вступи-

тельной речи Малиновский огласил следующий текст декларации. Приводим ее по стенографическому отчету:

«Выступая на трибуну IV Государственной думы, социал-демократическая фракция заявляет, что ее деятельность будет неразрывно связана с деятельностью социал-демократических фракций прежних созывов. Российская социал-демократия является отрядом международной армии социалистического пролетариата. Обострение классовых противоречий в современном обществе усиливает классовую борьбу в нем. Все учащаются боевые схватки могильщиков современного общества — класса наемных рабочих — с господами положения — классом капиталистов. Все шире, интенсивнее и грандиознее становится эта борьба, от победы к победе идет международный пролетариат, и близится время последней победы, осуществление социализма.

Наши предшественники во всех трех Думах энергично выступали против милитаризма, — и, в полном согласии с ними и социалистическим интернационалом, мы, стоя в настоящее время лицом к лицу с разгоревшимся на Балканах пожаром, от имени российского пролетариата со всей энергией протестуем против попыток господствующих реакционных и либеральных классов России втянуть Россию в войну под каким-нибудь предлогом. Мы присоединяемся к социалистическому конгрессу в Базеле и одновременно объявляем войну войне...» (*Справа шум и голоса:* Довольно.)

Председатель. Член Государственной думы Малиновский, благоволите держаться в пределах декларации и не касаться тех деклараций, которые сюда не относятся. Держитесь в пределах вопроса.

Малиновский: ... Это есть декларация социал-демократической фракции. «Социал-демократическая фракция вполне понимает и сочувствует стремлениям балканских народов освободиться от опеки великих держав, господствующие классы которых в своих корыстных целях стараются увековечить культурную, экономическую и политическую отсталость и раздробленность балканских народностей.

Но мы вместе со всеми балканскими социалистами с негодованием отвергаем политику династических и хищнических интересов балканских реакционеров, связывающих исторически необходимое дело возрождения Балкан с кровавой бойней. Такой путь способен только ослабить силу сопротивления эксплоатируемых народных масс на Балканах и привести к еще большему укреплению милитаризма, слу-

жащего... (*Шум справа; звонок председателя.*) ...в руках господствующих классов всех стран орудием для усиления эксплоатации и угнетения трудящихся масс.

Приветствуя усилия пролетариев балканских государств прекратить кровопролитие и разрешить балканский вопрос путем создания балканской федеративной демократической республики, мы заявляем, что нигде... (*Шум справа; звонок председателя.*) ...ни на Балканах, ни в Персии, ни на Дальнем Востоке нет таких интересов трудящихся классов России, которые оправдывали бы вооруженное столкновение.

Поэтому мы протестуем против захватной политики русского правительства и заявляем, что всякие внешние авантюры и связанное с ними усиление ужасов милитаризма способно лишь усилить разорение и порабощение народов России и затруднить нерешенные после 1905 г. самые насущные задачи политического раскрепощения страны. Эта очередная задача стала еще настоятельнее и острее после пятилетнего существования III Государственной думы, где правящая бюрократия, как правительство паразитических элементов и помещичьих капиталистических групп, нашла себе, благодаря перевороту 3 июня, послушных сотрудников в лице третьедумского большинства; еще большим усилением народного разорения и бесправия оказалось это сотрудничество.

Земельная политика бюрократии и третьедумского большинства обострила безземелье крестьянских масс, их сословную порабощенность и внесла разорение и анархию в жизнь русской деревни. Финансовая политика попрежнему покоится на истощающих население косвенных налогах, пьяном бюджете и еще более прежнего сводится к наполнению карманов господствующих групп и к расходованию свыше-трехмиллиардного бюджета на непроизводительные цели. Вся экономическая политика стала колоссальным тормозом для развития производительности страны.

Возросшая дороговизна жизни тяжелым гнетом ложится на массу городского населения. Правительство, поддержанное третьедумским большинством, с одной стороны, парализовало силы населения в борьбе с этим бедствием, подавляя всякую попытку к самодеятельности, с другой — еще больше обострило гнет дороговизны, покровительствуя организациям капитала, усиливающим эксплоатацию потребителей. На рабочий класс обрушивается бесконечная цепь преследований его организаций — политических, профессиональ-

ных, кооперативных и иных, в то время как боевые организации крупных капиталистов пользуются полным простором.

Вырванное напором рабочего движения признание необходимости страхования рабочих осуществлено III Думой в виде законов, которые, не улучшая нынешнего положения рабочих масс, во многих отношениях делают шаг назад по сравнению с фактически действовавшим страхованием от несчастных случаев и врачебной помощью рабочим.

В области государственного устройства торжествующая реакция продолжает идти по пути 3 июня 1907 г., после того как большинство созданной актом 3 июня Думы приветствовало этот акт. За большим государственным переворотом последовал ряд малых: нарочитый роспуск Думы на три дня, массовые разъяснения избирателей, особенно еврейских, бесконечная цепь ухищрений при делании выборов в IV Думу; сенатское разъяснение, пытающееся упразднить свободу слова с думской трибуны. Система политического провокаторства остается одним из главных устоев правительственной политики.

Одним из преступнейших актов провокации был заговор против социал-демократической фракции II Государственной думы *(Голос справа:* Довольно.), призванный служить делу государственного переворота 3 июня 1907 г. III Дума, созданная этим переворотом, конечно одобрила этот акт правительственной провокации.

Произвол центральной и местной администрации превышает теперь все испытанное Россией до 1905 г. В переполненных политическими пленниками реакции тюрьмах они подвергаются таким издевательствам, пыткам и актам варварской мести, которые были немыслимы в «доконституционное» время. Мы стали очевидцами таких преступлений правительства, как массовый расстрел ленских рабочих в угоду их беззастенчивым эксплоататорам. И весь этот безграничный произвол находил себе неизменное одобрение большинства III Думы.

То же большинство довело до пышного расцвета систему натравливания одной национальности на другую *(Голоса справа:* Наказ. *Чхеидзе с места:* Да, наказ рабочих»), с тем чтобы легче было разделаться со всеми ими. Особенно дикую форму приняла травля еврейской народности; для этого не постеснялись сделать попытку восстановить легенду мрачного средневековья, пустив в ход кровавый навет о

Г. И. Петровский.

М. К. Муранов.

ритуальных убийствах. Этой цели были призваны служить все органы власти вплоть до щегловитовского суда».

Председатель. Член Государственной думы Малиновский, я просил бы вас говорить своими словами, а не читать.

Малиновский. Это декларация... *(Справа смех и рукоплескания. Голоса слева:* «Просим». *Звонок председателя.)* «...Активное содействие III Дума оказала правительству в его стремлении разрушить финляндскую конституцию и в его насильственной руссификаторской политике на окраинах, которая по отношению к Польше нашла свое яркое проявление в отторжении Холмщины.

При поддержке III Думы развернулась во-всю варварская система министерства Кассо, разгромившая высшую школу и установившая казарменную атмосферу в средней и низшей школе; наконец полицейский гнет стал душить печать, как никогда, особенно же рабочую. Вся эта разрушительная противонародная политика, точно мертвая петля, душит страну. Россия шла бы навстречу разложению и гибели, если бы не движение живых сил народа...»

Председатель. Член Государственной думы Малиновский, я вновь обращаю ваше внимание на § 140 наказа, который чтение речей не допускает, а разрешает пользоваться краткими заметками и выдержками.

Малиновский. В своей речи я держался очень кратких заметок, а это заявление.

Председатель. Член Государственной думы Малиновский, покорнейше прошу с председателем не спорить.

Малиновский (читает). «...рассеивая атмосферу общественной реакции и вовлекая в борьбу с третьеиюньским режимом те слои населения, которые не принадлежат к лагерю контрреволюции, своими массовыми забастовками против ленских расстрелов и смертных приговоров, своим протестом против травли инородцев и политики военных авантюр, первомайской забастовкой и борьбой за свободу своих организаций, свидетельствует о том, что волна рабочего движения растет и близится время, когда рабочий класс во главе нового освободительного движения народных масс выступит за полную демократизацию государственного строя.

Учитывая, с одной стороны, чреватое тяжелыми последствиями положение, созданное в стране господством дворянско-плутократической клики, а с другой стороны, нарастающую волну рабочего движения, социал-демократическая фракция IV Государственной думы будет, исходя из социал-

демократической программы, согласовывать свои действия с выдвинутыми движением рабочих масс очередными задачами...»

Председатель. Член Государственной думы Малиновский, § 143 наказа требует подчинения оратора указаниям председателя. Прошу вас не пользоваться таким исключительным чтением вашей речи. *(Голоса слева:* «Просим». *Степанов с места:* «Он документ читает, а не речь». *Справа смех.)*

Малиновский. «В интересах представляемого нами рабочего класса мы будем отстаивать введение 8-часового рабочего дня, широкого рабочего законодательства и государственного страхования рабочих от болезней, несчастных случаев, инвалидности, старости и безработицы, а также страхование материнства для всех категорий трудящихся за счет государства и предпринимателей и с гарантией полного самоуправления страхуемых.

Отстаивая все эти требования, социал-демократическая фракция будет действовать с твердым сознанием своего права, говорить прежде всего от имени многомиллионной массы рабочих, которая, разрушая все полицейские преграды, неизменно посылала во все Думы только социал-демократических депутатов. Но кроме того весь ход выборов в IV Думу дает нам полное основание заявить: социал-демократия, представленная в Государственной думе немногочисленной фракцией, является в стране самой крупной из враждебных современному порядку сил, так как за социал-демократов кроме рабочих голосует, несмотря на самые неблагоприятные для нас внешние условия, все большее количество городских избирателей. На социал-демократию возлагают свои надежды угнетенные народности; наконец социал-демократии несомненно принадлежит симпатия огромного большинства всех тех, кого уродливый избирательный закон вовсе не допускает к избирательным урнам. Защита всех демократических слоев населения возлагается на партию рабочего класса кроме того еще и ненадежностью и антидемократическим духом либеральной буржуазии в России.

Чувствуя и поддерживая свою органическую связь с рабочим классом, стоящим во главе движения всех демократических слоев населения, социал-демократическая фракция будет стараться своей думской работой поддерживать и расширять проявления его организованной самодеятельности. Нас не пугает ни сложность, ни трудность стоящих

перед нами задач. За нас непреложные законы общественного развития». *(Шум.)*

Председатель. Член Государственной думы Малиновский, не читайте, пожалуйста, иначе я буду принужден лишить вас слова.

Малиновский. Лишайте. «Исходя из них, мы предвидели революционное движение 1905 г. и в период контрреволюции предсказывали теперь уже начавшиеся новые выступления рабочего класса за ближайшие требования и конечную цель российской социал-демократии. Эта твердая уверенность вселяет в нас бодрость и в IV Думе работать для приближения того часа, когда всенародное Учредительное собрание положит начало полной демократизации государственного строя России и тем самым расчистит пролетариату путь для борьбы за освобождение от цепей наемного рабства, для борьбы за социализм».

Оглашенная Малиновским декларация не совпадала полностью с выработанным фракцией текстом. Стоя на трибуне и читая написанный текст, Малиновский выпустил целый большой абзац, в котором заключалась картина Государственной думы и требование полновластного народного представительства. После слов: «социал-демократическая фракция IV Государственной думы будет, исходя из социал-демократической программы, согласовывать свои действия с выдвинутыми движением рабочих масс очередными задачами» в выработанном тексте декларации был следующий пункт:

«В противовес призрачной власти третьеиюньской Думы, превратившейся в канцелярию для проведения видов и намерений бюрократии, мы выдвинем требование полновластного народного представительства. Одним из серьезных препятствий к осуществлению демократической организации народного представительства является избирательный закон 3 июня. Противонародный характер этого закона, его роль орудия в руках бюрократии для испытания воли народа, для замены выборных депутатов назначенными свыше, с необычайной яркостью сказался при выборах в IV Государственную думу, когда бюрократия могла по-своему получить большинство депутатов, выбранных 7 тыс. откомандированных к урнам чиновников саблеровского ведомства. В противовес этому избирательному закону социал-демократическая фракция будет добиваться всеобщего и равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, национальности и религии».

Кроме этих фраз Малиновский пропустил и несколько последующих строчек в тексте декларации.

На наши вопросы Малиновский отвечал, что он сам не знает, что с ним произошло, и сам не может понять, каким образом он выпустил один из важнейших пунктов декларации. Мы объясняли этот пропуск тем волнением, которое испытывал Малиновский, выступая в первый раз с думской трибуны. Очевидно на него подействовала вся обстановка думского зала, окрики председателя и враждебные выкрики с правых скамей. Это объяснение казалось нам в то время вполне правдоподобным, тем более что мы сами по себе знали, какие трудности приходилось преодолевать при первом выступлении с трибуны.

Истина выяснилась только впоследствии, когда провокаторская роль Малиновского была разоблачена и когда ряд обнаруженных документов и подробное следствие выяснили всю картину его предательства. Текст декларации Малиновский, оказывается, заранее показал директору департамента полиции Белецкому, который в свою очередь познакомил с нею министра внутренних дел Макарова. Декларация вызвала большое замешательство среди руководителей полицейского ведомства, предложивших Малиновскому внести целый ряд «смягчающих» поправок. Малиновский, боясь вызвать подозрения с первых же дней думской работы, всячески отказывался и в конце концов согласился выпустить лишь один, наиболее беспокоивший полицию, пункт о «народоправстве». Это и было проделано Малиновским, воспользовавшимся тем, что как раз перед этим пунктом Родзянко сделал ему очередное замечание. Как бы впопыхах, после окрика председателя, Малиновский, перелистывая, «пропустил» целый кусок из лежавшей перед ним рукописи декларации.

От полиции Малиновский получил кроме того директиву вести себя на трибуне наиболее раздражающим председателя способом, чтобы Родзянко в конце концов лишил его слова. Однако Малиновский очевидно не сумел этого сделать, и Родзянко так и не понял сигнала Малиновского, крикнувшего в ответ на предупреждение председателя о лишении его слова: «Лишайте». Декларация, хотя и с изъянами, была дочитана до конца.

Несмотря на провокацию Малиновского, декларация социал-демократической фракции была, за указанным небольшим исключением, оглашена с думской трибуны полностью.

Из стенограммы она была перепечатана в «Правде», по закону имевшей право опубликовывать стенографические отчеты думских заседаний. В результате текст декларации получил широкое распространение в рабочих массах, к которым она и была обращена. Требования, которые выдвигались в декларации, ее критика черносотенного строя и царского правительства сыграла свою роль в подъеме революционного настроения и в усилении борьбы рабочего класса против царизма.

ГЛАВА V

Первый запрос

Значение думских запросов. — Преследования союза металлистов. — Первый запрос социал-демократической фракции. — Мое первое выступление в Думе. — Речь в защиту «спешности». — Забастовки и демонстрации для поддержки запроса.— Локаут на мануфактурах Максвеля.

Обращенные к правительству запросы были для рабочих депутатов одной из лучших форм использования думской трибуны. Внесением того или иного запроса нам удалось сосредоточить внимание широких рабочих масс на определенных конкретных преступлениях царского правительства, на тех или иных особенно безобразных случаях произвола. Взятые из текущей жизни материалы для запросов давали возможность осуществлять на деле задачи, которые ставили себе большевики, пользуясь думской трибуной: вести через головы черносотенного большинства агитацию среди рабочего класса за сплочение рядов, за усиление революционного натиска на существующий строй. Выступая по запросам, депутаты-большевики со всей резкостью и прямотой обнажали язвы и гниль царизма и буржуазии. На данном конкретном факте, который служил основанием запроса, мы показывали рабочему, что ему нечего рассчитывать на какие-либо улучшения в существующих условиях и что единственный верный путь пролетариата — это путь революции.

«Известно ли министру о таком-то факте, и что он думает по этому поводу предпринять?» — эта заключительная фраза каждого запроса для нас, рабочих депутатов, не имела никакого значения. Мы отлично знали, что каждый факт

произвола и полицейского безобразия был прекрасно известен царским министрам, с благословения и по приказу которых этот произвол насаждался, и нам было заранее хорошо известно, что ничего для устранения тех или иных нарушений закона министры не предпримут. Нам не важен был также и самый ответ министров, которые в особенно бьющих в глаза случаях пытались прятаться за изгородью «формальных» нарушений. Сущность и смысл каждого запроса для нас заключалась в том, что этим путем мы говорили всему рабочему классу об истинном характере самодержавного строя и давали возможность широким массам сделать надлежащие выводы.

В руках социал-демократической фракции запросы были таким образом сильным оружием, и естественно, что правительство, вместе с верной ему черносотенной Думой, принимало все меры, чтобы это оружие как-нибудь притупить. Механика запросов в Государственной думе была чрезвычайно сложная и давала возможность помещичье-дворянскому большинству всячески тормозить и хоронить нежелательные и опасные для него запросы.

Основным затруднением для нашей фракции было то, что запрос мог быть внесен лишь при наличии не менее 33 подписей. Четырнадцать подписей членов социал-демократической фракции, даже плюс подписи близких к нам по скамьям десяти трудовиков, не давали необходимого по думскому «наказу» числа. Приходилось «занимать» подписи у кадетов или прогрессистов. По условиям парламентского «сожительства», отдельные члены кадетской фракции и фракции прогрессистов иногда давали подписи под наши запросы. Но конечно они были достаточно скупы в поддержке рабочих требований, и очень часто мы встречались с их прямым отказом дополнить запрос своими подписями до необходимой по закону нормы.

Когда подписи были собраны, дело однако еще далеко не было закончено. Надо было добиться постановки запроса на заседании Думы. Не в интересах думского президиума, во главе с «камергером его величества» Родзянко, было ставить запросы социал-демократов. Одним из способов похоронить запрос было отклонение его спешности. Не предрешая еще того, обратиться ли вообще с запросам к правительству, Дума сперва обсуждала — признать ли предъявленный запрос спешным. Почти все запросы социал-демократической фракции признавались думским большинством не-

спешными и сдавались в «комиссию по запросам», где лежали по нескольку месяцев.

Это был испытанный способ «замораживания» запроса, рассчитанный на то, что, пока он пролежит в комиссии, острота фактов притупится, и запрос уже не произведет в стране того впечатления, какого следовало от него ожидать.

Для той цели, с которой социал-демократической фракцией вносился запрос, мы однако имели возможность использовать обсуждение спешности. Речи, посвященные спешности, фактически посвящались самому существу запроса. Под видом защиты «спешности» социал-демократические депутаты выступали со всеми объяснениями и разоблачениями существующего строя. У нас при этом происходило форменное сражение с председателем Думы, имеющим особые директивы от правительства — всячески мешать выступлениям левых. Председатель внимательно следил за нашими речами, стараясь «во-время» пресечь всякое уклонение от формальной темы о спешности; мы же шли напролом и, не обращая внимания на его замечания и призывы держаться «ближе к делу», говорили то, что считали нужным. Большей частью эти схватки кончались тем, что Родзянко или замещавшему его товарищу председателя становилось невмоготу и они обрывали речи рабочих депутатов на середине, лишая нас слова.

Беззастенчивые попытки фактически лишать социал-демократов права запросов широко применялись черносотенцами и в III Государственной думе. Совершенно такой же системы мы должны были ждать и от IV Думы. Но тем сильнее, тем упорнее мы решили бороться за то, чтобы голос рабочих депутатов как можно дальше и громче был услышан по всей стране. «Можно наперед сказать с полной уверенностью, — писала «Правда», — что в IV Думе Пуришкевичи и Хвостовы попытаются помешать запросам рабочих депутатов. Эти господа охотно зажали бы рот всем действительным народным представителям. Но можно с такой же уверенностью предсказать, что теперь, когда рабочий класс проснулся, когда демократия сплачивает ряды, господам реакционерам эти попытки удадутся менее, чем когда бы то ни было»[1].

Уже в наказах, полученных во время выборов, рабочие выдвигали требования о внесении в Думу ряда запросов.

---

[1] «Правда» № 175 от 23 ноября 1912 г.

С первых же дней работы Думы в нашу фракцию начали поступать многочисленные заявления и резолюции от рабочих с просьбой внести тот или иной запрос правительству. В первую очередь выдвигались запросы о подтасовке выборов в Думу, о преследовании профессиональных обществ, о расправе с политическими заключенными в Кутомарской, Алгачинской и других тюрьмах, о результатах ревизии на Лене, о борьбе правительства со стачечным движением, о проведении «страхового закона», о деле социал-демократических депутатов II Думы и т. д.

Собирание материалов, подготовка и выработка запросов начались сразу же после организации социал-демократической фракции. Для того чтобы предъявить запрос, нужно было придать ему соответствующую юридическую форму, подобрать ссылки на статьи законов и различные правительственные распоряжения, которые составляли, так сказать, официальную мотивировку запроса. В составлении необходимых формулировок нам помогали Н. Н. Крестинский, Н. Д. Соколов, А. Юрьев и некоторые другие находившиеся в Петербурге социал-демократы юристы.

Как только в Думе закончились вопросы, связанные с ее открытием: проверка полномочий, выборы президиума, декларация правительства и ее обсуждение, — наша фракция внесла свой первый запрос правительству. Этот запрос был посвящен преследованию рабочих профессиональных обществ. Формальным основанием запроса послужил отказ в регистрации профессионального союза в Петербурге, фактически же запрос касался общего положения профессиональных союзов.

Организация и существование профессиональных союзов, как и других союзов и обществ, регулировались законом или, как он назывался, «временными правилами» от 4 марта 1906 г. Этот закон по существу был законом не об организации обществ, а об их закрытии. Профессиональные общества находились в полной зависимости от любого административного чина, начиная от губернатора и градоначальника и кончая полицейским приставом. Но, как бы ни были ограничены в своих правах профессиональные союзы, правительство считало, что и этого мало. «Временные правила» нарушались самым безобразным и беззастенчивым образом. Полиция считала их для себя необязательными и в любой день нарушала любую статью закона.

Закрытия обществ производились со скоропалительной бы-

стротой по самым невероятным поводам. Лишь только рабочий союз мало-мальски начинал развивать работу, как он немедленно попадал под «запрещение». Эти гонения не уменьшали, а лишь усиливали стремление рабочих к профессиональным объединениям. В ответ на закрытие обществ они организовывали новые общества под другими названиями, но с тем же самым составом и теми же задачами. Организация нового общества была обставлена целым лесом полицейских рогаток. Так называемые «особые присутствия», на обязанности которых лежало регистрировать союзы, пачками отказывали в регистрации уставов, выдвигая самые нелепые и неосуществимые требования. Не было ни одного союза, который получил бы регистрацию с первого раза. Сперва шла серия отказов; только в том случае, если терпение и настойчивость учредителей были поистине сверхчеловеческие, новый союз получал право на жизнь, вернее — право на быструю смерть по полицейскому усмотрению.

По статическим подсчетам того времени, за первое пятилетие действия закона 4 марта (с 1906 по 1911 г.) было закрыто 497 рабочих союзов и отказано в регистрации уставов 604 союзам. Еще в III Государственной думе, в апреле 1908 г., социал-демократическая фракция внесла запрос о преследовании профессиональных обществ, в котором было приведено 144 случая незаконных репрессий против рабочих союзов во всей России. Конечно запрос не был признан спешным и был сдан в комиссию, откуда появился на свет только через $1^1/_2$ года с ничего не говорящей резолюцией Думы, выразившей пожелание, «чтобы министр внутренних дел принял зависящие меры для исполнения подлежащими учреждениями временных правил 4 марта 1906 г.».

С 1911 г., вместе с ростом рабочего движения, усилилась и тяга к организации профессиональных объединений. Число профессиональных обществ стало расти, а соответственно росли по отношению к ним и полицейские репрессии. Особенно упорному преследованию в эти годы подвергался петербургский союз металлистов. Союз металлистов сыграл исключительную роль в развитии рабочего движения. Он имеет значение не только как профессиональное общество, но главным образом и в первую очередь как организация, собирающая партийные силы. Сюда стекались все передовые революционные рабочие. Это придавало ему исключительную внутреннюю живучесть и само собой разумеется вызывало особенно настойчивые преследования правительства.

Возникший нелегально еще в революцию 1905 г. союз, начиная с 1906 г., когда он официально зарегистрировался явочным порядком, пережил несколько закрытий и несколько возрождений под новым наименованием. Первое его название было «Союз рабочих по металлу», затем он переименовался в «Профессиональное общество рабочих по обработке металла», потом в «Профессиональное общество рабочих по металлу», которое в свою очередь было заменено «Профессиональным обществом рабочих, занятых в предприятиях металлообрабатывающей промышленности» и т. д. Каждое из этих обществ официально возникало заново, но фактически было продолжением предыдущего, от которого к нему переходили и союзная касса, и члены общества, и имущество. Этот маскарад с переименованием был хорошо известен полиции, которая по формальным основаниям не могла его запретить, а вынуждена была ждать момента, чтобы закрыть возникавшие якобы «новые» общества.

В марте 1912 г. союз пережил одно из очередных набегов полиции и был закрыт особым присутствием по целому ряду оснований, среди которых главное было хранение нелегальной литературы и руководство стачками. На этот раз полиция рассчитывала как можно дольше не разрешать регистрацию нового общества, с тем чтобы за этот срок организация окончательно расшаталась. Расчет оказался однако неправильным. У правления союза был в запасе еще один устав, утвержденный в 1908 г., который продолжал сохранять свою силу. Были наскоро сфабрикованы отчет и книги никогда не существовавшего общества, и ликвидационное собрание закрытого союза постановило передать ему все свое имущество и кассу, предложив перейти в него всем членам союза. Под новым наименованием союз металлистов просуществовал пять месяцев до осени 1912 г., когда, после ряда полицейских налетов, общество было снова закрыто. Закрытие общества официально мотивировалось тремя следующими обвинениями: недопущение полиции к ревизии дел, руководство забастовками и выдача пособий безработным. Особое присутствие утверждало, что пособие можно выдавать только членам союза; членами же союза могут быть только рабочие, занятые в определенном производстве. Таким образом безработный переставал быть членом общества. Это было вопиющее нарушение составленного по закону устава, нарушение, которое давало фабрикантам и заводчикам чрезвычайно простое средство расправы с любой про-

фессиональной организацией. Достаточно было объявить локаут, и тогда все члены профессиональных обществ становились безработными, а за отсутствием членов должен был закрыться союз.

Закрытие общества вызвало большое возмущение среди петербургских рабочих, но нисколько не ослабило в них стремления к профессиональному объединению. Ликвидационная комиссия, избранная на общем собрании, продолжала работу прежнего правления и затягивала ликвидацию дел до утверждения нового устава. В свою очередь полиция всячески мешала работе ликвидационной комиссии. Сперва полиция, против всех правил и законов, появлялась на заседаниях комиссии, а потом и вовсе запретила ей собираться. Члены общества заявили протест, но рассмотрение их заявлений в градоначальстве затягивалось на бесконечное время. Жалоба на неправильные действия полиции была подана 2 ноября. Прошел месяц — никакого ответа. Тогда члены ликвидационной комиссии отправились в градоначальство узнать разрешат ли им собраться. «Будет сообщено через полицию», получили они в ответ. Через две недели такой же ответ и т. д.

Мешая работе ликвидационной комиссии, полиция в то же время принимала все меры, чтобы не допустить возникновения нового общества. Поданный в особое присутствие новый устав был составлен с соблюдением всех законных «запятых». Но это не остановило особого присутствия, и оно отказалось зарегистрировать устав. Мотивы решения особого присутствия, принятого 6 октября и сообщенного учредителями только 28 ноября, были совершенно противозаконными и с полной ясностью вскрывали истинный смысл отказа — боязнь, что союз вновь станет руководителем революционной борьбы петербургских металлистов.

Все эти незаконные действия, которые совершенно ясно вскрывали общую политику преследования профессиональных организаций, социал-демократическая фракция решила использовать как материал для нового запроса правительству. После того как был собран необходимый материал, мы составили текст запроса. В запросе перечислялись следующие незаконные требования: запрещение содействовать умственному и нравственному развитию членов, непризнание за безработными права участия в союзе, установление годичных членских взносов вместо месячных, запрещение исключать лиц, «которые признаны третейским судом ви-

новными в неблаговидных поступках», наименование в уставе того благотворительного учреждения, которому передаются средства после закрытия общества, и т. д. Эти пункты решительно били по работе и самостоятельности профессионального объединения и совершенно парализовали его деятельность.

«Все приведенные требования, — писала наша фракция в запросе, — особое присутствие предъявило не только к обществу рабочих, занятых в предприятиях металлообрабатывающей промышленности, но предъявляет их ко всем профессиональным рабочим обществам, подающим в последнее время свои уставы на регистрацию. В таком образе действий особого присутствия нельзя не усмотреть грубое и незаконное вторжение администрации во внутреннюю жизнь профессиональных обществ и вопиющее нарушение закона 4 марта 1906 г. На основании изложенного мы обращаемся с запросом к министрам внутренних дел и юстиции.

1) Известно ли министру внутренних дел о том, что спб. [1] особое городское по обществам присутствие отказывает в регистрации профессиональным рабочим обществам по основаниям, не предусмотренным законом 4 марта 1906 г., чем нарушает этот закон?

2) Известно ли министру юстиции о том, что представитель прокуратуры, присутствуя при неоднократном нарушении спб. особым городским по обществам присутствием закона 4 марта 1906 г., не заявляет протеста против означенных нарушений?

3) Если министрам внутренних дел и юстиции известно об этом, то какие меры приняты ими для восстановления законности?»

Запрос был поставлен на обсуждение Думы 14 декабря, накануне роспуска сессии IV Государственной думы на рождественские каникулы. Защиту запроса с думской трибуны фракция поручила мне. Под видом защиты спешности я должен был говорить по существу самого запроса и, рассказав о незаконных преследованиях профессиональных обществ, показать широким рабочим массам, что ждать какого-либо улучшения своей жизни пролетариат может только в результате революционной борьбы. Таково было обычное содержание и построение речей рабочих депутатов.

[1] Спб. — т. е. петербургское. Официальное название царской столицы было — Санкт-Петербург.

Выступление по первому запросу социал-демократической фракции было в то же время моим первым выступлением с думской трибуны. Речи рабочих депутатов были совершенно нетерпимы для реакционного большинства Государственной думы. Своей остротой, прямотой и резкостью они приводили черносотенных зубров в неистовое бешенство. Особую нервность думское большинство проявляло, когда наши речи были посвящены положению петербургских рабочих. Волна все нараставшего революционного движения среди рабочих Петербурга с силой била в самые стены Таврического дворца, и наш обращенный к рабочим призыв усилить свою атаку превращался для заседавших в Думе верных защитников царизма в лишнее напоминание о том, что рано или поздно эта волна перехлестнет и крепкие стены этого царского оплота.

Сбить, запугать, сорвать речь — такова была тактика думского большинства, особенно при первом выступлении каждого рабочего депутата. И вся Дума в целом и выражавший ее волю президиум стремились сделать первое, даже самое скромное, выступление депутата от рабочих последним, сломать его, превратить в безгласное существо, каких много было на скамьях думского большинства. Основная масса этих депутатов большинства за все время существования Думы просидели в Таврическом дворце, ни разу не раскрыв рта. Их силком нельзя было вытянуть на трибуну: так они были запуганы всей обстановкой думского заседания.

Того волнения, которое охватывало каждого рабочего депутата при первом выступлении в Думе, никто из нас не только не испытывал до этого, но кажется не переживал и впоследствии. Когда я вышел на трибуну, я со всей силой почувствовал огромнейшую ответственность, падающую на рабочего депутата.

Речь в Государственной думе ничем нельзя было сравнить с теми выступлениями, которые приходилось проводить до того на различных нелегальных и легальных рабочих собраниях. Здесь мы, представители рабочих, стояли лицом к лицу с врагом, с вековыми угнетателями рабочего класса. Прямо и открыто, без всяких увerток и парламентских хитростей, мы должны были выразить все то, что думают рабочие массы, рассказать обо всех их нуждах и бросить их обвинения существующему строю. Каждое слово рабочего депутата через узкие двери думского зала шло к миллионам русских пролетариев, которые видели в нас выразителей и защитников

своих интересов. Наши речи, наши призывы становились новым оружием в руках пролетариата против его вековечных врагов. В миллионах сердец трудящихся отзывались прямые и революционные слова, которые мы, рабочие депутаты, от имени всего рабочего класса произносили с кафедры думского зала. Стоя на думской трибуне, мы должны были показать напряжение воли рабочего класса, показать ту силу, которую десятками лет накапливал русский пролетариат.

Большие трудности преодолевал каждый из нас, выступая, особенно на первых порах, в этом логовище царского самодержавия. Нужно было огромное напряжение, чтобы покрыть вой черносотенцев, чтобы прорвать колючую изгородь председательских рогаток и, осветив жестокое бесправие рабочего класса, от имени его бросить вызов в лицо врагов.

Депутатская неприкосновенность, «свобода» выступлений с думской трибуны — все это было ложью царского самодержавия. Для каждого из нас было совершенно ясно, что правительство только ждет повода, чтобы разделаться с рабочими депутатами. Пример социал-демократической фракции во II Думе, целиком сосланной на каторгу, был перед нашими глазами. «Одни идет с думской трибуны в министры, а другие — рабочие депутаты — на каторгу». Эти слова Владимира Ильича совершено ясно и определенно характеризовали положение и судьбу рабочих депутатов. Но чем сильнее была эта угроза, чем большие трудности приходилось нам преодолевать, тем большую силу приобретали наши думские выступления. Преследования, которым подвергались рабочие депутаты, имели свое революционизирующее значение, они еще крепче сплачивали ряды рабочего класса.

Я начал свою речь при настороженном внимании всего зала. Заседание было вечернее. Большой зал Таврического дворца был залит светом многочисленных люстр. В ложе совета министров сидели представители правительства, в другой ложе, рядом с трибуной, сотрудники столичных и провинциальных газет. Отделенные для публики хоры были переполнены. Справа, с хор, на меня наводили лорнеты жены сановников: им было любопытно, как будет держаться и что будет говорить в думе рабочий-слесарь. Слева, затаив дыхание, ловя каждое слово, слушала речь своего депутата кучка рабочих, которой удалось получить билеты на заседание.

На председательском месте возвышалась тучная фигура

Родзянко. Он приготовил свой звонок и весь превратился во внимание, чтобы не пропустить удобного момента и прекратить мою речь.

— Гг. члены Государственной думы, — начал я с обычно полагавшейся для думских речей фразы, — 6 октября 1912 г. особое присутствие в С.-Петербурге отказало в регистрации профессиональному союзу металлообрабатывающей промышленности. Общество рабочих по обработке металлов существовало до 21 августа с. г. Оно наиболее крупное, наиболее влиятельное из всех обществ в России. За несколько лет своего существования оно произвело самую культурную и плодотворную работу среди рабочих. Оно боролось с хаосом и анархией в отношениях между рабочими и хозяевами. Оно бдительно стояло на страже интересов рабочих. Оно служило примером для всех обществ в России, а посему мы настаиваем на спешности этого запроса. Где-нибудь в Англии или Германии такие союзы могли бы развиваться свободно, но ведь у нас не Европа. Союз металлистов давно намозолил глаза правительству, и вот слуга правительства — особое присутствие — решило раз навсегда покончить с союзом металлистов, и после целого ряда полицейских набегов, после целого ряда арестов членов правления и секретарей союз был закрыт. Мы посмотрим, какие же мотивы особого присутствия и почему оно закрывает такой крупнейший союз в России и почему оно вызывает 4 тыс. организованных рабочих? А вот почему: союз металлистов заявляет, что он имеет право содействовать умственному и нравственному развитию своих членов. Особое присутствие несогласно; оно заявляет, что не дело союза заниматься умственным и нравственным развитием своих членов. Далее, союз металлистов полагает, что он имеет право выдавать пособие, приискивать для своих членов работу; присутствие же отрицает это право и находит, что потерявшие работу не имеют права долее существовать в союзе. Стало быть общество не имеет права подыскивать работы и выдавать пособия. Союз металлистов думает, что членские взносы должны быть месячные, а особое присутствие указывает, что взносы могут быть лишь годовые. Союз металлистов думает, что он может исключить из своего состава лиц, признанных третейским судом совершившими неблагонадежные поступки; присутствие же заявляет, что союз не может этого делать. Наконец союз металлистов не говорит в своем уставе, какому именно благотворительному обществу должно быть передано имущество

союза, а между тем особое присутствие требует таковой оговорки. Таковы мотивы особого присутствия.

Господа, я должен заявить, что изложенные мотивы присутствия не имеют под собой законной почвы, более того, мотивы эти самым бесцеремонным образом нарушают закон 4 марта. В законе 4 марта имеется прямое указание на то, что союз имеет право содействовать умственному и нравственному развитию членов; особое же присутствие, вопреки закону, такое право за союзом отрицает. В законе 4 марта имеется прямое указание также и на то, что союз имеет право выдавать пособие и подыскивать для членов работу; присутствие же, вопреки закону, такое право за союзом отрицает. По закону 4 марта взносы и исключение членов и распоряжение союзным имуществом определяются самим союзом, между тем как особое присутствие, вопреки закону, отрицает такое право за союзом. Вы видите, господа, что отказ в регистрации является прямым нарушением закона со стороны присутствия; вы видите, что 4 тыс., а не какая-нибудь кучка рабочих остались без организации. Они имеют право на законном основании иметь союз, профессиональные общества.

Мы настаиваем, что союзы необходимы рабочим, как для рыбы — вода. Но особое присутствие нарушает не только ту или иную статью закона, но весь смысл, все содержание закона. Присутствие выпотрашивает из него все светлое и живое, превращает его в чучело, в пугало для рабочих и ведет его к вымиранию. Вместе с союзом должен умереть и закон 4 марта, ибо не к чему будет его применять. Для чего в самом деле рабочим итти в союз, если они не будут иметь права пользоваться умственным и нравственным удовлетворением? Ради чего они будут платить в союз, если они не получат пособия? Ради чего они пойдут в союз? Как сохранить союзу свой моральный авторитет, если он не будет иметь права исключать из своего состава лиц, нравственно падших? Наконец как понять особое присутствие: какому именно благотворительному обществу будет передано союзное имущество в случае закрытия? На-днях в Риге было закрыто культурно-просветительное общество, причем администрация конфисковала у этого общества капиталы, так как оно решило пожертвовать свои капиталы не какому-либо буржуазному богатому благотворительному обществу, а местной рабочей газете. Не желают ли особые присутствия ввести в практику конфискацию союзного имущества и тем окончательно подорвать в глазах рабочего значение союзов?

Вы видите, господа, что особые присутствия нарушают не только букву, но и дух закона, ибо они делают существование союза нелепым, они делают исполнение[1] закона невозможным. Я говорю о союзах, а не только о союзе металлистов, так как особое присутствие вообще не терпит союзов, оно старается стереть их с лица земли, оно закрыло часовщиков, колбасников, картонажников; и также им отказано было в регистрации. Провинциальные же присутствия ведут ту же залихватскую политику: например в Киеве, в Харькове, в Баку, на Урале, в Донецком бассейне также было отказано в регистрации. В Москве с 1916 г. отказано восемь раз металлистам, и в той же Москве было отказано три раза типографам, и обе категории остались до сего времени без союзов. Мотивы отказа, господа, одни и те же.

Такие факты, господа, нарушения закона деяниями особого присутствия — налицо. И все-таки особое присутствие не сидит на скамье подсудимых. Почему? Потому что особое присутствие является частью целого, называемого правительством. Правительство само нарушает им же выработанные законы, и это не единичный факт; вся современная политика правительства должна быть названа политикой нарушения закона. Изданные в 1905 — 1906 гг. законы, манифест 1905 г. нарушаются; свобода слова, печати: на словах «неприкосновенность личности», на деле — зверское издевательство и избиение. А закон о свободе союзов сделан для разрушения[2] союзов: за шесть лет закрыто не менее 600 союзов и отказано в регистрации не менее 700 союзам. (*Голоса* «К делу о спешности».)

Вот она — свобода союзов. По закону — свобода забастовок, на деле же — аресты за экономические забастовки; я не говорю уже о 500 расстрелянных ленских рабочих, по поводу которых министр Макаров хвастливо говорил: «Так было, и так будет».

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, я вас прошу ближе держаться вопроса о спешности.

Бадаев. Я только по запросу...

Председатель. Покорнейше прошу с председателем Государственной думы не спорить, а следовать его указаниям и держаться вопроса о спешности.

---

[1] В тексте стенограммы: «обременение». — *Ред.*
[2] В тексте стенограммы: «нарушения». — *Ред.*

Бадаев. По закону — свобода выборов в Думу, а на деле — арест уполномоченных и высылка...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, я напоминаю § 143 наказа. Прошу вас держаться вопроса о спешности.

Бадаев. ...аресты уполномоченных, высылка рабочих *(Смех справа и в центре.)*, например Иванова и др. *(Смех, шум, голоса:* «Браво».*)* Закон ограждает рабочих от корыстолюбия хозяев, а на деле он говорит... *(Шум, смех, звонок председателя.)* Закон должен ведь говорить о законности, о таких формах...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, еще раз усердно, покорнейше прошу вас держаться вопроса о спешности.

Бадаев. Я и держусь вопроса только о спешности. Теперь посмотрим, как поступает правительство, как рабочие союзы закрываются.

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, если вам не угодно подчиниться моим указаниям, я буду вынужден лишить вас слова. Прошу еще раз держаться вопроса о спешности.

Бадаев. Кому не известно общество фабрикантов в Москве и Центрально-промышленном районе, так называемое нефтепромышленников, металлургов и горнопромышленников...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, вам не угодно подчиниться моим указаниям и вы не можете говорить о спешности?

Бадаев. Я и говорю о спешности.

Председатель. Покорнейше прошу со мной не спорить. Я прошу держаться вас вопроса о спешности.

Бадаев. В то время как бастующих рабочих расстреливают, синдикаты и тресты...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, я вас лишаю слова, потрудитесь оставить кафедру.

Я сошел с трибуны под двойные рукоплескания: левая каемка зала аплодировала моей речи, правые скамьи и центр аплодисментами приветствовали Родзянко, учинившего расправу над рабочим депутатом.

Наш запрос о преследованиях профессиональных союзов разумеется был провален дружным голосованием думских черносотенцев. Эта же участь постигла и второй запрос социал-демократической фракции о неразрешении собраний и

выборов в страховые органы, обсуждавшийся в том же заседании думы 14 декабря. По обоим запросам Думой была отвергнута спешность, и они были переданы в комиссию по запросам, где были похоронены по первому разряду. Другого решения от помещичье-дворянской думы рабочий класс и не ожидал. Внесение запросов имело своей целью произвести демонстрацию и обнажить сущность и истинный смысл правительственного строя.

Эта демонстрация, произведенная социал-демократической фракцией внутри черносотенной думы, была поддержана и подкреплена выступлением питерских рабочих, объявивших в день обсуждения запросов однодневную забастовку. В то время как с думской трибуны мы говорили о новом произволе царизма, на фабриках и заводах Петербурга рабочие бросали работу и на летучих митингах принимали резолюции протеста.

Однодневная забастовка 14 декабря носила вполне организованный и заранее подготовленный характер. «Правда» изо дня в день писала о преследованиях, которым подвергались профессиональные общества и в частности созываемые ими собрания по страховым вопросам, о «назначенстве» уполномоченных от рабочих в страховых органах и о самом смысле всего ублюдочного правительственного закона о страховании. Наметанный глаз передовых рабочих читал между приличных, с точки зрения цензуры, строк призыв выступить с демонстрацией в день обсуждения в Государственной думе первых наших запросов. О необходимости такого выступления открыто говорилось на рабочих легальных и нелегальных собраниях, которые устраивались профессиональными обществами. Наконец 13 декабря большевики за подписью ЦК РСДРП выпустили прокламацию с призывом поддержать однодневной забастовкой социал-демократическую фракцию.

Забастовку начал Путиловский завод. С утра 14 декабря в 10 мастерских завода бросило работу около 6 тыс. рабочих. За Путиловским последовали Невский судостроительный, Парвиайнен, Новый Лесснер, Пиптш, фабрика Алексеева, фабрика Паля и др. С обеда к забастовке присоединились 6 тыс. рабочих остальных мастерских Путиловского завода и обе фабрики (Петровская и Спасская) Максвеля. Всего в первый день забастовки (14 декабря) бастовали рабочие 13 фабрик и заводов. Стачка протекала дружно, у станков на забастовавших заводах остались лишь незначительные группы,

*

вернее — единичные рабочие, главным образом женщины. Уже накануне, когда появились прокламации, на ряде заводов состоялись собрания, приветствовавшие внесение запросов в Государственную думу и обещавшие поддержку нашей фракции. «Своей забастовкой, — говорилось в резолюции, принятой на фабрике Паля, — мы поддерживаем запрос социал-демократической фракции IV Государственной думы». Все резолюции содержали решительный протест против преследования профессиональных обществ и полицейского насаждения страховых органов.

14 декабря забастовка не закончилась. С утра следующего дня к стачке продолжали присоединяться фабрики и заводы, не успевшие забастовать накануне. На некоторых заводах рабочие не ограничились однодневной забастовкой и продолжали бастовать еще несколько дней. На Парвиайнене забастовка продолжалась три дня. Завод за заводом, фабрика за фабрикой присоединялись к ранее забастовавшим. Забастовочная волна, вызванная первыми запросами нашей фракции в Государственной думе, продолжалась более недели. Трудно подсчитать точно, сколько человек приняло участие в этой стачке. Во всяком случае в ней участвовало не менее 60 тыс. человек, т. е. рабочие всех крупнейших питерских заводов. Но бастовали и мелкие предприятия — типографии, мастерские и т. д. Внушительная забастовка протеста питерского пролетариата демонстрировала полную солидарность широких рабочих масс со своими депутатами, которые выступали в думе, имея за собой огромную поддержку.

Забастовочное движение, связанное с думскими запросами социал-демократической фракции, сопровождалось не только обычными в таких случаях полицейскими репрессиями, но и контратакой фабрикантов и заводчиков.

3 тыс. рабочих Петровской и Спасской мануфактур Максвеля 15 декабря, на другое утро после однодневной забастовки, увидели на закрытых воротах обеих фабрик следующее объявление: «В виду частых забастовок и предупреждения заранее рабочих, администрация фабрик вынуждена рабочим выдать расчет. О дне расчета будет объявлено особо». Вокруг фабрик расположились усиленные наряды околоточных и городовых. Рабочие решили получки не брать, зная, что каждый день простоя фабрики приносит большой убыток владельцам, имевшим большие заказы. В первой половине дня за расчетом явились только несколько мастеров-штрейкбрехеров, уверенных, что они будут затем вновь приняты на работу.

После обеда настроение несколько поколебалось, и в контору потянулся длинный хвост за получкой. Администрации усиленно помогала полиция, «загонявшая» рабочих в контору. В конторе сидел управляющий мануфактурой, держа в руках список всех «крамольников». После того как кассир выдавал расчет, — в большинстве случаев от 50 коп. до 1 руб., так как весь заработок был удержан за забор в фабричной лавке, — управляющий ставил в книжке штамп тем, кого принимали обратно на работу. Не брали очень многих. Стараясь как можно сильнее ударить по рабочим, администрация рассчитывала целыми семьями — мужей с женами, отцов с дочерьми, братьев с сестрами и т. п.

Произведенная администрацией фильтровка рабочих однако не помогла. Принятые обратно рабочие на другой день проработали только несколько часов и с обеда дружно забастовали, выставив требование об обратном приеме всех уволенных. Полиция попробовала загнать на фабрику вышедших из мастерских рабочих, но потерпела неудачу.

Рабочие разошлись со свистом и угрозами по адресу полицейских.

Несмотря на аресты, на ряд репрессий, вроде выселения уволенных с фабричных квартир, рабочие не сдавались и требовали полной ликвидации последствий локаута. Вокруг локаута завязалась упорная борьба, в которой максвельцы встретили горячую поддержку всего петербургского пролетариата. На всех фабриках и заводах начались сборы в пользу подвергшихся локауту и на поддержку забастовки.

Центром и организатором всех сборов была наша думская фракция. К нам ежедневно поступали деньги, собранные не только на петербургских фабриках, но и среди рабочих других промышленных центров (Москва, Варшава, Лодзь, Рига). Длинный список фабрик и заводов, на которых производились сборы, ежедневно публиковавшийся фракцией в «Правде», указывал на то, что рабочий класс видел в борьбе максвельцев не какое-либо случайное явление, а один из участков своей общей борьбы с капиталом.

Члены социал-демократической фракции — рабочие депутаты были в центре всей этой развернувшейся борьбы. Мы были в непрерывном общении с забастовщиками, принимали участие в обсуждении их требований, передавали им собранные деньги, ездили для переговоров в различные правительственные учреждения и т. д.

На обеих мануфактурах забастовка продолжалась больше

двух недель. По тем временам это был очень продолжительный срок, который рабочие могли выдержать лишь благодаря моральной и материальной поддержке, оказанной им всеми петербургскими фабриками и заводами.

ГЛАВА VI

Краковское совещание

Шестерка и ЦК большевиков. — Анкета Владимира Ильича. — Как осуществлялась связь с ЦК.— Краковское совещание. — Важнейшие решения совещания. — Совещание о работе думской фракции.—Указания и директивы Владимира Ильича.— Поездка депутатов на места. — Настроения рабочих в провинции.

Социал-демократическая фракция Государственной думы являлась органической частью партии. Фракция играла очень крупную роль в работе российской социал-демократии, но была лишь одной из партийных организаций. Все решения и резолюции партийных съездов и конференций, обсуждавших вопрос о работе социал-демократической фракции и во II и в III Думах, определяли фракцию как служебный орган, подчиненный партии и ее Центральному комитету. В этом подчинении, в этой строго централизованной системе заключался закон успешной революционной работы. Вне этого принципа в условиях подполья вести работу было невозможно. Только при таком построении организации наша партия могла преодолеть трудности переходного периода между двумя русскими революциями.

В лагере меньшевизма такого строгого подчинения директивам центра не было. Меньшевики-думцы и в предшествовавших думах игнорировали и нарушали партийную дисциплину, отрываясь от руководящих центров партии, и часто противопоставляли им фракцию, которую они рассматривали как какой-то надпартийный орган. Такая же линия сохранилась и у меньшевистских депутатов IV Думы.

Наоборот, депутаты-большевики находились в самой тесной и неразрывной связи с руководящим партийным органом. Уже вся выборная кампания в IV Думу прошла под руководством и по директивным указаниям нашего Центрального комитета. Из Кракова, где находился заграничный партийный центр, протягивались тысячи нитей, крепко увязывавших всю предвыборную работу наших организаций в единое

целое. Помимо общих указаний по вопросам избирательной борьбы Центральный комитет принимал деятельное участие в обсуждении кандидатур от рабочих курий. Таким образом депутаты-большевики вступили в Государственную думу, как представители не только местных организаций, но и всей партии в целом.

Выборы в Думу, начало работы, а затем вся последующая деятельность нашей шестерки проходили под непосредственным руководством Ленина. С чрезвычайным вниманием прислушивался он ко всем настроениям рабочих во время выборов, следил за нелегальными предвыборными собраниями, посылал свои директивы и указания, направлял избирательную кампанию «Правды» и т. д. В редакцию газеты он посылал статью за статьей, в которых призывал рабочих отдать свои голоса большевикам и разоблачал закулисную борьбу ликвидаторов.

Сразу после выборов, как только рабочие депутаты съехались в Петербург, Владимир Ильич заботится об организации фракции, интересуется каждым депутатом в отдельности, подытоживает результаты избирательной кампании, выясняет, в какой обстановке происходили выборы, с какими наказами приехали депутаты. Из Кракова была прислана специальная анкета для избранных от рабочих курий депутатов. В девятнадцати пунктах этой анкеты — подробные вопросы о ходе избирательной кампании и о самих избранных в Думу рабочих депутатах. Анкета чрезвычайно подробно останавливалась на степени участия рабочих в выборах, причинах недостаточной явки на избирательные собрания, бойкотистских настроениях, распространении предвыборной литературы, способа составления кандидатских списков, спорах на собраниях, составе уполномоченных, выступлениях других политических партий, репрессиях во время выборов и т. д. Вопросы касались всех стадий выборов, начиная от избрания уполномоченных и кончая выборами депутатов, причем здесь выяснялись отношения с выборщиками от других курий, в особенности от крестьян. Параллельно с этим ставились вопросы, ответы на которые должны были выяснить ряд моментов партийной работы — устройство нелегальных собраний, распространение газеты и подпольных изданий, степень влияния большевиков и ликвидаторов и целый ряд других аналогичных вопросов.

Владимир Ильич просил, чтобы каждый депутат, не ограничиваясь одними формальными ответами, связно рассказал

о своем избирательном районе, описал все, что происходило на выборах. «Только пусть не ставят официально во фракции. Пойдет только волокита и склока. Пусть сделают сами и поскорее», — писал Владимир Ильич.

По мере развития деятельности фракции связь нашей шестерки с ЦК и в первую очередь с Владимиром Ильичом все более укреплялась. В Краков посылались различные материалы, сообщения, информации; оттуда в свою очередь депутаты-большевики получали разработанные материалы, литературу, тезисы для выступлений, указания по отдельным вопросам, возникавшим в процессе работы, и т. д. Эта связь осуществлялась и шифрованными письмами, и через нелегально переходивших границу и приезжавших в Петербург партийных товарищей, и всяческими другими способами. Для сношений и мы и ЦК использовали каждый удобный случай. Связь эта была конечно строго законспирирована. Так в переписке фамилии никогда не назывались: вместо фамилий ставились условные номера или партийные клички. Я проходил под № 1. Малиновский — № 3, Петровский — № 6, Самойлов — № 7, Я. М. Свердлов в переписке назывался Андреем, И. В. Сталин — Василием и т. д. Клички и номера менялись в случае подозрений, что охранка догадывается, к кому они относятся.

Как видно теперь из архивных материалов, охранка при слежке в свою очередь именовала нас кличками, которые в разных районах были различны. Так Петровский на Украине назывался «Пройдоха», а Петербурге — «Осетр», Муранов — «Мурый» и «Газетный», Шагов — «Лец» и «Шуйский», Н. В. Крыленко в донесениях полиции назывался — «Номерной», Е. Ф. Розмирович — «Киевская» и т. п.

Охранка широко пользовалась системой перлюстрации (т. е. вскрытием и просмотром) писем. Существовавший при главном почтамте «черный кабинет» (агентура охранки, занимавшаяся вскрытием писем) просматривал все письма, адресованные социал-демократическим депутатам. Почтой мы поэтому совсем не пользовались, а если пользовались, то по условным адресам.

Наибольший же материал давали охранке провокаторы. То, что провокаторы нас окружали, мы конечно знали. Уличить их однако было не так-то легко. Поэтому мы соблюдали величайшую осторожность, проводя строжайшую конспирацию по всей линии, сверху донизу.

Каждое нарушение конспиративной техники уже само по

себе вызывало подозрения, заставляло думать, не скрывается ли за этим какая-либо полицейская хитрость. Мне помнится один характерный случай. Рабочий Путиловского завода Киселев, бывший членом партийной организации, однажды прислал мне по почте письмо с предложением поставить на разрешение Петербургского комитета какой-то вопрос. Присылка письма обыкновенным путем — почтой, да еще без соблюдения шифра, сразу же возбудила во мне подозрение, что автор причастен к охранке. Я довел об этом до сведения Петербургского комитета и фракции, и решено было взять Киселева на учет и воздержаться от сношений с ним. Впоследствии основательность наших подозрений оправдалась — Киселев оказался провокатором.

Конечно не всегда удавалось во-время поймать провокаторов. Они, с своей стороны, были наглухо законспирированы и соблюдали исключительную осторожность. И все же надо сказать, что, как ни хорошо была организована полиция у царского правительства, какой бы осведомленностью она ни обладала, наши сношения с партийными организациями и в первую очередь с центральными органами партии проходили большей частью вне поля зрения охранки и были хорошо прикрыты налаженной конспиративной техникой.

Переписка и сношения через третьих лиц не давали однако возможности детально обсудить планы работы, не позволяли во всем объеме ставить вопросы как думской, так и внедумской деятельности фракции. Вместе с тем и для всего руководства нашей партии представлялось необходимым использовать опыт и мнения рабочих депутатов, вокруг которых концентрировалась вся партийная работа внутри России, тем более что созыв очередных партийных съездов в условиях подполья представлял колоссальные трудности.

Уже до открытия Думы, как я указывал, был поставлен вопрос о необходимости созыва за границей совещания, в котором должны были принять участие депутаты-большевики. На совещании должна была быть установлена твердая революционная линия работы депутатов, и совместно с ЦК должен был быть разработан план думской и внедумской большевистской деятельности части социал-демократической фракции. С другой стороны, созыв совещания диктовался необходимостью выявить задачи большевиков в связи с новым подъемом революционного движения в стране и положением внутри партии. Роль и значение совещания далеко вышли за рамки обсуждения деятельности депутатов-большевиков. Совеща-

ние по существу явилось очередной партийной конференцией, работа и решения которой явились крупными вехами в истории нашей партии и в развитии революционной борьбы рабочего класса.

Местом совещания был назначен г. Краков в Галиции. Созыв совещания совпал с рождественскими каникулами Государственной думы, занятия которой были прерваны 15 (28) декабря 1912 г. В связи с забастовкой в Петербурге и локаутом на фабрике Максвеля мы не сразу могли выехать из Петербурга. Острая борьба, которая разгорелась вокруг локаута и забастовки у максвельцев, требовала присутствия в городе рабочих депутатов, в особенности моего присутствия как депутата от петербургских рабочих. Когда помощь забастовщикам была более или менее налажена, приток денежных сборов стал усиливаться и вокруг забастовки была мобилизована вся пролетарская общественность, у нас появилась возможность выехать в Краков.

Начавшееся в последних числах декабря совещание закончилось в первые дни нового года [1]. По конспиративным соображениям краковское совещание было названо февральским и под этим наименованием фигурировало в печати и в партийных сообщениях. В совещании, происходившем, под председательством В. И. Ленина, кроме депутатов участвовали: Крупская, Сталин, Каменев, Зиновьев, Трояновский, Лобова, Розмирович и еще несколько товарищей-делегатов из крупных рабочих центров. Из депутатов на краковском совещании были: Петровский, Малиновский, Шагов и я.

Со времени Пражской конференции, происходившей в январе 1912 г., прошел год. Этот год был годом бурного развития революционного движения, выразившегося в огромном росте политических и экономических стачек, в массовых демонстрациях, создании и укреплении рабочей печати и т. д. Большевики окончательно сформировались в самостоятельную партию, борьба которой с меньшевиками все более обострялась. Среди меньшевиков господствовали ликвидаторские тенденции, с определенной ясностью проглядывавшие даже в речах и формулировках так называемых меньшевиков-партийцев.

Борьба большевиков с ликвидаторами успешно развивалась по всему фронту рабочего движения. Революционная политика большевиков била меньшевиков по всей линии.

[1] Краковское совещание происходило с 28 декабря ст. ст. 1912 г. по 1 января 1913 г.

Выборы в Государственную думу, давшие решительную победу по рабочим куриям, были в этом отношении чрезвычайно показательными. Они подтвердили прежде всего, что влияние большевиков среди широких масс огромное, что рабочий класс в своей революционной борьбе идет по большевистскому пути.

Первый месяц работы думской фракции показал, что рабочие депутаты ведут правильную политическую линию. Вместе с тем стало ясно, что меньшевики ведут и будут в дальнейшем вести упорную борьбу с рабочими депутатами, которые противопоставляли меньшевистскому большинству во фракции подлинно революционную большевистскую тактику. С точки зрения интересов рабочего класса, меньшевистское большинство фракции в первую же сессию IV Государственной думы успело сделать ряд поступков, приносивших громадный вред всему революционному движению. Эти поступки должны были получить решительное осуждение.

Все эти вопросы, занимавшие большое место в революционной борьбе, стояли перед краковским совещанием, которое должно было дать директивы партии на ближайшее время.

Совещание, интенсивно проработавшее несколько дней, приняло целый ряд постановлений, в которых были разрешены многие практические вопросы, была дана оценка политического положения в России и определена линия дальнейшей борьбы рабочего класса.

Краковское совещание, признавая чрезвычайную важность единства, подчеркнуло, что это единство возможно лишь при условии признания нелегальной организации. Объединение социал-демократических рабочих должно происходить «снизу — с заводских комитетов, районных групп и т. д., с проверкой товарищами рабочими на деле, осуществляется ли признание нелегальной организации и готовность поддерживать революционную борьбу и революционную тактику». Так именно ставил вопрос Ленин, неоднократно подчеркивавший, что вопрос об единстве можно и нужно ставить только снизу, только по отношению к революционным рабочим, а отнюдь не к тем, кто является противником и извратителем революционного марксизма. Таким образом совещание еще раз подтвердило решительное размежевание с меньшевиками и необходимость настойчивой борьбы с их разлагающим влиянием на рабочие массы.

«Единственным правильным типом организационного строительства, — говорилось в другой резолюции совещания, —

в переживаемую эпоху является нелегальная партия как сумма партийных ячеек, окруженных сетью легальных и полулегальных рабочих обществ». Нелегальные ячейки должны быть организационно приспособлены к местным и бытовым условиям.

Главной задачей является создание на фабриках и заводах партийных нелегальных комитетов с одной руководящей организацией в каждом центре.

Совещание признало лучшей формой организации такую, которая существовала в Петербурге. В построении Петербургского комитета сочетались принцип выборности от районов с принципом кооптации (привлечения), что делало ЦК, с одной стороны, органом очень подвижным и хорошо связанным с низовыми ячейками, а с другой стороны, хорошо законспирированным от преследования полиции. Вместе с тем выдвигалась необходимость организации областных центров и система «доверенных» лиц для связи с местными группами и Центральным комитетом. Принятая совещанием резолюция о строительстве партии устанавливала стройную систему партийной организации, крепко спаянной и связанной по всей линии снизу доверху.

Одним из центральных вопросов на совещании был доклад нашей думской социал-демократической фракции. Работа фракции была подвергнута внимательному и подробному обсуждению. За первый месяц, прошедший со дня открытия Думы, фракции пришлось уже выявить свое отношение к целому ряду больших и важных вопросов. Вопрос о приеме во фракцию Ягелло, декларация, первые запросы, — все это давало возможность совещанию сделать общую оценку работы думской фракции.

«1. Совещание констатирует, что, несмотря на неслыханные преследования и поддержку выборов со стороны правительства, несмотря на вполне определившийся во многих местах черносотенно-либеральный блок против социал-демократов, РСДРП одержала громадные победы на выборах в IV Думу. Почти повсюду возросло число голосов за социал-демократов во второй городской курии, которую социал-демократия все более вырывает из рук либералов. А в главной для нашей партии рабочей курии РСДРП сохранила безраздельное господство, причем рабочий класс выбором всех куриальных депутатов-большевиков особенно дружно подчеркнул всю непреклонную верность старой РСДРП и ее революционным заветам.

2. Совещание приветствует энергичную деятельность социал-демократических депутатов IV Думы, выразившуюся в ряде думских выступлений, во внесении запросов и в прочтении декларации, в общем правильно выразившей основные принципы социал-демократии.

3. Признавая единственно правильной установившуюся в нашей партии традицию, в силу которой думская социал-демократическая фракция является органом, подчиненным партии как целому, в лице его центральных учреждений, совещание находит, что в интересах политического воспитания рабочего класса и правильной постановки думской работы партии необходимо внимательно относиться к каждому шагу социал-демократической фракции и таким образом осуществлять контроль партии над фракцией».

Совещание дало решительную отповедь меньшевикам за целый ряд их поступков, расходившихся с общей линией партии. Принятием во фракцию Ягелло и тем самым косвенным одобрением раскольнического шага Бунда меньшевики, по мнению совещания, углубили раскол среди рабочих Польши и затруднили дело единства во всей партии. В одной из думских речей меньшевик А. И. Чхенкели, под видом «создания необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности», высказался за самостоятельное в организационном смысле существование национальных социал-демократических партий в России. Такое выступление от имени фракции, по поручению которой Чхенкели выступал в Думе, решительно было осуждено совещанием как явное нарушение партийной программы: «Уступка националистическим настроениям, даже и в такой прикрытой форме, недопустима для пролетарской партии». Наконец упущением фракции, как указывало совещание, было голосование за прогрессистскую формулу перехода по министерской декларации и невнесение самостоятельной формулы перехода к очередным делам.

Резолюция краковского совещания о думской социал-демократической фракции содержала 9 пунктов. По конспиративным соображениям в партийной печати были опубликованы только первые шесть. В связи с утерей всех документов, относившихся к краковскому совещанию, восстановить эти три пункта до сих пор не удалось. Тем труднее это сделать больше чем через пятнадцатилетний срок на память. Эти пункты относились к внедумской деятельности большевистской шестерки, на которую совещание возлагало целый ряд важных задач по подпольной работе нашей партии. Совещанием был также поставлен вопрос о включении депутатов-большевиков в состав Центрального комитета.

За те дни, которые мы провели в Кракове, общие и отдельные вопросы работы шестерки обсуждались с большой подробностью и в беседах с Владимиром Ильичом и с другими товарищами, членами нашего заграничного центра.

Рабочие депутаты, говорил В. И. Ленин, должны использовать думскую трибуну для агитационных выступлений, для того чтобы двигать вперед революционное движение в стране путем разоблачения и царского правительства и всей фальши так называемых либеральных партий. Рабочего депутата должен слышать весь рабочий класс России. Но думские выступления были только одной стороной работы фракции. Большевистская шестерка как часть единого партийного целого должна вести огромную работу вне Думы. Создание партийных организаций, руководство ими, партийная печать, работа в профессиональных обществах, — все это является первейшей обязанностью рабочих депутатов, требующей от них огромного напряжения и энергии. Рабочий депутат должен находиться в постоянной связи с широкими рабочими массами, со всеми рабочими легальными и нелегальными организациями, которые должны видеть в думцах-большевиках своих руководителей и организаторов революционной борьбы. Эта мысль настойчиво подчеркивалась в беседах с нами Владимиром Ильичем.

В частности на меня, по настоянию Ленина, были возложены, помимо другой работы, обязанности по изданию «Правды». Владимир Ильич говорил мне, что я должен взять это на себя как петербургский депутат, непосредственно связанный с массой питерских рабочих. «Правда» имеет отнюдь не одни лишь воспитательные и пропагандистские задачи, а является важнейшим организационным центром. Моя обязанность, как подчеркивал Ильич, быть в этом центре.

Во время краковского совещания рабочими депутатами совместно с ЦК подробно были разработаны все отдельные вопросы деятельности большевистской шестерки. Из Кракова мы вернулись, снабженные конкретными, практическими указаниями. Не только была твердо определена линия всей деятельности шестерки, но было установлено, кому и по каким вопросам выступать, какие материалы подготовить, что делать в ближайшие дни по внедумской работе и т. д.

Для нас, рабочих депутатов, которым приходилось вести работу в чрезвычайно сложной и враждебной обстановке, живой обмен мыслей с руководящим ядром нашей партии, и в первую очередь конечно с Владимиром Ильичом, имел первостепенное значение.

Владимир Ильич к каждому депутату подходил индивидуально и сумел в каждом из нас усилить во много раз волю к энергичной, напряженной борьбе.

С своей стороны и наше участие в совещании сыграло значительную роль в работе и решениях краковской конференции. Нам хорошо были известны все оттенки настроений широких пролетарских масс.

Наши подробные сообщения дали возможность конференции точно учесть эти настроения и сделать из них соответствующие выводы.

После возвращения из Кракова все рабочие депутаты, воспользовавшись думскими каникулами, отправились в объезд районов, от которых они были избраны. Этот объезд имел целью, кроме отчета за первую сессию думской работы, провести на местах решения краковской конференции и усилить работу местных нелегальных ячеек.

Такого рода поездки, практиковавшиеся рабочими депутатами во время каждого перерыва думских заседаний, а иногда даже в середине сессии, имели огромное значение для оживления рабочего движения на местах. Депутаты налаживали и закрепляли партийные связи, организовывали новые ячейки, вели огромную агитационную и пропагандистскую работу и в свою очередь получали пожелания и директивы рабочих избирателей.

Во всех наказах, привезенных с собой социал-демократическими депутатами, выдвигалось пожелание, чтобы они как можно чаще посещали свои районы и имели с ними как можно более тесную и крепкую связь.

Надо сказать, что рабочим депутатам это вполне удавалось. На имя каждого из нас ежедневно поступала огромная корреспонденция с мест, в которой была и подробная информация о том, что происходит в том или ином пункте, и высказывались различные пожелания и требования. Все это служило материалом для нашей думской работы, разрабатывалось и сводилось нами в виде очередных вопросов правительству в критических и обличительных речах по правительственным законопроектам и т. д.

Еще больший материал давали личные поездки рабочих депутатов. Эти поездки вызывали всегда особое беспокойство царской охранки. Не пустить депутата выехать полиция никак не могла: так называемая депутатская неприкосновенность все же существовала даже и для рабочих депутатов. Но зато поездками депутатов полиция пользовалась, чтобы проследить тех, с кем они встречались. Задолго до окончания сессии департамент полиции рассылал всем губернаторам и всем начальникам охранных отделений распоряжения зорко

следить за приездом во «вверенные им губернии» революционных депутатов Государственной думы.

Перечислялись приметы и посылались наши фотографические карточки. Таким образом уже на станции, где высаживался рабочий депутат, его встречал конвой из местных «гороховых пальто», которые неотступно следили за каждым его шагом.

Для большей уверенности, что депутат не скроется, петербургская охранка направляла своих филеров, сопровождавших депутата до того места, где могла начаться слежка местных шпионов. Петербургский шпик сдавал депутата провинциальному охраннику под расписку, как какую-либо вещь. Велик был конфуз шпиков, когда, несмотря на все эти меры, депутат из-под их носа скрывался в «неизвестном направлении». Но не всегда полиция могла уследить, когда именно кто-либо из наших членов фракции уезжал из Петербурга. Само собой понятно, что мы старались это делать незаметно, сплошь и рядом уезжали на вокзал не из собственной квартиры, а из какого-либо другого места.

Полиция делала выговор дворникам и швейцарам наших домов за то, что они не сообщали о нашем отъезде; дворники же оправдывались тем, что депутаты не уведомляют о своем отъезде, не отмечают паспортов и не выполняют прочих обязательных формальностей.

Слежка за рабочими депутатами была настолько неотступная и наглая, что иногда члены нашей фракции, выведенные из себя, вынуждены были телеграфировать министрам и требовать, чтобы их оставили в покое. Конечно наблюдение из-за этого не приостанавливалось, и дело лишь ограничивалось предложением шпикам вести свою работу более исправно и стараться не «раздражать» депутатов. Зато местная власть, инструктированная департаментом полиции, старалась найти всякий повод, чтобы «законно» прервать поездку депутата, а если удастся, даже найти материал для привлечения его к ответственности.

Кажется, с т. Мурановым в одном из поволжских городов был такой случай: на квартиру, где он ночевал, явилась полиция, арестовала хозяина квартиры и начала производить обыск. На столе лежал портфель Муранова. Когда жандармский офицер хотел открыть портфель, Муранов запротестовал, заявив, что он депутат Думы, и вынул из портфеля свои документы. Жандарм был вынужден ретироваться. Однако высшее полицейское начальство затем сделало ему строгий вы-

говор. Пока, говорилось в выговоре, Муранов не предъявил документов, а портфель лежал в стороне от него, обыскивавший не должен был «поверить», что это депутат Думы, и не должен был допустить его к портфелю, «который мог оказаться принадлежащим кому-нибудь другому». Этим моментом надо было воспользоваться, чтобы осмотреть содержание портфеля и не пропустить случая отыскать материал, который мог послужить для каких-либо законных обвинений рабочего депутата, а быть может и всей социал-демократической фракции.

До поры до времени полиция ходила вокруг рабочих депутатов и, боясь ответного взрыва революционного движения, не решалась открыто нападать на нас. Зато жестоко расправлялась она со всеми, кто имел к рабочим депутатам хотя бы отдаленное отношение. Положение рабочего депутата было исключительно тяжелым; при малейшей неосторожности он рисковал «провалить» не только отдельных товарищей, но и целые организации. Поэтому во время поездок на места (а в Петербурге и подавно) мы действовали крайне конспиративно и старались всячески запутать следовавших за нами шпиков. В провинциальном городе, где вся жизнь была как на ладони и где приезд члена Государственной думы был крупным событием, сделать это было не так-то легко. И все же члены нашей фракции во время своих поездок на места проделывали огромную работу и вносили большое оживление в деятельность местных легальных и нелегальных организаций. Результатом поездок рабочих депутатов были обычно и усиление забастовочного движения, и организация новых партийных ячеек, и увеличение подписки на «Правду», и наконец общее повышение революционного настроения.

Вернувшись из своей первой поездки на места в январе 1913 г., рабочие депутаты имели возможность констатировать большой подъем революционного настроения рабочего класса. Полоса апатии, столь характерная для предыдущих годов реакции, осталась окончательно позади.

В самых широких кругах рабочих масс ясно чувствовалась воля к борьбе, энергия, стремление к организованным выступлениям, живой интерес к вопросам политической жизни страны.

Мои товарищи по фракции не имели возможности сделать свои отчетные доклады на больших легальных собраниях — такие собрания неизменно запрещались губернаторами; приходилось выступать нелегально или организовывать на заводах и фабриках явочным порядком летучие митинги.

Первый месяц работы социал-демократической фракции встретил в целом одобрение рабочих избирателей. С удовлетворением отзывались о нашей декларации, где нашли себе место «неурезанные» требования рабочего класса; вполне правильным признавались и выступления по первым запросам социал-демократической фракции. Рабочие расспрашивали депутатов о том, что происходит в Думе, причем их интересовали даже детали думской работы. Интересовались и лагерем врагов, черносотенными зубрами, из которых особую «скандальную» известность приобрели Пуришкевич и Марков 2-й. Общее же отношение к Государственной думе было совершенно ясное и определенное: никаких улучшений от ее работы рабочие не ожидали, вполне понимая, что пролетариат может добиться каких-либо результатов лишь упорной революционной борьбой.

Январская поездка членов нашей фракции большевиков по России дала возможность проверить, насколько правильно решение краковской конференции о ликвидаторстве и объединении партии. Сколько-нибудь значительного влияния ликвидаторов в рабочей массе не чувствовалось. Ликвидаторское течение, родившееся и поддерживаемое главным образом в кругах интеллигентов-литераторов, во многих районах совершенно отсутствовало и было чуждо рабочим. Поэтому среди некоторых социал-демократических групп наблюдалось непонимание необходимости той острой полемики, которая велась между «Правдой» и «Лучом»[15]). Единства в партии необходимо было достигнуть не путем дипломатических переговоров наверху, а снизу в местных ячейках, между самими революционными рабочими, с тем чтобы все входящие в партию товарищи не вели борьбу против «подполья», а сами входили в него. Лишь после этого можно было приступить к объединению всей партии в целом.

Это мнение вполне соответствовало той линии, которая была намечена краковской конференцией.

Рабочее движение в Петербурге в 1913 году

ГЛАВА VII

Взрыв на Охте

Начало 1913 г. — Взрыв на Охтенском пороховом заводе. — Почему произошел взрыв. — Запрос в Думе об охтенском взрыве. — Ответ на объяснения военного министра.

Петербургский пролетариат встретил 1913 г. под свежим впечатлением забастовок и демонстраций в связи с первыми запросами социал-демократической фракции в Государственной думе. Как раз накануне нового года закончилась стойкая борьба максвельцев, оборонявшихся против локаута больше двух недель при помощи и поддержке всей массы рабочих Петербурга.

Первая политическая стачка в новом году — 9 января — прошла в Петербурге с исключительным подъемом при участии рабочих всех фабрик и заводов. В годовщину «кровавого воскресенья» в Петербурге бастовало около 80 тыс. человек. Еще накануне вся полиция в ожидании демонстрации была поставлена на ноги. В рабочих районах были произведены аресты. Усиленные наряды конной и пешей полиции охраняли мосты и все проходы к центру города. Во дворах, за наглухо закрытыми воротами, были спрятаны полицейские резервы. Появлявшиеся на Невском проспекте группы рабочих оттеснялись полицией в боковые улицы.

На всех предприятиях Петербурга, начиная от крупных и кончая мелкими, рабочие, явившиеся утром в мастерские, бросали работу и с пением революционных песен выходили на улицы. В Выборгском, Невском и некоторых других районах рабочие при выходе на улицу выбрасывали красные и черные траурные флаги.

С утра вереницы рабочих направились на Преображенское кладбище к могилам жертв 9 января. В течение всего дня полицейский отряд, дежуривший на кладбище, разгонял все новые и новые толпы рабочих.

Забастовка 9 января сопровождалась многочисленными митингами на предприятиях. На собраниях производились сборы на памятник убитым 9 января и в пользу подвергшихся полицейским преследованиям. Рабочие некоторых заводов решили отчислить на эти цели свой однодневный заработок. Все денежные сборы, по решению рабочих, направлялись в нашу думскую фракцию. Сюда же во фракцию были направлены многочисленные резолюции митингов и собраний. В этих резолюциях отражались все политические требования рабочего класса. Выдвигая лозунги решительного изменения существовавшего строя, рабочие требовали неприкосновенности личности, свободы слова, собраний, союзов, печати и т. д. Выносились пожелания объединения и единства рабочего движения. На некоторых предприятиях были приняты резолюции протеста против известных «52 пунктов» (высылки политических), назначений уполномоченных в страховой совет, гонений на профессиональные союзы и т. д.

Внушительная забастовка и демонстрация 9 января свидетельствовали, что борьба рабочего класса идет по восходящей линии. Революционные настроения среди массы петербургских рабочих с каждым месяцем все усиливались. То же самое происходило и по всей России.

В такой обстановке 21 января 1913 г. IV Государственная дума возобновила свою работу после каникул. Депутаты — помещики и чиновники — не торопились начать «законодательную работу». К первому заседанию съехалось лишь незначительное большинство думцев. Первые заседания прошли вяло и были посвящены затянувшемуся вопросу об утверждении выборов. Думский зал оживился лишь тогда, когда наша фракция выступила с новыми запросами о взрыве на Охтенском пороховом заводе, об истязании политических заключенных и о локаутах в текстильной промышленности.

Первым был внесен запрос о происшедшем в конце декабря

взрыве на Охтенском пороховом заводе, изготовлявшем взрывчатые вещества для военного ведомства.

Взрыв произошел после обеда, около 3 часов дня, но уже к вечеру по городу распространились известия о большом количестве жертв на заводе.

Пять человек погибло под обломками, из-под которых трупы были затем откопаны в совершенно изуродованном виде. Обезображенный и обгорелый труп одного рабочего был опознан лишь по сохранившемуся клочку материи костюма. Свыше 50 человек получили тяжелые ранения. Среди пострадавших преобладали женщины, так как в трубочной мастерской, где произошел взрыв, преимущественно применялся женский труд.

Взрыв вызвал на заводе ужасную панику, только случайно не повлекшую за собой новых жертв. На заводе не оказалось никакой медицинской помощи; приехавший через час врач был бессилен что-либо предпринять. Тяжело раненых выносили на носилках, предназначенных для переноски кирпича, в больницу пришлось перевозить их на телегах, без всяких приспособлений. Легко раненые сами в панике бежали с завода, по дороге падая от боли и изнеможения.

Администрация завода, потерявшая голову, отдала распоряжение никого не выпускать с территории завода. Перепуганные рабочие, опасаясь новых взрывов, умоляли отпустить их, но нелепое распоряжение администрации было отменено только через $1^1/_2$ часа после взрыва.

Обстановка взрыва, количество жертв и опасность, которая угрожала всему рабочему району, были настолько велики, что выделяли этот случай из ряда обычных катастроф, чрезвычайно частых вообще на российских фабриках и заводах. На другой день утром я поехал на завод, чтобы на месте ознакомиться с размерами и причинами катастрофы. Дежурный чиновник отказался выдать мне пропуск на место взрыва. Я направился к начальнику завода, генералу Сомову, который также не дал пропуска, заявив, что пропуска может давать только артиллерийское управление. Совершенно ясно было, что заводская администрация боится допустить депутатов на заводы и желает застраховаться от неприятных разоблачений.

Взрыв, по объяснениям генерала Сомова, был простой случайностью! «Такие случайности бывают и могут быть всегда, — говорил он, — я сам, входя на завод, осеняю себя каждый раз крестным знаменем».

Кроме этой меры администрация завода очевидно ничего не предпринимала, чтобы предупредить катастрофы в чрезвычайно опасном производстве.

К самому месту взрыва мне так и не удалось пройти; но и то, что я увидел на территории завода, указывало на огромные размеры происшедшей катастрофы. На дворе завода и коридоре больницы были пятна крови. На льду расположенного вблизи озера лежала крыша мастерской, которая была отнесена взрывом на несколько десятков саженей. Выбитые стекла и разрушения во всех зданиях указывали на то, что сила взрыва была огромная. Небольшая заводская больница была переполнена, нехватало не только мест, но и необходимого инвентаря: многие раненые лежали прикрытые своим пальто и тулупами.

Я беседовал со многими заводскими рабочими. Они все еще находились в состоянии ужасного нервного потрясения и паники. Опасались каждую минуту нового взрыва. Некоторые рабочие, уходя утром из дому, одели чистое белье, готовясь к смерти. Меня просили добиться подробного расследования причин катастрофы, потребовать от военного ведомства улучшений условий труда и технической безопасности; пострадавшие просили о помощи.

20 декабря состоялись похороны погибших от взрыва. К 9 часам утра к церкви, где находились тела убитых, начали стекаться тысячи рабочих. За гробами шли рабочие не только Охтенского завода, но и многих других заводов. На одном из соседних заводов были прекращены работы, так как все рабочие решили принять участие в похоронах. В похоронном шествии всего участвовало более 10 тыс. человек. Впереди несли несколько десятков венков, среди них один от думской социал-демократической фракции с подписью: «Жертвам капитала». Все находившиеся в Петербурге социал-демократические депутаты принимали участие в похоронах.

Похороны превратились во внушительную демонстрацию петербургских рабочих против капиталистического строя, вырывающего одну жертву за другой из рядов пролетариата. Непрерывная и ожесточенная борьба — такой вывод делал каждый сознательный рабочий из охтенской катастрофы.

Военное ведомство начало расследование причин взрыва для составления «высочайшего рапорта». Заведомо было известно, какие результаты могло дать подобное расследование: ловкие чиновники составляли его с таким расчетом, чтобы действительных виновников не было найдено, а вся

вина была переложена на «волю божию». Думская социал-демократическая фракция со своей стороны начала производить расследование. Путем расспросов заводских рабочих и на основании полученных нами материалов выяснились истинные причины и обстановка взрыва.

Непосредственной причиной было неосторожное обращение одного рабочего с заряженной гремучей ртутью капсюлей. Согласно техническим правилам, в помещении разрешалось хранить не более 10 капсюлей, на самом же деле их оказалось там несколько тысяч, что и повлекло за собой взрыв огромной силы. Это было однако только внешним поводом катастрофы. По существу же причины взрыва, повлекшего за собой несколько десятков человеческих жертв, коренились в ужасающих условиях труда на заводе.

Чрезвычайно опасное для жизни и здоровья рабочих производство взрывчатых веществ требовало особо квалифицированного труда, который мог дать лишь высоко оплачиваемый рабочий. Между тем администрация завода в погоне за дешевой рабочей силой принимала на работу главным образом чернорабочих и среди них в первую очередь приехавших из деревни и совершенно неподготовленных для производства женщин-работниц. За десятичасовой рабочий день без перерыва платили гроши: 65 — 75 коп. Рабочие были в полной кабале: на заводе даже не существовало расчетных книжек. Грубая брань, штрафы, произвольные увольнения,— все это широко практиковалось заводским начальством.

Старшими рабочими администрация часто назначала совершенно неграмотных, иногда из числа особенно понравившихся своих конюхов, дворников и т. п.

«Зачем мне химик, я наберу унтеров с полигона[1]»,— говорил начальник завода.

Всякое стремление к культуре жестоко преследовалось: пусть лучше пьянствуют, но только не читают газет.

Забитые жестокой эксплоатацией, отупевшие от двойного рабочего дня (администрация заставляла работать по 8 — 9 часов сверхурочно), рабочие Охтенского завода конечно не могли проявить той внимательности и осторожности, которых требовало производство взрывчатых веществ.

Вся эта обстановка дополнялась отвратительным техническим оборудованием завода. Помещения мастерских были тесные, тогда как завод был перегружен заказами; целый ряд

---

[1] После дня пробной стрельбы орудий, выпускавшихся заводом.

правительственных комиссий признавал необходимость коренного переоборудования завода и даже переноса его в новое помещение. О том, что в этих условиях взрывы должны были быть частыми, свидетельствовал тот факт, что 3 января 1913 г., т. е. через всего две недели после катастрофы, произошел новый взрыв, повлекший за собой новые жертвы.

Внося в Думу запрос, мы однако имели в виду не только широкое освещение вопиющего и ужасного случая взрыва на Охте. Взрывы и строительные катастрофы были «обычным явлением» российской действительности. Хищнический капитализм эксплоатировал рабочий класс в таких условиях, что рабочие тысячами гибли на производстве.

Только за две недели перед внесением запроса в газетах были помещены сообщения о 9 катастрофах в различных городах России, повлекших за собой около 100 человеческих жертв. По подсчетам самого министра торговли и промышленности, на каждую тысячу горнорабочих приходилось 470 несчастных случаев. Не меньше жертв было и во всех других отраслях промышленности. Российский капитализм, жадный и хищный, под защитой царского правительства, ни во что не ставил жизни рабочих, которые тысячами гибли на фабриках и заводах.

Нашей задачей было описать с думской трибуны условия, в которых приходится работать русскому пролетариату, показать рабочим, как велика эксплоатация их труда, и укрепить и усилить в них волю к революционной борьбе.

Чрезвычайная обстановка, в которой произошел взрыв, многочисленность жертв и наконец опасность новых взрывов — заставили на этот раз даже думское большинство признать спешность запроса. 134 голосами октябристов и центра против 127 голосов правых спешность запроса была признана.

Судьба запроса о взрыве на Охте однако показала, что признание думским большинством спешности запроса отнюдь не делает его действительно спешным. Запрос был принят Государственной думой 25 января 1913 г., ответ же в письменном виде был прислан военным министром только летом 1913 г., т. е. через полгода. Думцы, распущенные на летние каникулы, не успели обсудить объяснения военного министра, и понадобилось еще почти полгода, пока ответ правительства на заданный в январе 1913 г. вопрос был поставлен на обсуждение Думы.

С критикой правительственных объяснений наша фракция поручила выступить мне. Привожу (по стенографическим от-

частам) речь, произнесенную мною по этому поводу в октябре 1913 г.:

«Господа! В заседании 25 января Государственная дума приняла запрос социал-демократической фракции по поводу взрывов на Охтенском заводе взрывчатых веществ 17 декабря 1912 г. и 3 января 1913 г. и потребовала от председателя совета министров и военного министра объяснения: 1) известно ли министрам, что эти катастрофы произошли благодаря преступной небрежности заводской администрации и повлекли за собой более 60 человеческих жертв; 2) что предпринято ими в наказание и предупреждение на будущее время таких катастроф? Эти взрывы, как я уже сказал, были в конце прошлого года и в начале этого года. После этих взрывов на этом же самом заводе произошло несколько так называемых по обычаю, установленному администрацией того завода, вспышек. Если оторвало руку или две и несколько человек рабочих ранено, то это называется «вспышками». Так уже установлено обычаем,—это «вспышка». Таких вспышек уже после этих двух больших взрывов было несколько... После этих, я говорю, взрывов произошли взрывы и на бывшем заводе Парвиайнен, на гвоздильном заводе и на многих других. И что же? Военный министр в конце прошлой сессии дал свое письменное объяснение; но объяснением этим мы, социал-демократы, не можем удовлетвориться. Не может удовлетвориться и весь рабочий класс, пославший нас в Государственную думу, внесший этот запрос через нас и нетерпеливо следящий за ответом правительства и большинства Государственной думы. Мы знали раньше, что министр ответит. Министр виновных не нашел и судить никого не собирается. Стало быть, все делалось по закону, и 60 человеческих жертв были взорваны также по закону. Предлагается Государственной думе удовлетвориться этим холодным заявлением военного министра. Государственная дума и не может и не должна этого сделать. Она не может не признать виновными в гибели десятков людей, когда из формальной холодной отписки военного министра сквозит истина, кричит правда о действительных виновниках нарушения закона.

В культурных странах, на Западе, даже при нынешнем буржуазном строе предприятия, принадлежащие государству, не заинтересованные непосредственно в извлечении максимальных прибылей и находящиеся в меньшей зависимости от рынка, идут впереди всех частновладельческих предприятий и служат как бы образцом для них как по своему техни-

ческому оборудованию, так и по отношению к рабочим. Там, на Западе, рабочие в казенных предприятиях пользуются более коротким рабочим днем и получают большую заработную плату и несомненно отличаются наибольшей культурностью и сознательностью.

Но не то у нас, господа. Вот посмотрим на Охтенском заводе взрывчатых веществ. При нынешних условиях петербургской жизни и оплате труда рабочие должны были бы получать по меньшей мере 3 рубля в день, а между тем ни на одном заводе, ни на одной фабрике в Петербурге нет худших условий, как там. Взрослые и семейные люди получают 70 — 80 коп. за длинный рабочий день. Чтобы дойти до рубля, — это высший предел, — нужно проработать несколько лет. Женщины, девушки получают еще меньше. Полный произвол администрации, грубое обращение с рабочими, увольнение без предупреждения создают такую атмосферу на заводе, что наиболее культурные, сознательные рабочие должны были бежать с такого завода. Остающиеся рабочие утрачивают свое здоровье, убивают энергию и покорно ждут своей очереди умереть от подобного взрыва или систематического отравления вредными веществами и газом.

Господа, я вам докажу примером, что там произвол царит, как нигде. Прошлой весной ко мне пришли рабочие, которые рассчитаны начальником того завода за то, что они после взрыва подали прошение о том, что так как ихнюю одежду также конечно разорвало на части, а они мало зарабатывают, то чтобы администрация выдала, сколько стоит их одежда. И что же администрация сделала? Она сделала то, что уволила этих рабочих. Затем военный министр указывает, что там рабочие работают 9 часов. На самом же деле, — я сам рабочий и сам испытал весь этот гнет на своей спине и знаю, как обстоит дело, — на заводе работают по 12, 18 часов, не выходя из завода... Эта беспощадная эксплоатация рабочих сил не оставляет времени для того, чтобы позаботиться о нормальных и безопасных условиях труда. Я указал прошлой весной в своей рабочей газете «Правда», каково положение рабочих в казенных мастерских Николаевской железной дороги, где рабочие работают 40 с лишком рабочих дней[1] в месяц и они почти не видят своей квартиры. И что же получилось после этого? Покорный слуга капитала, петербургский градоначальник оштрафовал без всякого повода...

[1] Здесь подразумевается рабочий день средней продолжительностью в 10 часов.

Председатель. За ваше выражение я призываю вас к порядку, член Государственной думы Бадаев.

Бадаев. ...на 500 руб. нашу газету за то, что она описала положение рабочих в этих мастерских. Вот как трудно, как невыносимо рабочим жить в такой тяжелой атмосфере.

То, что вчерашний день обсуждали вопрос об этом самом несчастном положении на железных дорогах, где рабочие по восемнадцати часов работают, ворочают шпалы, — ни одно животное постольку не ворочает, как рабочий класс, — за какие-нибудь 40 — 50 коп., вот, господа, когда мы как рабочие представители заявляем об этих невыносимых условиях рабочих, вы, правые, смеетесь; когда рабочий класс в 1905 г. потребовал от вас того, чего ему нужно, вы его накормили пулями. Рабочий класс хорошо знает, что он больше не может...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, прошу вас держаться в пределах вопроса.

Бадаев. ...не может дальше продолжать такие условия жизни. Наступит скоро время, что он потребует тех же прав, и может быть сильнее и могущественнее, и даже осуществит это.

Я уже вам указал и вы видели, что администрация Охтенских заводов выжимает все соки из рабочих. Нельзя после этого тут не признать виновных. Но не в этом дело, не в этом рабочие видели вину главного артиллерийского ведомства по поводу этого взрыва. Ведь в нашем запросе прямо было указано, что вспышки при взрывчатых веществах неизбежны, но взрывы лишь тогда возможны, когда готовый материал взрывчатых веществ накопляется в мастерских. Это запрещено правилами Охтенских заводов взрывчатых веществ. А между тем в комнате мастера, по заявлению военного министра, найдено 17 декабря 35 тыс. готовых капсюлей. Это в три с половиной раза больше, чем указано в нашем запросе. Вот в чем мы обвиняем главное артиллерийское ведомство и администрацию того завода. Мы не предполагали и не утверждали, что это — сознательное игнорирование жизнью тысяч рабочих, а имели в виду, что это — обычное чиновничье «авось», которое повлекло за собой трагические последствия. Военный министр дает в этом отношении совершенно новый изумительный материал. Он говорит, что этот завод стоит в техническом отношении ниже всякой критики и поэтому приговорен к закрытию на 1915 г., что ему не под силу справляться с теми заказами, которые он выполнял в 1912 г.; что администрация этого завода доносила по начальству в

главное артиллерийское ведомство, а быть может и самому министру, о необходимости разгрузить этот завод. На это очевидно последовало указание не останавливаться ни перед какими затруднениями, лишь бы своевременно выполнить наряд. Явилась настоятельная необходимость снабдить нашу полевую артиллерию взрывателями, а поэтому пришлось занять все сколько-нибудь подходящие помещения для работ. И вот мы должны констатировать, после объяснений военного министра, не одну небрежность заводской администрации и недосмотр ее за мастерами и рабочими, а сознательное покушение главного артиллерийского ведомства на жизнь рабочих Охтенского завода.

Военное министерство знало, что предъявляются чрезмерные требования к рабочим и что эти требования нельзя выполнить иначе, как подвергнув огромной опасности жизнь рабочих. Поэтому военное министерство взяло на свою совесть жизнь тех людей, которые могли и которые должны были погибнуть. Стало быть военное министерство не может отвергнуть своей вины перед законом и всей страной.

Военный министр, ссылаясь на политические осложнения на Ближнем Востоке, рассчитывает уменьшить вину свою и своего ведомства в глазах большинства Государственной думы, думая, что его заявлением удовлетворятся и те, которые находятся в оппозиции к одержимым славянским шовинистическим угаром. Быть может расчеты военного министерства и его ведомства и оправдаются, и Дума дарует ему и его ведомству отпущение грехов, но и тогда, господа, им не удастся обмануть рабочий класс, ибо народ хорошо знает, кто его враги. Он хорошо знает, что вы скажите; он знает, что большинство Государственной думы не есть представители народа, а враги народа, прошедшие в Думу благодаря уродливому избирательному закону...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, прошу вас не употреблять таких выражений по адресу Государственной думы.

Бадаев. ...прошедшие благодаря уродливому избирательному закону. Народ хорошо знает, что только тот парламент будет истинно защищать народ, который будет создан после полной победы народа и при полной демократизации всего политического строя. А сейчас, каков бы ни был ответ по поводу объяснений министра, народ, особенно идущий во главе народного движения [пролетариат], этими объяснениями не удовлетворится. *(Рукоплескания слева.)*»

Как и следовало ожидать, и на этот раз думское большинство осталось верным себе и не решилось причинить неприятности правительству. Дело об охтенском взрыве потонуло в глубинах думских комиссий, разделив судьбу многих других запросов нашей фракции.

ГЛАВА VIII

Локауты на текстильных фабриках

Экономические основания локаута. — Локаут на Российской бумагопрядильне. — «Защита» фабричной инспекции. — Помощь питерских рабочих.— Запрос социал-демократической фракции о локаутах. — Выступления в думе Шагова и Самойлова.— Второй локаут у Максвеля.

Усиление борьбы рабочего класса вызвало сплочение и мобилизацию всех сил фабрикантов и заводчиков. Волна рабочего движения с такой силой и непрерывностью шла вверх, что капитал имел серьезные основания опасаться решительного наступления на свои позиции.

Штрафы, дисциплинарные взыскания, аресты «вожаков» — все это было уже испробовано. На смену этим мерам объединенный капитал выдвинул новое, сильно бьющее и дальнобойное орудие — массовые расчеты. Приостановление фабрик и объявление локаутов выбрасывало за борт тысячи рабочих, которые сразу же ставились лицом к лицу с безысходной нуждой и голодом.

В тех отраслях промышленности, которые переживали подъем и оживление, где фабрично-заводские предприятия были перегружены заказами, приостановление производства хотя бы на два-три дня было невыгодно для капиталистов. Иначе обстояло дело там, где рыночная конъюнктура была неблагоприятна для сбыта продукции. В таких отраслях производства локаут приносил двойную пользу предпринимателям: массовый расчет давал возможность отделаться от наиболее революционно настроенных элементов и еще более ухудшить условия труда, и в то же время приостановление производства прекращало дальнейшее затоваривание данной фабрики или завода.

Именно таковы были условия в текстильной промышленности, переживавшей осенью 1912 г. и зимой 1913 г. частичный кризис. Спрос на мануфактурные изделия упал, и на складах текстильных фабрик образовался довольно солид-

ный запас товаров, не находивших сбыта. Владельцы петербургских текстильных фабрик немедленно использовали положение и усилили свою контратаку на рабочий класс.

Декабрьский локаут у Максвеля не был единичным явлением. С начала января 1913 г. локауты приобрели широкое распространение на текстильных фабриках Петербурга, захватив целый ряд крупных предприятий.

Наиболее упорным и длительным был локаут на Российской бумагопрядильной мануфактуре, на которой работало 1 200 человек. Локаут был вызван явно провокационным маневром администрации, поставившей себе целью рассчитать всех членов профессиональных обществ. Кроме того администрация хотела избавиться от стариков, проработавших на фабрике 20 — 30 лет, и заменить их более молодыми рабочими.

21 января 1913 г. тридцати рабочим кардного отделения, без всякого предупреждения, было объявлено о снижении расценок на 10 коп. в день. На другой день с утра кардники объявили забастовку, требуя восстановления старой платы. Администрация этого только и ждала. Ночью, к моменту прихода новой смены, паровая машина была остановлена, электричество потушено, и пришедшим на фабрику рабочим было объявлено, что фабрика закрывается на неопределенное время и всем рабочим будет выдан расчет. Провокация фабричной администрации носила самый явный, неприкрытый характер: требования всех рабочих сводились всего к трем рублям в день, и из-за этих трех рублей были обречены на голод и безработицу 1 200 рабочих, не принимавших участия в забастовке кардников.

Не желая поддаваться на эту провокацию, рабочие несколько дней выходили в урочное время на работу. Но администрация не пускала их на фабрику. Через два дня на воротах фабрики было вывешено объявление с предложением явиться за расчетом. Сперва рабочие не хотели брать расчета, требуя, чтобы администрация выплатила за две недели вперед, так как никакого повода для увольнения вся масса рабочих не давала. Однако тут у владельцев фабрики оказались союзники. Домовладельцы и лавочники, прилегавшие к фабрике района, узнав о расчете, закрыли рабочим кредит до погашения долгов, в которые по уши влезли рабочие за предшествовавшие дни рождественских праздников. Под таким давлением пришлось итти за расчетом. В среднем каждому рабочему причиталось к получке от 10 до 20 руб. Всю эту

сумму нужно было отдать в ближайшую мелочную лавочку за харчи, зато можно было получить новый кредит и перебиться, хотя бы впроголодь, несколько дней.

В день расчета в районе, прилегавшем к Российской бумагопрядильной мануфактуре, с утра чувствовалось нервное, напряженное настроение. Чайные и трактиры, эти «рабочие клубы» того времени, где можно было встретиться и поговорить о своих делах, были переполнены рабочими и работницами, пережившими тревожную ночь в ожидании момента, когда они будут вместе со своими семьями обречены на голод. При низкой заработной плате текстильщики еле-еле могли прожить во время работы, первый же день безработицы неумолимо становился и первым днем беспросветной нужды и голодовки.

Наиболее сознательные рабочие, социал-демократы и члены профессиональных обществ прилагали все усилия, чтобы внести хотя бы некоторую организованность. В срочном порядке было получено для раздачи несколько сот номеров «Правды» с призывом к рабочим не сдаваться. Были попытки устроить совещание и обсудить создавшееся на фабрике положение, но полиция разгоняла каждую кучку.

Когда первый взрыв отчаяния и паники, вызванный расчетом, несколько улегся, настроение рабочих переменилось. Несмотря на противодействие полиции, все же удалось созвать собрание всех подвергшихся локауту. Рабочие приготовились к длительной борьбе. На собрании было решено широко поддерживать связь между всеми рабочими, выкинутыми с фабрики, обратиться к рабочим Петербурга за поддержкой, вести решительную борьбу с употреблением спиртных напитков во время локаута, просить культурно-просветительные рабочие общества организовать бесплатные лекции для локаутированных и т. д. Ни один рабочий или работница в отдельности не имеют права подходить к воротам фабрики просить о себе лично или за отдельные группы рабочих. При открытии фабрики ни один рабочий, без приема всех до единого на работу, не имеет права переступить порог Российской бумагопрядильной мануфактуры.

Считая, что администрация фабрики грубейшим образом нарушила даже те законы, которые были установлены правительством, рабочие бумагопрядильни обратились к фабричному инспектору, обязанному как будто охранять интересы рабочих. В кабинете старшего фабричного инспектора Петербурга разыгралась сцена, которая с большой убеди-

тельностью показала, для охраны каких, собственно говоря, интересов учреждена правительством фабричная инспекция.

Для переговоров к инспектору явились представители профессионального союза текстильщиков (тогда он назывался профессиональным обществом рабочих и работниц по обработке волокнистых веществ).

«С профессиональной организацией рабочих ни в какие переговоры я вступить не могу,— заявил фабричный инспектор. — По закону я имею право вести переговоры только с рабочими того предприятия, где произошел конфликт».

«Но мы действуем тоже по закону, — отвечала делегация. — По нашему уставу, утвержденному в самом законном порядке, общество имеет право вступать в переговоры о нуждах своих членов и с частными лицами и с представителями всякого рода правительственных учреждений».

Столкновение между двумя вполне «законными» законами было решено тем, что, по счастливой случайности, среди представителей союза оказался один рассчитанный рабочий. Значит фабричный инспектор мог позволить себе разговаривать с делегацией.

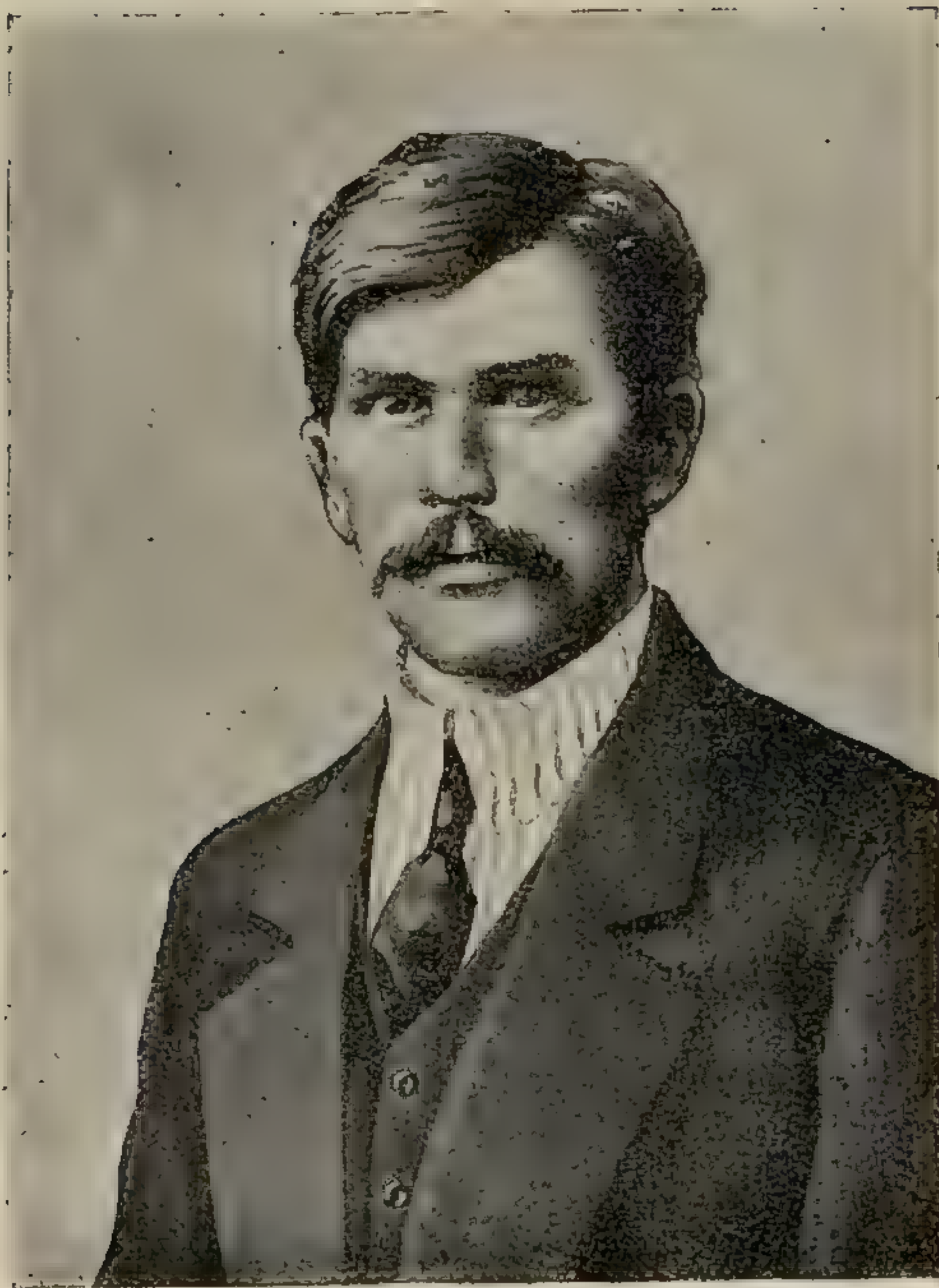
Разговор продолжался два часа. Инспектор сидел, развалившись в своем кресле, а представители союза должны были на вытяжку стоять перед «защитником» рабочих интересов.

«На то, что полиция грубо обращалась с рабочими и избивала приходивших на фабрику, жалуйтесь приставу и полицмейстеру, — сказал инспектор, — это не мое дело, здесь я ничем вам помочь не могу».

Но и в отношении фабричной администрации инспектор не мог, да и не хотел что-нибудь сделать. По его словам, все обстояло вполне законно. За две недели вперед рабочие получить не смогут. Приостановить локаут у фабричной инспекции нет никаких сил, так как фабриканты действуют на основании заключенной между ними конвенции (соглашения), которая требует от всех заводчиков и фабрикантов, чтобы они ни в чем не уступали рабочим.

«Плохи ваши дела», — сказал на прощание инспектор.

Посещение фабричного инспектора лишний раз показало, кем и для кого составлялись существовавшие в России законы. Подвергнутые локауту рабочие могли рассчитывать только на самих себя и на товарищескую поддержку питерского пролетариата. Эту поддержку они получили. Помощь, оказанная рабочим Российской бумагопрядильни, а также Новой бумагопрядильной мануфактуры, на которой в эти же

Ф. Н. Самойлов.

Н. Р. Шагов.

приблизительно дни, таким же провокационным путем, было подвергнуто локауту свыше 2 тыс. человек, — показал крепкую спаянность и солидарность всего рабочего класса. Борьба на одной фабрике была борьбой всех рабочих, — это теперь уже прекрасно понимали широкие рабочие массы.

Локаут[1] на текстильных фабриках вызвал бурю негодования среди рабочих петербургских фабрик и заводов. В некоторых местах даже имела место агитация анархически настроенных элементов, призывавших рабочих ответить на репрессии предпринимателей поломкой машин, поджогами и другими мерами экономического террора. Социал-демократы энергично боролись с этой проповедью, которая ничего, кроме новых опасностей, для рабочего класса не сулила. Меры экономического террора всегда отвергались социал-демократами как совершенно неприемлемые и вредные для рабочего движения. К счастью, сторонников анархической пропаганды было незначительное количество, и нам скоро удалось переломить это настроение.

Помощь питерского пролетариата текстильщикам вылилась в другие формы. На всех фабриках и заводах начался сбор денег в пользу локаутированных. Как и во всех других случаях денежных сборов, собранные деньги сдавались в думскую социал-демократическую фракцию, которая затем передавала их по назначению. Характерно, что как раз в это время наша фракция столкнулась с совершенно непредвиденным затруднением. Почта, очевидно по распоряжению полицейских властей, отказалась передавать денежные переводы, адресованные на имя фракции, объясняя это тем, что думская фракция не является юридическим лицом, а потому не может принимать и распоряжаться денежными суммами. Несколько переводов были задержаны и не попали по назначению. Для того чтобы избежать этого в дальнейшем, от имени фракции было опубликовано в рабочей печати, что все денежные сборы должны направляться по адресам отдельных депутатов, которые передавали их казначею фракции, регулярно отчитывавшемуся на страницах газет. Это объявление изо дня в день печаталось в «Правде» продолжительное время, пока новый порядок не узнали все рабочие организации.

На этот раз петербургские рабочие не ограничились единовременными сборами в пользу рассчитанных на текстиль-

[1] Т. е. массовый расчет рабочих — одна из мер борьбы предпринимателей против рабочих.

ных фабриках. Угроза локаутов, чрезвычайно легко применявшихся предпринимателями, реально вставала перед рабочими каждой фабрики и завода. В связи с этим в среде питерских рабочих возникла мысль о создании специально локаутного фонда, из которого могли бы получать помощь подвергшиеся массовому расчету. Рабочие предлагали отчислить в этот фонд двухдневный заработок на всех фабриках и заводах не только Петербурга, но и других районов России. Таким образом локаутный фонд должен был быть общероссийским. Практически приступить к созданию такого фонда не удалось. Свирепствующий в стране полицейский режим не давал возможности провести легальную организацию среди рабочих в таких больших масштабах.

Деньги, собранные петербургскими рабочими, распределялись среди бастующих текстильщиков. Правда, суммы сборов были невелики, да они и не могли быть значительными при существовавшей на заводах нищенской заработной плате, но все же это была реальная, действительная помощь, которая давала возможность особенно нуждающимся хоть кое-чем накормить свои голодающие семьи. В то же время денежные сборы играли роль огромной моральной поддержки бастовавших, вселяли в них бодрость и уверенность, что они не одиноки в борьбе, что за ними стоит весь рабочий класс.

Эта товарищеская поддержка выражалась и всяческими другими способами: в виде приветственных резолюций рабочих собраний, в виде устройства для текстильщиков во время их забастовки лекций и докладов, даже наконец в раздаче среди них бесплатных билетов на устраиваемые просветительными обществами концерты и т. п.

Профессиональный союз текстильщиков повел кампанию за то, чтобы рассчитанные рабочие предъявили к администрации иски на выдачу зарплаты за две недели вперед и за все дни простоя фабрики. Трудно было рассчитывать на то, что царский суд удовлетворит требования рабочих; но самое предъявление исков являлось одной из форм борьбы против локаутов, так как оно било по карману, т. е. по самому чувствительному месту, предпринимателей. Правление союза отпечатало готовые формы судебных исковых прошений и распространило их среди своих членов. Для всех остальных рабочих-текстильщиков составление исков и всякого рода связанная с этим помощь были организованы в редакциях профессиональных журналов и рабочих газет. Изо дня в день «Правда» печатала призыв профессионального союза к рас-

считанным рабочим бумагопрядильни воспользоваться своим правом на иск и не потерять назначенный для этого законный срок.

В первые же дни локаута текстильщики обратились также к социал-демократической фракции с просьбой внести в Государственную думу запрос о возмутительной расправе фабрикантов с несколькими тысячами рабочих.

Экстренное заседание нашей фракции постановило немедленно же приступить к составлению запроса и внести его в одном из ближайших заседаний Думы. Запрос был составлен и внесен в первых числах февраля, на обсуждение же он был поставлен лишь 1 марта, т. е. почти через полтора месяца после объявления локаута. Думское большинство сознательно оттягивало обсуждение запроса, выжидая, пока вызванное локаутом возбужденное настроение петербургских рабочих несколько разрядится.

Запросы к правительству вносились в Государственную думу по поводу нарушения тех или иных существовавших законов. Между тем локауты не являлись таким нарушением, так как массовые расчеты рабочих российскими законами не воспрещались. Поэтому для того, чтобы юридически обосновать запрос, нашей фракции пришлось составить его как запрос о незакономерных действиях фабричной инспекции, не выполнившей возложенных на нее обязанностей. Это была лишь формальная мотивировка: центр запроса по существу заключался в раскрытии проводимого капиталистами организованного похода на рабочий класс и его профессиональные организации.

Текст запроса начинался общей характеристикой системы локаутов, проводимой владельцами текстильных фабрик. В конце социал-демократическая фракция предлагала Государственной думе запросить министра торговли и промышленности, известны ли ему факты незаконных действий фабричной инспекции и что он собирается предпринять, чтобы «побудить подведомственных ему чинов фабричной инспекции выполнять возложенные на них законом обязанности».

Защиту вопроса с думской трибуны наша фракция поручила Шагову и Самойлову. Сами рабочие-текстильщики, они хорошо знали условия труда в текстильной промышленности и могли привести немало примеров ужасающей эксплоатации, которая царила на ткацких фабриках.

«Я сам испытал всю тяжесть жизни ткача, — сказал в своей речи Шагов, — я знаю, как ему нелегко живется и в

самое лучшее время, когда он работает. Заработная плата в текстильной промышленности ниже, чем где бы то ни было, и, чтобы как-нибудь прожить, он должен напрягать все свои силы. Только при такой интенсивной работе он может выработать те гроши, которые ему нужны для того, чтобы не умереть от голода. Положение работающих женщин еще тяжелее: жалованье их меньше, притеснений и издевательств еще больше. Как часто я был свидетелем женских слез, женских горестей и обид! Если заработка в нормальное время едва хватает ткачу на прожитие, то, выброшенный на улицу, он сразу обрекается на голод. Какое дело фабриканту до этого? Он только следит за каждой возможностью нанести рабочим новый удар».

Речь Самойлова была посвящена репрессиям и преследованиям, которым подвергается всякое проявление организованной борьбы рабочего класса, при самом бесстыдном поощрении расправ фабрикантов. Обращаясь к правительству и черносотенной Думе, Самойлов закончил свою речь следующими словами:

«Вас трудно пробить какими бы то ни было доводами, трудно заставить признать спешность настоящего вопроса. Но, господа, имейте в виду, что к нашим голосам, к голосам социал-демократов, прислушиваются рабочие всей России, в особенности теперь, господа, когда они вновь проснулись и собирают свои силы для новой решительной борьбы за свои попранные человеческие права. И они по этому поводу сделают свои выводы».

Хотя запрос о локауте был принят Государственной думой, судьба его была такая же, как и всех других думских запросов. Соответствующие министерства, получив запрос, пускали в ход свою бюрократическую машину канцелярских справок, отписок, отчетов, докладов, донесений и т. д. Пока запрос покрывался пылью в министерских канцеляриях, острота момента проходила, и лишь тогда правительство, выполняя свою формальную обязанность, выступало с «соответствующими» объяснениями.

Ответ на запрос последовал почти через полтора месяца. Для дачи объяснений министр торговли и промышленности прислал одного из своих чиновников, Литвинова-Фалинского, который получил большую известность как вдохновитель и проводник всей «рабочей» политики царского правительства. Циничная наглость его объяснений превосходила все когда-либо слышимые в Думе ответы царских министров. Литвинов

просто заявил, что все факты, которые были указаны в запросе, никогда не существовали: не было снижения расценок в кардном отделении Российской бумагопрядильни, не было никакого локаута, не было никаких беззаконных действий полиции и фабричной инспекции и вообще ничего не было. Ответ министерского чиновника был совершенно возмутительный, даже в условиях обильной всякими безобразиями российской действительности. Марковы, Пуришкевичи и их соратники по крайней правой были в восхищении от объяснений Литвинова-Фалинского и шумно ему аплодировали, смеясь и издеваясь над «враньем левых».

По требованию социал-демократической фракции обсуждение ответа правительства на запрос и принятие резолюции было все же отложено до представления фракцией новых материалов. Но на повестку заседаний запрос так и не был поставлен. Начавшиеся через день прения по бюджету дали возможность думскому большинству окончательно замять неприятный правительству запрос социал-демократической фракции.

Борьба текстильщиков на Российской бумагопрядильне окончилась частичной победой рабочих. Локаут продолжался свыше двух недель и закончился обратным приемом на работу всех старых рабочих, в том числе и бастовавших рабочих кардного отделения. Однако расценки были изменены в сторону понижения, и рабочие, под давлением ужасающей нужды и голода, вынуждены были на это согласиться. Менее удачна была борьба рабочих на Новой бумагопрядильне. Там после пуска фабрики на работу не были приняты 250 старых ткачих, которым был выдан окончательный расчет. За бортом оказались главным образом члены профессионального союза. Среди них было много семейных.

Не успели утихнуть последние всплески борьбы, вызванные локаутами на Российской и Новой бумагопрядильнях, как разразился новый локаут в текстильной промышленности. Локауту подверглись рабочие фабрики Масквеля, уже выдержавшие тяжелую борьбу со своей администрацией в декабре 1912 г. Администрация Масквеля в преследованиях рабочих оказалась и более откровенной и более коварной сравнительно с другими фабрикантами. Как и во время первого локаута, рабочим был объявлен массовый расчет за политическую стачку (в годовщину Ленского расстрела). Как и в прошлый раз, владельцы фабрики избрали для расправы с рабочими предпраздничное время: тогда локаут был объявлен за неделю перед рождеством, теперь — за несколько

дней до пасхи. Все это обнаруживало, что фабриканты в своей борьбе с рабочим классом следуют определенному стратегическому плану.

Когда 3 тыс. рабочих-масквельцев после однодневной забастовки 4 апреля, в годовщину ленских событий, явились на работу, на воротах обеих мануфактур фабрики было вывешено объявление такого же содержания, как и $3^1/_2$ месяца назад: «За самовольное прекращение работ всем рабочим будет выдан расчет, и фабрика закрывается на неопределенное время».

На состоявшемся тут же совещании рабочих было решено не брать расчета, а объявить, в ответ локауту, забастовку с требованием принять обратно всех работавших на фабрике. Попутно были выставлены некоторые добавочные требования, касающиеся условий труда на фабрике. Несмотря на то, что на праздники рабочие оставались без куска хлеба, настроение у них было бодрое. Как и в прошлый раз, они рассчитывали на поддержку всех петербургских рабочих.

Для того чтобы организовать помощь и провести сборы на фабриках и заводах, масквельцы обратились ко мне. В первые же дни забастовки я напечатал в «Правде» следующее обращение ко всем петербургским рабочим:

«Каждому рабочему понятно, за что объявляют локаут товарищам масквельцам. За стойкость и неугасимый дух солидарности. Стараются измором заставить наиболее сознательных рабочих отказаться от самостоятельной защиты своих интересов и солидарных выступлений. Но будем надеяться, что на этот раз администрация фабрики ошиблась в своих расчетах. Вызов, брошенный трем тысячам рабочих, будет принят тремя стами тысяч петербургских и поддержан миллионами рабочих России. Спор происходит не между рабочими фабрики Масквеля и ее администрацией, а между пролетариатом всей России, с одной стороны, и объединенным капиталом — с другой, за право рабочих протестовать против расстрела своих товарищей, за право бороться всеми имеющимися в их распоряжении средствами за улучшение своего положения» [1].

Призыв о помощи масквельцам вызвал горячие отклики на всех фабриках и заводах. Немедленно на всех предприятиях начались денежные сборы. К вечеру собранные деньги доставлялись мне, а я передавал их затем представителям

---

[1] «Правда» № 82 (286) от 9 апреля 1913 г.

масквельцев. В первый день было собрано свыше 700 руб., на следующий поступило свыше 500 руб. и т. д. Суммы эти по тем временам были очень значительные и свидетельствовали о чрезвычайно дружной поддержке, которую оказали питерские рабочие своим бастующим товарищам. Надо сказать, что в эти же дни на заводах производились также сборы на разные другие цели — в пользу бастующих бельгийских рабочих, семьям убитых на Лене, в фонд «Правды», в пользу политических ссыльных и т. д. На все эти цели рабочие в свою очередь жертвовали значительные суммы.

Максвельцам передавали собранные деньги вместе с приветственными резолюциями рабочих, обещавшими поддержку товарищам по борьбе. «Правда», поскольку позволяли цензурные условия, опубликовала их на страницах газеты.

Стачка и локаут у Максвеля были упорные и продолжались в течение целого месяца. Фабрика открылась только 2 мая. Хотя администрация не приняла обратно часть рабочих, все же и ей не удалось полностью провести свой план. Вместо того чтобы уменьшить расценки и удлинить рабочий день, как администрация предполагала при объявлении расчета, ей пришлось сохранить старые условия труда. В этом была победа рабочих, организованно выдержавших длительную и упорную борьбу.

Локауты в текстильной промышленности весной 1913 г. имели место еще на целом ряде фабрик (две фабрики Штиглиц, Лютш, Чешер и др.). Систему локаутов текстильные фабриканты применяли до тех пор, пока рыночная конъюнктура не благоприятствовала им. С лета, в связи с подготовкой к Нижегородской ярмарке, на мануфактурном рынке наступило оживление. Локауты стали уже невыгодны предпринимателям. В свою очередь улучшились условия труда рабочих-текстильщиков. Целым рядом экономических забастовок им удалось улучшить свое положение и добиться повышения расценок.

Борьба петербургских текстильщиков во время локаутов 1912 — 1913 гг. проходила в чрезвычайно тяжелых условиях. Несмотря на то, что в ряде случаев рабочие потерпели поражение, эта борьба имела огромные положительные результаты. Текстильные рабочие, наиболее отсталые среди всей массы пролетариата, поняли, какое исключительное значение имеют для рабочего класса организованность и товарищеская солидарность. Локауты не прошли для них даром, — они закалили рабочие массы.

ГЛАВА IX

Забастовка у Лесснера

Причины забастовки. — Похороны Стронгина. — Борьба лесснеровцев. — Общее дело рабочих. — Помощь бастующим. — Три месяца борьбы. — Вагонные мастерские.

В предвоенные годы мы были свидетелями многочисленных случаев, показывавших огромную сплоченность, силу и организованность питерских рабочих. Но даже на этом фоне напряженной и героической борьбы выделяется забастовка на заводе Лесснера, тянувшаяся все летние месяцы 1913 г. И по тому поводу, который ее вызвал, и по своей длительности, и наконец по вызванной ею огромной волне солидарности среди самых широких рабочих масс забастовка у Лесснера является одним из самых ярких и сильных эпизодов рабочего движения предвоенных лет.

Стачка лесснеровцев не может быть причислена ни к чисто политическим, ни к чисто экономическим, но возникнуть она могла лишь на волне того большого революционного подъема, который переживал рабочий класс в этот период своего развития. Единственное и на первый взгляд, казалось бы, незначительное требование рабочих — удалить мастера, виновного в гибели одного из их товарищей, — превратилось в узел упорнейшей борьбы, которая могла развернуться лишь в общей обстановке открытых боев рабочего класса с классом капиталистов.

Забастовка на заводе «Новый Лесснер» произошла при следующих обстоятельствах. Мастер механической мастерской завода Лауль дал рабочему Стронгину несколько сот гаек для парезки. Во время работы часть гаек пропала, — не то она была случайно выброшена в мусор, не то отнесена по ошибке в другую мастерскую. Стронгин сообщил об этом мастеру, который накинулся на него с ругательствами и потребовал в течение двух дней вернуть пропавшие гайки: «Иначе выгоню с завода с пометкой — за воровство». Найти гайки или доказать, что они не украдены им, Стронгин не мог. Угроза мастера и перспектива уйти с завода с клеймом вора казалась для него несчастьем, которое он не сможет перенести. Попросив разрешения остаться на ночную работу, Стронгин ночью прошел в глухую часть завода и, укрепив веревку в пролете лестницы между двух этажей повесился.

Утром 23 апреля труп Стронгина был найден сторожами. Когда об этом узнали в мастерских, все рабочие завода бросили работу и собрались около трупа. Администрации рабочие предложили немедленно начать расследование. Вместо этого администрация послала за полицией, в присутствии которой труп Стронгина был обыскан. В одном из его карманов было найдено письмо. Заведующий, просмотрев письмо, попытался его спрятать, но, по требованию рабочих, оно было тут же прочтено вслух. Письмо было адресовано товарищам по заводу:

«Товарищи, не знаю, писать ли вам. Напишу... Мастер обвиняет меня в воровстве. И вот, прежде чем покончить расчеты с жизнью, говорю вам, товарищи: я невиновен; об этом говорит вам моя совесть, мое сердце, моя рабочая честность, но доказать этого я не могу. Уйти же с завода с клеймом вора, поставленным мне мастером, я не в силах. И вот я решил покончить с собой... Прощайте, дорогие товарищи, и помните — я невиновен. Яков Стронгин».

Потрясенная предсмертными словами затравленного администрацией товарища, толпа несколько минут стояла в глубоком оцепенении. «Товарищи, снимайте шапки!»,—раздались голоса. Хором пропели вечную память. Убийца Стронгина мастер Лауль был встречен криками: «Иуда! Предатель! Иди, палач, за гробом и больше на завод не возвращайся». Все рабочие завода проводили тело Стронгина до клиники. Утром следующего дня, придя на работу, они увидели, что виновник смерти Стронгина находится на заводе. Администрация заявила, что правление заводов Лесснер отказалось выполнить требование рабочих об увольнении Лауля, считая его невиновным. На общезаводском собрании рабочие решили объявить забастовку до тех пор, пока с завода не будет убран убийца. Завод стал. Все рабочие завода «Новый Лесснер», свыше тысячи человек, разошлись по домам, твердо решив выйти на работу лишь после удовлетворения их требования.

Похороны Стронгина превратились в огромную демонстрацию. Полиция и заводская администрация, как всегда в таких случаях, приняли все меры, чтобы помешать участию в похоронах большого количества рабочих. День и час похорон скрывались до последнего момента. Лишь накануне, поздно вечером, о часе и месте похорон стало известно в редакции «Правды». В готовый уже набор на первой странице было вставлено траурное объявление. Но газета не могла попасть рабочим в руки до гудка. Поэтому о назначенных в

9 часов утра похоронах из «Правды» узнали только отдельные рабочие. И все же к моменту выноса тела к клинике собралось свыше тысячи человек. Новолесснеровцы были в полном составе, были представители и других заводов. Наскоро приобрели венки, но, так как напечатать ленты не было времени, то на черных лентах тут же сделали надпись мелом, а на белых — углем. Несколько лент полиция срезала за революционные надписи. С пением вечной памяти тысячная толпа проводила тело Стронгина до ворот кладбища. Здесь шествие было встречено конной полицией, которая пропустила на кладбище только гроб и несколько ближайших родственников покойного.

Для того чтобы не допустить на кладбище членов Государственной думы — рабочих депутатов, полиция вместе с администрацией завода прибегла к обману. Я вместе с Малиновским должны были присутствовать на похоронах как представители нашей думской фракции. В заводской конторе нам дали неправильный адрес, сообщив, что Стронгин будет похоронен на Митрофаньевском кладбище. С Митрофаньевского мы снова позвонили на завод, и нас снова обманули, указав какое-то другое кладбище. Проплутав несколько часов по ложным следам, на которые нас наводила заводская администрация, мы попали на Преображенское кладбище уже после того, как похоронная процессия была разогнана полицией и гроб опущен в могилу.

Жертвой обмана стали и многие рабочие, которых сознательно направляли в другую сторону. Не имея возможности участвовать в похоронной демонстрации, рабочие через «Правду» выражали сочувствие лесснеровцам. Вместо надписи на венке, который не удалось им возложить на гроб, рабочие завода Лаврова поместили на страницах газеты следующее обращение: «Ты умер, товарищ, не перенеся возведенной на тебя лжи прислужников капитала, но ты, товарищ, не умер для рабочих, и честь твою рабочие защитят».

Борьба лесснеровцев, требовавших наказания виновного в убийстве верного слуги заводской администрации, стала принципиальным делом всего питерского пролетариата. Этим объясняется та массовая и дружная поддержка, которую получили рабочие лесснеровского завода и которая позволила им провести исключительную по упорству и длительности забастовку. Но и для владельцев завода вопрос об увольнении мастера стал вопросом принципа. Уступить этому по существу незначительному требованию означало для адми-

нистрации проявить слабость и открыть рабочим путь для новых атак и штурмов. Вопрос об удалении с завода Лауля только прикрывал глубочайшую и ожесточеннейшую борьбу между трудом и капиталом.

В ответ на забастовку администрация объявила о закрытии завода и массовом расчете всех рабочих. Одновременно с этим в «Копейке» и других буржуазных газетах появились штрейкбрехеровские объявления о новом наборе рабочих на завод. Но бастующие держались дружно, штрейкбрехеров среди них не было, и никто из бастовавших не откликнулся на это объявление.

Лесснеровцы проявили исключительную организованность. Понимая, что без поддержки всей остальной массы рабочих им долго не выдержать, они с первых же дней обратились с призывом к рабочим других заводов помочь им в борьбе.

На помощь своим товарищам вскоре выступили рабочие другого лесснеровского завода «Старый Лесснер». Здесь с 13 мая забастовало свыше 600 человек, предъявивших те же требования: 1) уволить Лауля; 2) принять всех старых рабочих без медицинского осмотра; 3) за стачку никто не должен пострадать; 4) за время стачки уплатить всем поденное жалованье. Три последних требования были обычными при всех забастовках и локаутах. Требование о приеме старых рабочих без медицинского осмотра выставлялось всегда стачечниками для того, чтобы не позволить администрации под видом медицинского осмотра увольнять членов профессионального союза и других «неблагонамеренных» рабочих.

Таким образом теперь уже стояли оба завода Лесснера. Администрация не только лишилась возможности под видом приема на «старый» завод набирать рабочих для «нового», но и не могла больше, хотя бы частично, выполнять те срочные заказы, которые у нее были. Так как заказы были обычно обусловлены всякого рода неустойками, это грозило владельцам заводов крупными убытками. Тогда администрация начала раздавать свои заказы другим фабрикам и заводам, отправляя туда свои модели, неоконченные изделия и чертежи.

Но каким секретом ни был обставлен этот новый обходный путь борьбы заводской администрации, лесснеровцы быстро узнали о нем. Они обратились ко всем питерским металлистам с призывом бойкотировать их работу. Рабочие всех фабрик и заводов дружно откликнулись на этот призыв. Переданные от Лесснера заказы лежали без всякого движе-

ния, ни одна рука не притрагивалась к ним. Лесснеровская администрация пустилась на новую хитрость: с моделей, чертежей и недоделанных изделий тщательно стирались и выскабливались номера, фирмовые штампы и марки, указывавшие на происхождение заказа. Но и это не помогло. Рабочие-лесснеровцы зорко наблюдали за действиями администрации и хорошо были осведомлены, куда тот или иной заказ передавался. Тогда они обращались прямо к рабочим того завода, куда направлялся заказ, и предупреждали их: «Товарищи парвиайненцы или товарищи однеровцы, — говорили они, — к вам от Лесснера поступило такое-то литье или такие-то модели. Эта работа — под бойкотом. Не делайте ее». Этого предупреждения было достаточно — рабочие крупных заводов и всяких механических мастерских не прикасались к лесснеровской работе.

Каждый отказ выполнить объявленную под бойкотом работу, каждое приветствие рабочих с других заводов вселяли в лесснеровцев новую бодрость и укрепляли веру в победу. Оба завода стояли. Рабочие даже не подходили к заводу, только издали наблюдая за тем, что там делается. На заводах неизменно висело объявление, приглашавшее рабочих подавать заявления о приеме на работу. Выгоревшее от солнца объявление администрация заменяла другим, но никто не шел в контору. Попавшие случайно со стороны, большей частью чернорабочие, после того как они узнавали, что на заводе забастовка, сейчас же бросали работу. Администрация пускалась на хитрости. Для того чтобы создать впечатление, что завод работает, пускались на холостой ход машины, все здания освещались. А чтобы не видно было пустовавших мастерских, окна плотно прикрывались картоном. Но рабочим не надо было много времени, чтобы разгадать обманные уловки; они хорошо знали, что в их среде нет штрейкбрехеров.

«Стачка наша продолжается, — писали лесснеровцы в своем обращении на 36-й день забастовки, — все товарищи единодушны и дружны, так как наша борьба идейная и мы требуем удаления от нас такого администратора, на котором лежит моральная тяжесть самоубийства молодой жизни. Мы черпали бодрость в той моральной поддержке, которую оказывают нам ближайшие товарищи по труду — старолесснеровцы, и в том сочувствии, которое оказывают товарищи рабочие Петербурга и всей России, у которых на глазах идет наша борьба. Материальная помощь, те товари-

щеские трудовые копейки, которые идут для нас от рабочих Петербурга и провинции, — это капли крови и пота, выжатые тяжелым трудом» [1].

Никогда еще производившиеся среди рабочих денежные сборы не отличались такими размерами и такой регулярностью, как во время забастовки лесснеровцев. На ряде фабрик и заводов рабочие не ограничивались единовременными сборами денег, а регулярно отчисляли часть своего заработка. Так поступали рабочие заводов: Эриксон, Айваз, Гейслер, Семенова и др. На Металлическом заводе рабочие разрешили желающим сверхурочные работы, но с тем условием, чтобы с каждой получки отчислялся полудневный заработок в пользу лесснеровцев. Кроме того семейные рабочие Металлического завода решили взять к себе на временное пропитание детей особенно нуждающихся лесснеровцев.

За все время забастовки в пользу лесснеровцев было собрано до 18 тыс. руб. — самая большая сумма из всех сумм, собранных во время других забастовок. По просьбе бастовавших все деньги направлялись исключительно в думскую фракцию. Для того чтобы деньги не расходились по рукам неорганизованным путем, а попадали в первую очередь наиболее нуждающимся, руководители забастовки не принимали никаких сумм помимо фракции.

Забастовка на заводе Лесснера была известна всей России. Денежные переводы на наше имя поступали из самых отдаленных городов. Были поступления даже из крайних пунктов Восточной Сибири. Все денежные суммы, предназначенные для лесснеровцев, проходили через меня. Я ежедневно получал по почте и лично через представителей различных заводов по нескольку десятков и сотен рублей. О всех поступлениях я регулярно помещал сообщения на страницах «Правды», где точно перечислялось, на каком заводе и какая сумма собрана. Деньги я передавал представителям бастующих, которые распределяли их между особенно нуждающимися.

Забастовка у Лесснера была самым ярким эпизодом рабочего движения в 1913 г. Партия уделяла ей особенное внимание. Всяческими мерами партия поддерживала бастовавших, вела агитацию за организацию им помощи, привлекала внимание к забастовке широких рабочих масс. Изо дня в день «Правда» печатала «сводки» борьбы лесснеровцев,

---

[1] «Правда» № 119 (323) от 25 мая 1913 г.

помещала их обращения к рабочим других заводов, печатала агитационные заметки и статьи.

Забастовка на обоих заводах Лесснера продолжалась в течение всех летних месяцев. Для того чтобы сломить рабочих, в начале июля полиция начала производить аресты среди руководящей группы забастовщиков. Ряд арестованных был выслан из Петербурга, с воспрещением жительства в 57 пунктах. Одновременно с этим администрация завода начала рассылать на квартиры рабочим письменные приглашения явиться на работу «на старых условиях». Около заводов бастующих положительно хватали за рукава и тащили на завод. Несмотря на это, рабочие все еще держались.

Первыми сдались рабочие завода «Старый Лесснер», бастовавшие 68 дней. На «Новом Лесснере» забастовка после этого продолжалась еще две недели, до 1 августа. Всего новолессперовцы продержались свыше трех месяцев — 102 дня, срок, беспримерный по своей длительности.

Несмотря на поражение, которым закончилась стачка, лесснеровская забастовка имела огромное значение в истории рабочего движения. Она всколыхнула и подняла новые пласты рабочих, на деле убедившихся, что длительная борьба возможна только при организованности и общей поддержке всего рабочего класса в целом.

Помогая лесснеровцам, рабочие не забывали и других своих бастующих товарищей. Как всегда, в летние месяцы забастовочное движение усиливалось. Лето благоприятствовало стачечной борьбе: чаще можно было проводить нелегальные собрания, устраиваемые обычно в пригородных лесах, более удобно было созывать заводские митинги-летучки, сравнительно более легко, нежели зимой, можно было переносить и нужду, связанную с перерывом в работе.

С оживлением движения нити, связывающие нашу фракцию с рабочими массами, еще более укреплялись. Члены фракции летом, как и в другие перерывы думских сессий, разъезжались по своим избирательным районам. В Петербурге оставался я один. В это время на меня падала вся работа, которая обычно распределялась между другими членами шестерки.

По всем вопросам рабочие шли ко мне. Особенно много посетителей бывало у меня в дни получек, когда со всех заводов ко мне приносили деньги, собранные в пользу бастующих. Каждый рабочий, приходивший с денежными сборами, обыкновенно задавал целый ряд вопросов. В одном

случае надо было снабдить явками и паспортами перешедших на нелегальное положение, в другом надо было подыскать работу для уволенных за забастовки, нужно было хлопотать у министров об арестованных, организовать помощь ссыльным и т. д. Там, где появлялись признаки ослабления забастовки, надо было принять меры, чтобы поднять настроение бастующих, оказать необходимую помощь, печатать и пересылать листовки. Наконец был целый ряд личных вопросов, по которым приходили ко мне рабочие.

Не было завода или фабрики, вплоть до самых небольших предприятий, с которыми я в той или иной мере не был бы связан. Количество посетителей-рабочих было настолько велико, что иногда они не вмещались в моей квартире и некоторым приходилось даже ждать очереди на лестнице. Каждый новый этап борьбы, каждая забастовка увеличивали эти очереди, укрепляли и усиливали связь питерских рабочих с нашей фракцией, а вместе с тем содействовали еще большей организованности рабочих масс.

Один из эпизодов борьбы, показавший большую организованность и сплоченность рабочей массы, разыгрался весной 1913 г. в вагонных мастерских, где я работал до выборов в Думу.

Уже выборы уполномоченных, прошедшие с редким единодушием, вселили бодрость и уверенность в массе рабочих мастерских. Когда же депутатом от Петербурга был избран заранее намеченный кандидат, рабочий из их же среды, революционные настроения в мастерских еще больше выросли.

Охранка, внимательно следившая за тем, что происходит на заводе, решила воспользоваться каким-либо удобным случаем и нанести удар по рабочим, заставив их войти в «спокойное русло». Для этого был избран момент перед исполнявшимся в концу февраля 1913 г. трехсотлетним юбилеем дома Романовых. Задолго до юбилейного дня полиция и жандармерия усиленно чистили все фабрики и заводы, стремясь «изъять» все неспокойные элементы, для того чтобы предотвратить какие-либо революционные демонстрации в эти дни. Аресты и высылки производились пачками. Хватали всех «подозрительных».

В ночь на 14 февраля была арестована группа рабочих вагонных мастерских: Мельников (второй уполномоченный от завода на выборах в Думу), Волченков, Костин, Янковский и Жегалов. Когда полиция, по миновании надобности,

выпустила арестованных, начальник завода отдал распоряжение не допускать их к работе.

«Подайте прошение на мое имя, — заявил он, — мы запросим полицию, и тогда выяснится, можете ли вы вернуться в мастерские».

Старосты потребовали возвращения на работу освобожденных из-под ареста.

Начальник попытался запугать старост:

«Вы предъявляете революционные требования. Смотрите: все последствия лягут на вас. Не мутите рабочих».

Возмущенная таким ответом вся масса рабочих завода собралась в Яме и, обсудив создавшееся положение, потребовала немедленно приема на работу своих товарищей. Требование было предъявлено в категорической форме. Если оно не будет удовлетворено, рабочие грозили сейчас же объявить забастовку.

Заводское начальство попыталось как-нибудь сдержать бурный натиск рабочих, прося дать ему хоть немного времени, чтобы разобраться во всем деле.

В ответ на это со всех углов Ямы раздались негодующие выкрики:

«У вас была целая неделя для того, чтобы разобраться в бумагах!»

«Немедленно примите на работу уволенных!»

«Мы не разойдемся, пока вы тут же не объявите, что наши пять товарищей сегодня же будут работать!»

Натиск рабочих, показавший, что они не остановятся ни перед чем, чтобы добиться своих требований, подействовал. Администрация, увидев перед собой такую сплоченность, вынуждена была подчиниться. Тут же на собрании перепуганный начальник завода объявил, что после обеда пять освобожденных из-под ареста рабочих могут встать на работу.

Борьба, разыгравшаяся в вагонных мастерских, показала, чего могут добиться рабочие сплоченным натиском. Необходимо было использовать этот пример и привлечь к нему внимание широких рабочих масс. Для этой цели я поместил в «Правде» следующее обращение к рабочим вагонных мастерских:

«Дорогие товарищи! Спешу вас от всей души приветствовать по поводу вашего солидарного выступления 4 марта, когда вы настойчиво и смело встали на защиту своих пяти лишенных куска хлеба товарищей, потребовав принять их обратно на работу. Тяжело живется рабочему, в особенности

в вагонных мастерских Николаевской железной дороги. До избрания меня в Государственную думу я много лет работал в этих мастерских и на своей собственной спине испытал весь гнет администрации: грубое обращение, выбрасывание за ворота не только без предупреждения, но даже без объяснения причин. Как видно, и теперь новый начальник пошел по стопам старого и даже еще дальше. Кажется, ни на одном даже частном заводе нет таких тяжелых условий труда, как в вагонных мастерских. Казалось бы, в казенных предприятиях, менее зависящих от рынка, условия труда могут быть значительно лучше, чем в частных. Они должны быть образцом для частновладельческих заводов как по своему техническому оборудованию, так и по отношению к рабочим. Рабочие в казенных предприятиях должны были бы пользоваться более коротким рабочим днем, более высоким заработком и быть уверенными, что их не выбросят за ворота без всякого повода.

Что же мы видим в казенных вагонных мастерских? Вместо 9-часового рабочего дня, благодаря сверхурочным работам приходится работать по 12 часов. Вместо нормальных 24 дней в месяц вырабатывают 35 дней. А в первом участке той же дороги вырабатывают по 45 — 47 и даже по 50 дней. Получают же за этот каторжный труд 45 — 50 руб. в месяц. Если же рабочий работает нормально, т. е. 24 дня в месяц, то судите сами, сколько он может заработать. А иногда ведь бывало, что — по прихоти начальства — рабочие работали в продолжение полугода и даже года по 12 — 15 дней в месяц и зарабатывали по 18 — 20 руб. Судите, как может жить рабочий на эти деньги.

О других порядках в мастерской я поговорю в следующий раз. Сейчас же хочу сказать, что мне, избраннику в Государственную думу от ваших мастерских, особенно радостно было знать, что вы, товарищи, сознательно и единодушно, по примеру недавних лет, показали, что не дадите безнаказанно, по прихоти начальства, лишать куска хлеба своих товарищей. Помните, товарищи, что в сознательности и единении наша сила, и только объединившись вы сможете улучшить ваше тяжелое положение» [1].

По распоряжению градоначальника, за мое обращение на газету был наложен штраф в 500 руб. Мы уже заранее знали, что помещение в «Правде» этой статьи подвергнет газету конфискации или, в лучшем случае, штрафу. Но, как ни было

[1] «Правда» № 57 (261) от 9 марта 1913 г.

тяжело финансовое положение «Правды», мы шли на это. Обращение к рабочим вагонных мастерских по существу было прокламацией ко всему рабочему классу, которую нам удалось выпустить, используя наши легальные возможности. Тем самым эта прокламация получила значительно более широкое распространение, чем если бы она была выпущена в виде листка, напечатанного в подпольной типографии.

Впечатление, на которое было рассчитано это обращение, было достигнуто. Среди рабочих вагонных мастерских оно вызвало новый прилив бодрости.

В свою очередь охранка, проиграв свою ставку, поняла, что голыми руками вагонных мастерских не возьмешь. Долгое время она не решалась трогать рабочих, боясь новой вспышки. В конце концов полиция все же решила сделать новый набег.

В первый день после пасхи (в апреле 1913 г.) с утра на заводе появились большие наряды жандармов и полицейских стражников. В каждой мастерской было расставлено по нескольку человек. Полицейские не пропускали рабочих из одной мастерской в другую, а если это нужно было для работы, то разрешали пройти лишь под конвоем.

И только тогда, когда все эти приготовления были закончены, были объявлено четырем намеченным жертвам об их увольнении. В числе этой четверки был снова т. Мельников, который перед этим был выбран в правление союза металлистов. Рассчитанные рабочие пожелали узнать, за что их увольняют, но полиция их не пропустила к начальнику завода. Старостам мастерских администрация заявила, что рабочие увольняются по требованию охранного отделения. Рассчитанные рабочие были затем полицией арестованы и высланы из Петербурга с применением знаменитых 58 пунктов, т. е. с запрещением проживать почти во всех более или менее крупных городах России.

В тот же день рабочие бросились ко мне с просьбой обратиться ко всякого рода начальству с протестом против увольнений и арестов и потребовать их отмены. Было совершенно ясно, что в данном случае никакие хлопоты и протесты не помогут. Охранка получила при попытке увольнения первых пятерых рабочих такой удар, что на этот раз она ни в коем случае не пошла бы на уступки. Это было делом, так сказать, ее «чести», она считала для себя необходимым противопоставить своему прошлому поражению какую-либо примерную расправу.

Вновом обращении к рабочим вагонных мастерских, которое я напечатал по этому поводу в «Правде», я описал все, что произошло в мастерских, и призывал рабочих ответить на атаку администрации еще большей организованностью и сплоченностью вокруг партии. Понятно, открыто писать этого нельзя было, и я выразил свой призыв в следующих словах, истинный смысл которых хорошо был понятен каждому сознательному рабочему:

«Рабочие просят меня обратить внимание высшего начальства на эти дикие порядки. Хорошо, — пойду я к министру. Но должен заявить товарищам, что от этого проку мало будет. Надо самим подумать, обсудить свое положение, почаще заглядывать в рабочую газету и присматриваться к тому, как другие рабочие борются за улучшение своего положения» [1].

ГЛАВА X

Морские заводы

Забастовка на Балтийском заводе. — У морского министра. — Борьба обуховцев. — Запрос об Обуховском заводе. — Марков 2-й возражает. — Взрыв на минном заводе. — Демонстрация на кладбище. — Штраф за участие в похоронах. — Дума о моем оштрафовании.

Казенный Балтийский завод находился в ведении морского ведомства. Как и на всех других военных заводах, на Балтийском были каторжные условия труда. Цеховая оплата рядового рабочего колебалась от 12 до 18 коп. в час. Широко практиковались сверхурочные работы — «экстра», под видом которой рабочий день фактически увеличивался чуть ли не вдвое. Самая обстановка, в которой велись судовые работы, была исключительная по вредности: сырость, сквозняк, дым, грязь, в зимнее время — холод. Работать приходилось согнувшись, в скрюченном положении. Семь-восемь лет работы в таких условиях доводили до полной инвалидности.

Как и на всех военных заводах, где администрация носила офицерскую форму, преследования рабочих отличались особенной жестокостью. Связь с полицией у администрации была самая тесная. Каждый мастер, каждый начальник на

[1] «Правда» № 99 (303) от 1 мая 1913 г.

*

заводе был больше охранником, чем администратором. Администрация насаждала на заводе шпионаж и провокацию, поощряла доносы и, получив необходимые «сведения», немедленно передавала «крамольников» полиции.

Несмотря на все эти тяжелые условия, рабочие Балтийского завода не отставали от своих товарищей — рабочих других заводов. В течение всех весенних и летних месяцев 1913 г. на заводе происходили непрерывные волнения, выражавшиеся и в общезаводских забастовках и в забастовках отдельных мастерских и цехов.

Первым толчком послужила забастовка 10 разметчиков механической мастерской, вызванная увольнением трех их товарищей из-за отказа оставаться на сверхурочные работы. Администрация попыталась заменить их штрейкбрехерами, но рабочие с позором их выгнали. Работа разметчиков механической мастерской была передана разметчикам так называемой «корабельной стороны», но там к ней никто не притронулся. Переданная на другие заводы работа бойкотировалась. Администрации никак не удавалось сломить упорство небольшой группы разметчиков. Разметчики, бастовавшие в течение нескольких недель, пользовались поддержкой всей механической мастерской, отказывавшейся из солидарности исполнить «экстру».

Забастовка разметчиков механической мастерской создала повышенное настроение на заводе. С требованием увеличения расценок выступил сперва сборочно-установочный цех, а затем рабочие «корабельной стороны». Для переговоров с администрацией были избраны три делегата. Пока шли переговоры, начальник завода снесся с полицией, и все трое делегатов были арестованы. В ту же ночь (на 21 мая), после обысков на дому, были арестованы все бастовавшие разметчики. В ответ на аресты 2 тыс. рабочих корабельной мастерской забастовали, подтвердив выставленные ими ранее экономические требования, к которым они добавили требование об освобождении арестованных. Уполномоченные от забастовавших рабочих в тот же день пришли в думскую фракцию, рассказали о происшедших на заводе событиях и просили выступить в защиту арестованных.

Вместе с еще одним членом фракции я сейчас же послал телеграмму морскому министру с требованием принять нас для переговоров.

За время пребывания в Думе мне, как и другим членам нашей фракции, не раз приходилось бывать у различных

министров. Главным образом приходилось посещать министра внутренних дел, в ведении которого была полиция, а значит и все аресты, высылки и все иные виды репрессий.

Мы прекрасно понимали, что ничего реального от министров добиться мы не можем. Почему же мы шли к ним? Наши посещения членов правительства имели такое же агитационное значение, как и речи с думской трибуны. Когда рабочие узнавали, что их депутат, — такой же рабочий, как и они,— требует приема у царского министра и тот вынужден принять депутата и вступать с ним в переговоры, это вносило в широкие массы новый прилив уверенности в своих силах. Сообщение в «Правде» о том, что рабочий депутат лично предъявил то или иное требование министру, поднимало к борьбе новые пласты рабочих. Каждый раз после посещения какого-либо министра у меня на квартире появлялись новые вереницы рабочих. Приходили совершенно новые люди, до того не имевшие никакого отношения ни к партии, ни к профессиональным союзам. Они приносили свои требования, пожелания, материалы для запросов, и уже тем самым втягивались в ряды организованных рабочих. Передовые отряды рабочих пополнялись новыми силами. Это был настоящий, реальный результат от посещения министров.

Морской министр адмирал Григорович в это время был в отъезде, его заменял товарищ министра, адмирал Бубнов, который принял нас на другое утро. Рассказав ему обо всем, что произошло на заводе, мы предложили Бубнову обратить серьезное внимание на безобразия, которые творятся заводской администрацией.

Товарищ министра прежде всего попытался прибегнуть к обычному в таких случаях маневру: он-де ничего не знает, начальник завода в своем докладе не сообщал ему, что разметчики рассчитаны за отказ от сверхурочных работ, не говорил о снижении расценок и о всяких других приемах «зажима» рабочих и т. д.

«Повысить расценки в корабельном цехе? Тогда того же самого потребуют все остальные рабочие, а это составит 800 тыс. руб. лишнего расхода. Выдавать всем поденным рабочим рукавицы? Нельзя. Это тоже лишний расход».

Когда разговор перешел на аресты, Бубнов очевидно забыл свои слова, что начальник завода не сообщает ему о своих действиях. Наоборот, оказалось, тот как исправный служака поступил по указаниям своего высшего начальства. Бубнов, правда, утверждал, что по его приказанию началь-

ник завода не должен был просить градоначальника об арестах рабочих. Как будто бы полиция могла как-нибудь иначе понять просьбу о помощи в борьбе с забастовщиками.

В результате наших протестов Бубнову все же пришлось заявить, что он займется расследованием событий на Балтийском заводе и пошлет туда специального чиновника. Обещание расследовать действия администрации было, само собой разумеется, простым обманом. В тот же самый день вместо расследования на заводе появилось от имени товарища министра объявление о закрытии мастерских, в которых происходили забастовки, и о массовом расчете рабочих.

Наше посещение товарища морского министра все же дало некоторые положительные результаты. На другой же день, по распоряжению «свыше», полиция освободила арестованных. Забастовка после этого не кончилась. К корабельному цеху присоединились из солидарности другие мастерские. Забастовали и плотничий и малярный цехи, предъявившие в свою очередь требования о повышении расценок и об улучшении некоторых условий труда. Характерно, что среди этих требований было требование о вежливом обращении. Рабочие протестовали против казарменного режима, который царил на всех военно-морских заводах. Всего на Балтийском заводе бастовало свыше 3 тыс. рабочих.

Через месяц, в конце июня 1913 г., на Балтийском заводе вновь вспыхнула стачка. Поводом к забастовке было грубое обращение с рабочими и систематическое снижение расценок одним из представителей администрации, мастером Поликарповым. Рабочие насильно удалили Поликарпова из мастерской, после чего мастерская была закрыта. В свою очередь рабочие объявили забастовку и предъявили ряд требований. Забастовка продолжалась свыше месяца. Для того чтобы сломить упорство бастующих, полиция, как и во время первой забастовки, произвела среди рабочих ряд арестов. Было арестовано свыше 10 человек из тех, кого администрация подозревала в организации и руководстве стачкой.

Об арестах рабочие немедленно сообщили мне, и я, как и в прошлый раз, поехал для переговоров о судьбе арестованных к морскому министру Григоровичу.

Адмирал Григорович принадлежал к той группе царских министров, которые хотели сохранить «добрые» отношения с Государственной думой и прикидывались чуть ли не либералами. Конечно либерализм их был маргариновый. Они

просто старались не раздражать общественного мнения какими-либо особенно резкими реакционными выходками, на самом же деле вели ту же черносотенную политику, только более умно, чем оголтелые погромщики вроде Маклакова, Щегловитова и им подобных. «Приличное» поведение Григоровича настолько правилось октябристскому большинству, что уже впоследствии, когда октябристы начали разыгрывать из себя оппозицию, Родзянко выдвигал Григоровича на пост премьера ответственного министерства.

Прекрасно понимая, что наш разговор станет широко известен рабочим, Григорович попытался изобразить себя большим народолюбцем.

«Я сам вышел из низов, прошел длительную трудную школу, начав с простого конторщика», — рассказывал мне адмирал.

По словам Григоровича, в свое время он даже выступал «с бочки» на каком-то собрании рабочих, проповедывал левые идеи и т. п. Григорович поэтому считал себя знатоком рабочего вопроса и долго беседовал со мной о положении и нуждах рабочих.

Я конечно хорошо знал, с кем имею дело, и понимал, для чего он расточает свои рабочелюбивые речи. Как можно скорее я постарался перевести разговор на деловую почву и изложил требование рабочих об освобождении арестованных и о необходимости обуздать произвол начальства.

«Либерализм» Григоровича сразу испарился. Никакого положительного ответа я не мог от него добиться. Он постарался отмахнуться от неприятного для него дела, вызвал своего помощника Бубнова и велел ему заняться расследованием. Как понимал расследование Бубнов, мы уже знали на примере прошлой забастовки, закончившейся увольнением нескольких десятков рабочих и полным оправданием действий администрации. Бубнов начал уверять, что и теперь на заводе все обстоит благополучно: заработки прекрасные, к сверхурочным работам никого не принуждают, и волноваться рабочим нечего. Насчет арестованных нечего беспокоиться: если за ними нет никаких дел, их выпустят.

Когда я указал, что изображенная товарищем министра картина благополучия на заводе совершенно не соответствует действительности, что условия труда и отношение администрации там таковы, что среди рабочих стон стоит, — Григорович обещал еще раз расследовать, посмотреть, разузнать и т. д.

Цена этих министерских обещаний была известна. Для того чтобы все рабочие хорошо поняли, чего они могут ждать от царских министров, я напечатал в «Правде» подробное сообщение о разговоре с Григоровичем и его помощником и указал, насколько фальшивы все их слова и уверения. Мой отчет о посещении министра был по существу призывом к балтийцам продолжать их борьбу и не надеяться на какие-либо улучшения свыше.

С морским министерством мне вскоре пришлось вновь столкнуться в связи с забастовкой на Обуховском заводе, который тоже находился в ведении морского ведомства. В конце июля 1913 г. на заводе, на котором работало свыше 6 тыс. человек, вспыхнула забастовка. Непосредственным поводом к стачке были невыносимые условия труда в снарядно-закалочной мастерской. В узком помещении мастерской, всегда полной вредными испарениями, администрация, несмотря на все просьбы рабочих, не устраивала вентиляции. Работа в мастерской, как и на всем заводе, продолжалась по 12 часов в день, без обеденного перерыва. Заработок на этой тяжелой работе колебался от 20 до 40 руб. в месяц, — меньше даже установленного законом минимума.

Забастовка продолжалась свыше двух месяцев. После ее прекращения до 100 рабочих, попавших в черные списки, не были приняты при новом наборе. За забастовку было арестовано 30 человек, 14 человек было выслано из Петербурга с воспрещением жительства в 58 пунктах. Но и этого полиции оказалось недостаточным. Для устрашения рабочих был сфабрикован судебный процесс над обуховцами, обвиненными в подстрекательстве к стачке «в предприятиях, в которых забастовка грозит общественным бедствием».

Уже при первых арестах я снова обратился к товарищу морского министра, все к тому же Бубнову, с требованием принять меня по делу обуховцев. Однако морское министерство очевидно боялось, что из нового свидания с министром я сделаю новый материал для агитации, и поэтому я даже не получил ответа на мою телеграмму.

Суд над обуховцами состоялся уже после окончания забастовки на заводе, 6 ноября 1913 г. В день суда в Петербурге была проведена однодневная массовая забастовка с участием свыше 100 тыс. человек. На всех фабриках и заводах состоялись митинги, принявшие резолюции протеста. Таких резолюций наша фракция и редакция «Правды» получили больше сотни. Резолюции были составлены в такой резкой форме,

что «Правда», по цензурным условиям, не смогла привести их даже в извлечениях. Стачка 6 ноября, имевшая исключительно политический характер, прошла с большим единодушием и огромным подъемом. Вызванная стремлением защитить те незначительные права, которые имели по закону рабочие, она по существу была не обороной, а новой атакой рабочих на правительство.

Через неделю после суда Обуховский завод вновь забастовал. Забастовка была вызвана новыми правилами, введенными администрацией. Заводское начальство установило такую систему, при которой каждый рабочий, как бы он ни остерегался, чуть ли не ежедневно попадал под штраф. Сверхурочные работы носили принудительный характер, причем фактически оплачивались не в полуторном размере, как это было установлено по закону, а в ординарном. При расчете рабочих обсчитывали, систематически недодавая суммы меньше рубля.

Администрация по отношению к бастующим повела себя самым провокационным образом. Никакие собрания, даже предусмотренные правилами, не разрешались. По отношению к нескольким категориям рабочих было объявлено, что они не увольняются за забастовку, а будут привлекаться — в случае их уклонения от работы — к уголовной ответственности. Весь район завода был окружен отрядами полиции.

Не считая возможным вести какие-либо переговоры со своим ближайшим начальством, обуховцы решили послать делегацию к морскому министру, чтобы лично познакомить его с условиями труда на заводе и изложить свои требования.

По просьбе рабочих я отправился к Григоровичу и изложил ему положение обуховцев.

На этом раз Григорович уже не играл в либерализм и народолюбие. Он категорически заявил, что ни делегации от рабочих, ни собрания для выбора таковой он не разрешит. «Со всеми своими нуждами рабочие должны обращаться только к начальнику завода», — заявил министр.

Ввиду того что в это время уже открылась осенняя сессия Государственной думы, обуховцы обратились к нам с просьбой внести срочный запрос о положении рабочих на заводе и действиях заводской администрации. Запрос нашей фракции был внесен 15 ноября, но на обсуждение он был поставлен только через десять дней. По поручению фракции я выступил со следующей речью в защиту запроса:

«Господа члены Государственной думы. В конце прошлого месяца я имел случай вам рассказать о тяжелом положении

рабочих на казенном Охтенском заводе под в едением военного министра; теперь я имею случай вам рассказать о не менее тяжелом и не менее печальном положении рабочих на казенном Обуховском заводе, тоже под ведением морского министра.

Начиная с 1907 г., с того времени, когда реакция восторжествовала, рабочие Обуховского завода жили в самых тяжелых условиях: администрация завода систематически сбавляла расценки, и вот прошлым летом не выдержали рабочие таких тяжелых условий и забастовали. К этой забастовке были самые разнообразные причины, а главная была — систематическая сбавка расценок администрацией. Началось с мастерской закалочной снарядов, а затем забастовал и весь завод.

На этом же самом заводе, насколько дикие порядки и как халатно администрация относится к ним, вы увидите из следующего: на этом заводе сторож избил рабочего в проходной конторе, и, когда потребовали рабочие всего завода удаления этого сторожа, администрация не нашла нужным (удовлетворить это требование), она находит, что для нее этот сторож вполне соответствует своему назначению. (*Голос справа*: «Правильно!»)

Нет, неправильно. Как видите, администрация покровительствует этому хулиганству. Конечно вы знаете, не на одном заводе это самое было. Было это и на Путиловском заводе в конце прошлого года, когда 14 тыс. рабочих должны были по поводу такого же случая бастовать, и администрация не удалила такого человека, и рабочих заставили все-таки приступить к работе. Был такой случай в «Международном обществе спальных вагонов», был точно такой же на заводе «Новый Лесснер» в отделении вагонных мастерских. Все это казенные заводы. Там и сейчас тот жандарм, который избил сторожа на посту. На Обуховском заводе рабочие голодали два месяца. (*Голос справа*: «Из-за вас».) Посетил градоначальник тот завод. Зачем, спрашивается? Вы знаете, что в одну ночь после этого было арестовано около 30 рабочих. На другой день матери, жены пришли ко мне и заявили о том, что вот было «татарское нашествие», полиция приходила ночью, переворачивала все сундуки и ящики столов, в сараях дрова перерывали, искали конечно. Чего искали, бомб, что ли? Ничего не нашли, и все-таки рабочие были взяты, и через несколько дней они были высланы из Петербурга. Затем начальник завода вызвал по повестке рабочих в мастерские, а там приставлял

к ним приставов и их помощников для переговоров[1], а сам уходил из той комнаты в это время. Пристава пугали рабочих, что вот вы будете наказываться и т. д. по такой-то статье.

Но ведь вы же знаете, господа, что есть статья закона, изданного в 1905 г., по которой за стачки рабочие не могут привлекаться. Конечно вы, господа, говорите, что эта статья была издана в 1905 г. и ей не следует верить. Но все же она была издана; конечно 1905 г. — это было время страшное, господа, для нас, вы знаете; одни бежали через границу, другие оставались, так они не помнили, что делали тут, просто всякие проводили статьи, которые теперь совсем не подойдут.

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, пожалуйста ближе к вопросу.

Бадаев. Вот по поводу этих нарушений ко мне обратились рабочие Обуховского завода, чтобы съездить к министру, поговорить об этом нарушении, самом грубом, отчаянном. Я, зная, что морской министр не находится в Петербурге, обратился к товарищу морского министра Бубнову, который не нашел нужным меня принять. (*Справа смех и голоса:* «Правильно».)

Еще бы! Понятно, не обязательно для русского министра принимать рабочего и говорить о положении рабочих. Еще это и понятнее потому, что члены Думы министров не выбирают, а поэтому и спрашивать министра ничего нельзя.

На заводе самое отчаянное положение рабочих; так называемые валовые рабочие — они такие же, как и все на заводе рабочие, только валовые не пользуются общим правом, как все другие. (А вместе с тем) число их иногда выражается в тысячах. И вот рабочие там валовые работают самую тяжелую работу за 60 коп, а мастеровой, который мог бы заработать 4—5 руб. на станке, на том же самом станке работает, но только восемь гривен зарабатывает. И так работают эти рабочие там годами.

И теперь по другому случаю, по поводу второй забастовки на Обуховском заводе, рабочие ко мне как к представителю петербургских рабочих обратились за тем, чтобы я поехал к морскому министру взять разрешение на общезаводское собрание для обсуждения вопросов в связи с забастовкою на том заводе. Те товарищи, которые приходили ко мне, конечно не рассчитывали на то, что морской министр может разрешить

---

[1] В тексте стенограммы: «представлял им приставов и их помощников переговариваться». — *Ред.*

это собрание, как не рассчитывали на то, чтобы какой-либо из министров ударил палец о палец для облегчения положения рабочих масс.

Но предметные уроки — самые действительные. Последовавший отказ морского министра показал всю тщету тех надежд, которые имелись может быть до сего времени в малосознательных элементах обуховцев. Но обуховская история настолько глубока и характерна, что мы не можем не остановиться на ней принципиально и развернуть перед всей страной ту систему эксплоатации рабочих сил, которая имеется на казенном заводе. Обуховский завод по своей величине в Петербурге является вторым. На нем работает около 6 тыс. рабочих в этих каторжных условиях труда, и недаром эта рабочая книжка правил внутреннего распорядка Обуховского завода для мастеровых и рабочих окрашена в темный багровый цвет. (*Голоса справа*: «Ой, ой!») И не ради фразы я вам делаю сравнение, что эта книжка окрашена в кровавый цвет. (*Голос справа*: «Как, в кровавый? Покажите».)

Известно, что я не рассчитываю вас пронять этим описанием, описанием тяжелого положения рабочих на Обуховском заводе. Известно, что бессмысленно прививать оспу телеграфным столбам; не менее бессмысленно говорить о положении рабочих в этой черносотенной помещичьей Думе.

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, прошу вас быть осторожнее.

Бадаев. И если я сейчас все же буду говорить о положении рабочих, об их забастовках, об их страданиях, то для страны, для пролетариата, для всего народа, чтобы показать эту систему эксплоатации правительственной, чтобы убить все надежды в сердцах наивных людей вне Думы на примирение с порядком существующих вещей... (*Голоса справа*: «Довольно!»)... и вашим голосованием[1] дать предметный урок о том, что не только правительство, но и сама Дума не хочет ничего сделать для рабочих. Пусть же знают все, в каких условиях работают рабочие Обуховского завода, а вы своим голосованием покажете тот путь борьбы, на который мы давно зовем и который ничего не имеет общего с передними министерства... (*Голос справа*: «Какой же это путь?») Вот вы покажете своим голосованием.

Теперь я позволю себе процитировать несколько мест из этой книжки... (*Голос справа*: «Кровавого цвета!») Уроч-

[1] В тексте стенограммы: «вашему голосованию». — *Ред.*

ным временем на заводе считается для всех рабочих непрерывно продолжающаяся работа — 12 часов днем и 12 часов ночью и для рабочих, занятых прочими работами, — 9 часов днем и 9 часов ночью, при 12-часовом рабочем дне — от 7 часов утра до 7 вечера. Рабочие обедать домой не ходят, а принимают пищу в свободные промежутки между работой. Отсюда понятно, что при отсутствии перерыва для обеда рабочие нерегулярно должны употреблять эту холодную пищу, наспех, за работой. А вы знаете, каково отношение администрации к рабочим тогда, когда они не работают? Получаются переголодовки и пр.

Но вы мне скажете, господа, что эти каторжные условия существуют может быть не во всех мастерских, а только в некоторых. Вот я вам, господа, приведу пример из книжки, этой же рабочей книжки. Рабочие обязаны оставаться на работе и по окончании нормального рабочего времени, когда по техническим условиям работа должна быть закончена без перерыва. Все рабочие в ремонтной мастерской обязаны выходить как ночью, так и в праздничное время, а также оставаться по окончании обычных работ по требованию мастера.

В § 39 (говорится): «Все рабочие без изъятия должны выходить в часы непредусмотренные, в случае внезапной порчи котлов, проводов и двигателей». Этот параграф сводит 9-часовой рабочий день на-нет, раз вы все знаете, что рабочего могут заставить и после 9 часов в любое время работать. Правда, существует § 45, по которому сверхурочная работа оплачивается по полуторной таксе. Но все эти обстоятельства и неправильны и ложны. По § 42 рабочие, недоработавшие по каким-нибудь причинам полного числа свистковых часов, сначала по нормальной плате отрабатывают пропущенное время, а потом только работа эта засчитывается по полуторной таксе. Итак, господа, прогул, болезнь, вызванная внешними обстоятельствами, неявка на завод или простое опоздание — все это сводит к нулю полуторную плату. 9-часового дня нет, существует рабочий день 10—12-часовой, и не по полуторной, а по нормальной оплате. Перейдем еще к одному средству удлинения рабочего дня при знаменитых контрольных часах. Перед началом работ даются три свистка, после третьего свистка калитка в завод закрывается, и опоздавший имеет прогул, опоздавший в мастерскую штрафуется, и если опоздание превышает 15 минут, то первую половину дня[1]

[1] В тексте стенограммы: «во вторую половину дня». — *Ред.*

он к работе не допускается и опять-таки штрафуется. Так создаются те прогулы, которые рабочие потом должны отрабатывать по нормальной оплате в сверхурочные часы... Дальше, каждый рабочий обязан проходить только через те ворота, которые ему назначены. При входе в заводские ворота он предъявляет сторожу свой номер и опускает его в назначенный ящик. Придя в мастерскую, он берет свою карточку из ящика, штемпелюет в контрольных часах, кладет ее в другой ящик, на особо назначенное место, и тогда приступает к работе. То же самое проделывается при выходе на обед, при возвращении с обеда, при входе на завод, при выходе со сверхурочных работ, причем тут опускается в особый ящик один особый номер. Все это делается, если даже и не уходишь на обед. Не проштемпелевавший свою карточку штрафуется, а не удостоверивший своего присутствия в мастерской имеет прогул, а за прогул, вы знаете, что полагается. Эти контрольные часы заставляют 6-тысячную массу толпиться перед входом в завод и перед выходом в мастерскую и создают неизбежное опоздание. Эти опоздания влекут отработку сверхурочного времени по нормальной оплате. Это и является основной причиной настоящей забастовки.

Перейдем теперь к третьему обману, ничем не прикрытому, который практикует администрация. По § 96, для сокращения времени выдачи рабочим заработной платы, последняя выдается только в рублях, оставшиеся за заводом копейки причитываются к плате за следующую половину месяца, которая опять-таки выдается в рублях. Указание на неправильное исчисление копеек допускается в течение трех дней, а затем, по § 96, запись считается правильной, и никаких уплат за прежнее время не производится. Эти копейки вырастают в рубли, а затем куда-то их администрация убирает. Поэтому рабочие требуют полной уплаты до одной копейки за каждую половину месяца. Так как работа исчисляется по времени, то всем мастеровым дается листок на следующую работу, с обозначением особого времени, назначенного для ее исполнения. Если работа будет исполнена по времени больше заданного, то рабочий переводится в низший разряд и в определенный момент представляется к расчету. Уж это одно заставляет повышать интенсивность труда рабочего во что бы то ни стало. Если рабочий переводится на высший разряд, то все время его прежних работ уменьшается во столько раз, во сколько его часовая плата стала больше. Эта ловушка, придуманная для увеличения производительности труда, в конце концов за

одну и ту же плату ведет как бы к отбору лучших и к гибели слабых и в конце концов к истощению этих самых отобранных. И не чем иным, как голым обманом, надувательством, мы не можем назвать такую систему оплаты труда.

Перейдем теперь еще к одному, последнему обману рабочих администрацией. Каждый рабочий, его семья, жена, дети и родители — имеют право пользоваться бесплатной врачебной помощью. Прием мужчин начинается в 12 часов дня, женщины и дети во время мужского приема не могут быть приняты. Идя в больницу в будний день, рабочий каждый раз рискует подлететь под штраф, и вполне понятно желание итти в праздник. Но, по §106, прием больных производится ежедневно, за исключением праздничных дней. Вы же, господа, знаете, как вы все хотите побольше нажить, как вы хотите, чтобы капиталы, затраченные на машины, на которых вы делаете 2—3 смены, чтобы они не стояли, а работали, давали вам прибыль. А когда рабочий в будний день работает на заводе, он не может пойти в больницу, потому что его всякий раз могут оштрафовать. Вы должны и обязаны всякий час, всякую минуту давать рабочим медицинскую помощь. А в праздничный день на Обуховском заводе приема нет. Эта больница есть еще одно средство увеличения штрафов. Записка, которая должна испрашиваться, — она должна испрашиваться накануне и предъявляться особо в контору, — влечет за собою также потерю времени и потерю заработка.

Но, если вы хотите посмотреть, господа, на крепостное право в XX в., вы должны прочитать § 65 и 66. (*Голоса справа*: «Из той же книжки»?) Да, из той же книжки. «Воспрещается рабочим отлучаться из мастерской без письменного разрешения заведующего, вход в мастерские неработающим штрафуется». Это ли не прикрепление к станку и полное, откровенное, в полном смысле крепостное право? (*Голоса справа*: «Слабо». *Смех.*) За прогул, хотя бы вызванный опозданием, рабочего не только штрафуют половиной заработка дневного, но и в размере платы за прогульное время, т. е. он теряет, в случае опоздания на одну минуту к воротам завода, заработную плату за день, но и половину той платы, когда он будет отрабатывать в тот же день сверхурочные часы, т. е. теряет в наказание двойную заработную плату. В размере тройной часовой платы он штрафуется за самовольное отсутствие, за оставление работ раньше срока, за оставление работ до прихода сменщика, за неотметку в контрольных часах, за выход из мастерской до свистка и за нахождение в мастерской после

свистка, за нечистку машин, за неопрятное содержание станков, за несоблюдение правил осторожности, за непредъявление номера сторожам, за переход в другие мастерские, за невозвращение паспорта, за непослушание, за несообщение нового адреса и за нарушение правил вообще.

И так как администрации выгодно штрафовать рабочих во всех отношениях, то эти штрафы сыплются как из рога изобилия. Эта система штрафов является прямой недоплатою рабочим за проработанное время. Таково положение рабочих на Обуховском заводе, вследствие которого и произошла забастовка.

Теперь рабочие требуют восьмичасового рабочего дня, отмены сверхурочных работ, отмены штрафов, отмены контрольных часов, свободного передвижения по мастерским, уплаты жалованья до копейки, возможности являться на работу после звонка. Жизнь заставила добавить к этим требованиям и другие: отмена преследования за стачки, уплата за забастовочное время, принятие на завод уволенных, вежливое обращение, беспрепятственное чтение рабочими газет, прекращение работ до срока для мытья рук, повышение расценок и отмена валовой системы, про которую я вам рассказывал.

Господа, ясное дело, что рабочий при таких каторжных условиях не может работать. Вы помните, когда в 1905 г. он вам предъявил требования. Он доживает и теперь до того времени, когда опять их потребует, иначе он не может, — и если, когда в частности Обуховский завод эти требования выставляет, вы их не удовлетворяете, то тогда, когда все рабочие всей России требования предъявят, они вас тогда спрашиваться не будут и возьмут все от вас — и землю и всякую свободу. (*Шум справа и в центре.*)

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, призываю вас к порядку за подобные выражения. Прошу вас держаться в пределах вопроса.

Бадаев Это требование, господа, культурного, выросшего политически рабочего — нежелание быть крепостным. А против этих требований боролись сообща морской министр в лице заводоуправления, министр внутренних дел в лице градоначальника, министр юстиции в лице прокурора на суде 6 ноября над стачечниками, их солидарные действия вызвали новую забастовку, а на защиту тех судимых 4 рабочих-путиловцев забастовали в Петербурге 100 тыс. рабочих.

И не к вашей жалости взываю я, господа, когда говорю

о положении рабочих на Обуховском заводе. Как два лагеря друг против друга стоят, с одной стороны, объединенные министры, а с другой — объединенный пролетариат, и я от имени всего пролетариата бросаю здесь вызов министрам внесением этого нашего вопроса о забастовке на Обуховском заводе. (*Справа движение. Голос*: «Карауловская перчатка!»)

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, будьте осторожнее в ваших выражениях.

Бадаев. Эти каторжные условия труда рабочих Обуховского завода являются системой угнетения, обессиления физического, нравственного унижения, это есть система, на которую опирается власть министра. Система родит свое противоречие. В крике забастовавших обуховцев слышится: «Долой рабочую книжку!», а в крике забастовавших 100 тыс. рабочих 6 ноября слышится иной крик: «Долой всю систему крепостного права, долой это систематическое убийство и истощение рабочего!» И этот крик однако же видят в каждом отдельном случае, мелком случае, какой-нибудь заводской забастовке представители министерств. Крик этот раздавался 6 ноября, и мы, от имени всего пролетариата, бросаем его большинству черносотенной Думы.

По запросу о положении на Обуховском заводе правые выпустили свое тяжелое орудие — самого Маркова 2-го. «Курский зубр», или «Марков-Валяй», как его называли, был главным лидером черносотенного лагеря. Это был откровенный погромщик, не устававший призывать к виселицам и расстрелам. Каторжная политика царского правительства казалась ему слишком мягкой. Представляя в Думе самое реакционное крыло помещиков, хорошо помнивших поджоги и разгромы имений в 1905 г., Марков требовал самых решительных мер против всяких проявлений не только революционного, но даже либерально-буржуазного движения. Разумеется, он остро ненавидел рабочий класс, видя в нем главного и самого опасного врага существующего строя.

Свою речь Марков направил против забастовочного движения и против руководившей стачками социал-демократической партии. Начал Марков с личных нападок на меня, подхватив мои последние слова о вызове, который от имени всего пролетариата социал-демократическая фракция бросает черносотенному большинству Думы.

«Господин Бадаев, — сказал Марков, — вы молодой человек. Вызов бросают только тогда, когда после вызова нужно драться, а вы еще не деретесь... Вызов министерству не надо

смешивать со здравым смыслом, ибо здравый смысл должен быть самым главным вашим министром».

Утверждая, что забастовками рабочие улучшения своего материального положения не добьются, Марков сослался на примеры других стран.

«Вы все знаете, насколько высоко и хорошо, сравнительно с Россией, оплачивается труд в других странах — во Франции, в Англии, в особенности в Северной Америке, и тем не менее, несмотря на этот несомненный факт, быт и жизнь рабочих там нисколько не лучше, чем у нас. Лучшим судьей этого (являются) именно сами же рабочие французские и английские, которые постоянно бастуют, бастуют гораздо чаще теперь, чем у нас в России, и которые проявляют сплошь и рядом вооруженное сопротивление своим государственным властям и учиняют целый ряд явно незаконных поступков, несмотря на то, что они оплачиваются гораздо выше, чем в России.

Как показывает нам это всеобщее недовольство рабочих во всем мире, которые продолжают стремиться свергать министров и правительство и переворачивать весь общественный и народный строй во всех государствах решительно, там, где и республики, и конституции, и парламенты имеются, и свободы всевозможные, там тем не менее выходят такие же господа Бадаевы, бросают вызов министрам и говорят: «Мы все это перевернем вверх тормашками».

Отсюда Марков делает вывод, что забастовки направлены не на улучшение условий труда рабочих, а на захват государственной власти:

«Вы именно на государственную власть ополчаетесь, вы думаете, что пролетариат в праве закричать: нас — сто тысяч, десять миллионов или сколько там вас есть, мы силою возьмем все, отнимем у вас землю и другое и третье. Но, если вы ставите вопрос так, что вы силой возьмете все, чего вы тут болтаете? Идите и берите силою. Если же силы нет, то зачем угроза?»

Марков пытался доказать, что рабочие-то не хотят бастовать, а их заставляют чуть ли не насильно «вожаки, так называемые социал-демократы, организации социал-демократические». Социал-демократы же действуют по указке готовящейся к войне Германии.

«В то время когда все государства как в лихорадке бьются, усиливая свое вооружение и ускоряя свою военную мощь; в то время как из России, из всей Европы почти все мастеровые-специалисты собрались в одну страну, готовить сотни

аэропланов, дирижаблей, подводных лодок, почти все автомобильные фабрики всей Европы работают на эту страну, так что частных заказов почти уже невозможно давать; в то время когда облагаются в этом государстве граждане особым специальным налогом на военные действия; в то время как все признаки того, что вот-вот разразится военная буря, — в это время, как раз в это время оказалось, что на Обуховском заводе платят только 60 коп. в день, а на Николаевском заводе тоже что-то такое подходящее оказалось и в результате, как горделиво свидетельствует социал-демократ Бадаев, 100 тыс. рабочих, из коих чуть ли не половина работает для военного дела, — не работает...

Вы все знаете, что основные организации так называемых нелегализованных партий, к которым принадлежит, насколько я знаю, партия социал-демократов, они находятся вне досягаемости ненавистных русских министров, т. е. за границей. Итак этот приказ, отданный генеральным штабом, гордо бросающий вызов русской революции, получается из-за границы, быть может из столицы того же самого миролюбивого доброго соседа...

Мы присутствуем при весьма опасном заговоре против бытия Российского государства, против существования русского народа как хозяина своей земли. И не эти господа Бадаевы отнимут землю от русского народа, как они здесь горделиво хвалятся, отнимут, господа, те, которые вашими руками развращают и разлагают силу и мощь Русского государства, сея в русском народе, в русских рабочих семена отравы, семена вражды к своему государству, к своему родному государственному дому, к своему народу, к своим братьям по крови, и по вере, и по происхождению».

Свою речь Марков закончил тоже запросом к правительству. Он требовал ответа, достаточно ли оно энергично борется с революционным движением.

«Действительно ли вы, господа министры, на высоте положения, оберегаете ли вы русский народ от злодеев, врагов, идущих извне и вторгающихся в нашу домашнюю крепость с помощью государственных изменников? Я свидетельствую, что государство наше, отечество в опасности».

Свою речь Марков пересыпал угрожающими выкриками и жестами в сторону социал-демократической фракции. Повернувшись к левым скамьям, он изобразил руками винтовку, взятую на-перевес:

«Вы нападаете на нас, а мы возьмем вас на прицел!»

Вопрос к морскому министру Думой был принят, но конечно из этого не следовало, что обуховские рабочие хоть сколько-нибудь от этого выиграли. На заводе все осталось по-старому. Морское министерство и не думало итти на какие-либо уступки.

Положение рабочих на Обуховском заводе конечно не было исключением. Жесточайшая эксплоатация и тяжелые, невыносимые условия труда царили и на других заводах, особенно работавших на нужды военного и морского ведомства. В каждую минуту жизни рабочим угрожал очередной взрыв или другая катастрофа, выхватывавшая новые жертвы из рабочих рядов. И если раньше, в тяжелые годы реакции, гибель рабочего проходила тихо и незаметно, то теперь похороны каждого погибшего превращались в огромные революционные демонстрации.

Тысячные толпы рабочих шли за гробом совершенно неизвестного им товарища. С пением революционного похоронного марша «Вы жертвою пали», с венками, на красных лентах которых были написаны революционные лозунги, провожали они до могилы очередную жертву капитала. Кладбище превращалось в место многотысячных митингов. В условиях нелегальной работы, когда рабочие собрания не разрешались, когда можно было собираться только украдкой в лесу или на тесной квартире, демонстрации на похоронах имели большое революционное значение. Партийные организации призывали участвовать в них возможно большее количество рабочих, заранее намечали ораторов, распространяли листки и т. п. Готовилась к похоронным демонстрациям и полиция, усиленные наряды которой сопровождали каждые похороны. Конные и пешие полицейские метались по кладбищу прямо по могилам, рвали и ломали венки, не допуская к гробу даже близких родственников покойного, не давали говорить на могиле, хватали всякого, кто пытался сказать хотя бы пару слов, разгоняли провожавших, арестовывали. Похоронные демонстрации сопровождались всеми обычными способами борьбы, которые охранка широко применяла при попытках подавления всех других демонстраций рабочего класса.

Я уже рассказывал о том, в какой обстановке прошли похороны жертв охтенского взрыва и погибшего лесснеровского рабочего. Здесь я хочу остановиться на одной похоронной демонстрации, которая вызвала специальные полицейские преследования против меня, получившие в свою очередь отклики в широких массах питерских рабочих и

послужившие материалом для думского выступления нашей фракции.

В первых числах сентября 1913 г. на петербургском Минном заводе (бывш. Парвиайнена) от взрыва минного аппарата погибло двое рабочих. Взлетевшая вверх полупудовая крышка аппарата насквозь пробила крышу здания. Работавшие у аппарата двое рабочих были убиты на месте; вся мастерская была обрызгана их кровью. Взрыв произошел по вине администрации, из-за халатности или, вернее, из-за экономии передавшей аппарат в работу без испытания.

9 сентября тысячи рабочих бросили работу, чтобы принять участие в похоронах своих погибших товарищей. За гробом шли, кроме рабочих обоих заводов Парвиайнена, рабочие Путиловского завода, Айваза и ряда других. С первых же шагов похоронное шествие встретило препятствия со стороны полиции, потребовавшей удаления красных лент с венков. На Литейном мосту усиленный наряд полиции окружил толпу и потребовал поставить гробы на катафалки и положить туда же венки.

На мой вопрос, почему нельзя нести гроб на руках, представитель полиции ответил, что так приказано высшим начальством. Чтобы не дать демонстрации пройти по центральным улицам, полиция направила процессию по Воскресенской и затем по Знаменской. На Лиговке, воспользовавшись тем, что количество полицейских немного уменьшилось, рабочие вновь взяли гробы и венки на руки и так и несли их до Митрофаньевского кладбища. Все время толпа беспрерывно пела «Вечную память» и «Вы жертвою пали».

Близ кладбища вновь появился усиленный наряд полиции. Прикрепленные снова к венкам красные ленты были опять сорваны. Пока шло отпевание убитых на кладбище приехало много рабочих, бросивших работу после обеденного перерыва. Пятитысячная толпа запрудила всю огромную площадь кладбища. Настроение рабочих было приподнятое. Пение революционного похоронного марша перемешивалось в призывами к борьбе. Рабочим было известно, что на кладбище предполагается мое выступление. Они тесным кольцом окружили могилу, чтобы, пока полиция пробиралась бы в толпе, я успел сказать свою речь. В свою очередь толпу окружили многочисленные наряды конной и пешей полиции, во главе с несколькими приставами. Полицейские были в полной боевой готовности и ждали только случая, чтобы пустить в ход нагайки.

Когда гробы были опущены в могилу, я поднялся на стоявшую рядом скамейку.

«Товарищи! — начал я обычную в таких случаях речь. — Кровожадный капитал, в интересах наживы, не считается с жизнью рабочих. Вы видите, какая награда ждет рабочего за его тяжелый каторжный труд. Рабочий класс может добиться улучшения своего положения только собственными руками...»

Но лишь только я произнес эти слова, со всех сторон послышались крики полицейских:

«Держи его, не давай говорить».

Пристав скомандовал:

«Конные, нагайки!»

Конные налетели на толпу, пытаясь разрезать ее на части. Около самой могилы началась свалка. Несколько полицейских стащили меня со скамейки. Ко мне подбежал пристав и схватил меня за руку, крича, что я арестован.

Мне пришлось показать ему депутатскую карточку.

«Вы свободны. Но говорить я вам не дам. Мне приказано не допускать ваших речей».

Во время этого разговора толпа, решив, что я арестован, заволновалась и окружила пристава тесным кольцом. По адресу полиции начали раздаваться угрожающие выкрики. Я снова поднялся на скамейку, чтобы продолжать прерванную речь. Вместе с тем я призывал рабочих соблюдать спокойствие, чтобы избежать ненужных жертв. Толпа бросилась в прорыв, стремясь приблизиться к могиле. Конные, размахивая нагайками, помчались ей наперерез, оттесняя по частям рабочих к воротам кладбища. Только случайно удалось предотвратить кровавую бойню.

После похорон полицией был составлен протокол, в котором я обвинялся в неподчинении распоряжениям власти. Через три месяца петербургский градоначальник Драчевский издал приказ об оштрафовании меня на 200 руб. за «вмешательство в действия полиции». Ко мне явился чиновник из градоначальства, предложивший уплатить штраф. Я категорически отказался. Распоряжение градоначальника было совершенно незаконно даже с точки зрения существовавших тогда царских законов. По одному из пунктов закона о Государственной думе какие-либо взыскания могли возлагаться на депутатов только по суду и то лишь с согласия самой Думы.

Через «Правду» я довел до сведения рабочих о новой попытке правительства ограничить в правах депутатов. В от-

вет на это сообщение на фабриках и заводах начались забастовки протеста. Первым выступил Минный завод, на котором в сентябре был взрыв. С утра обе смены рабочих бросили работу и объявили однодневную забастовку. На общезаводском собрании рабочих была вынесена резолюция, протестующая против наложения на меня штрафа за выступление на похоронах их товарищей. После Минного забастовал завод Лангезиппена, где бастовало свыше тысячи человек. Отсюда забастовка протеста перекинулась на другие заводы.

Через две недели, убедившись в том, что штраф я и не собирался вносить, градоначальник в приказе по полиции объявил, что штраф заменяется для меня арестом на шесть недель. Градоначальник распорядился арестовать меня во время ближайшего перерыва думской сессии. Когда об этом стало известно, среди рабочих на заводах начались новые волнения.

Тогда президиум Думы, до тех пор ничего не предпринимавший в защиту «депутатской неприкосновенности», счел нужным вмешаться. Но Родзянко обязательно хотел, чтобы инициатива исходила от меня самого, чтобы я сам обратился к нему с просьбой о защите. Тогда он был бы «чист» перед черной сотней, — он-де не защищает врага правительства, а лишь передает по инстанциям полученное им от одного из депутатов заявление. Видя, что никакого заявления я не подаю, Родзянко решил действовать обходным путем. Он прислал ко мне на квартиру своего чиновника, выразившего от имени председателя Думы свое «сочувствие». Родзянко полагал, что в ответ на это сочувствие я обращусь через того же секретаря к нему с просьбой о защите. Не подав вида, что я понимаю истинную цель посещения посланного Родзянко, я сказал чиновнику:

«Я пользуюсь законными правами депутата. Пусть попробуют меня арестовать».

Понимая, что история с моим оштрафованием начинает принимать характер крупного общественного скандала, Родзянко уже по собственной инициативе все же решил предпринять кое-какие шаги. Он обратился к министру внутренних дел Маклакову со следующим письмом:

«Милостивый государь Николай Алексеевич. В № 13570 газеты «Новое время» и в № 12 газеты «Вечернее время» появилось сообщение о том, что спб. градоначальник приказом от 19 сего декабря отдал распоряжение о немедленном аресте члена Государственной думы Бадаева в виду неуплаты

последним наложенного на него градоначальником штрафа. Вследствие сего покорнейше прошу ваше превосходительство сообщить мне в самом незамедлительном времени, действительно ли последовал означенный приказ градоначальника. Прошу вас, м. г., принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности».

На это письмо Маклаков ответил тоже письмом, в котором сообщил, что арестован я буду лишь после истечения депутатских полномочий.

Хотя таким образом на этот раз атака на нашу шестерку была отбита, фракция все же решила использовать этот факт для внесения запроса. С одной стороны, этот случай свидетельствовал о новом наступлении реакции, служил ярким агитационным материалом, а с другой — чем шире становились известными преследования рабочих депутатов, тем сильнее укреплялись связи фракции с широкими массами рабочих.

Запрос нашей шестерки заканчивался следующими словами: «Считая наложение на члена Государственной думы с.-петербургским градоначальником денежного взыскания в административном порядке явно незакономерным, российская социал-демократическая рабочая фракция предлагает Государственной думе обратиться к министру внутренних дел с запросом на основании ст. 33 учр.[1] Государственной думы: 1) известно ли ему указанное постановление с.-петербургского градоначальника; 2) если известно, то какие меры он намерен предпринять для отмены незакономерного постановления и ограждения членов Государственной думы от подобных действий органов администрации в будущем? Настоящий просим запрос признать спешным».

Под запрос дали свои подписи и некоторые депутаты из кадетской и прогрессистской фракции. Но к моменту обсуждения запроса, на первом заседании Думы после рождественских каникул, 23 «либеральных» депутата сняли свои подписи. Запрос был сорван в тот самый момент, когда он должен был быть оглашен с думской трибуны. Уже одно это с достаточной ясностью характеризовало отношение кадетов к рабочим депутатам.

За неделю мы собрали недостающие до установленного числа подписи и вновь внесли запрос в Думу. В защиту спешности запроса шестерка поручила выступить Петровскому.

---

[1] Т. е. статьи 33 закона об учреждении Государственной думы.

«Никакие скорпионы и преследования, — сказал он, — не помешают рабочим депутатам быть всегда и везде вместе с рабочими. Ни полиция, ни черносотенное большинство Государственной думы, как бы они этого ни хотели, не смогут лишить рабочий класс возможности слышать голос своих депутатов. Градоначальник побоялся провести в жизнь свое незаконное постановление; его боязнь была основательна — питерские рабочие ответили бы на арест своего депутата единодушной всеобщей забастовкой».

В защиту спешности выступил также Бурьянов, ушедший к этому времени из меньшевистской фракции. Бурьянов говорил о грубейшем нарушении депутатской неприкосновенности, которому Дума, если она хоть сколько-нибудь уважает самое себя, должна дать решительный отпор.

Но Дума конечно и не собиралась давать какой-либо отпор этому выпаду царской полиции. Ведь дело касалось рабочих депутатов, под преследованиями которых думские черносотенцы подписывались обеими руками. Огромным большинством запрос нашей фракции был провален. Правительство авансом получило одобрение от Государственной думы на любую расправу с рабочими депутатами.

Раскол думской социал-демократической фракции

ГЛАВА XI

Положение внутри фракции

Отношения между семеркой и шестеркой. — Вопрос об участии в «Луче». — Резолюции рабочих о поведении семерки. — «Приемы» меньшевиков. — Участие в думских комиссиях. — Перед расколом.

С каждым месяцем становилось все более ясным, что единство думской социал-демократической фракции носит лишь формальный характер и что рано или поздно оно даже с внешней стороны будет окончательно нарушено.

Положение внутри фракции целиком отражало то положение, которое создалось внутри российской социал-демократии, и не только отражало, но и во много раз усиливало взаимные противоречия.

После Пражской конференции большевики окончательно организационно оформились в самостоятельную партию. Августовский блок 16) в то же время организационно оформил партию меньшевиков. Единственным организационным звеном, в котором разрыв не был еще доведен до конца, оставалась таким образом думская социал-демократическая фракция. Естественно, что такое положение долго продолжаться не могло.

Связанные формальным существованием единой фракции

депутаты — большевики и меньшевики ежедневно сталкивались между собой по всей линии вопросов революционного движения. Расхождения между большевистской шестеркой и меньшевистской семеркой, развиваясь вместе с ростом революционного движения, рано или поздно должны были привести к окончательному расколу фракции на две самостоятельные части, углубляя ту линию разрыва, по которой шла вся наша партия в целом.

Резкие столкновения между большевиками и меньшевиками начались с первых же дней, как только организовалась фракция. Я уже рассказывал о той борьбе, которая развернулась внутри фракции по вопросам о думской декларации и о принятии в состав фракции Ягелло. И в том и в другом случае наша большевистская шестерка ожесточенно сражалась с меньшевиками и добилась сдачи ими целого ряда своих позиций.

Рядом с этим у нас происходили столкновения и по чисто техническим вопросам. Характерным примером таких столкновений может служить спор о секретаре фракции. Стремясь захватить в свои руки технический аппарат фракции, семерка выдвинула на должность секретаря своего единомышленника-меньшевика (С. М. Зарецкую). Для того чтобы уравновесить положение, шестерка предложила пригласить двух секретарей, тем более, что работы во фракции было много. Пользуясь своим преимуществом в один голос, семерка провалила наше предложение. Нам пришлось уже, так сказать, приватным путем пригласить своего секретаря (секретарем была приглашена т. В. И. Лобова).

Такие приемы зажимов все время применялись меньшевиками.

До поры до времени мы боролись с такой системой внутри фракции, не считая нужным выносить эти сравнительно мелкие вопросы на обсуждение широких масс.

Первое столкновение внутри фракции, ставшее предметом широкого обсуждения не только партийных кругов, но и всей массы рабочих, было связано с вопросом об участии депутатов-большевиков в меньшевистской газете «Луч». Вокруг этого вопроса развернулась ожесточенная борьба, ярко осветившая создавшееся внутри фракции положение. Огромное значение имел этот вопрос в том смысле, что на определенном конкретном примере удалось выявить отношение рабочих масс к большевистской шестерке и к будущему окончательному разрыву с меньшевиками.

В декабре 1912 г. фракция большинством меньшевистской семерки приняла положение о создании единого органа рабочей печати. На первых порах предлагалось всем членам фракции дать свои подписи в качестве сотрудников «Правде» и «Лучу». Члены семерки были зачислены в сотрудники «Правды». Рабочие депутаты (Петровский, Самойлов, Шагов и я) дали согласие на включение своих фамилий в список сотрудников «Луча».

Однако очень скоро мы получили от ЦК указания об ошибочности этого поступка. Не могло быть никакого единства, в том числе и по линии печати, с ликвидаторами, которые вели предательскую разрушительную работу против партии и подпольных организаций. Решение меньшевистского большинства фракции о создании единого органа печати было маневром, направленным к обману широких масс рабочих фальшивыми криками об единстве. Этот маневр надо было разоблачить, дать ему решительный отпор. Первым шагом в этом направлении должен был быть наш отказ от участия в меньшевистской газете.

В конце января 1913 г., по указанию ЦК, мы потребовали от редакции «Луча» исключения наших фамилий из списка сотрудников газеты. В «Луче» (№ 24 от 30 января 1913 г.), а затем в «Правде» (№ 26/230 от 1 февраля 1913 г.), было помещено за подписями рабочих депутатов следующее открытое письмо редакции ликвидаторской газеты:

«18 декабря 1912 г. мы, в согласии с пожеланием социал-демократической фракции от 15 декабря, приняли предложение газеты «Луч» о зачислении нас в состав ее сотрудников. С тех пор прошло больше месяца. За это время «Луч» не переставал выступать ярым противником антиликвидаторства. Его проповедь «открытой» рабочей партии, его нападки на подполье мы считаем при настоящих условиях русской жизни недопустимыми и вредными. Не считая возможным покрывать своим именем проповедуемые «Лучом» ликвидаторские взгляды, просим редакцию исключить нас из состава сотрудников. Члены Государственной думы от рабочих: А. Бадаев, Г. Петровский, Ф. Самойлов, Н. Шагов».

Наш отказ от сотрудничества в «Луче» и послужил поводом для первого открытого нападения меньшевистской семерки на большевистскую часть фракции. В «Луче» появилось заявление, в котором семь депутатов-меньшевиков выступили с нападками на рабочих депутатов. Меньшевики обвиняли нас в срыве «объединения рабочей печати», в неподчинении фракционной дисциплине и т. п. Особенное раздражение вызывало у семерки опубликованное нами воз-

звание к рабочим о необходимости поддерживать исключительно «Правду». Одним из крупных преступлений рабочих депутатов, по мнению меньшевиков, было то, что мы заявили о выходе из «Луча», «даже не посоветовавшись с большинством фракции, а лишь доведя до его сведения свое готовое решение».

Это было первое открытое выступление меньшевистской семерки против депутатов-большевиков. Воспользовавшись нашим выходом из «Луча», меньшевики попытались изобразить рабочих депутатов как раскольников, срывающих дело единства. Этим самым они хотели скомпрометировать большевистскую шестерку в глазах рабочих. Нашей задачей было отвести этот удар меньшевиков и перед лицом всего рабочего класса показать, кто на самом деле мешает партии в ее работе по сплочению российского пролетариата в революционные колонны.

«Заявление семерки, — писали мы в нашем ответе, — является первым нападением одной части думской социал-демократической фракции на другую, первым выступлением брата против брата, депутатов против депутатов одной и той же думской фракции. Это — первый шаг к расколу социал-демократической фракции... Меньшевики ссылаются на наказы избирателей. Но где нашли они наказы об единстве с ликвидаторами, врагами подполья? Таких наказов мы не знаем. Да и не могли такие наказы составляться в «подполье». Мы знаем только наказы об единстве внутри партии... Не желая способствовать дальнейшим трениям внутри фракции и раздувать искру раскола, мы выносим на наш суд, товарищи сознательные рабочие, все это дело о братоубийственной войне, начатой семью депутатами».[1]

Конечно уже в это время всем нам было ясно, что наступает время, когда мы должны окончательно порвать с меньшевистской семеркой. Но в широких массах рабочих еще сильно было стремление каким-либо способом сохранить единство социал-демократии. То, что делалось внутри партийных организаций, в наших подпольных комитетах и ячейках, в силу полицейских условий российской действительности, естественно не могло быть широко известно. Думская же фракция была на виду, о ней и ее деятельности знал каждый рабочий не только Питера, но и самых отдаленных

[1] «Правда» № 44 (248) от 22 февраля 1913 г.

районов России. Говоря об единстве, широкие массы главным образом имели в виду нашу фракцию.

При таком положении самым правильным политическим шагом было показать рабочим, что истинным виновником раскола является меньшевистская семерка, что они всем своим поведением и всеми своими поступками мешают установить необходимое для революционного движения единство.

«Перед каждым рабочим кружком, — писал Ленин, — надвигается в резкой, непримиримой, требующей немедленного и прямого ответа форме вопрос о том, *какую* политику *он* хочет вести в Думе, как *он* относится к открытой партии и к подполью, считает ли *он* думскую фракцию стоящей над партией, или наоборот. Ведь это все — аз, буки, веди партийного бытия, ведь это вопрос о том, быть или не быть партии».

Из номера в номер «Правда» призывала дать отпор меньшевикам. «Обязанностью сознательных рабочих, — писал в «Правде» от 26 февраля т. Сталин, — является возвысить голос против раскольнических попыток внутри фракции, откуда бы они ни исходили. Обязанностью сознательных рабочих является призвать к порядку семь социал-демократических депутатов, выступивших против другой половины социал-демократической фракции. Рабочие должны теперь же вмешаться в дело, для того чтобы оградить единство фракции. Теперь молчание невозможно. Более того — молчание преступно».

Наши партийные ячейки повели на фабриках и заводах соответствующую пропаганду, разъясняли создавшееся внутри думской фракции положение и объясняли, почему рабочие депутаты отказались принимать участие в ликвидаторской газете. К нам начали поступать отовсюду резолюции рабочих, приветствовавшие шестерку и осуждавшие позицию и поступки меньшевиков.

Резолюции присылались и во фракцию и каждому депутату в отдельности.

Представители различных заводских и фабричных организаций Петербурга приходили к рабочим депутатам и лично передавали резолюции, снабженные многочисленными подписями. К голосу питерских рабочих присоединяли свои голоса и рабочие провинции.

Характерно, что даже Плеханов выступил с осуждением меньшевистской семерки и ее печатного органа «Луча».

«Газета «Луч», — писал Плеханов, — хочет навязать нашим партийным элементам объединение с такими господами, которые в тяжелую для нашей партии годину, в то время когда она истекает кровью, подвергаясь ударам на время восторжествовавших реакционеров, изменили ей, кричали, что ее не только не надо защищать, но надо бежать из нее без оглядки»[1].

Как отвечали меньшевики? «Луч» начал вести безудержную травлю всей нашей шестерки в целом и каждого из нас в отдельности. Меньшевики снова попытались выступить со всякого рода наветническими обвинениями. Петровскому ставилось в вину, что он получил на выборах ликвидаторский наказ, который он не выполнил, заняв во фракции большевистскую позицию. Несуразность этого обвинения прежде всего явствовала из того, что кандидатура Петровского в депутаты была выдвинута подпольными организациями, которые, само собой разумеется, не могли наметить своим кандидатом противника нелегальной работы. Вновь были вытащены клеветнические обвинения и против меня. Словом, в ход были пущены все средства без разбора.

Выступления меньшевиков в «Луче» и на рабочих собраниях сопровождались атаками на нашу шестерку и внутри самой фракции. Пользуясь своим случайным перевесом на один голос, меньшевики стремились всячески заглушить голос рабочих депутатов и, когда только могли, старались помешать нашим выступлениям.

Вот несколько примеров из «практики» семерки. Когда социал-демократической фракцией был внесен запрос о ленском расстреле, от имени фракции намечалось выступление шести ораторов. Все шесть речей семерка поручила депутатам-меньшевикам, и только после долгой и упорной борьбы нам удалось заставить уступить одну короткую десятиминутную речь т. Муранову.

По вопросу о неразрешении страховых собраний оратором был выдвинут Малиновский, — семерка заменила его меньшевиком Туляковым. При предъявлении запроса о взрыве на пороховых заводах шестерка в качестве оратора выдвинула мою кандидатуру. Совершенно естественно было поручить речь о событиях в Петербурге петербургскому депутату. Но семерка рассудила иначе и, пользуясь своим боль-

---

[1] «Правда» № 56 (260) от 8 марта 1913 г.

шинством, выставила фракционным оратором своего кандидата.

По смете министерства внутренних дел были предложены две кандидатуры — Чхеидзе и Малиновского. Большинство утвердило Чхеидзе. По рабочему вопросу той же сметы шестерка выдвинула оратором фракции меня, семерка заменила мою кандидатуру кандидатурой Бурьянова. По смете синода фракция выставляла двух ораторов, — семерка утвердила обоих меньшевиков, забаллотировав предложенного нами Петровского.

Это только несколько примеров из повседневной меньшевистской практики. Каждое наше выступление приходилось с боем вырывать у фракционного большинства, которое соглашалось поручать нам речи только после долгой и упорной борьбы. При таких условиях та главная цель, — использование думской трибуны для революционной агитации,— которую ставили себе в Думе большевики, еще более затруднялась.

Семерка не ограничивалась только тем, что мешала нам выступать в заседаниях Думы. Меньшевики старались не допускать нас и в думские комиссии, которые образовывались для рассмотрения запросов, предварительной проработки законопроектов, по бюджету и т. д. Комиссии эти были постоянные и создавались в начале сессии.

В комиссиях собирался большой правительственный и неправительственный материал, с которым депутатам необходимо было ознакомиться для будущих выступлений. На заседаниях комиссии часто выступали представители правительства, которые давали разъяснения и ответы на вопросы депутатов. Социал-демократическая фракция имела своих представителей во всех думских комиссиях за исключением военно-морской, куда черносотенная Дума, несмотря на наши протесты, отказалась допустить социал-демократов и трудовиков.

Работа комиссий давала огромный агитационный материал. Мы им пользовались и рассказывали в рабочей печати, что творится в думских недрах. Между тем все поведение семерки было направлено к тому, чтобы забрать в свои руки представительство фракции в преобладающем большинстве образованных Думой комиссий.

В течение первого года существования IV Думы из 26 комиссий, в которых были социал-демократы, меньшевики

В. И. Ленин. 1917 г.

Дом в Поронино, в котором происходила конференция РСДРП в 1913 г.

участвовали в 19 комиссиях, а большевики — только в семи. Даже в тех комиссиях, где полагалось социал-демократической фракции по два места, меньшевики старались не допускать нашу шестерку. Самой важной комиссией была бюджетная. Это была своего рода маленькая государственная дума. В ней депутаты выступали с большими речами, объяснения давали министры. Словом, бюджетная комиссия была одним из главных узлов работы Государственной думы. В течение первой сессии в ее состав от фракции входили Чхеидзе и Малиновский. Такое положение не удовлетворяло семерку, и, когда в конце года Малиновский отказался от участия в бюджетной комиссии в пользу Петровского, меньшевики воспользовались случаем и провели в комиссию второго своего кандидата.

Все поведение меньшевистской семерки носило характер определенной системы зажимания ртов рабочим депутатам. Они всячески вставляли палки в колеса нашей работы. Они монополизировали также представительство от социал-демократической фракции в Международном социалистическом бюро, послав туда своего кандидата, который отнюдь не мог считаться действительным представителем русских рабочих.

Уже к весне 1913 г., когда зимняя сессия Думы подходила к концу, положение в социал-демократической фракции стало нестерпимым.

Для нас было совершенно ясно, что сохранение тех отношений, которые сложились внутри фракции, может лишь принести вред всей нашей деятельности и всему революционному движению в целом.

В последних числах мая, после одного из очередных столкновений, обсудив эти вопросы между собой, мы внесли во фракцию предложение немедленно же назначить специальное заседание для обсуждения в полном объеме вопроса о положении и работе фракции. Но семерка, не желая лишиться своего привилегированного положения, провалила это предложение. Меньшевики и думать не хотели, чтобы хоть в чем-нибудь уступить нашей шестерке.

Наступивший вскоре после этого летний перерыв думских заседаний несколько отсрочил вопрос об окончательном расколе думской фракции.

ГЛАВА XII

Поронинское совещание

Подготовка к совещанию. — В Поронине. — Доклад ЦК и сообщения с мест. — Основные решения. — Утерянные резолюции совещания. — Совещание о работе шестерки. — Итти ли на раскол фракции.

15 июня 1913 г. Государственная дума была распущена на летние каникулы. Центральный комитет предполагал созвать очередную партийную конференцию сразу же после закрытия сессии, но потом было решено перенести конференцию на конец лета, чтобы дать возможность членам шестерки предварительно объехать свои избирательные районы. В их задачи входило ознакомление членов местных организаций с работой шестерки, и в свою очередь они хотели ознакомиться с положением работы на местах. Одним из самых важных вопросов, который ставился рабочими депутатами перед местными организациями, был вопрос о положении внутри фракции.

Собранная на местах информация о настроениях рабочих масс должна была послужить материалом для предстоявшей партийной конференции.

Отъезд рабочих депутатов из Петербурга, как и следовало ожидать, вызвал большое волнение в охранке. Из департамента полиции дождем посыпались циркулярные распоряжения местным властям: «следить», «наблюдать», «не допускать», «запрещать» и т. д. Больших трудов стоило прорвать кольцо охранки и не провалить местные партийные организации.

Объезд рабочих центров провинции, выступления на рабочих собраниях, обмен мнений с местными партийными работниками дали возможность нашей шестерке констатировать рост большевистских настроений в рабочей массе. Позиция шестерки как вне фракции, так и внутри ее была встречена одобрением большинства местных партийных организаций. Некоторые организации выдвигали требование немедленного разрыва с семеркой. Преобладали однако мнения о необходимости сделать еще одну, последнюю попытку, чтобы сохранить, хотя бы перед внешним миром, единство социал-демократической фракции. Если нельзя всю политику фракции подчинить большевистскому руководству, то надо принять меры к тому, чтобы обезвредить семерку и обеспе-

чить депутатам-большевикам возможность шире использовать думскую трибуну. В случае же, если такое положение создать не удастся, надо решительно порвать в Думе с меньшевиками, как это уже было сделано во всех других партийных организациях.

Подытожив мнения партийных организаций и общие настроения революционной части рабочих, мы в двадцатых числах сентября отправились за границу на партийное совещание.

Совещание было созвано в Галиции (Австрия) в деревне Поронино, расположенной невдалеке от Кракова. Здесь в летние месяцы жил Владимир Ильич вместе с некоторыми другими работниками Центрального комитета. По конспиративным соображениям поронинское совещание было названо августовским, на самом же деле оно состоялось в конце сентября 1913 г.

В совещании принимали участие 25 — 30 представителей от крупнейших партийных организаций. Кроме Ленина, Г. Зиновьева, Н. К. Крупской, живших постоянно в Галиции, в совещании участвовали Каменев, Шотман, Инесса Арманд, Трояновский, Розмирович, Ганецкий и ряд других партийных работников. Думская шестерка присутствовала полностью, за исключением больного в то время т. Самойлова.

Между краковским и поронинским совещаниями прошло около года. За это время революционное движение в России сделало огромный шаг вперед. Политические стачки в дни 9 января, 4 апреля (годовщины ленского расстрела) и 1 мая носили грандиозный характер. Впервые в этом году русские рабочие праздновали также Международный женский день. Упорством и организованностью отличались также экономические забастовки. Чрезвычайной силы достигла борьба против нового оружия капиталистов — локаутов. Всего за весь 1913 г. по России участвовало в забастовках около миллиона человек, из них в политических стачках — свыше полмиллиона.

Партийная работа расширилась, укрепилась. Появился целый ряд новых партийных ячеек. Существовавшие ранее стали многолюднее, их работа шире захватывала рабочие массы. Во всех легальных рабочих организациях и культурно-просветительных обществах усилилось большевистское влияние.

Все эти показатели роста революционного движения вы-

двигали перед партией массу различных вопросов. Перед поронинским совещанием стояли и организационные вопросы, и вопросы тактики, пропаганды, агитации, и т. д.

Первыми в порядке дня были доклады о работе на местах — в Петербурге, Москве, Украине, Урале и Польше.

Общий ход забастовочного движения в Петербурге был известен делегатам. О выступлениях питерских рабочих хорошо знали всюду. Поэтому свой доклад я посвятил главным образом состоянию партийной организации и работе Петербургского комитета. Целый ряд организационных мер, проведенных на основе решений предыдущего краковского совещания, сыграл положительную роль и способствовал усилению петербургской организации. Теперь уже не могли повторяться разрозненные партизанские выступления отдельных групп, как это например было в день открытия IV Государственной думы. Руководство организацией было сосредоточено в исполнительной комиссии. Наиболее крепкие связи имел ПК с Нарвским, Невским, Выборгским и Васильеостровским районами, т. е. с основными рабочими районами. Затем я сделал подробное сообщение о технике организации типографий, которых в это время у ПК было две, о выпуске прокламаций, печатавшихся в Петербурге в количестве до 20 тыс. экземпляров, о работе в профессиональных обществах, о поддержке «Правды», денежных сборах и т. д.

В сокращенном изложении, в виде корреспонденции за подписью «Член исполнительной комиссии ПК», мой доклад был напечатан в декабрьском номере центрального органа партии «Социал-демократ» (№ 32 от 5/18 декабря 1913 г.). Опубликованная часть доклада касается структуры петербургской организации и работы ПК.

«В течение лета всеми делами в Питере руководил Петербургский комитет, работающий с осени прошлого года. У ПК связи на всех заводах. Все, что делалось в рабочих кварталах, на каждом заводе, на каждой фабрике и даже мастерской, ПК знал, обо всем был осведомлен. Петербургская организация наша во главе с ПК устроена так: на всех заводах есть ячейки, которые выбирают, а на маленьких заводах и сами являются заводскими комитетами. Заводские комитеты посылают представителей в районные комитеты. Кроме того каждый заводской комитет или, если завод большой, ячейка в мастерской назначает сборщика денег, который каждую получку собирает деньги на все,

что нужно, устраивает подписку на газеты и пр. Затем назначается еще контролер, который должен обходить все те учреждения, для которых собраны деньги, и узнавать, получены ли деньги, которые собраны на заводе, и получать расписки. Благодаря этому никаких злоупотреблений с деньгами не было и ниоткуда не приходило никаких жалоб.

Каждый районный комитет выбирает исполнительную комиссию тайным голосованием. Старались так, чтобы весь комитет не знал, кто входит в исполнительную комиссию. В исполнительной комиссии каждого районного комитета состоит три человека.

Исполнительные комиссии районов посылали представителей в ПК, также стараясь, чтобы весь районный комитет не знал, кто входит в ПК. ПК со своей стороны выбирает исполнительную комиссию из трех лиц. Иногда приходилось по конспиративным соображениям не выбирать в ПК, а ПК кооптировал кого-нибудь из исполнительной комиссии района.

Благодаря такой организации охранке трудно было добраться до ПК, а ПК все время действовал, руководил деятельностью организации, объявлял политические стачки и т. д.

Авторитет ПК в рабочих массах стоял очень высоко. Во всех важных случаях рабочие ждали директив ПК. Особенно большое значение имели листки ПК, которые он выпускал в различных случаях.

Петербургские профессиональные организации постановили свои политические стачки не объявлять, а ждать призыва ПК и ему подчиниться. Забастовки 9 января, 4 апреля и 1 мая объявлял ПК. Рабочие очень волновались после закрытия «Правды» и хотели бастовать. ПК решил, что надо сначала хорошо организоваться, выпустить листок, который дошел бы до массы. И потому ПК все время сдерживал рабочих, уговаривал подождать призыва. ПК призыва к забастовке не дал, а через несколько дней стала выходить другая рабочая газета того же направления, и рабочие несколько успокоились.

Все же тысяч 30 забастовало.

Листки имели громадное значение, поэтому ПК прикладывал все усилия, чтобы была техника, где можно было бы печатать листки. Листки приходилось писать самим. Весь ПК состоял из рабочих, а интеллигента трудно было найти, чтобы исправить написанный рабочими листок.

Политические стачки в Питере не разрушали, а укрепляли организацию. Можно сказать, что питерская организация возродилась, окрепла и развивается благодаря политическому стачечному движению. Крики ликвидаторов о «стачечном азарте» показывают, что они совершенно оторвались от рабочих организаций и жизни масс, они не понимают того, что делается сейчас в рабочей среде. Я стоял в центре движения рабочих в Петербурге и я на каждом шагу постоянно чувствовал, как растет сила рабочего, как со всех сторон прямо-таки прет, прет и прет.

Резолюции февральского совещания были получены и читались рабочими на заводах.

Вся работа питерской организации велась в духе этих резолюций. Жизнь вполне подтвердила их правильность. Принимая участие в работе, я все время чувствовал, что работа стоит на правильном пути, что линия взята верно. Ликвидаторов почти не встречал, их не было слышно. Сначала я удивлялся этому, а потом собрание металлистов все разъяснило: их почти нет в Петербурге».

Дополнительное сообщение о работе в Петербурге сделал т. А. В. Шотман, сообщивший ряд подробностей.

Доклады с мест носили информационный характер. Отдельных решений по ним не принималось. Их задачей было осветить возможно шире положение партийных организаций и тем самым дать возможность конференции подойти к разрешению общих вопросов.

Сразу после сообщений с мест Владимир Ильич выступил с докладом Центрального комитета. Владимир Ильич указал на то, что развитие революционного движения и успех партийной работы подтвердили правильность линии большевиков, создавших на январской конференции 1912 г. в Праге Центральный комитет партии. Выборы в Думу, создание газеты, высокий уровень стачечного движения — все это результат работы партии под руководством большевистского ЦК. «Мы со спокойной совестью, — говорил Владимир Ильич, — можем сказать, что взятые на себя обязанности мы выполнили до конца. Доклады с мест говорят о желании и стремлении рабочих укреплять и строить свои организации. Пусть же рабочие знают, что только они сами могут создать свою организацию. Кроме них, никто ее не создаст».

Надежда Константиновна сообщила о технической работе ЦК, о переписке, связях, транспорте, доверенных лицах и

агентах ЦК, которые имелись в большинстве крупных городов. Тов. Зиновьев говорил об итогах работы нашей шестерки.

После вступительных докладов совещание занялось проработкой стоявших в порядке дня вопросов. В течение почти двух недель совещание обсудило и разрешило целый ряд важнейших вопросов, определявших всю дальнейшую работу партии. Совещание вновь подчеркнуло, что главными лозунгами революционной борьбы рабочего класса должны остаться: «демократическая республика», «конфискация помещичьих земель» и «восьмичасовой рабочий день». Под этими «неурезанными» лозунгами должны проходить все политические стачки. Совещание приветствовало почин Петербургского комитета и ряда партийных групп Москвы, ведших работу по организации всеобщей политической стачки. Необходимо немедленно и повсеместно начать агитацию за подготовку всеобщей политической стачки во всероссийском масштабе.

Резолюция о стачечном движении имела шесть пунктов, из которых последний по конспиративным соображениям не был опубликован. До сих пор текст этого пункта не удалось восстановить, так как подлинные документы совещания понятно не могли дожить до нашего времени. В архивах департамента полиции мне случайно удалось найти копию полного текста резолюции о стачечном движении. Шестой пункт был посвящен необходимости проводить политические забастовки в разных городах, а особенно в Петербурге и Москве одновременно. Вот полный текст этого пункта:

«Совещание призывает всех работников на местах к развитию листковой агитации и к установке возможно более правильных и тесных сношений между политическими и другими организациями рабочих разных городов. Особенно необходимо обратить внимание на соглашение в первую очередь петербургских и московских рабочих, чтобы могущие произойти по разным поводам политические стачки (гонения на печать, страховая стачка и т. п.) проходили по возможности единовременно в обеих столицах».

В том же архиве сохранилась копия резолюции совещания о партийной печати, пять первых пунктов которой не были опубликованы и тоже считались до настоящего времени утраченными.

Полный текст этой резолюции следующий:

«1. Совещание констатирует громадное значение легальной прессы для дела социал-демократической агитации и организации и поэтому призывает партийные учреждения и всех сознательных рабочих к усиленной поддержке легальной печати при помощи самого широкого ее распространения, организации массовых коллективных подписок и постоянных сборов. При этом совещание вновь подтверждает, что указанные сборы являются членскими взносами на партию.

2. Особенно усиленное внимание должно быть обращено на укрепление легального рабочего органа в Москве и на возможно близкое создание рабочей газеты на юге.

3. Совещание высказывает пожелание о возможно более тесном сближении существующих рабочих легальных органов при помощи взаимного осведомления, устройства совещаний и т. п.

4. Признавая важность и необходимость существования теоретического органа марксизма, совещание выражает пожелание, чтобы все органы партийной и профессиональной печати знакомили рабочих с журналом «Просвещение» и призывали их к постоянной подписке на журнал и систематической его поддержке.

5. Совещание обращает внимание партийных издательств на крайнюю необходимость широкого издания популярных брошюр по вопросам социал-демократической агитации и пропаганды.

6. Ввиду обострения революционной борьбы масс за последнее время и необходимости ее полного и всестороннего освещения, недоступного легальной печати, совещание обращает особое внимание на необходимость усиленного развития нелегального партийного издательства, причем кроме нелегальных листков, брошюр и т. д. крайне необходим более частый и регулярный выход нелегального органа партии (ЦО)» [1].

Самой важной организационной задачей партии, как указывало совещание, является не только упрочение партийных организаций в каждом городе, но и объединение их. Для этого необходимо созывать областные партийные совещания, а где можно — и конференции. Вновь подтверждена была необходимость системы доверенных лиц при ЦК. Совещанием был поставлен вопрос о созыве очередного съезда партии.

---

[1] Архив департамента полиции, особый отдел, 1913 г., № 307, лл. 367 — 370.

Одним из центральных вопросов поронинского совещания был доклад нашей шестерки о работе социал-демократической фракции Государственной думы. Еще до открытия конференции, как только мы приехали в Поронино, у нас состоялось частное совещание с Владимиром Ильичом о работе думской шестерки. Со времени Краковской конференции у нас уже накопился известный опыт как по выступлениям в Думе, так и по внедумской работе. С точки зрения революционной агитации среди масс, думская трибуна была использована нами неплохо. Нам иногда казалось однако, что всего этого недостаточно.

«Ну, хорошо, мы устраиваем демонстрации министрам и черносотенцам, когда они появляются на трибуне, — сказал я Владимиру Ильичу. — Но этого мало. Рабочие спросят: какие практические предложения делали вы в Думе, где выработанные вами законы?»

Владимир Ильич, как обычно, рассмеявшись, ответил:

«Никаких законов, облегчающих положение рабочих, черносотенная Дума никогда не примет. Задача рабочего депутата — изо дня в день напоминать с думской трибуны черносотенцам, что рабочий класс силен и могуч, что недалек тот день, когда вновь подымется революция, которая сметет всю черную сотню вместе с ее министрами и правительством. Конечно можно выступать и с поправками и даже с каким-либо законом, но все эти выступления должны сводиться к одному: надо клеймить царский строй, показывать весь ужасающий произвол правительства, говорить о бесправии и жесточайшей эксплоатации рабочего класса. Вот это будет действительно то, что должны слышать рабочие от своего депутата».

Совместно с Владимиром Ильичом был разрешен целый ряд практических вопросов думской работы: о голосовании по отдельным статьям законов и сметам, о законопроектах, к выработке которых — в агитационных целях — следовало приступить шестерке, и т. д.

По отчетному докладу «шестерки» прения происходили в течение нескольких заседаний. В принятой резолюции совещание вновь подтвердило решения партии о том, что задачей социал-демократических депутатов является не участие в какой-либо положительной законодательной работе, а использование думской трибуны для революционной агитации и пропаганды. При резко отрицательном отношении ко всякого рода проходящим через Думу законопроектам

все же вставал вопрос, как поступать в тех случаях, когда в законе предлагалось какое-либо улучшение положения трудящихся. Совещание высказалось за то, чтобы голосовать за эти пункты лишь тогда, когда дело идет о непосредственном и прямом улучшении, вроде сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и т. п. Если же в силу общих условий предлагаемое улучшение было сомнительно, фракция должна воздержаться от участия в голосованиях, непременно с особой мотивировкой. Кроме того по всем вопросам, которые проходили через Думу, социал-демократическая фракция должна вносить самостоятельные формулы перехода к очередным делам.

Таковы были указания, которые сделало поронинское совещание по вопросу о нашей тактике в думской работе.

Отдельным докладом совещание поставило вопрос о положении внутри фракции и о нашей борьбе с меньшевистской семеркой. Перед совещанием во весь рост встал вопрос об окончательном расколе фракции и об образовании в Думе самостоятельной фракции социал-демократов-большевиков. Вопрос о расколе фракции и полном отмежевании от меньшевиков по существу рассматривался на совещании как необходимый и неизбежный шаг. Однако этот шаг был чрезвычайно серьезным и ответственным. Как отнесутся к нему широкие массы рабочих? Поймут ли они, что «единство» с ликвидаторами только вредит рабочему классу? Не сочтут ли они необходимым, чтобы перед лицом черносотенной Думы большевики и меньшевики выступали как одно целое? Положение затруднялось тем, что при свирепствовавшей цензуре и полицейских преследованиях развернуть широкую разъяснительную кампанию было невозможно. Наша печать не могла все называть своими именами. Приходилось говорить обиняками, даже основные три лозунга большевиков надо было прикрывать всякими «похожими» словами.

С другой стороны, самый раскол надо было произвести таким образом, чтобы потянуть с собой как можно больше уже колебавшихся, но еще примыкавших к меньшевикам. Это в равной мере имело значение и в отношении передовых сознательных рабочих и членов самой объединенной фракции. Нашей задачей было отсеять, оторвать от меньшевиков тех, кто еще окончательно не утонул в ликвидаторском болоте.

Все эти соображения легли в основу резолюции поронин-

ского совещания, решившего предварительно предъявить ультиматум семерке о равенстве обеих частей фракции. Лишь в случае отказа меньшевиков согласиться на наши требования мы должны были окончательно разорвать с семеркой и образовать самостоятельную фракцию.

Следующее постановление было принято по докладу о положении внутри фракции:

«Совещание находит, что единство социал-демократической фракции в области думской работы возможно и необходимо.

Однако совещание констатирует, что поведение 7 депутатов серьезно угрожает единству фракции.

7 депутатов, пользуясь случайным большинством одного голоса, нарушают элементарные права 6 рабочих депутатов, представляющих громадное большинство рабочих России.

7 депутатов, исходя из узко фракционных интересов, лишают 6 депутатов возможности выступать с думской трибуны по важнейшим вопросам рабочей жизни. В целом ряде выступлений, когда социал-демократическая фракция выставляла двух и более ораторов, 6 депутатов, несмотря на свои требования, не получали возможности выставить своего оратора.

7 депутатов при распределении мест в думских комиссиях (например бюджетной) таким же образом отказывают 6 депутатам предоставить одно из двух мест.

При выборах от фракции в важные для рабочего движения учреждения 7 депутатов большинством одного голоса лишают 6 депутатов представительства. Личный персонал, обслуживающий фракцию, всегда избирается односторонне (например отвергнуто требование второго секретаря).

Совещание находит такой образ действий 7 депутатов неизбежно создающим трения во фракции, мешающим сплоченной работе и ведущим к расколу фракции.

Совещание самым решительным образом протестует против подобного образа действий 7 депутатов.

6 депутатов представляют громадное большинство рабочих России и действуют в полном согласии с политической линией его организованного авангарда.

Совещание поэтому находит, что только при полном равноправии двух частей фракции и только при отказе 7 депутатов от политики подавления будет возможно сохранить единство социал-демократической фракции в области думской работы.

Несмотря на непримиримые разногласия в области работы не только думской, совещание требует единства фракции на указанных выше началах равноправия двух ее частей.

Совещание приглашает сознательных рабочих высказать свое мнение по этому важному вопросу и способствовать всеми силами сохранению единства фракции на единственно возможной основе равноправия 6 рабочих депутатов».

Принимая эту резолюцию, наша партийная организация делала последнюю попытку обезвредить меньшевистскую семерку, не создавая официального раскола. Но разделение

фракции на две равноправные самостоятельные части, само собой, конечно уже являлось бы резким размежеванием между шестеркой и семеркой. И если бы формальный раскол даже не произошел, то и тогда в нашей думской деятельности мы имели бы возможность проводить ту политику, которая действительно отвечала бы интересам партии.

Перед самым отъездом из Поронина состоялось заседание ЦК с участием депутатов, на котором обсуждались практические шаги шестерки по отношению к меньшевикам. Было решено, что мы предъявим им ультимативное требование о назначении второго секретаря фракции, о перевыборах в бюджетную комиссию и в Международное социалистическое бюро и о выставлении на трибуну ораторов поровну от большевиков и меньшевиков. Тут же был выработан текст ультимативного письма. В случае отказа семерки удовлетворить наше требование решено было итти на полный раскол и апеллировать к массам.

ГЛАВА XIII

Раскол Думской фракции

Наш ультиматум меньшевикам. — Первые отклики рабочих. — Семерка тянет с ответом. — Раскол. — Как ответили на раскол рабочие. — Резолюции рабочих собраний. — Отклики партийных организаций. — Плеханов против семерки. — Значение раскола для партии.

Поронинское совещание поставило на очередь целый ряд важных организационных вопросов. Для проведения их в жизнь я, по поручению ЦК, выехал на несколько дней в Брянск на Бежецкий завод, где сделал доклад о работе конференции. С заводом у нас были крепкие связи, которые еще больше укрепились после моей поездки. Постоянная и хорошо налаженная связь с брянской организацией и по думской и по внедумской работе сохранилась у меня в течение всего времени пребывания в Думе.

Остальные члены шестерки отправились в другие районы России. Вся шестерка вновь собралась в Петербурге к 15 октября, когда назначено было открытие осенней сессии Государственной думы.

Первое заседание социал-демократической фракции состоялось на другой день, 16 октября. Сразу после открытия заседания от имени шестерки было сделано внеочередное

заявление. Указав вкратце на создавшееся внутри фракции положение, мы изложили наши требования о равноправии обеих частей фракции. Эти требования были предъявлены в форме ультиматума.

«Мы требуем немедленного ответа. В случае отказа вся наша шестерка выходит из состава фракции».

Чхеидзе попытался сорвать обсуждение наших требований:

«Угодно ли собранию обсудить заявление шести депутатов?» И, заранее уверенный в своем большинстве, хотел уже перейти к обычному голосованию.

В ответ на наш протест против такого способа разрешения вопроса один из членов семерки пришел на помощь своему председателю и внес новое предложение: сперва обсудить текущие фракционные дела, а затем уже в конце заседания перейти к рассмотрению заявления шестерки.

Категорически отказавшись принимать какое-либо участие в совместной работе до получения ответа на предъявленные нами требования, мы демонстративно ушли с заседания.

Очевидно меньшевики не ожидали такого решительного выступления с нашей стороны и в первый момент не знали, как на него реагировать. Для того чтобы как-нибудь оттянуть время, они обратились к нам с просьбой внести заявление шестерки в письменном виде и обещали дать на него ответ в течение недели, а пока приглашали нас участвовать в общей работе фракции.

На другой день мы вручили семерке следующее заявление:

«Год совместной работы в Государственной думе обнаружил целый ряд столкновений и трений между нами и вами, т. е. остальными семью социал-демократическими депутатами. Дело доходило до открытой полемики в печати, а последние ваши решения, проведенные вами перед самым закрытием Государственной думы в июне 1913 г., когда часть депутатов уже разъехалась, показали окончательно невозможность создавшегося положения. Эти решения, принятые вами семью голосами против, суть отказ большевикам (т. е. 6 депутатам) в одном месте из двух в бюджетной комиссии и выбор одного (а не двоих) в одно важное учреждение.

После того как вы неоднократно, семью голосами против шести, лишали 6 рабочих депутатов одного оратора из двух, выставленных в Думе, указанное решение явилось каплей, которая переполнила чашу.

Вам известно, что мы действовали и действуем всецело и исключительно в духе последовательного марксизма, идейно примыкая ко всем его решениям.

Вам известно, товарищи, что есть вполне объективные факты, доказывающие, что мы не преувеличиваем, когда говорим о полном согласии нашей деятельности с сознанием и волей огромного большинства марксистских передовых рабочих России. Это доказала и история

«Правды», первой рабочей газеты, созданной подъемом рабочего движения в апреле — мае 1912 г., объединившей вокруг себя большинство рабочих. Это доказало распространение «Правды» в числе 40 тыс. экземпляров. Это доказали групповые рабочие сборы на «Правду», о которых всегда печатала открыто эта газета. Это доказали выборы по рабочей курии в IV Государственную думу, давшие всех куриальных депутатов из большевиков и показавшие, по сравнению с выборами по рабочей курии во II и III Государственные думы, никем не оспариваемый громадный рост марксизма и антиликвидаторских убеждений среди сознательных рабочих России. Это доказывали выборы в правление союза металлистов в С.-Петербурге и история первой рабочей газеты в Москве в этом году. Понятно само собой, что мы считаем своим безусловным долгом действовать в строжайшем согласии с волей большинства марксистски сплоченных рабочих России.

Между тем вы — семеро депутатов — действуете независимо от этой воли и против нее. Вы смело принимаете решения, идущие вразрез с волею большинства сознательных рабочих. Напомним хотя бы принятие вами на некоторых половинчатых началах несоциал-демократа Ягелло, которого до сих пор не признал ни один социал-демократ в Польше, или принятые вами, вопреки воле большинства рабочих, националистические лозунги, так называемая культурно-национальная автономия и т. п. Мы не знаем точно ваших отношений к течению ликвидаторов и думаем, что вы скорее колеблетесь в сторону ликвидаторства, чем являетесь полными сторонниками его. Но как бы там ни было, остается неоспоримым фактом, что вы не считаете для себя обязательными суждения и требования того большинства сознательных рабочих России, с которыми мы идем рука об руку.

Нечего и говорить, что при таких условиях всякий социалист в любой стране мира, всякий сознательный рабочий признает чудовищным ваше стремление подавлять нас одним голосом, лишать нас одного из двух мест в комиссиях Думы или в других учреждениях, в списке думских ораторов и т. д., навязывать нам тактику и политику, осуждаемые большинством сознательных рабочих России.

Мы признаем и не можем не признать в данное время непримиримыми наши разногласия в области не только думской работы. Мы вынуждены признать ваше стремление подавлять нас и лишать нас одного из двух мест безусловно раскольническим и устраняющим все возможности работать вместе. Но, считаясь с настойчивым желанием рабочих сохранить хотя бы перед внешним миром единство социал-демократических депутатов, хотя бы в думской работе, считаясь с нашим годовым опытом, показавшим возможность достигнуть посредством соглашения такого единства в думских выступлениях, мы предлагаем вам установить точно и недвусмысленно, раз навсегда, что никакое подавление 7 голосами шестерки куриальных рабочих депутатов недопустимо. Сохранение действительного единства социал-демократической фракции IV Государственной думы возможно исключительно при полном и бесповоротном признании равенства семерки и шестерки, с проведением принципа соглашения между нами по всем вопросам думской работы».

Это заявление было опубликовано нами в «Правде»[1] вместе с призывом ко всем рабочим о поддержке требований шестер-

[1] «За правду» № 13 от 18 октября 1913 г.

ки. С этого же дня «Правда» развернула широкую кампанию против семерки. В целом ряде статей «Правда» изо дня в день разъясняла смысл развернувшейся борьбы внутри фракции. В газете приводились цифровые данные, показывавшие, что огромная масса рабочих стоит на стороне большевиков. В одной из статей были приведены подсчеты рабочего населения в тех районах, откуда были избраны социал-демократические депутаты: девять десятых всего числа рабочих падало на районы, откуда были выбраны большевики, и только одна десятая приходилась на долю меньшевистской семерки. Большое количество статей, обличавших ликвидаторов и разъяснявших их преступную роль в борьбе против партии, было получено «Правдой» из-за границы от членов нашего Центрального комитета, в том числе и от Ленина.

«На защиту! — призывала редакция «Правды» на страницах газеты. — Чаша терпения переполнилась. Рабочие депутаты обратились к большинству фракции с требованием устранить все то, что мешает их работе, выполнению возложенной на них пролетариатом обязанности. Семерка, как и в прошлом году, пытается оттянуть решение этого вопроса. Остается решить этот вопрос самим рабочим. Мы обращаемся ко всем, кому дороги интересы рабочего класса, с призывом стать на защиту своих избранников и заявить семи депутатам, что рабочие не дадут им подавить волю избранников рабочей курии — последовательных марксистов» [1].

Рабочие массы Петербурга, а за ними и других городов России горячо откликнулись на наш призыв. Страницы «Правды» начали заполняться резолюциями, в которых клеймилось поведение семерки и обещалась поддержка рабочим депутатам. Вот одна из первых резолюций, полученных в те дни, когда меньшевики еще не ответили на наши требования:

«Мы, рабочие пушечной мастерской Путиловского завода, узнав из газет о происходящих недоразумениях в социал-демократической фракции Государственной думы, считаем требование 6 рабочих куриальных депутатов правильным как непосредственных представителей всего рабочего класса России и требуем от 7 депутатов признания за 6 депутатами права руководства работами по всем вопросам рабочей тактики».

За первую неделю со дня опубликования нашего заявления меньшевистской семерке «Правда» получила резолюции

---

[1] «За правду» № 14 от 19 октября 1913 г.

от рабочих двадцати пяти фабрик и заводов (Барановского, Парвиайнен, Путиловского, Трубочного, Русско-балтийского, Обуховского, Промет, Гейслера, Ижорского, Лангезиппен, Сименс-Гальске и пр.). Под этими резолюциями было свыше 2 500 подписей. Кроме того четыре собрания уполномоченных, представлявших несколько десятков заводов Петербургского, Выборгского, Василеостровского и Первого городского районов, высказались против ликвидаторов и за поддержку шестерки. Такие же резолюции были приняты правлениями четырех профессиональных союзов, насчитывавших около 3 тыс. членов.

В эти дни, когда к вопросу о расколе мы подошли уже вплотную, все наши партийные организации развили огромную работу среди рабочих масс. Все члены шестерки ежедневно выступали на рабочих собраниях, на которых горячо обсуждалась наша борьба с меньшевиками. Целый ряд таких собраний был устроен правлением союза металлистов, руководимым большевиками.

В некоторых местах сторонники меньшевиков, узнав о том, что предполагается выступление кого-либо из нас, вызывали на помощь представителей семерки. Тогда разгорались горячие бои. Для семерки они оканчивались в большей части плачевно, — за меньшевиками шли только небольшие кучки. Огромное большинство рабочих, разобравшись в наших спорах, встало на сторону большевиков и выступало с решительными требованиями повести политику думской фракции по большевистскому руслу.

Не давая прямого ответа на наши требования, семерка поместила в «Новой рабочей газете», выходившей вместо «Луча», пространное объяснение, где защищала правильность своих позиций. Семерка всячески тянула с окончательным ответом. Политика ее была совершенно ясна: ведя полемику в печати и среди отдельных групп рабочих, меньшевики рассчитывали выиграть некоторое время и как-нибудь повлиять на нас со стороны. Это было расчетом без хозяина: наше решение было серьезно продумано и покоилось на таких твердых основаниях, что от двух-трех дней ничего в нем измениться не могло.

Явившись на очередное заседание фракции 21 октября, мы вновь сделали заявление, в котором потребовали дать ответ на наши условия. От имени семерки Чхеидзе заявил, что окончательный ответ будет дан через четыре дня, а пока семерка считает возможным продолжать работу лишь на ста-

рых основаниях, т. е. не признавая равноправия обеих частей фракции.

Был объявлен перерыв, во время которого происходили отдельные совещания шестерки и семерки. Парламентером между нами был сторож фракции т. Новоселов, который передавал от нас семерке и обратно письменные заявления и ответы на них. Мы сообщили семерке, что соглашаемся подождать еще несколько дней, в течение которых не будем принимать участия в общих голосованиях фракции, а будем по каждому отдельному вопросу сообщать коллективное решение всей нашей шестерки в целом.

Состоявшееся после этого общее заседание фракции показало, что меньшевики и не думают о каком-нибудь отказе от своего преимущества в один голос. Мы потребовали, чтобы представителю шестерки было предоставлено одно место из двух во время выступления по запросу о печати. Семерка отказалась удовлетворить эти требования и наметила ораторами по запросу двух меньшевиков. Характерно, что отказ предоставить нам одного оратора мотивировался тем, что по данному вопросу между нами нет принципиальных разногласий. Выходило так, что если разногласия имеются, то нельзя давать слова большевикам, чтобы не нарушить «единства», а если разногласий нет, то тогда тоже не следует предоставлять выступления шестерке.

В ближайшем же заседании Государственной думы[17] семерка наглядно показала, что не только в организационном отношении, но и в своих принципиальных позициях она крепко стоит на ликвидаторской платформе. Выступивший от имени фракции по запросу о запрещении собраний меньшевик Туляков заявил в своей речи, что «свобода коалиций,[17] частью которой является борьба за свободу собраний, является нашим боевым лозунгом». Таким образом Туляков во всеуслышание выкинул ликвидаторский лозунг, решительно осужденный нашей партией как подменяющий истинно-революционные требования рабочего класса.

Наконец 25 октября, после долгих проволочек и оттяжек, семерка вручила нам свой ответ на наши заявления. Ответ, как и следовало этого ожидать, был отрицательный. Решительно отвергая все наши требования, меньшевики предлагали вести работу фракции на старых основаниях, т. е. без признания равноправия обеих частей. Получив составленный в письменном виде текст семерки, мы ушли с заседания фракции.

Это было последнее заседание объединенной социал-демократической фракции IV Государственной думы. Раскол стал совершившимся фактом.

На другой день в «Правде»[1] от имени всей нашей шестерки было опубликовано следующее воззвание ко всем рабочим:

«Каждый пролетарий, прочитав ответ семи депутатов, в котором они отказывают во всех наших требованиях, несомненно задаст себе вопрос: Что же дальше?

Будет у нас единая фракция, или пролетариат позволит семи депутатам, стоящим в стороне от марксистской организации, говорить от имени социал-демократии?

И что же должны делать мы, шесть рабочих депутатов, после того как эти семь депутатов решили, пользуясь большинством в один голос, против воли рабочих называться фракцией?

Единство социал-демократического думского представительства — вот бесспорный лозунг широких пролетарских масс.

И когда мы обратились к пролетариату за ответом, согласен ли он с нами в понимании того, как обеспечить это единство, тотчас же тысячи рабочих ответили: да.

Мы убеждены, что так ответит большинство рабочих России.

Во имя этого единства мы не прерывали нашей работы во фракции и всеми силами старались не дать большинству фракции повода сделать какие-либо разрушающие единство шаги.

Мы имеем право ожидать, что семеро депутатов отложат в сторону свои фракционные счеты и прислушаются к голосу сотен и тысяч рабочих, одобривших в своих резолюциях наши требования.

Этого не случилось. Через головы всех рабочих, вопреки ясно выраженной их воле, семь депутатов отказали нам.

Мы стоим перед необходимостью и неизбежностью самостоятельного существования. Это теперь должно быть ясно каждому рабочему, кому дороги интересы марксистской организации и пролетарского дела.

Мы обращаемся к вам, товарищи рабочие, поддержать нас в этот трудный момент.

А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.

Отношения между нами и семеркой были окончательно прерваны.

Вечером 27 октября уже в другом помещении мы собрались на первое организационное заседание новой большевистской фракции Государственной думы. В тот же день мы вручили семерке официальное заявление о том, что ввиду отказа меньшевиков удовлетворить наши требования шестерка организуется в самостоятельную фракцию Государственной думы. Для организации совместных выступлений с думской трибуны мы предложили семерке каждый раз вступать с нами в соответствующие переговоры.

---

[1] «За правду» № 20 от 26 октября 1913 г.

Вместе с тем мы составили и опубликовали в «Правде»[1] новое воззвание ко всем рабочим, в котором сообщалось об организации самостоятельной большевистской фракции в Государственной думе. Вопрос о причинах раскола фракции в этом воззвании был поставлен во весь рост. Обращаясь к широким массам рабочих всей России, мы объяснили, почему большевики не могут итти одним путем с семеркой ликвидаторов-меньшевиков. «Все знают, — писали мы в своем воззвании, — что в среде сознательных, организованных рабочих давно уже борются два течения: одно — отстаивающее старые лозунги, написанные на старом пролетарском знамени, и другое — в лице своих вождей отрекшееся от этих лозунгов, объявившее прошлое социал-демократии маскарадом, проповедывавшее замену основных лозунгов частичными требованиями...

Эти два течения борются в рабочей среде вот уже ряд лет, и конечно ни о каком примирении с таким течением не может быть и речи. Эта борьба отразилась и на борьбе в социал-демократической фракции. Своими голосами семеро стали пользоваться не только для того, чтобы отстаивать свои мнения внутри фракции, но и чтобы проводить с думской трибуны отвергаемую нами политическую линию, противопоставляя ей ликвидаторскую... Мы не можем отдать на поругание, замалчивание наши требования, наше старое знамя. Во имя этих требований, во имя служения рабочему классу, мы считаем нашей обязанностью выступить сейчас на их защиту и уйти оттуда, где их замалчивают. Товарищи, мы будем защищать наше знамя теперь одни — в Думе и вне Думы, всегда и везде. В этой нашей ответственной работе мы обращаемся к вам за поддержкой».

Твердо уверенные в поддержке всего рабочего класса России, мы выносили на суд широких рабочих масс все разногласия, которые бездной разделяли большевиков от ликвидаторов. Это был момент огромной исторической важности. Раскол с меньшевиками уже по всей линии прошел к верхушке нашей партии. Но до сих пор вопрос о расколе партии ставился и решался лишь внутри нелегальных подпольных организаций, объединявших только наиболее передовых, революционно-сознательных рабочих. Теперь этот вопрос, имевший огромное значение для всего будущего хода российской революции, передвигался в самую толщу рабо-

[1] «За правду» № 22 от 29 октября 1913 г.

чего класса. Единодушной поддержкой нашей думской шестерки русский пролетариат должен был выбрать путь своей будущей борьбы не только с царским самодержавием, но и со всем буржуазным строем в целом. Для нашей же партии, равно как и для меньшевиков, вопрос о том, какую позицию займет рабочий класс в расколе фракции, фактически был вопросом жизни и смерти партийной организации. Это была генеральная проверка правильности нашей политической линии, проверка, которую должны были произвести сами широкие массы российского пролетариата.

Объявляя о нашем окончательном разрыве с меньшевистской семеркой и обращаясь к рабочим массам за поддержкой, мы хорошо понимали, на какой исключительной важности шаг решается наша партия. Десятки раз вопрос о расколе обсуждался в наших партийных центрах; внимательный анализ всей обстановки говорил за то, что рабочий класс пойдет за нами, а не за меньшевиками; вопрос был предрешен до самого конца. И все-таки у некоторых партийных товарищей появились колебания: как в действительности отзовутся на наш призыв рабочие массы, насколько единодушно они поддержат большевистскую шестерку, не рано ли итти на полный раскол, не попытаться ли еще раз как-нибудь сохранить хотя бы внешнее единство?

То чувство, которое мы переживали в эти дни, было чувством огромной ответственности перед всем рабочим классом России. Беря на себя эту ответственную задачу, мы с волнением ожидали ответа рабочих масс на наш призыв. И если мы вполне были уверены в том, что большинство рабочих будет на нашей стороне, мы все же не могли заранее определить, в каких размерах и в каких формах выразится оказанная нам поддержка рабочих масс.

Перед всеми нашими партийными ячейками и организациями и перед каждым большевиком в отдельности встала задача — как можно шире развить пропаганду и агитацию за поддержку шестерки. Партийная работа и в подполье и в легальных рабочих обществах на этой волне поднялась и усилилась в несколько раз. Это были дни исключительного напряжения работы всех наших организаций.

Вопрос о позиции, которую займут широкие массы рабочих, по существу сводился к тому, с какой силой выступят питерские рабочие. И меньшевики и большевики главное свое внимание направляли на завоевание рабочих Петербурга.

Начавшаяся в Петербурге кампания за поддержку большевистской шестерки перекинулась сперва в крупные рабочие центры, а затем и в отдельные города и рабочие поселки России. Питерские рабочие, как и во всех других случаях, шли впереди. Не было фабрики или завода, на котором вопрос о расколе фракции не являлся бы предметом горячих споров и боев. Каждому из нашей шестерки приходилось непрерывно выступать на рабочих собраниях с сообщениями и разъяснениями о причинах ухода из фракции. Рабочие депутаты посылали в районы, откуда они были избраны, письма, обращения, призывы, воззвания и т. д. В ответ к нам непрерывным потоком текли резолюции, приветствия, обещания поддержки и т. д.

Кампания с каждым днем все более усиливалась, продвигаясь все глубже в рабочие массы. Вопрос о расколе фракции сперва был предметом обсуждения в узких партийных ячейках, затем он перекинулся в профессиональные общества и другие легальные рабочие организации и наконец захватил всю массу рабочих.

Все резолюции рабочих, полученные нашей шестеркой, были снабжены подлинными подписями. Дать свою подпись рабочему было не так легко. При хорошо налаженной полицейской системе это означало почти наверное поставить себя под угрозу ареста, высылки или — в лучшем случае — увольнения с работы. Поэтому количество подписей ни в коем случае не может дать точного представления о числе рабочих, выступивших на поддержку шестерки, тем более, что в ряде случаев резолюции подписывались представителями от нескольких сотен и даже тысяч рабочих. Цифровые данные о числе подписей под резолюциями, так же как и самое количество резолюций, являются все же показательными в сравнении с числом подписей, собранных под резолюциями меньшевиков. Семерка при помощи партийного аппарата ликвидаторов и своей печати конечно в свою очередь развернула кампанию против нас. Но уже первые дни после раскола показали, что положение ликвидаторов безнадежно.

До 1 ноября 1913 г., за две недели, за поддержку шестерки и против ликвидаторов «Правдой» и нашей фракцией было получено свыше 80 резолюций, под которыми было больше 5 тыс. подписей. В то же время меньшевики смогли собрать всего около 3,5 тыс. подписей. Такое соотношение количества подписей однако удержалось лишь на самое короткое

время. Огромным напряжением всех сил ликвидаторы в первые же недели исчерпали все свои возможности. С каждым следующим днем приток меньшевистских резолюций все время падал, тогда как число резолюций за шестерку неуклонно продолжало расти вверх. Через месяц, к 1 декабря 1913 г., ликвидаторам удалось увеличить число подписей, под свои резолюции приблизительно всего на полтысячи, а мы уже располагали примерно 10 тыс. подписей. Приток резолюций из провинций у меньшевиков почти совсем прекратился, в то время как у нас провинциальные города к этому моменту только начали раскачиваться.

Даже эти цифры показывали, что число сторонников большевистской партии среди русских рабочих в два с половиной раза больше, чем сторонников ликвидаторского течения. Еще более показательными были суммы денежных сборов, поступавших к нам во фракцию и во фракцию меньшевиков. Если к нам несли тысячу рублей, то за то же время в меньшевистскую фракцию поступало примерно рублей полтораста. То же самое соотношение наблюдалось и в количестве письменной корреспонденции и личных обращений рабочих.

Раскол объединенной социал-демократической фракции Государственной думы и образование нашей шестеркой самостоятельной большевистской фракции явились, как и следовало ожидать, крупнейшими событиями внутри социал-демократии. Все партийные организации и отдельные группы партийцев в той или иной форме выявили свое отношение к расколу фракции, тем самым определяя свое место в одном из двух лагерей бывшей единой социал-демократической партии.

Наша фракция получала коллективные письма из тюрем и отдаленных мест ссылок, где находилась в это время не одна тысяча революционных работников. На далеком расстоянии, оторванные от действительной жизни, не все они сразу могли разобраться в правильности занятой нами позиции. Некоторым казалось, что в той или иной форме еще можно сохранить единство фракции и что для этого обе стороны должны пойти на уступки друг другу. Особенно болезненно переживали раскол некоторые социал-демократы, бывшие депутаты Государственной думы предыдущих созывов. От группы социал-демократов — втородумцев, [18]) находившихся в ссылке в Сибири, мы получили телеграмму, в которой они чуть не умоляли найти какой-либо способ к сохранению объединен-

ной фракции. Через некоторое время и для них, как и для всех действительных революционеров-марксистов, стало ясным, что окончательный разрыв с меньшевизмом был не только исторически неизбежным, но и совершенно необходимым для всего успешного развития революционной борьбы.

Ошибочно представляли себе сущность и смысл раскола фракции и некоторые эмигрантские социал-демократические кружки, занимавшие промежуточное место и колебавшиеся из стороны в сторону между большевиками и меньшевиками. Одна из этих групп, сравнительно самая большая — группа «Вперед» [19]) видела причину раскола якобы в отсутствии «единого руководящего партийного центра, пользующегося доверием большинства партийных элементов» (резолюция парижского кружка «Вперед» от 12 ноября 1913 г). Признавая требования шестерки правильными, впередовцы считали, что вопрос сводится лишь к организационным трениям внутри фракции, которые следует во что бы то ни стало преодолеть. Таким образом они проглядели самое главное и самое основное, что неизбежно должно было привести нашу фракцию к расколу.

Одним из руководителей и вдохновителей группы «Вперед» был бывший депутат II Государственной думы от Петербурга Алексинский. Как способный журналист и хороший оратор, он пользовался известным авторитетом в некоторых кругах партии. Поэтому я счел нужным разъяснить Алексинскому как бывшему депутату питерских рабочих, какая была истинная причина, побудившая шестерку пойти на разрыв с меньшевистской частью фракции. В письме, которое я отправил Алексинскому в Париж, я указывал на то, что если бы шестерка не отмежевалась от меньшевиков, то мы рисковали бы потерять доверие передовых революционных рабочих Петербурга, а за ними и всего рабочего класса России. Рабочие быстро сбрасывали с себя влияние ликвидаторов не только в партийных организациях, но и в профессиональных союзах и различных просветительных обществах. Руководство всеми организациями переходило в руки большевиков. Естественно, что во фракции должно было быть такое положение. Если бы мы не разорвали с меньшевиками, то шестерка не могла бы действительно в полной мере отражать требования и настроения рабочих масс. Вряд ли эти доводы подействовали на Алексинского, который очевидно уже в это время был в начале своего отхода от революционного движения.

Плеханов высказался за шестерку, решительно осудив ликвидаторов. Считая, что раскол фракции окончательно завершает раскол социал-демократической партии, Плеханов счел необходимым выйти из Международного социалистического бюро,[20]) куда он входил как представитель всей ранее объединенной партии. В письме Международному бюро Плеханов заявил, что виновниками раскола являются меньшевики. «Разногласия, от которых за последние годы страдала Российская социал-демократическая рабочая партия, — писал Плеханов, — привели к разделению нашей думской фракции на две соперничающие группы. Это разделение нашей думской фракции произошло вследствие некоторых достойных сожаления решений, принятых нашими товарищами ликвидаторами, которые оказались в большинстве (семи против шести). Во всяком случае это наносит решительный удар нашему единству, и мне, представлявшему среди вас всю партию, не остается ничего более, как подать в отставку»[1].

Без всяких обиняков и с полной ясностью высказывались по вопросу о расколе руководящие партийные органы меньшевиков и большевиков. Петербургским комитетом нашей партии была принята следующая резолюция:

«Горячо приветствуя 6 рабочих депутатов, составляющих российскую социал-демократическую рабочую фракцию, за то, что во всей своей деятельности они считали для себя законом волю марксистского целого, все время оставались верны старой программе и испытанной, выдержанной тактике социла-демократии и, не гонясь за «положительной работой», смело провозглашали с думской трибуны перед всей Россией старые, основные лозунги пролетариата...» Перечисляя затем основные причины, побудившие нас предъявить свои требования меньшевистской семерке, Петербургский комитет в заключение писал: «Мы горячо протестуем против 7 депутатов и считаем, что они не только не имеют права самозванно именовать себя «социал-демократической фракцией», но недостойны быть представителями рабочего класса и должны сложить свои полномочия, если не хотят восстановить единство фракции и действовать в согласии с марксистским целым и 6 депутатами».

Эта резолюция была напечатана в «Пролетарской правде»[2].

---

[1] «Пролетарская правда» № 2 от 8 декабря 1913 г.
[2] № 7 от 9 января 1914 г.

Для приспособления ее к цензурным условиям она была названа резолюцией «руководящего учреждения марксистов г. Петербурга». По этим же соображениям слово «партия» в ней, как и в других резолюциях и статьях, которые печатались в газете, было заменено словами «марксистское целое». Приблизительно в это же время в ликвидаторской «Новой рабочей газете» было опубликовано воззвание Организационного комитета [20]) меньшевиков, тоже по цензурным условиям наименованного «руководящим учреждением объединившихся в августе 1912 г.». Меньшевики называли нас «дезертирами», «нарушителями полученных от рабочих наказов», «приверженцами ленинского кружка», «раскольниками», «смутьянами» и т. п. Они призывали рабочих оказать поддержку семерке, которая, мол, является истинной представительницей рабочего класса. Мы уже видели, какие результаты имели такие обращения меньшевиков. На их призыв откликались только незначительные группы рабочих.

В борьбе с думской семеркой большевики завоевали новые позиции и значительно расширили и углубили свое влияние на рабочие массы. Партия не поколебалась в этом испытании и вышла из него победительницей, обновленная и еще более укрепленная. Раскол думской фракции и образование самостоятельной фракции большевиков привлекли к себе внимание широких масс рабочих, подошедших таким образом вплотную к важнейшим вопросам организации и тактики партии. То, что в обсуждении и решении этих вопросов приняли участие тысячи рабочих, имело огромное организационное и политическое значение. На волне кампании за поддержку шестерки ряды нашей партии усилились. Вся работа партийных организаций оживилась и усилилась во много раз. К большевикам перешло много революционных рабочих, которые до того времени, плохо разбираясь в сущности партийных разногласий, колебались в сторону ликвидаторов-меньшевиков.

Вопрос о расколе фракции в конечном итоге был вопросом общего строительства партийной организации. Рабочие, поддержав десятками тысяч голосов нашу большевистскую шестерку, решительно показали, какой путь выбрал для своей борьбы рабочий класс России. Этот путь был верным путем, приведшим российский пролетариат к окончательной победе.

ГЛАВА XIV

Большевистская фракция

Первые шаги фракции. — Саботаж семерки. — Усиление думской работы. — Законопроект о восьмичасовом рабочем дне. — Разложение меньшевистской фракции.

Как самостоятельная думская фракция шестерка фактически начала свое существование с первого дня осенней сессии 1913 г., когда после предъявления наших требований мы отказались от совместной работы с меньшевиками. Уже с этого дня шестерка и семерка заседали отдельно и лишь пару раз обсуждали совместно кандидатуры официальных ораторов фракции в текущих заседаниях Думы. В конце октября мы наконец формально опубликовали об образовании самостоятельной большевистской фракции.

На состоявшемся 27 октября первом заседании нашей фракции были произведены выборы президиума и разрешен ряд технических организационных вопросов будущей работы. Председателем фракции был выбран Малиновский, товарищем председателя — Петровский, казначеем — Самойлов. Секретарем фракции была утверждена т. Розмирович. Шестерка решила принять название «Российская социал-демократическая рабочая фракция», подчеркнув наименованием «рабочая» свое отличие от фракции меньшевиков.

До подыскания отдельного помещения фракция поместилась на моей квартире на Шпалерной. Здесь производился прием посетителей фракции, и часы приема ежедневно публиковались в «Правде». Вскоре была подыскана отдельная квартира по 10-й Рождественской в доме 17-б, в том же районе, где раньше помещалась бывшая объединенная фракция. Поставили туда кое-какую мебель, наняли сторожа и после опубликования адреса в газете перенесли туда прием посетителей и денежных сборов. Все расходы по фракции шестерка оплачивала вскладчину. На каждого из нас ежемесячно приходилось по 25 — 30 руб.

Президиум Думы всячески старался помешать образованию большевистской фракции. Для того чтобы иметь все права других думских фракций — получать материалы, посылать своих представителей в комиссии и т. д., шестерка должна была официально зарегистрироваться в думском

президиуме. Но Родзянко постарался как можно дольше оттянуть регистрацию фракции.

«В Государственной думе, — заявил он, — не могут существовать две социал-демократические фракции, поэтому шесть рабочих депутатов будут считаться «дикими», т. е. не принадлежащими ни к какой фракции».

Другие члены думского президиума поддержали своего председателя, ссылаясь при этом на практику иностранных парламентов, где, мол, такого прецедента до сих пор не было. Но по существующим думским правилам запретить какой-либо группе депутатов образовать свою фракцию нельзя было. Поэтому, хотя и после некоторых оттяжек, президиум Думы был вынужден признать образование нашей фракции.

15 ноября за подписью председателя шестерки в президиум Думы было подано следующее заявление:

«Довожу до сведения президиума Государственной думы, что нами образована в Думе «Российская социал-демократическая рабочая фракция» в составе следующих членов Государственной думы: Бадаева, Малиновского, Муранова, Петровского, Самойлова и Шагова. Мы просим поэтому предоставить нам все права, которыми пользуются остальные фракции Государственной думы, как то: представительство в комиссиях, получение всех думских материалов и т. д.»[1].

С этого дня Российская социал-демократическая рабочая фракция, или, как она сокращенно называлась, РСДРП, официально была зарегистрирована в числе существовавших в IV Думе фракций.

Меньшевистская семерка в свою очередь приняла все меры, чтобы помешать самостоятельной работе шестерки. Сразу же после нашего ухода меньшевики приняли решение официально заявить в Думе о том, что всякий запрос или заявление, не подписанное Чхеидзе или его заместителем, не исходит от социал-демократов.

Семерка и слышать не хотела о каких-либо совместных выступлениях. При расколе объединенной фракции мы предложили меньшевикам в будущем столковываться по отдельным вопросам думских выступлений, представительства в комиссиях и т. д. Этим предложением мы шли навстречу пожеланиям тех групп рабочих, которые полагали, что перед лицом черносотенной Думы в некоторых вопросах между

---

[1] «За правду» № 36 от 15 ноября 1913 г.

шестеркой и семеркой может быть найден общий язык. Однако меньшевики, так много и громко перед тем кричавшие об единстве, решительно уклонялись от каких-либо соглашений.

Не говоря уже о том, что наши личные отношения приняли характер острой враждебности, — в первое время мы не здоровались и не разговаривали друг с другом, — семерка заявила, что она будет считаться с нами лишь как со всякой другой думской фракцией. От имени семерки Чхеидзе заявил, что меньшевики будут давать свои подписи под наши запросы и заявления на таких же началах, как они это делают по отношению к другим фракциям, например кадетам, трудовикам и т. д. На самом деле оказалось, что они ведут себя по отношению к нам хуже, чем по отношению к своим соседям справа.

По поручению нашей фракции я должен был собрать подписи под одним из первых наших запросов, кажется о невведении страхования рабочих на казенных предприятиях. Среди требуемых по закону 33 подписей уже было несколько подписей трудовиков и даже кадетов. Когда я обратился с просьбой дать свою подпись к Чхеидзе, он отказался. Так же поступили и остальные члены семерки.

Уже после раскола семерка от имени якобы всех 14 социал-демократических депутатов послала своих представителей в три новообразованные думские комиссии — о печати, о полиции и о собраниях. На наше требование вернуть шестерке захваченное меньшевиками место в бюджетной комиссии, представительство в которой допускалось лишь от фракции с числом депутатов не меньше десяти, меньшевики ответили отказом.

Пришел однако момент, когда семерка волей-неволей вынуждена была обратиться к нам с предложением столковаться об участии в комиссиях. Перед закрытием думской сессии на рождественские каникулы 1913 г. Дума решила образовать целый ряд новых комиссий, куда семерка не имела возможности делегировать своих представителей, так как к этому времени наша фракция была уже формально зарегистрирована. (Представительство в комиссиях допускалось лишь для фракций с числом членов не меньше 10.) Тогда меньшевики обратились к нам с просьбой послать в комиссии представителя от обеих фракций. Естественно, что на это предложение мы ответили отказом и согласились вступить в переговоры лишь при том условии, если семерка возвра-

тит нам те места, которые она захватила ранее в других думских органах. Итти же на соглашение с семеркой лишь в тех случаях, когда это выгодно семерке, это означало вновь возвратиться к тому положению, которое существовало до раскола. На это меньшевики ответили, что ни в какие общие соглашения с нами они входить принципиально не желают и вести переговоры о пересмотре делегации в думских комиссиях отказываются.

После образования самостоятельной фракции работа нашей шестерки получила новый размах. Разрыв с семеркой, давший возможность значительно расширить объем нашей работы, в то же время поставил перед шестеркой новые огромные задачи. От каждого рабочего депутата требовалось еще большее напряжение, еще бо́льшая энергия.

Те задачи, которые выросли перед шестеркой, могли быть осуществлены лишь при единодушной поддержке рабочей массы. Эту поддержку мы получили. Уже самый раскол вызвал огромную волну, отбросившую в сторону меньшевиков и, наоборот, поднявшую и укрепившую во много раз большевистскую шестерку. Усилившаяся деятельность нашей фракции еще больше сплотила и приблизила к себе широкие массы рабочих.

Мы жили и работали в обстановке содействия и поддержки всего рабочего класса России. Все отрасли нашей работы и в области думской и внедумской деятельности обновились и оживились. Все те внешние признаки, по которым в эти тяжелые времена полицейщины мы обычно судили о настроениях рабочего класса, показывали огромный рост большевистского влияния. Усилилось поступление денежных сборов на революционные цели, значительно увеличилось количество посетителей во фракции и в редакции газеты. Совершенно другой размах получила и думская работа.

Осенняя сессия Государственной думы была очень короткой. Она продолжалась всего немного больше полутора месяцев. Но и за этот период, несмотря на то, что значительное время и силы нам пришлось отдать на борьбу с семеркой и на разрешение внутриорганизационных задач, шестерка развила огромную работу.

Право запросов было использовано нами с максимальной полнотой. За полтора месяца было внесено 13 следующих запросов и вопросов правительству: 1) о печати; 2) о провокации при аресте втородумской социал-демократической фракции; 3) о стачках; 4) о союзах; 5) о страховых собраниях;

6) об арестах уполномоченных; 7) еще о печати; 8) еще о стачках; 9) об оштрафовании меня градоначальником; 10) о забастовках на Обуховском заводе; 11) о невведении страхования рабочих на казенных предприятиях; 12) о катастрофах на рудниках и 13) о борьбе с чумой.

Большинство запросов было внесено нашей фракцией самостоятельно, и только некоторая часть их — совместно с семеркой до формального раскола объединенной фракции. Всего за сессию состоялось 24 заседания Думы; таким образом приходилось больше чем по одному запросу на каждые два заседания. Кроме того шестерка выступала по каждому более или менее значительному вопросу, проходившему через Думу. Члены нашей фракции за 24 дня выступали 17 раз.

Нетерпимость, которую и раньше проявляло к нашим запросам и речам черносотенное большинство Думы, с момента раскола фракции еще больше усилилось. Пуришкевич жаловался, что рабочие депутаты «засыпают Думу запросами». По внесенным шестеркой запросам Дума неизменно отклоняла спешность и передавала их «для похорон» в комиссии. Мало того, крайне раздраженные выступлениями рабочих депутатов черносотенцы решили ограничить для нас самую возможность пользоваться думской трибуной. При ближайшем участии кадета Маклакова они выработали новый наказ, по которому время для выступлений по запросам ограничивалось всего десятью минутами. Кроме того новый наказ вводил целый ряд других рогаток. Авторы наказа заявляли, что он направлен против тех запросов, которые, мол, вносятся без всякой надежды на то, что их примет Дума. Именно такой характер и имели все наши запросы, которые вносились большевистской фракцией исключительно для целей революционной агитации с думской трибуны. Новый наказ пытался как можно больше урезать нас в этой возможности.

К постоянному обсуждению вопросов думской работы наша фракция привлекла представителей питерских рабочих. Из их среды была образована так называемая «рабочая комиссия», которая собиралась при фракции. Правда, эта регулярность нарушалась частыми арестами посетителей фракции, но на смену арестованным приходили новые товарищи. «Рабочая комиссия» конечно не занималась только обсуждением думских вопросов: одновременно она являлась проводником партийных директив по всей линии нелегальной работы.

Первое заседание рабочей комиссии состоялось в конце января, когда открылась зимняя сессия Думы. Комиссия разбилась на несколько подкомиссий, в которых обсуждались думские законопроекты, запросы и другие очередные вопросы думской работы. Среди членов комиссии шли горячие споры по каждому пункту. Когда обсуждался какой-либо законопроект по существу, говорили не только о том, что он может дать при царском строе, но и как организовать то или иное дело после победы революции. Если бы можно было восстановить все подробности заседаний рабочей комиссии, в ее работе нашлось бы много предложений и решений, которые теперь у нас проведены в виде законов.

С участием рабочей комиссии был выработан законопроект о восьмичасовом рабочем дне, который занимает особое место во всей думской работе нашей фракции. Было ли это так называемой «положительной» законодательной работой, против которой решительно возражала наша партия? Отнюдь нет. Прежде всего восьмичасовой день не принадлежал к частичным требованиям, которые по мнению ликвидаторов могли быть отвоеваны думской деятельностью. Требование восьмичасового рабочего дня входило в число трех «китов», трех боевых лозунгов, под которыми партия звала рабочий класс к борьбе. Уже самое внесение в Думу закона о восьмичасовом дне по существу являлось провозглашением с думской трибуны одного из боевых революционных лозунгов. Внесение нами этого законопроекта ни с какой стороны не имело отношения к «положительной» думской работе уже хотя бы потому, что он конечно ни под каким видом не мог быть принят черносотенной Думой. Но зато самый факт провала законопроекта давал нашей партии в руки огромный материал для новой революционной агитации.

«Ни на минуту мы разумеется не сомневаемся, — писала редакция «Правды» в воззвании к рабочим, — что IV Дума отвергнет наш законопроект. Восьмичасовой рабочий день есть одно из трех основных требований рабочего класса в переживаемую эпоху. Достижение его теснейшим образом связано в общими политическими условиями в стране. Но мы поставили этот вопрос перед Думой и заставили различные партии высказаться. Это поможет нашей борьбе за восьмичасовой рабочий день вне Думы. Кроме того мы просим товарищей рабочих немедленно же присоединиться к нашему законопроекту. Пусть этот законопроект сразу же внесен будет не только от имени группы депутатов, а от имени де-

сятков тысяч рабочих»[1]. В течение нескольких дней «Правда» печатала и самый текст законопроекта, приглашая рабочих обсудить и высказать свое отношение к нему.

Теперь все пункты нашего законопроекта кажутся само собой разумеющимися, не допускающими никаких сомнений или неясностей. Не то было в царские времена. Восьмичасовой рабочий день был таким требованием рабочего класса, за которое надо было биться с огромным напряжением и силой. Для того чтобы отвоевать восемь часов работы, рабочие должны были свергнуть и разрушить до конца весь самодержавный строй.

Жертвы, которые выхватила из рядов русских пролетариев революционная борьба, были принесены и за право работать не более восьми часов в сутки.

Проект закона, внесенный нами в Думу, говорил не только об обязательном максимальном восьмичасовом рабочем дне, но и предусматривал некоторые другие стороны защиты рабочих от чрезмерной эксплоатации. Законопроект состоял из следующих двенадцати пунктов:

«1. Настоящим законом регулируется рабочий день для всех лиц обоего пола, имеющих более 16 лет от роду которые состоят в качестве рабочего, служащего, подмастерья или ученика для работы во всех и всякого рода торговых и промышленных предприятиях, без всякого исключения: в мастерской, фабрике, заводе, в горной промышленности, каменоломнях, торговле, конторе, транспорте, при постройке железных и простых дорог, на лесных промыслах, в крупном сельском хозяйстве, на каналах, реках и морях, в домашней промышленности, семье, в учреждениях светских и духовных, на службе у правительства или общин. Продолжительность рабочего времени во всех этих отраслях не должна превышать 8 часов в сутки и 45 часов в неделю. Рабочим временем считается время нахождения в распоряжении нанимателя или его уполномоченных.

Примечание 1. При подземных работах рабочий день должен продолжаться не свыше 6 часов, и притом время, употребляемое на спуск в рудник и на подъем из него, входит в счет рабочего времени. В рабочее время засчитывается также то время, которое требует уборка инструмента после работы и приведение его в надлежащий порядок до начала работы, чистка в мастерской и т. д. Точно так же в рабочее время засчитывается то время, которое потребно рабочему для получения из конторы его заработной платы.

Примечание 2. Безусловно запрещается давать работу на дом после восьмичасовой работы в заведении или на промысле.

2. На ртутных рудниках и заводах и вообще в предприятиях, которые связаны с применением или обработкой ядовитых веществ (меди,

[1] «За правду» № 40 от 20 ноября 1913 г.

свинца, цинка, ртути, фосфора, мышьяка и т. п.), продолжительность рабочего дня не должна превышать 5 часов в сутки, за исключением работ в камерах и боровах, где она должна составлять не более 3 часов.

3. Малолетние обоего пола ниже 16 лет к работам не допускаются. К работам в каменоломнях, под землей и в производствах, опасных для жизни, не допускаются подростки обоего пола, а также и взрослые женщины.

Продолжительность рабочего дня для молодых рабочих и работниц от 16 до 20 лет не должна превышать половины рабочего дня, установленного настоящим законом для взрослых. Один промежуток для отдыха обязателен.

4. Женщины освобождаются от работы с сохранением за ними места и содержания в течение срока за 8 недель до родов и 6 недель после них. Медицинским свидетельством определяется способность приняться за работу. В противном случае срок удлиняется — с дальнейшим сохранением полного заработка.

5. Ночная работа воспрещается. Ночным временем считается время от 9 часов вечера до 7 утра.

> *Примечание.* Ночная работа допускается только там, где она не может быть прерываема без порчи обрабатываемых материалов или где это необходимо в общественных целях. Список таких производств составляется органами местного самоуправления по соглашению с профессиональными союзами рабочих. Ночная работа оплачивается *вдвое* выше обычного вознаграждения.

6. 8-часовой рабочий день прерывается одним или несколькими промежутками для отдыха, в общей сложности не менее 2 часов, во время которых всякого рода труд воспрещается. Этот отдых происходит вне заведения, и перерыв для обеда должен быть по крайней мере полуторачасовым.

7. Не менее одного раза в неделю каждому рабочему, служащему и т. д. должен быть предоставлен непрерывный отдых в течение не менее 40 часов. Каждому служащему, рабочему и т. д. раз в год предоставляется отпуск на 1 месяц с сохранением места и полной заработной платы.

8. Сверхурочная работа воспрещается.

> *Примечание.* Исключения из этой статьи разрешаются лишь в случаях крайней необходимости органами местного самоуправления обязательно по соглашению с профессиональными союзами рабочих. Всякая сверхурочная работа обязательно оплачивается в *тройном* сравнительно с обычной платой размере. Предприятиям, где производится сверхурочная работа, ведется строгая регистрация.

9. Ни один работодатель не имеет права понизить после введения 8-часового дня заработной платы, если она поденная, и обязан повысить ее, если она сдельная, до таких размеров, чтобы заработок нанимаемого остался по крайней мере не ниже прежнего.

10. В каждом предприятии или месте работы должны быть вывешены рядом с текстом настоящего закона печатные правила, определяющие время начала и окончания работ, время свободных перерывов и праздничных отдыхов. Если работа производится сменами, то в правилах должно быть также обозначено, в каких кто сменах участвует, когда смена становится на работу и когда прекращает ее. В каж-

дом месте работы должны висеть часы, строго проверяемые по городским часам, и рабочее время должно исчисляться по ним.

11. Владелец предприятия или заведующий оным, виновный в нарушении сего закона, подвергается: денежному взысканию в размере не менее 50 руб. за каждого неправильно занятого работой рабочего и сверх того наказанию от 2-недельного ареста до заключения в тюрьме на срок не свыше 1 года. В случаях повторного нарушения закона виновный лишается судом права заведывания предприятием на срок не менее 5 лет.

12. Настоящий закон вступает в силу немедленно. Все противоречащие ему узаконения отменяются».

Надо себе ясно представить условия тогдашней российской действительности, чтобы понять, какое огромное впечатление на широкие массы рабочих произвело опубликование этого законопроекта. Рабочие и Петербурга и других городов России забросали нашу фракцию и редакцию «Правды» резолюциями, в которых горячо приветствовали внесение законопроекта о восьмичасовом рабочем дне. Вот одна из таких резолюций:

«Мы — группа рабочих разных мастерских при Путиловской верфи — дружно благодарим своих 6 рабочих депутатов Российской социал-демократической рабочей фракции за выработанный и внесенный на очередь в Государственную думу проект закона о максимальном 8-часовом рабочем дне, к которому все присоединяемся и стойко поддерживаем дорогих избранников рабочей курии»[1].

Резолюция была прислана с 319 подписями.

Ясно давая себе отчет, что никаких улучшений от Думы получить нельзя, рабочие своими единодушными резолюциями демонстрировали готовность дружно бороться за восьмичасовой рабочий день, как и за другие основные революционные лозунги.

Внесение в Думу законопроекта о восьмичасовом рабочем дне явилось шагом к еще большему укреплению связей рабочих масс с нашей шестеркой. Одновременно с этим все быстрее шел процесс отхода рабочих от меньшевистских организаций. Меньшевистская семерка начала быстро терять последние остатки своего влияния и очень скоро оказалась совершенно оторванной от рабочих масс. Рабочие со своими требованиями, нуждами и просьбами, связанными с чисто думской деятельностью, шли к нам во фракцию, минуя меньшевистских депутатов. Работа меньшевистской фракции захлогла и замерла. Члены семерки выступали в Думе с

[1] «За правду» № 49.

очередными речами, но никакой поддержки со стороны рабочего класса за собой не чувствовали. Волей-неволей в этом приходилось сознаться — правда в своем узком кругу и самим меньшевикам.

В архивах департамента полиции сохранилось сообщение об одном из заседаний меньшевистской семерки в последних числах января 1914 г. Это сообщение передает характерные слова двух членов семерки, увидевших наконец, до чего довела меньшевистскую фракцию ее политика. Чхенкели упрекал свою фракцию за то, что она «своей деятельностью утратила все свое влияние, ушла от политической жизни страны, порвала все связи с рабочими и заставила в конце концов выйти из состава фракции наиболее живых и деятельных членов, вследствие чего деятельность фракции совершенно замерла». В таком же духе высказывался Туляков, заявивший, что «фракция, именующая себя социал-демократической, на самом деле не отражает ни в Государственной думе, ни в прессе живую жизнь и чаяния рабочих масс. Фракция по политическим, полицейским и этическим причинам ушла от рабочих и очутилась в конце концов в блестящей изолированности»[1].

Вполне вероятно, что донесения охранки не совсем точно передавали слова меньшевистских депутатов; во всяком случае совершенно бесспорным было то, что семерка после раскола переживала внутренний распад.

Очень быстро, в начале января 1914 г., из состава меньшевистской фракции вышел депутат Бурьянов. Бурьянов считал себя плехановцем и во время рождественских каникул поехал к Плеханову для того, чтобы подробнее узнать его точку зрения на раскол фракции. Вернувшись из-за границы, Бурьянов подал заявление Чхеидзе о своем выходе из состава семерки. «Я понимаю конечно, — писал Бурьянов, — как вероятно понимаете и вы, что причину нашего думского раскола надо искать вне Думы. При таких обстоятельствах говорить о полном единстве социал-демократического представительства в Думе можно лишь по отношению к тому будущему, когда вообще объединятся кадры передовых элементов сознательных русских рабочих. Тем не менее, стремясь к этому полному слиянию сил в дальнейшем, я считаю безусловно необходимым единство

[1] Архив департамента полиции, особый отдел, дело № 307, 1914 г., лл. 207 — 210.

выступлений и действий социал-демократических депутатов теперь же. Я не вижу другого способа провести такое единство, кроме соглашения социал-демократической фракции с так называемой «Российской социал-демократической рабочей фракцией» на начале равноправия. До сих пор, к сожалению, мы отвергали этот способ избежать раскола нашей думской фракции. Но я надеюсь, что мой выход из состава социал-демократической фракции уравняет вас количественно с другой частью социал-демократической рабочей фракции, что побудит вас пересмотреть и свои взгляды на совместную равноправную деятельность с нею»[1]. Бурьянов не сумел быть последовательным до конца. Он занял какое-то болтающееся положение между обеими фракциями, заявив, что будет поддерживать обе фракции в действиях, которые «согласуются с марксистской линией поведения».

Несколько позже меньшевики лишились еще одного члена бывшей семерки — Манькова, которого они сами были вынуждены исключить из фракции за слишком явный уклон вправо. Таким образом раскол объединенной фракции оказался гибельным для меньшевиков, потерявших не только доверие рабочих масс, но и переживших внутренний распад и разложение.

В то же время шестерка шла неуклонно по восходящей линии революционной борьбы, крепко опираясь на широкую зерную поддержку всего рабочего класса России.

---

[1] «Пролетарская правда» № 10 (28) от 14 января 1914 г.

Революционное движение накануне войны

ГЛАВА XV

Массовые отравления работниц

Усиление забастовочного движения. — Забастовка по запросу о ленских событиях. — Отравления работниц на «Проводнике». — Массовые отравления на «Треугольнике». — Отравления повторяются.— Запрос о «Треугольнике». — На других фабриках и заводах. — «Разъяснения» правительства в Думе.—Ответ на объяснения правительства.—120-тысячная забастовка протеста. — Локаут. — Демонстрация на похоронах. — Вторая речь об отравлениях. — Пуришкевич призывает вешать.

В марте 1914 г. в Петербурге произошли события, вызвавшие исключительную по силе вспышку рабочего движения.

Уже с первых чисел марта в Петербурге начались политические стачки, которые, перебрасываясь с одного завода на другой, вовлекали все новые и новые массы рабочих. Однодневными забастовками рабочие протестовали против гонений на рабочую печать, против систематического отклонения Думой запросов нашей фракции, против преследований и закрытия профессиональных союзов и просветительных обществ и т. д. Одной из причин, вызвавших забастовку протеста, было также устройство председателем Думы Родзянко тайного совещания по вопросам усиления вооружения Рос-

сии. На это совещание были приглашены представители всех фракций Думы, за исключением трудовиков и социал-демократов. С думской трибуны мы протестовали и против новых затрат народных денег на вооружение и против самого тайного совещания. Теперь наш протест был поддержан забастовкой около 30 тыс. рабочих.

С середины марта забастовочное движение в Петербурге еще более усилилось. На запрос, уже раньше принятый Государственной думой, о положении расследования дела о ленских событиях, правительство тянуло с ответом, очевидно решив замять его так же, как оно это делало по отношению ко многим думским запросам. В связи с приближением второй годовщины ленского расстрела наша фракция решила внести в Думу новый запрос к правительству «об ускорении ответа» на предыдущий вопрос. Мы вносили «вопрос» с определенной целью — приурочить к нему основное выступление рабочих масс в годовщину Лены, так как календарное число расстрела ленских рабочих в 1914 г. падало на нерабочий день пасхальных праздников.

Все наши партийные организации готовились к этому выступлению. На фабриках и заводах шла усиленная агитация. От имени Петербургского комитета была выпущена прокламация с призывом выйти на улицы для поддержки запроса. На некоторых фабриках и заводах решено было после объявления забастовки двинуться всей массой к зданию Государственной думы.

Выступление было назначено на 13 марта. Первым забастовал Выборгский район. Еще в 3 часа ночи прекратила работу ночная смена на заводе «Новый Айваз». С утра к ней присоединились остальные айвазовцы. Одновременно начались забастовки и во всех других районах. Всего по Петербургу в этот день бастовало около 60 тыс. человек, из них свыше 40 тыс. металлистов.

На всех фабриках и заводах устраивались митинги и собрания, на которых принимались резолюции протеста. Выступавшие на митингах рабочие-партийцы, напоминая о ленском расстреле, говорили об общих задачах революционной борьбы рабочего класса.

На улицах Петербурга в этот день состоялись многочисленные демонстрации. Рабочие выходили с фабрик и заводов с пением революционных песен. Толпа выкидывала заранее приготовленные красные флаги. С Выборгской стороны лесснеровцы двинулись к Государственной думе. По дороге к

ним присоединились рабочие других заводов. Демонстрантов задержал полицейский отряд, который цепью расположился на Литейном мосту. Другая толпа успела перейти через Неву по льду. С красным флагом демонстранты направились к зданию Думы по Воскресенской набережной. Здесь на демонстрацию налетел отряд конной полиции, пустивший в ход нагайки. В ответ один из полицейских был ранен брошенным из толпы камнем. Одна из самых сильных стычек с полицией произошла в этот день на Выборгской стороне на Б. Сампсониевском проспекте. Демонстрации состоялись и в центре города, на Невском.

На следующий день к забастовке протеста присоединился целый ряд новых заводов и фабрик. В различных районах города состоялись новые демонстрации. Всего за два дня в забастовках участвовало до 65 тыс. человек.

Забастовочное движение, вызванное внесением запроса о расследовании ленских событий, непосредственно перешло в новое выступление рабочих, в связи с массовыми отравлениями работниц на фабриках и заводах. Новая волна рабочего движения была значительно сильнее предыдущей и по количеству бастовавших и по размерам уличных выступлений.

Первое сообщение об отравлениях работниц наша фракция получила из Риги от рабочих крупнейшей галошной фабрики «Проводник». Администрация фабрики применяла на производстве плохую галошную мазь. От испарений этой мази на фабрике были систематические отравления работниц. Некоторые работницы отделались сравнительно легко — обмороками и непродолжительными заболеваниями, но были и смертные случаи. Рабочий день, доходящий до 13 часов в сутки, нищенская заработная плата не больше 75 коп. в день — все это подрывало организм работниц, который не в состоянии был бороться с отравлениями.

Работницы несколько раз обращались и к администрации и к фабричной инспекции с требованием улучшить условия труда и в частности перестать давать для работы ядовитую мазь.

«У кого слабые нервы, пусть берет расчет», — отвечали представители администрации и фабричные инспектора.

После одной из новых вспышек отравлений рабочие «Проводника» обратились (в начале марта 1914 г.) к нашей фракции с просьбой оказать какое-либо содействие для того, чтобы заставить администрацию принять меры против отравления работниц. Фракцией был командирован в Ригу для

расследования Малиновский, и на основании собранных им материалов был составлен и внесен в Государственную думу запрос министру торговли и промышленности.

«Капиталистическая эксплоатация пролетариата всегда и при всех условиях имеет тенденцию принимать такие формы, единственной границей которых является физическое вырождение и смерть рабочего». Так начинался текст внесенного нашей фракцией запроса. «Политическое бесправие русского пролетариата, в связи с невозможностью противопоставить объединенному капиталу такое же мощное объединение рабочих и, наоборот, чрезвычайно сильным закулисным давлением, какое оказывают на руководителей нашей внутренней политики воротилы объединенных предпринимателей, — все вместе создает в России условия, при которых эта эксплоатация принимает не раз формы, перед которыми бледнеют ужасы крепостничества. Ленская трагедия, где рабочих кормили конским мясом, выселяли в тайгу и наконец расстреляли, представляет один из таких примеров. За последние дни специальное обследование фактов, имевших место под боком у Петербурга, в центре Прибалтийского края — Риге, произведенное членом фракции Малиновским, раскрывает такую же картину опять, картину новых жертв капитала и такого же бездействия властей. Крупнейшее промышленное предприятие Риги — известная резиновая фабрика «Проводник», насчитывающая до 13 тыс. рабочих, в большинстве женщин, явилась театром новой трагедии».

Запрос был внесен в экстренном порядке, но не успел он еще попасть на повестку очередного заседания Думы, как в Петербурге повторились те же события, которые только что имели место на рижской фабрике.

12 марта в середине дня меня вызвали по телефону с происходившего в Думе заседания комиссии по запросам. Говорил один из работников нашей фракции. Во фракцию в течение дня несколько раз звонили рабочие с «Треугольника» и просили кого-нибудь из депутатов приехать к ним. С утра на фабрике происходят массовые отравления работниц. Среди рабочих паника.

Я бросил заседание и немедленно отправился на «Треугольник». Около фабрики я встретил толпу рабочих. Все они были крайне возбуждены и взволнованы. Со всех сторон меня забросали вопросами, но я еще сам ничего не знал и в свою очередь начал расспрашивать рабочих о том, что случилось. Паника была настолько велика, что в первый момент

трудно было получить какое-либо путное объяснение. Каждая работница объясняла происшедшие отравления посвоему. Некоторые даже решили, что это чума. Из приемного покоя одну за другой выводили отравленных. Сколько их было, никто не мог сказать.

Мало-по-малу, после рассказов, удалось восстановить более или менее точную картину того, что произошло на фабрике. С утра администрация выдала для работы новый состав галошной мази. В качестве основного элемента мази был недоброкачественный суррогат бензина, выделявший ядовитые испарения. В 9 часов утра в галошных мастерских «Старый лагерь» (рабочие называли их «Сахалин») десятками стали падать в обморок работницы. Отравление было настолько сильное, что некоторые работницы лишились рассудка. У многих пошла кровь из носа и горла. В мастерских происходили ужасающие сцены. Работницы падали подряд, получая ушибы об углы столов, железные колодки и решетки. Другие, обезумев, с искаженными, посиневшими лицами бежали из отделения, ничего не видя перед собой.

Впавших в бессознательное состояние отправляли на носилках в амбулаторию. В маленьком помещении приемного покоя, где не было ни одной кровати, пострадавшие валились куда попало. Когда амбулатория была уже переполнена до отказа, больных стали посылать в столовую, а тех, кто мог двигаться, выводили за ворота фабрики.

«Если упадет за воротами, там подберет городовой», — говорили представители администрации.

Всего отравилось около 200 человек, из них 20 мужчин, остальные женщины. В отделении, где произошли отравления, работало свыше тысячи человек, всего на фабрике около 13 тыс. На фабрике применялся главным образом женский труд, а потому эксплоатация была здесь самая жестокая. Хозяева «Треугольника», получавшие до 10 млн. руб. дохода в год, выжимали все соки из рабочих. Средний заработок галошницы при 10 и даже при 11-часовом рабочем дне колебался от 40 до 90 коп. в день. Работы велись без перерыва на обед, широко применялись сверхурочные и т. д.

Выслушав сообщения рабочих, рассказавших, как произошли отравления и в каких тяжелых условиях приходится работать на фабрике, я отправился к директору фабрики, чтобы узнать у него более подробно и точно, почему произошло несчастье и сколько оно повлекло за собой жертв.

Разумеется директор уклонился от объяснений. Админи-

страция в первый момент, не придумав какого-либо объяснения, пыталась вину за отравления свалить на самих же рабочих. Некоторые представители административного персонала уверяли, что рабочие сами подсыпали яд в галошную мазь. Другие говорили: «Работницы нарочно падают, не желая работать». Ничего более гнусного и возмутительного, чем обвинение работниц в том, что они нарочно сами отравились, нельзя было придумать.

К концу дня на дворе собралась многотысячная толпа треугольниковцев, потребовавшая, чтобы администрация сообщила число и имена отравившихся и объяснила причины несчастья. Среди собравшихся было много мужей и отцов работниц того отделения, где произошли отравления. Толпа была сильно взволнована и взбудоражена. Дать какие-либо объяснения рабочим администрация отказалась. Вместо разговоров с толпой она вызвала полицию. В тот момент, когда один из рабочих выступил с речью по поводу происшедших на фабрике событий, полиция оттеснила толпу за ворота.

Возбужденные и взволнованные, разошлись рабочие по домам. Беспокойство за судьбу близких соединялось с негодованием по адресу хозяев, отравлявших людей ради новых больших прибылей.

На другой день отравления на «Треугольнике» повторились. На этот раз пострадало несколько десятков работниц в другом отделении фабрики. Снова амбулатория фабрики наполнилась больными. Отравлениям предшествовало заявление работниц, что они не могут работать в удушливой атмосфере ядовитых испарений.

«Это глупости, — заявил в ответ представитель администрации, — надо привыкать и к такой атмосфере. Из-за нескольких несчастных случаев мы не можем отказаться от применения этой мази. Фабрика связана контрактами с большой неустойкой с той фирмой, которая поставляет мазь. Рабочие постепенно привыкнут».

По окончании работ у ворот состоялся летучий митинг, собравший несколько тысяч рабочих. Один из выступавших ораторов предложил послать делегатов к администрации с требованием прекратить выдачу отравляющей мази и устроить вентиляцию во всех мастерских. Другой оратор, утверждая, что делегацию наверное арестуют, предложил, не вступая в переговоры с администрацией, объявить забастовку. Ни к какому решению однако собрание не успело притти, так как сильный отряд полиции начал теснить и рассеивать

толпу. Во время столкновения в полицию полетели камни и куски бетона. Двое полицейских были ранены.

С утра следующего дня у нас во фракции стало известно о новых отравлениях на «Треугольнике» и о кровавом столкновении полиции с рабочими фабрики. Опять несколько сотен галошниц стали жертвами ядовитых испарений. Снова вереницы носилок потянулись к приемному покою, снова повторились ужасающие сцены в мастерских. Нервное напряжение рабочих достигло высшей точки. Во всех отделениях фабрики рабочие бросали работу и толпами устремлялись на двор. Без всякого предварительного решения, стихийно на фабрике возникла общая забастовка. Около 10 тыс. рабочих приняли участие в митинге у ворот фабрики. Ораторы одновременно выступали в двух местах. Горячие речи выступавших прерывались возгласами одобрения толпы. О том, чтобы объявить забастовку, никто не говорил, — это было решено само собой. Обсуждали только, предъявлять ли какие-либо требования администрации или объявить лишь забастовку протеста.

Во время митинга под аркой здания фабрики появился отряд конной полиции во главе с приставом. Полиция врезалась в толпу и начала разгонять. Рабочие в свою очередь начали теснить полицейских. В ответ на удары нагайками, из толпы полетели в полицию камни и кирпичи. С обеих сторон были раненые.

Вскоре примчалось подкрепление — несколько десятков конных и пеших городовых. Обнажив шашки, полицейские избивали всех, кто попадал им под руку. Толпа разбежалась. Некоторые рабочие, спасаясь от нагаек и сабельных ударов, бросились в Обводный канал. После избиения полиция повела в участок несколько десятков арестованных.

Опасаясь новых волнений, администрация в тот же день объявила о закрытии фабрики на несколько дней. В объявлении рабочие предупреждались, что в случае повторения волнений фабрика будет закрыта на неопределенное время.

В первый же день отравлений на «Треугольнике», на экстренном заседании фракции, на котором я сообщил о том, что я видел и узнал на фабрике, было решено немедленно внести «запрос» в Государственную думу, присоединив обсуждение его к обсуждению внесенного накануне запроса о рижских событиях. Вечером того же дня нами был составлен и внесен в Думу следующий текст запроса:

«Не успела еще Государственная дума рассмотреть внесен-

ный нами вчера спешный запрос о массовых отравлениях работниц, имевших место в г. Риге на фабрике «Проводник», как еще более ужасное преступление совершено капиталом под боком Государственной думы, в Петербурге, на Российско-американской резиновой мануфактуре «Треугольник».

Мы предлагали Думе обратиться к министру торговли и промышленности со следующими вопросами:

«1) Известно ли ему, что 12 марта 1914 г. на фабрике Российско-американской резиновой мануфактуры произошли по вине фабричной администрации массовые отравления рабочих и

2) если известно, то какие меры намерен он предпринять к ограждению жизни и здоровья рабочих и к привлечению к уголовной ответственности как лиц, заведывающих фабрикой, так и чинов фабричной инспекции, виновных в недостаточном надзоре?»

События последовавших дней значительно расширили содержание нашего запроса. После того как число отравившихся на «Треугольнике» достигло уже нескольких сот человек, отравления работниц начались и на других петербургских фабриках, в первую очередь на табачных.

15 марта, в середине дня, снова затрещал телефонный звонок в нашей фракционной квартире. Взволнованным голосом кто-то из рабочих сообщил мне о новых массовых отравлениях — на этот раз на табачной фабрике Богданова. Меня просили как можно скорее приехать на фабрику, так как там невероятная паника.

На Кабинетской улице, где помещалась фабрика, я застал двухтысячную толпу богдановских рабочих, в панике бросивших работу. Я прошел во двор, чтобы поговорить с рабочими и узнать, что произошло на фабрике. Несмотря на запрещения администрации и полицейских, следом за мной во двор все же удалось пройти группе рабочих. Из разговоров с ними я узнал, что на фабрике повторилось почти полностью то, что произошло на «Треугольнике».

В двенадцатом часу дня среди работниц верхнего этажа начались обмороки. Падавших выносили в приемный покой, а затем в каретах скорой помощи отправляли в ближайшие больницы. Слухи об отравлениях быстро разнеслись во всех других отделениях и мастерских фабрики. С криком «умираем!» рабочие бросились на улицу, и через несколько минут все мастерские были пусты. Немедленно администрацией был вызван большой наряд полиции. В то же время, ожидая

приезда кого-либо из начальства, администрация с лихорадочной поспешностью начала приводить помещение фабрики в такой порядок, какого никогда не бывало в рабочее время. Убирались ящики, подметались лестницы и полы, вентилировались мастерские. Настежь были распахнуты все окна и двери. И все же, когда я вошел в ту мастерскую, где произошли отравления, меня охватил исключительно тяжелый и удушливый воздух.

Во время моего осмотра помещений фабрики туда же явился пристав, который заявил, что хочет поговорить со мной.

«Хорошо, — сказал я, — сойдемте вниз, там поговорим».

Обойдя по дороге все мастерские, я спустился с пятого этажа в контору.

«Прошу вас прекратить осмотр фабрики и опрос рабочих, — заявил мне пристав. — Вы посторонний, а посторонних на фабрику я не пущу».

«Я уже осмотрел все и все узнал. Пока я не знаю лишь вашей фамилии и на каком основании вы распоряжаетесь внутри фабрики».

Пристав, который по всей вероятности считал, что всякое нарушение закона легко сойдет ему с рук, замялся, но все же вынужден был назвать свою фамилию. Как-никак перед ним был депутат Государственной думы, и он испугался неприятных последствий.

Покончив с представителем полиции, я направился к директору фабрики, чтобы услышать от него объяснение отравлений. Ответ директора был совершенно издевательский:

«Причин отравления на фабрике нет. Работницы отравились оттого, что они постятся и едят тухлую рыбу. От этого они наверное и попадали в обморок».

Такие заведомо ложные объяснения указывали на то, что администрация уже приготовилась всю вину за отравления переложить на самих же рабочих.

На другой день я подробно рассказал на страницах «Правды» о моем посещении фабрики. «Для того чтобы не давать предпринимателям отравлять себя, рабочие должны внести в свои ряды как можно больше организованности, и прежде всего нужно создать свой профессиональный союз табачников», — так закончил я в «Правде» свое сообщение о событиях на фабрике Богданова. Призывом к организованности и сплочению были полны и все остальные статьи и сообщения «Правды» об отравлениях. Возмущенным питерским рабочим

мы указывали, что случаи отравления являются лишь одним из проявлений ужасных условий труда и тяжелой эксплоатации. И в печати и в своих выступлениях на рабочих собраниях мы делали из всего этого необходимые политические выводы, которые становились для рабочих особенно ясными на живом конкретном примере постигших их товарищей несчастий.

После богдановской фабрики обмороки и отравления работниц начались на табачных фабриках Шапошникова и Лаферм. Затем заболевания перекинулись на хромо-литографию Кибеля. В тот же день заболело около 100 работниц на 2-й Ниточной мануфактуре, затем на шоколадной фабрике Бездека и на фабрике Карстен. Вслед за ними обмороки и отравления работниц произошли еще на семи фабриках и заводах: джутовой Лебедева, Малоохтенской ткацкой мануфактуре, на заводе «Новый Айваз», на картонажной фабрике Кана, на заводе Барановского и на Воронинской и Бумагопрядильной мануфактурах. Заболевания охватили самые разнообразные виды производства и почти все районы города. В обморочном состоянии вывозили работниц в ближайшие больницы; приемные покои при предприятиях были переполнены. Массовые отравления обнаружили почти полное отсутствие медицинской помощи на петербургских фабриках и заводах. Не было врачей и фельдшеров, в амбулаториях отсутствовали самые необходимые медикаменты, больных некуда было положить и т. п.

Возбужденные приходили к нам во фракцию рабочие то с одной фабрики, то с другой и сообщали о новых массовых отравлениях на своих предприятиях. Все они просили побывать у них, выяснить причины несчастий и внести успокоение в напуганные бедствием массы. Мне пришлось побывать еще на некоторых фабриках, где в эти дни были случаи повальных отравлений работниц (Айваз, типография Кибеля и т. д.), и всюду я видел уже знакомую картину. Паническое состояние рабочих, вызванное непосредственной опасностью отравления, сопровождалось глубочайшим возмущением против отравителей-фабрикантов. Если не всюду можно было точно определить, что являлось ближайшим поводом отравлений, то во всяком случае для всех рабочих было ясно, что основной причиной несчастий была хищническая погоня капитала за прибылью, ради которой предприниматели пренебрегали самыми элементарными правилами санитарно-технических условий труда.

Массовые отравления на фабриках и заводах взбудоражили все общественные круги. Пройти молча мимо нескольких сотен жертв не могла даже буржуазная общественность. Конечно она по-своему объясняла происшедшие события и, само собой разумеется, пыталась использовать их для своих целей. Массовый психоз, истерия — это были сравнительно безобидные объяснения, которые давались буржуазной печатью. Более ретивые подголоски капитала, вроде бульварной «Биржевки», вслед за фабрично-заводской администрацией объявили, что истинными виновниками отравлений являются... революционные партии, которые таким, мол, способом стараются натравить рабочих на предпринимателей и насильно заставить рабочих бастовать. В ход была пущена клевета о каком-то «комитете отравителей»; который действует на фабриках. Среди слухов, пущенных агентами фабрикантов и заводчиков, были и слухи о том, что наша большевистская фракция якобы приказала своим сторонникам подсыпать яд для того, чтобы искусственно вызвать волнения рабочих. Объединенный капитал, не стесняясь никакими средствами, пустил полным ходом свою машину грязной лжи и гнуснейшей клеветы. Стремясь свалить с себя очевидную вину за заболевания многих сотен работниц, буржуазия вместе с тем сделала безнадежную попытку использовать массовые отравления, чтобы восстановить рабочих против революционных партий.

Но даже царское правительство не решалось поддержать эту гнусную клевету буржуазных писак. Правительственная комиссия, созданная при министерстве торговли и промышленности, признала, что «первопричиной заболеваний на резиновых мануфактурах явились пары бензина, вдыхаемые при работе». Отвечая на наш запрос в Думе, представитель министерства Литвинов-Фалинский был вынужден признать, что отравления были вызваны бензином плохого качества и что эти отравления мало чем отличаются от отравления никотином на табачных фабриках. Что касается распространения эпидемии на другие предприятия, то оно, по признанию Литвинова, обусловлено удушливой атмосферой в промышленных заведениях, слабостью и истощенностью организма рабочих и повышенным их настроением. Понятно, Литвинов не позабыл эпидемии истерии, которая якобы сыграла важную роль в распространении заболеваний.

Обсуждение объяснений министерства происходило в Думе в чрезвычайно нервной, напряженной обстановке. В думском

зале было известно, что накануне, в знак протеста против отравлений работниц, в Петербурге начались массовые забастовки. Около 30 тыс. рабочих различных заводов 17 марта бросили работу и объявили забастовку протеста против массовых отравлений. Первыми забастовали 12 тыс. путиловцев, к ним присоединилось 4 500 рабочих судостроительной верфи. Из крупных заводов забастовал также Балтийский. Забастовки сопровождались целым рядом демонстраций и столкновениями с полицией.

В те самые часы, когда в Думе шло обсуждение запроса, на целом ряде новых заводов рабочие бросали работу и присоединялись к забастовке. Рабочий Петербург был наэлектризован и возбужден.

Это возбуждение волнами доносилось до стен Таврического дворца, в свою очередь нервируя думских черносотенцев. Они справедливо видели в наших выступлениях в этот момент призыв к новым волнениям рабочих масс, они боялись этих выступлений и всеми силами старались не давать нам говорить.

После того как Родзянко лишил слова выступившего по запросу Тулякова, очередь дошла до меня. Но и мне недолго удалось пробыть на трибуне. Речь моя все время прерывалась выкриками с правых скамей. С трибуны президиума я слышал все время предостережения Родзянко, который, улучив наконец удобный момент, лишил меня слова на половине фразы.

«Выслушав объяснения [1] представителя министерства торговли и промышленности, а главное в начале его речи, где он говорил, что на резиновой мануфактуре «Треугольник» установлен факт отравления, — начал я свою речь, — мне сразу и предстояло судить, что, слава богу, представители правительства начинают нам отвечать не так, как отвечали нам управляющие фабриками. Когда случилось на фабрике Богданова отравление, по просьбе рабочих я поехал на эту фабрику. Я застал там всю картину этого происшествия. Я обратился к директору табачной фабрики Богданова с вопросом: почему происходит отравление на фабрике? Так он мне ответил: причин на это нет, а если отравление происходит, то только потому, что теперь пост, а рабочие и работницы этой фабрики постятся, едят плохую пищу — тухлую рыбу, и отравление возможно только от этого, а представи-

---

[1] В тексте стенографического отчета: «сказания». — *Ред.*

тель правительства в начале речи утвердительно сказал, что этот факт отравления есть, а в конце своей речи представитель правительства не лучше ответил, чем тот директор фабрики: он сослался, что это отравление есть эпидемическая истерия, которая может с одного места перебрасываться на другое. Таким образом даже может переброситься куда угодно, даже вот и в Думу. Приятно было бы посмотреть, как господа октябристы или националисты или крайние правые задрыгали бы ногами, если бы эта истерия попала сюда. (*Смех слева, справа шум.*)

Председатель (звонит). Член Государственной думы Бадаев, ваши выражения совершенно неуместны. Я призываю вас к порядку. Такая форма речи не может быть допущена с этой кафедры.

Бадаев. В конце концов главную вину свалили на прессу. Виновата пресса, что раздувает, говорит: если там случаев 30, она говорит — 60. Но я убежден, господа, что неверно говорил и господин представитель правительства. (*Шум; звонок председателя.*) Я был на месте происшествия, видел пострадавших, которые шли с фабрики, шатаясь, а представитель правительства здесь указывал... (*Шум справа.*) Они, собравшись с докторами, профессорами, вызывали к себе в кабинет всех пострадавших... (*Звонок председателя*)...а мне пришлось видеть тех, которые пострадали и сильно и слабо, которые не могли сами итти, их вели, несли. Поэтому я считаю вполне правильным, что пресса сообщала, что там было жертв не 30, не 40, а до сотни, двух, четырех было. Мы не верим таким разъяснениям правительства и не верим мы со всем российским пролетариатом правительству... (*Шум справа.*) Прошлый раз на эту кафедру выходили депутаты справа и заявляли здесь... (*Шум справа*)... что они не возражают против нашего запроса... (*Шум справа.*) Я должен сказать, господа, хотя вы и даете согласие на то, чтобы принять этот запрос, но мы не верим вам. Будет ли он принят или не будет принят, для нас все равно, — положение рабочих от этого не улучшится, хотя вы этот запрос примете. Вы приняли наш запрос о событиях на Обуховском заводе еще до рождественских каникул. И что же? Правительство и морской министр в частности до сих пор еще не удосужились ответить, а положение рабочих осталось одинаковым, как и раньше было. Вы приняли запрос в прошлую сессию о взрыве на Охтенских пороховых заводах и, даже больше, вы признали объяснения военного министра неудовлетворитель

ными; но все же это не помогло рабочим: рабочие в тех же тяжелых условиях остаются доныне. А относительно расстрела рабочих на Лене, то запрос этот еще в III Думу внесен...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, вы можете говорить об этом при обсуждении этого запроса в завтрашнем заседании, а теперь прошу его не касаться и держаться в пределах вопроса.

Бадаев. Правительство таким образом два года вело себя и дальше будет вести и ничего не хочет думать о положении рабочих на Лене. А вот тут был случай, и я был свидетелем этого случая на фабрике «Треугольник». Это было 14 марта... *(Шум; звонок председателя)*... проходили толпой мимо этой фабрики рабочие этой же фабрики. Вылетел отряд полицейских во главе с офицером и геройски налетел на толпу и начал плетками стегать и разгонять. Я подбежал, заявляю офицеру... *(Голос справа:* «Так и надо». *Чхеидзе:* «Так и надо? Да?»)... на каком основании вы мирную толпу порете нагайками? *(Шум справа.)* Мне офицер ответил: «Мы только порядок наблюдаем». Затем лошадь дернула и поскакала в ворота со своим эскадроном... *(Шум справа.)* Мне подумалось: почему такие герои эти полицейские вместе с офицером? Вот на Дальнем Востоке у нас там героев не было.

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, я вас за эти слова лишаю слова. *(Справа рукоплескания и голоса* «Пошел вон!»)

Обсуждение ответа правительства на наш запрос в одном заседании Дума не закончила, перенося продолжение прений на следующее заседание. Зато исчерпывающий ответ на лживые объяснения правительства дали питерские рабочие. На другой день Петербург был свидетелем мощных демонстраций и бурной забастовки, охватившей почти 120 тыс. человек.

На всех фабриках и заводах наши партийные ячейки провели подготовительную агитацию, призывая рабочих в этот день организовать массовое выступление протеста. Конечно эта подготовка не осталась неизвестной охранке, которая накануне ночью произвела повальные обыски и аресты в рабочих районах. Десятками перевозились ночью арестованные в тюрьмы и полицейские участки. Особенное внимание охранка уделила руководителям профессиональных обществ и страховых касс, в большинстве активным работникам нашей партии. Полиция стремилась «изъять» на этот день каждого, кто был хоть сколько-нибудь «подозрителен» по своему влиянию на рабочих. Несмотря на то, что полиции удалось

устранить многих членов наших партийных организаций, движение рабочих приняло такие размеры, что остановить его полиция конечно не была в силах.

С раннего утра толпы рабочих с пением революционных песен двигались по прилегавшим к заводам улицам. Бастовали и заводы-гиганты, и небольшие фабрики, и мелкие мастерские. Черной тучей полицейские всех чинов и мастей усеяли рабочие районы. Конная полиция и жандармы целыми эскадронами разъезжали около фабрик и заводов, готовые в любую минуту пустить в ход нагайки и шашки.

Настроение рабочих было однако настолько возбужденное, что полиции нелегко было оттеснять или разгонять демонстрацию. Рабочие оказывали упорное сопротивление и вступали в открытые бои с полицейскими. Охранка в своем донесении насчитывала в этот день 13 больших демонстраций в различных частях города. Но это были только официально зарегистрированные, наиболее серьезные выступления. К ним надо присоединить еще те демонстрации, которые прошли сравнительно спокойно, без столкновений с полицией. На всех фабриках и заводах рабочие, бросая работу, выходили на улицу с революционными песнями и с красными флагами. Таких демонстраций было столько же, сколько было предприятий в Петербурге. Наиболее внушительные демонстрации произошли в этот день на Выборгской стороне.

На Петербургской стороне столкновение с полицией окончилось стрельбой. Один из полицейских попытался арестовать рабочего. Толпа бросилась его отбивать. Городовой выхватил револьвер и начал стрелять, тяжело ранив двух рабочих. На помощь городовому прискакал отряд конных, с которыми толпа вступила в рукопашную схватку. Вооруженная нагайками и шашками полиция конечно победила безоружных. Тут же на месте было несколько человек арестовано.

Такие стычки и столкновения происходили по всему городу. Забастовки и демонстрации прошли с исключительной силой.

Правительство и объединенный капитал почувствовали в этом движении новую огромную угрозу. Они перешли в контрнаступление, пустив в ход самое сильное свое оружие. 20 марта по постановлению общества фабрикантов и заводчиков был объявлен локаут, который в первый же день охватил до 70 тыс. рабочих. Локауту подверглись рабочие всех крупнейших петербургских заводов: Путиловского, обоих Лесснеров, Лангензиппена, «Треугольника», Парвиай-

нена, Коппеля, Сименс-Гальске, Паля, Металлического, Кабельного, Гвоздильного, «Феникс» и т. д. По распоряжению товарища морского министра был закрыт также Балтийский завод. Заводы и фабрики были закрыты на неделю, причем рабочие предупреждались, что в случае повторения забастовок они будут подвергнуты массовому расчету. У закрытых заводов дежурили полицейские наряды. На некоторых заводах после объявления о прекращении работ повторились демонстрации, были устроены митинги.

Локаут указывал на то, что предприниматели объявили открытую войну рабочему. Правительство поспешило в этой войне на помощь фабрикантам и, для того чтобы ослабить сопротивление рабочих, закрыло союз металлистов, бывший одним из штабов рабочего движения в Петербурге. По распоряжению градоначальника, 21 марта деятельность профессионального общества металлистов была приостановлена «впредь до решения спб. столичного по делам об обществах присутствия», т. е. до того времени, когда питерским рабочим вновь удастся вырвать у царизма право на жизнь своего союза. Наступление против рабочих развернулось по всему фронту.

Локаут, выбросивший на улицу десятки тысяч рабочих, внес еще большее возбуждение в ряды питерского пролетариата. Это возбужденное состояние вызвало даже испуг в некоторых кругах буржуазии. Только испугом можно объяснить принятое городской Думой решение ассигновать 100 тыс. руб. на столовые для лишившихся работы. Характерно, что, как только рабочие волнения несколько поулеглись, страх у городской Думы прошел, и она отменила свое решение, хотя в Петербурге попрежнему оставалось чрезвычайно много безработных.

Когда рабочий Петербург узнал о закрытии фабрик, во фракцию явились делегации от рабочих Балтийского, Металлического, Путиловского, «Треугольника», 2-й Невской ниточной мануфактуры и других локаутированных фабрик и заводов. Все они обратились к нам с просьбой принять меры против незаконного закрытия заводов, обрекавшего на голод и безработицу десятки тысяч рабочих. Даже там, где работы предполагалось возобновить через неделю, рабочим было объявлено, что за эти дни зарплата не будет уплачена.

«В локауте, — писали в присланной нам во фракцию резолюции организованные рабочие Нарвского района, — мы видим провокационный вызов общества фабрикантов и за-

водчиков, дабы вынудить рабочих к решительному отстаиванию своих элементарных прав, а потому мы обращаемся ко всем рабочим депутатам Российской социал-демократической фракции, чтобы они запросили с трибуны министра торговли и промышленности и дали ответ рабочим в трехдневный срок. А также предлагаем работающим рабочим оказать материальную поддержку пострадавшим товарищам».

Помимо составления запроса наша фракция, как и во время предшествовавших локаутов, организовала сбор пожертвований в пользу рассчитанных. Кроме того через «Правду» и профессиональные общества мы повели агитацию за то, чтобы рабочие закрытых фабрик подавали судебные иски к администрации с требованием уплатить за дни простоя. Рабочих тех фабрик и заводов, где работы были прекращены «на неопределенное время», мы призывали подавать списки об уплате, как при расчете, двухнедельного заработка. «Правда» предупреждала рабочих внимательно следить, чтобы при расчете администрация не ставила в книжку штампов «претензий не имею», что мешало подаче исков.

21 марта в Нарвском районе состоялась внушительная демонстрация протеста против локаутов. В демонстрации приняло участие около 2 тыс. человек. На Нарвском проспекте под открытым небом состоялся митинг, на котором выступавшие ораторы говорили о необходимости организованной борьбы против локаутов. Во время демонстрации несколько человек было арестовано.

В тот же день в Петербурге состоялась другая демонстрация, показавшая, какой сильный революционный подъем охватил питерских рабочих в связи с массовыми отравлениями и новой атакой правительства на рабочий класс. Демонстрация была приурочена к похоронам двух рабочих, погибших при взрыве на электрической станции «1886 г.». В похоронах приняло участие свыше 3 тыс. рабочих различных заводов и фабрик. На гробы было возложено много венков с красными лентами и революционными надписями.

Под усиленным надзором полицейских отрядов многотысячная толпа прошла 18 километров, от Обуховской больницы до Преображенского кладбища. У каждого завода, расположенного по пути, стояли наряды конной полиции, не позволявшие рабочим присоединяться к процессии, и все же по мере приближения к кладбищу толпа непрерывно росла. Пение «вечной памяти» перемежалось с пением революционных гимнов.

Еще накануне рабочие обратились ко мне с просьбой принять участие в похоронах. Когда гробы опустили в могилы, я выступил с речью.

«Из нашей семьи петербургских рабочих, — начал я свою речь, — вырваны новые жертвы. Но что скажут эти жертвы каменному сердцу капитала?»

Пристав подошел ко мне вплотную и потребовал прекращения речи. Не обращая на него внимания, я продолжал говорить.

«Для рабочего изнурительный труд, вредные заводские газы, преждевременная смерть, отравление и в результате локауты — вот награда за тяжелую без отдыха работу. За последнее время число жертв капитала становится все больше и больше. Массовые отравления и взрывы...»

Не успел я закончить фразу, как по знаку пристава отряд конной полиции врезался в самую толпу у могилы. Засвистали нагайки. Толпа была оттиснута.

С пением «вечной памяти» рабочие разошлись с кладбища. Несколько сот рабочих отправились обратно по железной дороге.

На станции Обухово и по дороге все время раздавались революционные песни. В Петербурге, когда мы сходили с поезда, толпа демонстративно подняла меня на руки и с криками «ура» и революционными возгласами вынесла сперва в зал первого класса, а затем на площадь. Со всех сторон сбежались встревоженные полицейские, опасавшиеся новой демонстрации уже в самом центре города. Толпу окружили и рассеяли.

В то время как рабочие хоронили своих погибших товарищей, в Государственной думе шло продолжение обсуждения запроса об отравлениях. С вокзала я поспешил в Думу для того, чтобы успеть принять участие в прениях, записался я заранее. Но и на этот раз мне не удалось закончить свою речь. Родзянко в Думе, так же как и пристав на кладбище, прервал мою речь, не дав довести ее до конца.

«Господа члены Государственной думы! Что случилось в Риге, в Петербурге на Обводном канале и в некоторых других фабриках и заводах — есть не случайность. Для того чтобы капитал приносил прибыль, он должен пожирать время, труд, здоровье и жизнь рабочих. И вот то, что случилось в Петербурге и Риге, случилось только сразу, в самой отвратительной форме; это случалось ранее постепенно, систематически, небольшой дозой. В Петербурге на резиновой

мануфактуре «Треугольник» ежедневно таких отравлений случалось от трех до пяти. Я говорю — ежедневно, а больных, которые теряли трудоспособность, ежедневно на этой фабрике случалось от 75 до 90 в среднем. Там, господа, 13 тыс. рабочих работает, и однако же не имеется больницы.

И вот, господа, представитель правительства здесь отвечал нам; однако он вам ни одним словом не обмолвился, в каких условиях рабочие работают в Петербурге и Риге на этих фабриках, где произошли эти отравления. Я собственными глазами видел среднюю заработную плату этих работниц на резиновой фабрике — 43 коп. в среднем. Господа, за эти 43 коп. нужно не только самому кормиться, но нужно еще и семью кормить. Посудите сами, господа, хотя вы и не являетесь представителями народа, ну как можно за 43 коп. жить в Петербурге при такой дороговизне и т. д., когда рабочий должен при теперешних условиях получать не меньше 3 руб. Однако эти 13 тыс. работают в таких условиях.

И вот, господа, все эти случаи, которыми переполнены за последнее время все газеты, о чем они говорят? Они нам говорят, господа, что рабочий класс в России отдан в полное распоряжение капитала, который делает над ним все, что только захочет, никому не подчиняется, нет над ним никакой управы, никакого закона.

Правда, есть жалкое рабочее законодательство, но разве господа фабриканты ему подчиняются? Они хорошо знают, что, как бы они ни нарушали права рабочих, все же они вылезут из воды сухими. И еще есть у нас для наблюдения за исполнением закона и фабричных порядков инспекция; но разве, господа, пойдут господа инспекторы против фабрикантов? Не бывало еще такого случая никогда и не будет до тех пор, пока существует такой порядок вещей. Зато мы все хорошо знаем, что для господ инспекторов издаются особые циркуляры, в которых говорится, чтобы инспектора смотрели сквозь пальцы на эти грешки господ фабрикантов... (*Голос в центре:* «За каким номером этот циркуляр?»)

Вся внутренняя политика министерства внутренних дел, господ инспекторов и фабрикантов воспитана в пренебрежении к закону и интересам рабочего класса. Вся русская власть России смотрит на рабочих не как на людей, а как на толпу, которую нужно держать в ежевых рукавицах при помощи охранных отделений полиции, войска и т. п. Можно ли говорить после такого отношения, кто станет считаться с рабочим классом?

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, постарайтесь держаться поближе к вопросу, а не высказывать общих мест ваших воззрений, которые, конечно, всем известны. Я бы просил вас держаться ближе к вопросу. (*Слева рукоплескания и голоса:* «Браво, всем известны? Браво, председатель». *Голоса справа:* «Как, всем известны?»)

Бадаев. И кроме того, господа, у всех этих господ, начиная от самого мелкого чиновника, как мастер, есть одна отговорка: достаточно только сослаться... (*Голос слева:* «Но не всеми разделяется». *Смех*... Председатель: «Прошу не смеяться».)... на политику забастовки. Будет ли это отравление, будет ли это обвал, будет ли это взрыв, все равно, достаточно сослаться на забастовку и политику, все будет шито-крыто. Но, господа, вы правы в этом случае. Политика в России есть, была и будет, и ничем вы ее не искорените. И вот почему: потому что рабочий класс умеет смотреть и думать, как над нуждой его надругаются, как его требования попираются. Он видит хорошо, как государственная машина работает на защиту капитала...

Председатель. А теперь член Государственной думы Бадаев, я прошу вас, пожалуйста, вернитесь к вопросу.

Бадаев... Вы на последних заседаниях проводили закон о работных домах. Вот — я сказал бы, господа: это и есть работный дом — фабрика резиновой мануфактуры «Треугольник». Если и есть разница, то я не знаю какая... (*Голос слева:* «Название!») На этой фабрике нет больницы, а в вашем работном доме, может быть, будет больница. Какой заработок имеют на этой фабрике — это я вам уже сказал: в среднем 43 коп., и это не 10, не 15, не 100 работниц, а тысяча, а может быть и больше. Вот, господа, где работный дом. За 2 коп. работница должна сделать пару галош по всем правилам искусства, чего хочет нога мастера, — всего за 2 коп.

Но, господа, рабочие прекрасно понимают, кто их враги. Когда рабочие на этой фабрике «Треугольник», напугавшись отравления, выбегают за ворота, а их там встречают нагайками и гонят обратно, вот тут уже для рабочих слишком понятна тесная связь полиции с капиталом, когда рабочие не имеют свободы союзов, когда рабочая печать преследуется, когда они не имеют рабочих собраний, когда их товарищи сотнями травятся, и они не имеют возможности написать об этих ужасных происшествиях, а в то же самое время фабриканты свободно собираются и обсуждают все свои положения, набавляют цены на уголь, сахар, керосин и железо

и в то же время издают целые проекты, которые министр подписывает. Рабочим же нельзя обсуждать своих дел. В сегодняшний день только власть закрыла союз металлистов в Петербурге, о котором я вам в свое время рассказывал с этой трибуны. Союз уже имеет около 15 тыс. членов, и, господа, я вас уверяю, что рабочие вам этого не пропустят, они с вами посчитаются. *(Шум справа.)*

Председатель. Покорнейше просил бы прекратить шум, а вас, член Государственной думы Бадаев, покорнейше просил бы не произносить угроз по адресу господ членов Государственной думы.

Бадаев. Что же вы думаете, господа, рабочие будут терпеть такое положение? Я говорю, что они не будут этого терпеть, не будут терпеть, чтобы вы травили рабочих как безгласный скот. Прошли те времена, когда можно было полсотни казаков поставить на завод и фабриканты орудовали так, как они этого хотели сами.

Председатель. О казаках нет надобности говорить, их не было.

Бадаев. Рабочий класс хорошо понимает, как против него все круговой порукой связались, — только против рабочих. Тут нетрудно рабочим понять, что тут нужно рубить по корню, а веточками не общиплешь.

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, прошу вас говорить по вопросу.

Бадаев. Вы, господа, часто нам говорите здесь и сейчас говорили, что мы вам угрожаем. А я вам скажу: а вы зачем питаетесь нашей рабочей кровью и потом? *(Справа смех и шум.)*

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, я призываю вас к порядку.

Бадаев. Рабочий класс не крепостной, он не позволит чтобы вы над ним издевались...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, никто не издевается в Государственной думе над рабочим классом. Я призываю вас вторично к порядку, прошу вас подобных выражений не употреблять, иначе я буду вынужден прибегнуть к суровой мере. *(Рукоплескания в центре.)*

Бадаев. Он не позволит, чтобы его товарищей сотнями отравляли, чтобы его товарищей хоронили под развалинами обвалов и взрывов всякого рода. Он хорошо знает, что это будет продолжаться до тех пор, пока будут писать законы господа, выбранные по закону 3 июня; он хорошо знает, что до тех пор это будет продолжаться, пока этот закон будут

исполнять господа дворяне и те наемные опричники, казаки... *(Шум справа.)*

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, я вас лишаю слова.

Черносотенное думское большинство решило в этот день не давать говорить никому из социал-демократических депутатов. Когда после меня на трибуну вышел один из членов семерки с протестом против клеветы об отравителях, Родзянко, поддержанный большинством Думы, лишил его слова и исключил на два заседания. В ответ с левых скамей поднялся страшный шум, протесты, стук пюпитрами. Все члены обеих социал-демократических фракций подали записки с требованием дать слово для протеста. Однако Родзянко не дал никому говорить и, воспользовавшись поздним временем, закрыл заседание.

В следующем заседании, когда Дума перешла к голосованию запроса, повторилась та же картина. Выступивший по мотивам голосования один из самых махровых черносотенцев и погромщиков лидер крайней правой Замысловский снова повторил гнусную клевету о «комитете отравителей».

«Ложь и клевета! Провокатор! Клеветник!» — раздались крики слева.

Все попытки Родзянко прекратить шум оказались тщетными. Мы продолжали громко протестовать против гнусностей Замысловского. Правые в свою очередь аплодировали своему лидеру и выкрикивали угрозы по нашему адресу.

Воспользовавшись временным затишьем, Родзянко исключил на два заседания Чхеидзе и затем предоставил слово Пуришкевичу.

«Фабрики «Лаферм», «Треугольник» и «Проводник», — заявил Пуришкевич, — считались, так сказать, черносотенными; никакими средствами нельзя было заставить забастовать эти фабрики и заводы, и тогда прибегли к тем мерам, господа, друзья здесь сидящих», — указал Пуришкевич на наши скамьи.

Шум и крики: «Пошел вон», «Уберите его с трибуны» — не дали ему закончить эту фразу.

«Так как это преступление не имеет себе названия и так как это преступление колеблет основы государственного порядка, спокойное течение общественной и государственной жизни, — продолжал Пуришкевич, — то этих господ (указал он на нас) судить по законам военного времени и повесить».

В то время как каждого из рабочих депутатов за хотя бы похожее на резкость слово Родзянко неизменно лишал слова, Пуришкевичу была обеспечена возможность какой угодно ругани с трибуны. Без всякого замечания со стороны президиума, но под демонстративный шум слева, Пуришкевич спокойно занял свое место.

Дума перешла к голосованию. События в Петербурге имели настолько крупное общественное значение, что даже черная Дума не нашла в себе мужества отвергнуть запрос. Однако думское большинство вовсе не хотело узнать действительную истину и найти подлинных виновников отравлений. Поэтому Дума громадным большинством отвергла наше предложение о создании специальной парламентской комиссии для выяснения причин массовых отравлений на фабриках. Запрос был направлен в общую запросную комиссию, имевшую уже достаточный опыт в деле замораживания самых «спешных» и самых «неотложных» думских запросов.

Такое решение Думы отнюдь не мешало ни правительству, ни предпринимателям в развернутой ими борьбе с рабочим классом. Выдержав некоторое время рабочих без работы, фабриканты и заводчики прекратили локаут, но при приеме вновь на работу конечно «профильтровали» и «отсеяли» всех «неблагонадежных» и «беспокойных».

ГЛАВА XVI

Обструкция в Государственной думе

Привлечение к суду за речь в Думе. — Обструкция Горемыкину. — Исключение левых депутатов. — Демонстрации и забастовки протеста. — Контрнаступление черной сотни. — Ликвидаторы поддерживают либералов. — Декларация трех фракций при возвращении в Думу. — Значение думской обструкции.

Политическое положение в стране и в первую очередь то или иное состояние рабочего движения неизменно накладывали свой отпечаток на формы внутридумской борьбы. Именно с этой стороны представляет особый интерес произведенная в апреле 1914 г. в Государственной думе обструкция правительства, повлекшая за собой исключение на пятнадцать заседаний всех социал-демократов и трудовиков. То, что произошло в Думе, являлось прямым отражением усиления революционной борьбы рабочего класса

Этот подъем, как всегда в таких случаях, сыграл свою роль и в некотором полевении партий либеральной буржуазии. Однако события, связанные с апрельской обструкцией в Государственной думе, обнаружили и другую историческую закономерность в поведении либералов. Как только положение в Думе приобрело характер некоторой остроты, представители либеральных партий немедленно отбросили в сторону свою оппозиционность и заняли обычное свое место в рядах контрреволюционного думского большинства.

Ближайшим поводом обструкции явилось привлечение Чхеидзе за одну из его речей с думской трибуны. В речи по законопроекту о реформе сената он упомянул о преимуществах республиканского строя. По инициативе министра внутренних дел Маклакова совет министров решил привлечь за эти слова Чхеидзе к суду. Привлечение депутатов к судебной или административной ответственности царское правительство практиковало и раньше. Но поводом для всех этих привлечений до сих пор была только внедумская деятельность депутатов. Предание суду Чхеидзе было первым случаем привлечения депутата за выступление в самой Государственной думе. Царское правительство таким образом покушалось на свободу депутатского слова с думской трибуны, и без того урезанного и ограниченного черносотенным думским президиумом. Это было очередным нападением правительства, нападением, которое в случае успеха быстро привело бы к полной расправе со всей думской левой.

Кадетов и прогрессистов привлечение Чхеидзе обеспокоило конечно не с точки зрения судьбы социал-демократических депутатов. Они усмотрели в этом выпаде правительства покушение на «конституционные гарантии», за которые либералы цеплялись как за самое главное достижение «освободительной борьбы». Под влиянием общего положения в стране либералы осмелели. Среди кадетов и либералов начались разговоры о голосовании против государственного бюджета, обсуждение которого стояло на очереди думской сессии. В то же время прогрессисты внесли законопроект о неприкосновенности депутатов за думские речи.

Как только в Думе почувствовалась атмосфера надвигавшегося конфликта, Родзянко поторопился как-нибудь устранить возможные для правительства неприятности. Он отправился к только что назначенному новому председателю совета министров Горемыкину, от которого вернулся очевидно с готовыми инструкциями. В результате соответствующих

«переговоров» комиссия, которая обсуждала законопроект прогрессистов, начала перерабатывать проект, внося в него целый ряд пунктов об усилении преследования «за злоупотребления свободой слова». Весь законопроект таким образом шел на смарку. Усиление репрессий «за злоупотребление словом», специально направленное против крайних левых, должно было перевесить первую часть закона и выдать царскому правительству головой всех членов левых фракций.

Но даже и в таком искаженном и перевернутом виде законопроект о «свободе» депутатского слова думские черносотенцы не торопились ставить на обсуждение.

Социал-демократическая фракция тогда решила внести предложение о приостановке работ Думы до тех пор, пока не будет обсужден и принят законопроект о неприкосновенности депутатов за думские речи. Либералы однако испугались такой постановки вопроса и отказались дать свои подписи под предложением. Взамен этого предложения было внесено другое: отложить до принятия законопроекта обсуждение государственного бюджета. Само собой разумеется, это предложение было провалено. Прогрессисты и кадеты, решив, что они и так проявили слишком много храбрости, успокоились. Однако социал-демократические фракции решили не сдаваться и устроить в Думе обструкцию с целью помешать обсуждению бюджета. С точки зрения подъема революционного настроения в стране, демонстрация внутри самой Думы имела в этот момент куда большее значение, чем произнесение десятка или двух даже самых резких оппозиционных речей.

Обструкция была приурочена к первому бюджетному заседанию, совпавшему со второй годовщиной «Правды», когда нашей партией было организовано празднование дня рабочей печати. Дружное выступление в этот день питерских рабочих, многочисленные приветствия и резолюции, полученные редакцией газеты, сборы в «железный» фонд «Правды», юбилейный номер которой разошелся в количестве 130 тыс. экземпляров, — все это вселило в нас твердую уверенность, что наша демонстрация в Думе вызовет подъем новой революционной волны и будет поддержана всем рабочим классом страны.

Перед открытием заседания 22 апреля, от имени социал-демократической фракции и трудовиков председателю Думы Родзянко было внесено повторное предложение снять с оче-

рсди обсуждение бюджета и отложить его до того момента, когда законопроект о свободе депутатского слова получит силу закона.

После выступления представителей всех трех фракций, во время речей которых с правых скамей раздавались непрерывные выкрики и шум, Дума перешла к голосованию. Огромным большинством Дума и на этот раз отвергла предложение и постановила немедленно перейти к обсуждению бюджета. Трибуну занял докладчик бюджетной комиссии депутат Ржевский. Во время его речи депутаты всех трех левых фракций удалились из зала заседания и устроили совещание для обсуждения дальнейшего плана действий. Решено было вернуться в зал к моменту ожидаемого выступлениям инистра финансов Барка и устроить ему обструкцию, не дав говорить.

Вместо Барка неожиданно выступил сам председатель совета министров Горемыкин. Это было первое выступление нового премьера, который решил воспользоваться бюджетными прениями, чтобы, так сказать, представиться Государственной думе. Престарелый царский сановник Горемыкин был назначен вместо Коковцева, казавшегося черносотенцам слишком мягким и либеральным. На Горемыкина возлагалась задача круто расправиться с революционным движением, с каждым месяцем разраставшимся во все большую угрозу царизму. Организованная нами обструкция попадала таким образом в цель даже больше, чем мы ожидали. Направленная против нового главы правительства, она являлась демонстрацией против усиления царской реакции.

«Господа члены Государственной думы!» — начал Горемыкин.

Но больше ему ничего не удалось сказать. Слева начался все растущий шум, стук пюпитрами, крики: «Свободу слова депутатам!»

Попытки председателя приостановить обструкцию ни к чему не привели. Тогда Родзянко, извинившись перед Горемыкиным за такую встречу, предложил исключить на 15 заседаний принимавших участие в обструкции социал-демократов и трудовиков.

Горемыкин сошел с трибуны, уступив место депутатам, которых председатель предложил исключить. Согласно думскому наказу, каждому депутату перед голосованием его исключения предоставлялось слово для объяснений. Один за другим выходили на трибуну социал-демократы и трудовики

и в резких словах протестовали против насилия. Члены нашей шестерки воспользовались предоставленным им словом, чтобы вновь бросить обвинения в лицо правительству и черной сотне и попутно вскрыть трусость и бессилие либеральной оппозиции. Как использовали свое право «объяснения» рабочие депутаты, видно из речи Муранова:

«Несмотря на то, что сейчас меня исключают на 15 заседаний, я все же и впредь буду отстаивать с честью свободу слова с думской трибуны, не так, как ее отстаивают например кадеты и прогрессисты. Вчера они с нами совместно внесли заявление о том, чтобы не обсуждался ни бюджет, ни какой-[либо] законопроект до тех пор, пока не будет признан законопроект о свободе депутатского слова. Но они голосуют сегодня за наше исключение только за то, что мы его отстаиваем не так, как они, а так, как мы умеем. Меня избиратели, когда избирали и посылали сюда, то как раз они говорили о том, чтобы я не шел на поводу у нашего правительства, как вы идете, а так, чтобы я защищал то, что они считают для себя необходимым. Нравится [им] республиканский строй, я должен говорить...

Председатель. Член Государственной думы Муранов, пожалуйста, ближе к делу.

Муранов... я должен говорить...

Председатель. Пожалуйста, ближе к вопросу.

Муранов. Это уж позвольте, я все-таки, покамест на трибуне, буду пользоваться той свободой, которая у меня покамест есть, я и буду продолжать... *(Шум справа.)*

Председатель. Покорнейше просил бы не мешать оратору высказываться. Прошу не шуметь.

Муранов. Пусть пошумят, может быть вы и их на 15 заседаний исключите. Если нет, это другое дело, потому что вы будете делать то, что угодно будет правительству, а я покамест буду делать то, что угодно моим избирателям, и буду восхвалять тот строй, который им нужен, а не тот, который сейчас существует. Это другое дело. Ведь вы тоже сейчас с этим строем не очень согласны. Например правые очень и очень хотели бы назад, но это им не удается сделать и, пожалуй, не удастся, потому что...

Председатель. Член Государственной думы Муранов, пожалуйста, прошу вас держаться в пределах вопроса. (*Шум.*)

Муранов... потому что теперь нужно не то, что производится в стенах Думы, а то, что происходит за стенами Думы, и если здесь вы хотите нам заткнуть рты, то у нас

есть другая сила, на которую можно будет опереться, которая создаст эту свободу слова так, как создала и эту Думу, которая сейчас здесь. *(Рукоплескания слева.)*

Исключение шло быстро. Особенно затянувшиеся «объяснения» Родзянко обрывал на полуслове.

Часть исключенных депутатов отказалась покинуть зал заседания. В своей угодливости перед правительством черносотенцы зашли так далеко, что применили по отношению к отказавшимся уйти, воинскую силу. Процедура удаления была следующая. Родзянко объявлял перерыв, во время которого в зал вводился воинский отряд. Солдаты выстраивались вдоль барьера, а начальник охраны подходил к исключенному и предлагал ему удалиться. Лишь после этого с заявлением: «Подчиняюсь насилию»—покидали зал исключенные депутаты.

С напряженным вниманием следила Дума за небывалым насилием над депутатами, которое впервые применялось в стенах Таврического дворца за все время существования Государственной думы. Из переполненной министерской ложи весь кабинет министров во главе со своим премьером наблюдал за «исправной» работой Родзянко.

После того как исключенного депутата выводили, Родзянко объявлял продолжение заседания. Через несколько минут вновь повторялась та же картина: в зал снова вводился воинский отряд, и снова разыгрывалась сцена насилия над левыми депутатами. Наконец, когда как будто все шумевшие депутаты были исключены, на трибуне снова появилась фигура Горемыкина. Но уцелевшие члены левых фракций продолжали обструкцию. Премьеру не дали произнести ни одного слова.

«Исключите их всех», — раздались требования справа.

«Виноват, ваше превосходительство, — извинился Родзянко. — Я должен продолжать меры взыскания».

Расправа продолжалась. Новая группа депутатов при помощи воинской силы была исключена на 15 заседаний.

В третий раз занял думскую кафедру Горемыкин, но и на этот раз шум и стук пюпитрами оставшейся в зале кучки левых депутатов не дали ему говорить. Лишь после того, как по предложению Родзянко были исключены все до последнего члены обеих социал-демократических фракций и фракции трудовиков, председатель совета министров получил возможность выступить со своей речью.

Еле слышным старческим голосом Горемыкин пробормо-

тал несколько невразумительных фраз о взаимном понимании, совместной работе и «прискорбных событиях», происшедших в заседании Думы. После него выступил министр финансов Барк; и Государственная дума, освободившаяся от «злонамеренных» речей левых, начала обсуждение государственного бюджета.

Поведение кадетов и прогрессистов во время исключения левых депутатов было такое, как и следовало ожидать от либералов, настоящее место которых было в рядах контрреволюции. Накануне произносившие громкие фразы о борьбе за свободу депутатского слова, они не только не приняли участия в обструкции, но даже в значительной свой части голосовали за предложение Родзянко об исключении социал-демократов и трудовиков. Правда, среди них были и такие, которые воздержались при голосовании, но против исключения из прогрессистов и кадетов не голосовал никто. Более того, кадеты в своей печати даже защищали применение военной силы, так как, по их словам, она «была не просто грубая физическая сила, она была в известной степени облагорожена тем, что действовала по распоряжению главы народного представительства». Всем своим поведением кадеты обнаружили верх холопства перед царским самодержавием и черной сотней.

Само собой разумеется, что вопрос о нашей обструкции в Государственной думе отнюдь не разрешался тем или иным отношением к нему думских либералов. Как и все другие выступления нашей фракции в Думе, сила и действие обструкции зависели от той внедумской поддержки, которую оказывали нам широкие массы рабочих. Если в Думе так или иначе и отражалась происходившая в стране политическая борьба, то все же окончательно вопрос решался не в стенах Таврического дворца, а на фабриках и заводах и на улицах.

Как и во всех других случаях, наша фракция, совместно с партийными организациями, начала подготовку выступления рабочих в связи с происшедшими в думе событиями. Через профессиональные союзы, просветительные общества и другие рабочие организации, в каждой из которых была крепкая большевистская ячейка, наша фракция распространяла директивы о необходимости организации забастовки протеста против исключения из Думы левых депутатов. Насторожившаяся охранка, для которой была ясна неизбежность новых рабочих волнений, усилила свою слежку, окру-

жив всех членов фракции новыми отрядами шпиков. Дом, в котором помещалась фракция, положительно был осажден всякого рода охранниками. Вечером в день исключения депутатов, охранка арестовала при выходе из фракции шесть рабочих-партийцев (среди них был т. Раков), пришедших для обсуждения вопроса об организации забастовки.

Этот арест заставил фракцию перейти на особую конспирацию, чтобы не подвергнуть арестам еще новых товарищей. Были приняты меры, чтобы прекратить посещения фракции представителями партийных организаций. Все сношения с партийными ячейками и другими рабочими организациями были строго законспирированы. Для того чтобы передать директивы об организации выступления и обсудить некоторые связанные с этим вопросы, члены нашей фракции воспользовались концертом в одном из зал на Петербургской стороне, где обычно устраивались концерты и лекции рабочих обществ. Явившись в качестве обычных посетителей концерта, депутаты встретились там с представителями рабочих организаций и дали им необходимые указания.

Уже на другой день после исключения, с утра 23 апреля, в Петербурге начались первые забастовки протеста. В этот день бастовало сравнительно немного, около 4 тыс. человек, главным образом рабочие-печатники. Из крупных предприятий забастовал завод Лангезиппена. Это были первые предвестники вспыхнувшей на другой день массовой забастовки, охватившей около 150 крупных и мелких фабрично-заводских предприятий. 23 апреля бастовало около 55 тыс. человек. Наконец на третий и четвертый день к забастовке присоединилось еще около 17 тыс. человек. Всего за три дня таким образом в забастовке протеста против исключения левых депутатов в Петербурге участвовало около 80 тыс. человек. Забастовка перекинулась в Москву, где бастовало свыше 25 тыс. рабочих. На всех фабриках и заводах забастовки сопровождались митингами, принимавшими резолюции протеста.

Как и на все предшествовавшие забастовки, предприниматели ответили на стачку протеста против исключения левых депутатов очередным локаутом. По постановлению «общества фабрикантов и заводчиков» 24 апреля были временно закрыты 16 крупных предприятий — заводы Металлический, Лесснер, Парвиайнен, Нобеля, Лангезиппен, «Вулкан», Сименс и Шуккерт, Невский судостроительный, Вестингауз, Тильманс и др. Расчету подверглись свыше 25 тыс. рабочих. «Обще-

ство фабрикантов и заводчиков», по справедливости называвшееся «обществом локаутчиков», выступило таким образом уже как орудие не экономической, а политической борьбы с рабочим классом.

На большинстве заводов работы возобновились 29 апреля. На некоторых же предприятиях локаут был продлен до 2 мая, чтобы таким образом авансом наказать рабочих за будущую первомайскую забастовку. Угрозой безработицы и голодной смерти капиталисты пытались сломить революционное движение пролетариата.

Черносотенцы однако считали, что локауты являются слишком слабым орудием борьбы. Они призывали капитал и царское правительство усилить наступление на рабочий класс.

Орган союза русского народа «Русское знамя» с циничной откровенностью предлагал сократить заработную плату рабочим и взять рабочих в «ежовые рукавицы», раз навсегда ликвидировать представительство рабочих во всякого рода учреждениях, т. е. в Государственной думе и в страховых органах. Черносотенцы волей-неволей должны были признать рост и силу революционного движения среди рабочих. Источником этого подъема они считали агитацию рабочей печати и деятельность депутатов социал-демократов.

Откликаясь на забастовку, вызванную исключением левых депутатов, «Русское знамя» в передовице 26 апреля писало:

«С того времени, как столь неосторожно дали укрепиться и развиться рабочей прессе, всецело находящейся в руках социал-демократической фракции, получилась чрезвычайно тесная связь между революционным элементом Государственной думы и рабочими. Всего лишь год тому назад события в Государственной думе совершенно не отражались на рабочих: социал-демократов выгоняли из заседаний, арестовывали их друзей — беглых каторжников, обыскивали их помещения, и рабочие оставались спокойными. Ныне же рабочие, которых сорганизовано в Петербурге до 200 тыс., стали реагировать на каждое выступление в Думе своих руководителей. По случаю каких-нибудь явлений среди рабочих думские социал-демократы немедленно откликаются с трибуны Государственной думы, вынося порицание правительству и возбуждая еще сильнее взбудораженную невежественную массу. В свою очередь обиды и выступления социал-демократов переживаются рабочими. Обструкция высокой пошлости, выкинутая социал-демократами перед представи-

*

телем правительства в виде протеста против обуздания наглости социал-демократов, имела последствием своим забастовку, правда частичную, но все же внушительных размеров. Не мешало бы на это обратить внимание и подумать, насколько опасна для государства эта непосредственная связь пушечного мяса с охотниками до беспорядков...» Предлагая свои меры лишения всяких политических прав рабочих и сокращение заработной платы, так как, по словам дубровинских погромщиков, «с голоду не забастуешь, мятежами заниматься впору лишь сытым», «Русское знамя» делало следующий вывод: «Тогда лишь возможно установить порядок, и минует необходимость в целых полках полицейской кавалерии, ныне гарцующей для охранения порядка от рабочих по улицам столицы при каждой выходке социал-демократов в Государственной думе».

Союзники, как видно, совершенно правильно понимали ту связь, которая существовала между рабочими депутатами и широкими массами рабочих. Поддержка, которую оказали рабочие Питера, Москвы и других городов нашему выступлению в Думе, была лучшим свидетельством этой связи.

В то время как депутаты, участвовавшие в обструкции, получали со всех сторон многочисленные резолюции поддержки и приветствия, кадетам перед лицом своих избирателей приходилось выдумывать хитросплетенные объяснения своих поступков. Наиболее откровенный представитель правого крыла кадетской фракции — московский депутат Маклаков с горечью рассказывал в своей думской речи, что он был вынужден отправиться в Москву давать объяснения своим избирателям, почему он не голосовал против исключения левых депутатов. «Я вижу, — говорил Маклаков, — начало общественного возбуждения, которое на нашу беду, господа, идет не тем легальным путем, которому перестают верить, а начинает помимо нас заливать русскую землю». «Если правда, что революционные стремления усиливаются, — вторил Маклакову сам лидер кадетов Милюков, — то это весьма печально». Во что бы то ни стало удержать развитие революции — таков был смысл и цель всей политики либеральных партий. И даже в выступлениях против правительства они своим главным доводом выставляют то, что действия правительства, мол, возбуждают и развязывают революционные силы.

И в этот момент, когда кадеты, так же как и их ближайшие соседи и союзники — прогрессисты, с такой циничной

откровенностью раскрыли свои карты, ликвидаторы заговорили о «совместных действиях» с либералами. На страницах своей газеты ликвидаторы писали, что за пролетариатом дело не станет, «когда прогрессивные буржуазные силы пожелают совместных действий». Оценивая создавшееся положение, ликвидаторы пытались снова навязать рабочему классу свою программу «рабочей коалиции». «Вопрос о свободе слова в Думе, и о депутатской неприкосновенности стал в центре политической жизни страны, — писала меньшевистская «Северная рабочая газета», — этот вопрос тесно связан с теми основными требованиями, которые были формулированы в августе 1912 г.» (т. е. Августовским блоком). «Правда» решительно возражала ликвидаторам, указывая, что борьба рабочего класса ведется и должна вестись под тремя старыми «неурезанными» лозунгами. Для рабочего класса вопрос о свободе слова в Думе отнюдь не может играть центральную роль; думские события послужили только для постановки общего вопроса об усилении революционной борьбы. «Не успели еще либералы, — писала «Правда», — вымыть руки, поддерживавшие гг. Родзянко и Пуришкевича в расправе с депутатами—социал-демократами и трудовиками, как получили от ликвидаторов любезное предложение о совместных действиях... Возводить совместные действия с буржуазией в лозунг момента — значит совершать величайшую ошибку против интересов всего движения. Лозунг момента — не в соглашении (совместных действиях) с буржуазией, а в развитии движения, вопреки шатаниям и изменам буржуазии. Совместные действия с буржуазией, о которых хлопочут ликвидаторы, могут иметь своей ареной Думу; между тем лозунга момента надо искать вне Думы... Рабочий класс — тоже за «совместные действия», но лишь на той почве, во имя тех лозунгов, которые отрицают и либералы и ликвидаторы»[1].

Не менее показательным для меньшевиков было их отношение к вспыхнувшему в связи с исключением левых депутатов стачечному движению питерских рабочих. И здесь они остались верны себе. Размах забастовочного движения испугал меньшевиков. Перед лицом могущих развернуться крупных революционных событий меньшевики растерялись и, следуя своей оппортунистической политике, попытались приостановить движение.

Донесение охранного отделения передает отчет о заседании

[1] «Путь правды» № 72 от 29 апреля 1914 г.

меньшевистской фракции 25 апреля, на котором в присутствии Дана обсуждался вопрос о забастовке протеста питерских рабочих. На заседании высказывались мнения о том, что «необходимо благодарить рабочих за поддержку и просить отложить забастовку до 1 мая». В таком духе и было принято решение фракции, признавшей необходимым «убедить рабочих прекратить забастовку теперь, дабы возобновить ее с новой силой 1 мая» [1].

То же донесение охранного отделения сообщает характерные подробности заседания семерки, указывающие на шатания и колебания внутри самой меньшевистской фракции. Несомненно, что подъем революционной борьбы оказывал свое действие и на отдельных депутатов-меньшевиков. Как сообщала охранка, «Чхенкели доказывал, что фракция должна бросить свою старую тактику чистой парламентской работы: фракция, сделавшая все возможное в стенах Думы, должна отказаться от лозунга «беречь Думу во что бы то ни стало» и перейти к работе чисто революционной». Эта позиция однако не встретила поддержки отдельных членов семерки. Возражая Чхенкели, Чхеидзе призывал всех членов фракции сохранить спокойствие, особенно необходимое в настоящее время, и постараться что-либо сделать в легальных рамках».

Не приходится говорить, что такого рода торможение забастовочного движения в момент высокого подъема революционной борьбы могло принести лишь один вред. Влияние меньшевиков к этому времени однако было уже настолько ослаблено, что не в их силах было помешать развитию революционного движения. Забастовка протеста против исключения левых депутатов, охватив 80 тыс. питерских рабочих, прошла исключительно дружно и произвела огромное впечатление в стране.

В то время, когда отсутствовали левые депутаты, либералы произносили оппозиционные речи, даже вносили осуждающие правительство формулы перехода к очередным делам, но это нисколько не задерживало быстрого прохождения государственного бюджета, на все статьи которого думское большинство неизменно ставило свой одобрительный штамп. Отсутствие левых депутатов создавало для правительства желательную ему спокойную обстановку. Желая воспользоваться этим «спокойствием», все министры обращались к

---

[1] Архив департамента полиции, особый отдел, 1914 г., № 307, л. 259.

Родзянко с просьбой пропустить сметы их министерств в течение ближайших заседаний. Печать сообщала, что особенную торопливость проявляло ведомство синода. «Ведь они вернутся из насильственного отпуска еще более бешеными, кусаться будут», — говорил один из руководителей синода.

Перед депутатами всех трех левых фракций стоял вопрос, какой тактики придерживаться по возвращении в Государственную думу. Существовало мнение о необходимости продолжать обструкцию во время думских заседаний; были предложения принять другую систему обструкции — затянуть рассмотрение бюджета длинными речами; наконец высказывались предложения считать конфликт исчерпанным и перейти к обычной думской тактике. Во всяком случае депутаты всех трех фракций пришли к общему решению — при возвращении в Думу выступить с общей декларацией, причем принять все меры к тому, чтобы декларация была оглашена.

Текст декларации был выработан и утвержден на объединенном заседании всех трех левых фракций. Несмотря на то, что он тщательно скрывался до опубликования, Родзянко, как оказалось впоследствии, через охранку текст декларации стал известен заранее. В день возращения левых депутатов, 7 мая, Родзянко сам занял председательское кресло, с твердым намерением не допустить опубликования декларации. В свою очередь и мы подготовились, заранее записав несколько ораторов, чтобы в случае лишения слова первого депутата, которому было поручено чтение декларации, оно немедленно продолжалось другим. Между председателем и ораторами левых фракций разыгралась настоящая борьба. Родзянко фактически давал говорить депутатам не больше двух-трех минут. Каждый из выступавших начинал свою речь с того места декларации, на котором председатель прервал речь предыдущего, и каждого Родзянко лишал слова почти на первой фразе. В стенографическом отчете так выглядят например выступления отдельных ораторов:

Хаустов. 22 апреля Дума применила к нам... (*Справа шум и голоса:* «Вон, долой».)

Председатель. Член Государственной думы Хаустов, прошу вас говорить по вопросу.

Хаустов. ...полицейские меры. (*Справа шум и голоса:* «Долой».)

Председатель. Член Государственной думы Хаустов, я вас лишаю слова. (*Справа шум и голоса:* «Долой».)

Член Государственной думы Малиновский.

Малиновский. 22 апреля... (*Справа шум и голоса:* «Вон, долой».)

Председатель. Член Государственной думы Малиновский, прошу вас держаться вопроса.

Малиновский. ...Дума применила к нам... (*Сильный шум справа.*)

Председатель. Я вас лишаю слова, член Государственной думы Малиновский.

Малиновский. ...из Государственной думы... (*Шум справа.*)

Председатель. Вы лишены слова, член Государственной думы Малиновский. (*Справа сильный шум.*)

Малиновский. ...представителей... (*Справа сильный шум и голоса:* «Исключить».)

Председатель. Прошу г-на пристава предложить члену Государственной думы Малиновскому покинуть кафедру.

Петровский. Мы, социал-демократы и трудовики исполняя то, что считали своим долгом, мы крикнули стране: «последние остатки завоеваний 1905 г. в опасности», мы крикнули стране, что без демократии и против демократии не может быть действительной борьбы за раскрепощение народа, не может быть успешной борьбы с преступными попытками...

Председатель. Член Государственной думы Петровский, покорнейше вас прошу держаться в пределах рассматриваемого нами вопроса.

Петровский. ...Рабочий класс в ответ на ленские залпы (*голоса справа:* «Читать нельзя») открыл...

Председатель. Член Государственной думы Петровский, я вас лишаю слова. (*Рукоплескания слева.*)

Возвращение исключенных депутатов левых фракций, не без невольной помощи Родзянко, превратилось таким образом в новую внушительную демонстрацию, привлекшую к себе внимание всей страны.

Апрельские события в Государственной думе, вызвавшие массовые отклики рабочих, сыграли немаловажную роль в дальнейшем усилении и подъеме революционного движения. Влияние этих событий в частности непосредственно сказалось на первомайском выступлении рабочих, принявшем в 1914 г. размеры, значительно большие, чем во все предшествовавшие годы. По одному только Петербургу в этот день в забастовках участвовало 250 тыс. человек, около 50 тыс. рабочих бастовало в Москве. С исключительным подъемом прошли первомайские забастовки и в тех провинциальных

городах, где до того рабочее движение отличалось еще слабостью.

То, что происходило в это время в стране, носило в себе все черты грозной подготовки рабочего класса к решительным боям с царизмом. Быть может лучшим свидетельством этой надвигавшейся высшей волны революционного движения может служить признание самого горячего ненавистника и врага революции Пуришкевича. Под впечатлением первомайских забастовок Пуришкевич в своей думской речи 2 мая сказал следующее:

«Мы наблюдаем удивительную картину — мы переживаем дни, напоминающие нам дни 1904 г. и, если мы не слепы, то увидим, проводя аналогию, если не полное тождество, то во всяком случае очень много общего между тем, что творится сейчас и что творилось в 1904 г.»

Теперь уже не рабочие депутаты, а сам Пуришкевич, вождь и глава царской черной сотни, заговорил о приближающемся повторении революционного года. Уже одно это показывало, каких высоких размеров достигла волна революционной борьбы рабочего класса.

Хотя основная часть бюджета за время исключения левых была уже утверждена, мы все же успели после возвращения в Думу принять участие в бюджетных прениях по отдельным сметам. Каждую речь по бюджету мы превращали в речь по всей системе правительственной политики, смету каждого министерства критиковали не только по ее отдельным частям, но и в свете общей критики царского строя.

По поручению фракции я выступил 16 мая с речью по смете министерства народного просвещения. Вопросы народного образования в то время усиленно привлекали к себе общественное внимание. Новый министр просвещения Кассо громил университеты, разгонял профессоров, арестовывал и высылал учащихся. Он не останавливался даже перед арестом подростков, учеников средней школы, за участие в самых невинных кружках, как это было с группой так называемых «витмеровцев». Моя речь, составленная в значительной мере по материалам, присланным Владимиром Ильичом из Кракова, имела целью вскрыть этот ужасающий произвол и в то же время показать всю фальшь и лживость тех мер, которые предлагали кадеты и другие либеральные партии.

Бадаев. Господа члены Государственной думы! По смете министерства народного просвещения я в прошлом году

остановился подробно на положении просвещения в соседних с нами государствах. Я останавливался для лучшего сравнения, как далеко мы отстали от наших соседей. В Швеции, Дании неграмотных нет, если есть, то только один или два процента. Америка, хотя и не принадлежит к передовым странам по народному образованию, но в ней 11% неграмотных, но даже и негры вдвое счастливее наших русских крестьян — их 44% неграмотных, в Австрии — 50% неграмотных, в Венгрии — 39%, а у нас только 27% грамотных. Почему же, господа, такая разница между нашими соседями? А вот потому, господа, что в Америке, в Германии полвека назад раздавили своих рабовладельцев, потому там почти не осталось неграмотных. В Америке в среднем на жителя приходится 9 р. 24 к., а у нас в России — 80 коп.

На этих подробностях не приходится останавливаться, потому что они для рабочих слишком известны, — мы, рабочие, лучше всех знаем, какую огромную силу имеет народное просвещение, а потому мы именно знаем и мы не обольщаем себя надеждой, что нам господствующие классы дадут это добровольно; мы знаем, что за право на народное образование, как и за всякое другое право, нужно бороться и нужно бороться решительно.

Смета министерства народного просвещения в 1914 г. составляет—161 629 822 руб., десять лет назад—в 1904 г.—смета министерства народного просвещения составляла только 42 570 745 руб. За десять лет бюджет народного просвещения вырос почти в четыре раза. Почему же это? Что же правительство прониклось сознанием пользы народного образования? Нет, не потому, а потому, что между 1904 и 1914 гг. лежит 1905 г., год пробуждения народных масс, год великой борьбы за свободу под руководством пролетариата, и этот год заставил наши мертвые казенные ведомства сдвинуться с мертвой точки. Мы не хотим сказать, что мы считаем крупным завоеванием это увеличение бюджета до 161 млн. руб., мы не забываем ни на минуту того позорного факта, что весь бюджет министерства народного просвещения составляет только 4% всего бюджета, а сумма, расходуемая на образование, — лишь $2^3/_4$%, мы хотим сказать, что не будь 1905 г., не будь борьбы рабочих, и этого увеличения бы не было: смета министерства народного просвещения двигалась бы черепашьим шагом по миллиончику, два, три самое большее в год, как это делалось в дореволюционные времена.

Рабочие и крестьянство недаром засвидетельствовали о своем намерении вооружиться во что бы то ни стало знанием. Лишь правые, для которых никакой закон не писан, даже закон исторического развития, они воображают, что в силе поставить преграду стихийному народному стремлению к знанию, — только правые еще продолжают верить в спасительность фамусовских приемов.

Другие буржуазные партии — октябристы, кадеты — ясно видят, что нет такой силы, которая бы поставила преграду народным массам в стремлении и жажде их знания; но октябристы стремятся загнать в искусственное русло это стихийное течение и более узкое русло; кадеты понимают, что в узком русле не достигнут своей цели, и поэтому нужно отвести пошире, так-де диктует «государственная мудрость». Только эта государственная мудрость не хочет понять того, что придет новая весна и половодье смоет все эти мудрые устройства и все эти искусственные берега и проложит путь, новый широкий путь к неисчерпаемому богатству народного знания. Все эти мечты благонамеренных партий разбиваются о примитивную черносотенную политику министра, любимца правых, г. Кассо, политика эта диктуется злобой, ненавистью боящихся света и знаний; тут даже не соображения о том, что знания в народе угрожают опасностью существующему строю, — нет, для г. Кассо слишком сложны такие доводы, он просто считает науку для кого бы то ни было бесполезной, напрасной и вредной. Весь идеал министерства народного просвещения во тьме, в невежестве, и он ревностно старается тушить всякий пробивающийся луч сквозь тьму и, видя свое бессилье, еще больше ожесточается: долой либеральных профессоров и просто не желающих прислуживаться, да здравствуют ему угодные, которые одинаково, как и он, смотрят на народное просвещение! Если уж заведены какими-то неумными людьми университеты и нельзя их закрыть, то нужно этот, хотя и буржуазный, храм науки, превратить в храм полного культурного невежества. Протестует молодежь, недовольны буржуазные слои, — нам не привыкать стать к этому — усилить надзор за учителями и учениками, превратить среднюю школу в казармы, в дисциплинарный баталион. Не выдержат молодые силы этого казарменного режима — школьные самоубийства превратились в эпидемию. И что за беда? А если выдержат этот искус, то научатся презирать науку и воплощать теорию в жизнь двойной морали, а не научатся — на поселение, как

витмеровцев. Все знают просвещенную деятельность Кассо по организации внешкольного надзора, также на заседаниях комиссии при министерстве народного просвещения для выработки правил внешкольного надзора, циркуляры, рассылаемые попечителям округов, проекты — обратить классных наставников в филеров, которым предписывается даже проникать в дома терпимости с целью выслеживать безнравственных гимназистов.

Подумайте: подсудимые — дети, их нужно пожалеть, ведь их занимали еще детские игры: пускай бы они угрожали строю, пусть они преступны, но разве представляют они для существующего строя опасность, эти детские игры? Чего они хотели? Они хотели свободной школы в свободной стране. Подумаешь, какое преступление — лучшие писатели русской земли, не из числа замученных на каторге или на военной службе, мечтали увидеть свою родину счастливой, свободной и гордой. Во всяком случае, мечтает видеть страну свою счастливой, свободной каждый сознательный рабочий. Витмеровцы хотели свободной школы, но г. Кассо видимо не читает педагогической литературы... (*Пуришкевич с места:* «Что ты понимаешь в литературе?» *Слева шум и голоса:* «Дайте ему холодной воды. Прогоните его».)

Председательствующий. Покорнейше прошу не шуметь.

Бадаев. Г-н Кассо не читает видимо европейской педагогической, в особенности американской литературы, и для него кажется впервые страшно прозвучали эти слова витмеровцев:[21]) «Свободная школа в свободной стране». (*Пуришкевич с места:* «Здорово», *Голоса слева*: «Успокойте генерала».) Если бы г. Кассо читал европейскую заграничную литературу и тем более американскую, то для него бы стало совершенно ясным, что школа является в настоящее время самым жгучим, что ни на есть жгучим вопросом. Над ней не мало выдающихся педагогов работает, для воплощения ее в жизни. Не во власти Кассо сослать их на поселение. Вся вина витмеровцев в том, что они честными юношами посмели честно мыслить. Забота о благе страны — не детская забота, а юношей, умеющих умирать за свои убеждения. И г. Кассо прекрасно понимает, что такие люди вредны этому прогнившему насквозь, ненавидящему свет знания, лицемерному строю. Мы приветствуем осужденных витмеровцев и тех гимназистов, которые прислали за подписью 343 протест против осуждения витмеровцев в нашу фракцию.

Но, господа, если можно по русским законам ссылать в

ссылку 17-ти и 20-летних юношей, то по русским законам нельзя сослать 9-ти, 10-летних юношей, которые учатся в сельских школах и также мечтают, как бы в свое время скорее начинать мечтать о свободной школе. Но если этого нельзя сделать — послать на поселение, то нужно стараться выбить свободный дух. Это могут сделать народные учителя, которые давно взяты под надзор... (*Голоса слева*: «А Пуришкевич на что?») ...Бедные, разрозненные, полунищие, бесправные учителя взяты под охрану урядником, местным священником, земским начальником, охранниками и добровольными сыщиками... (*Голос слева*: «А филаретовское общество?») ...и кроме этих доморощенных наблюдателей охранников еще надзирает за народными учителями педагогический персонал, избранный в значительной мере из таких элементов, как акцизный чиновник, офицер, учитель гимназии и т. п. На содержание этих инспекторов народных училищ министерством испрашивается на 1914 г. ассигновка в 2 178З0 руб. (*Голос справа*: «А тебе не нравится?») ...Какую ненависть к себе в среде учителей воспитали эти инспектора, обнаружил в прошлом году народный съезд. Мы не будем повторять всего того, что на съезде говорилось, ибо кажется у всех у нас еще в памяти. Был проект обязать инспекторов, чтобы они ехали на съезд с тем, чтобы выслеживать неблагонадежных учителей, затем посланы были простые шпики. Но, господа, все же съезд оказался демократическим. Чтобы не быть голословным, я прочту вам краткую выдержку из двух резолюций этого съезда. Вот первая резолюция инородческой секции: «1) Преподавание на родном языке является основным, мощным орудием в целях правильной постановки народного образования. Исполнительный комитет при Первом всероссийском съезде по вопросу народного образования требует введения в народных школах преподавания на родном языке, но вместе с тем полагает, что 2) введение материнского языка в школах возможно лишь при коренной реорганизации всей современной школьной системы на основах всеобщего обязательного и бесплатного за счет государства обучения и 3) условие обязательной передачи управления делами школы в руки демократических органов местного самоуправления. Комиссия находит, что такая реорганизация всей школы имеет смысл лишь при всесторонней демократизации всех отношений государственной жизни».

Затем вторая резолюция этой первой секции. Ведь эти резолюции, господа, не приняты какими-нибудь двумя или

пятью левыми народными учителями, а быть может свыше 500 человек.

Секция признает, что «1) для введения всеобщего обязательного обучения настоятельной необходимостью для нашей страны является единственно демократическая школа с бесплатным обучением: а) с бесплатным пользованием для неимущих школьным приварком для всех детей, б) во всех отраслях народного хозяйства воспрещается пользование трудом детей школьного возраста (16 лет), в) улучшение материального положения учащих и обеспечение свободы преподавания, свободны коалиции; 2) в целях скорейшего проведения в жизнь всеобщего обучения при участии всех общественных сил страны необходимо осуществление следующих условий: а) уничтожение административной опеки над школой и учащими, самое широкое участие в заведывании делом народного образования населения и учащих, б) право населения получать образование на родном языке в светских школах, в) демократизация органов местного самоуправления и общественного строя страны».

Господа, вы нас привлекаете, когда мы говорим здесь о республике, а вот из недр русской земли пришли первый раз на первый съезд народные учителя, и они уже требуют демократической республики.

Председатель. Прошу вас этого не касаться.

Бадаев. Кроме того, господа, вы наверное наблюдали за движением рабочих. В данное время выслано более, чем было выслано в годы революции. Вы вполне понимаете, что страна только к этому строю идет. Ведь, господа, эти учителя получают жалкие гроши, живут почти в нежилых, нетопленных хатах, вместе со скотом, который крестьяне берут зимой в избу. У нас нет денег, чтобы платить честным работникам, а вот на разные авантюры, подачи сахарозаводчикам у нас денег сколько угодно.

Мне хотелось бы еще отметить, что г. Кассо своим отсутствием на учительском съезде подчеркнул свое презрение к народным учителям и их авторитету. Зато им были приняты к сведению и руководству наблюдения за учителем господина в гороховом. Ведь, господа, никто от г. Кассо большего и не ожидал.

Странно было бы здесь говорить о присущем порядке вещей, — там библиотека закрылась, там циркуляр издан и т. д. Тут целая система проводится, и в прошлом году бессарабский депутат Пуришкевич рассказывал, что аграрная

программа расселения на хутора есть целая система для того, чтобы выделить каждого крестьянина, и ему там некогда будет заниматься чтением и политикой, а он будет в земле копаться, мы же, дворяне, будем жить по-дворянски.

Нет, господа, это не пройдет; крестьяне и рабочие прекрасно понимают, что им нужно делать. Мы не надеемся ни на какие слова, которые здесь раздавались, что нужно спасать страну всем. Мы сколько лет спасаем и сколько времени говорим, и от этого ничего не бывает. *(Смех справа.)* Мы не верим ни в какую чуткость вашей совести или в присущее вам своекорыстное чувство трезвого практического расчета. Мы верим в неиссякаемую силу и мощь растущего рабочего движения, которое может вас всех победить. *(Голоса справа*: «Браво».) Мы, господа, взяли уже в свои руки внешкольное дело, культурно-просветительные общества и т. п., и мы сумеем взять и школьное дело, вырвать из рук г. Кассо и передать в руки народа. *(Рукоплескания слева. Пуришкевич:* «Все ли забрал, не позабыл ли чего?»).

Эта речь, как и речи по бюджету остальных членов нашей фракции, была напечатана затем в «Правде» («Трудовая правда» № 91) и послужила новым агитационным материалом, с которым наша партия обращалась к рабочему классу в этот момент нараставшего подъема революционного движения.

ГЛАВА XVII

Роман Малиновский

Уход Малиновского из Думы. – Обращение фракции к рабочим. — Малиновский-провокатор. — Участие охранки в выборах Малиновского. — По директивам департамента полиции. — Аресты Свердлова и Сталина. — Поведение Малиновского во фракции. — Почему Малиновский ушел из Думы. — Суд над Малиновским.

На другой день после возвращения в Думу исключенных депутатов, около 4 часов дня, в кабинет Родзянко вошел Малиновский и, бросив на стол какую-то бумагу, сказал:

«Прощайте».

На вопрос Родзянко, что это значит, Малиновский ответил: «Прочтите, сами узнаете», а затем кратко сообщил, что слагает с себя депутатские полномочия и в тот же день уезжает за границу.

В это время из членов нашей фракции в зале заседания был один только Муранов. О заявлении Малиновского Муранов немедленно сообщил нам по телефону. Через полчаса, когда все мы собрались в помещении фракции, заявление об уходе Малиновского было уже оглашено председателем.

Уход Малиновского из Думы был для нас полной неожиданностью. Никаких разговоров или даже намеков о возможном уходе до того времени мы от него не слыхали. Сложение депутатских полномочий не только без согласия центральных органов партии, но даже без заявления во фракцию, было таким неслыханным и вопиющим проступком против партийной дисциплины, таким исключительным проявлением отступничества и ренегатства, что в этот момент мы даже представить себе не могли, чем все это было вызвано.

К Малиновскому был командирован т. Петровский, потребовавший от него немедленной явки во фракцию для дачи объяснений. Малиновский отказался, заявив, что он якобы так взволнован, что никаких объяснений сейчас дать не может. Когда нам был передан этот ответ, мы решили вновь командировать Петровского, который должен был категорически настоять на явке Малиновского. Но и на этот раз тот отказался подчиниться требованию фракции. В сильно возбужденном состоянии, почти совершенно невменяемый, Малиновский кричал:

«Судите меня, делайте, что хотите, а я говорить не желаю».

При этом он заявил, что в тот же вечер уезжает за границу и показал уже готовый заграничный паспорт.

Попытки добиться каким-либо другим способом объяснений от Малиновского оказались тщетными. Письма, которые были посланы ему вдогонку как фракцией, так и т. Каменевым, удалось вручить Малиновскому только на вокзале перед самым отходом поезда.

Уход Малиновского из Думы и его внезапное бегство из Петербурга поставили на первое время нашу фракцию в тяжелое положение. Поступок Малиновского, сам по себе являвшийся изменническим по отношению к партии и революционной борьбе рабочего класса, в то же время давал оружие всем нашим врагам, сделавшим из ухода Малиновского «сенсационное» сообщение о каком-то неблагополучии внутри партии. Со всех сторон поползли всякие темные слухи, грязные намеки, указания на несогласия и раздоры во фракции и в партии и т. п.

Никаких достоверных фактов или материалов, действи-

тельно порочивших прошлую деятельность Малиновского, в это время у нас еще не было. Между тем всякие слухи и сплетни раздувались и буржуазными партиями и ликвидаторами с явной целью компрометировать всю нашу фракцию, а с ней вместе и партию. Необходимо было внести в создавшееся положение определенную ясность. На такой путь и вступила фракция, которая решила довести до сведения рабочего класса с полной точностью как о самом поступке Малиновского, так и обо всем, что ему сопутствовало.

С первого же дня мы опубликовали в «Правде» все, что было известно фракции об уходе Малиновского. В ближайший понедельник (после воскресных дней «Правда» не выходила) редакцией был выпущен экстренный номер газеты с точным изложением всех имевшихся во фракции сведений. Затем была помещена точная сводка, день за днем, с описанием всех предпринятых фракцией шагов для выяснения причин и обстановки ухода Малиновского. Не имея пока данных для обвинений Малиновского в каких-либо преступлениях, фракция однако сразу же выступила с резким и решительным осуждением его дезорганизаторского поступка.

В напечатанном в «Правде» [1] заявлении фракция писала:

«...Малиновский сам заявил в момент его выборов, что он соглашается баллотироваться «по просьбе Российской социал-демократической рабочей партии». Этим было выражено то основное начало поведения рабочего депутата на выборах, которое безусловно обязательно с точки зрения всякой организованной партии. Само собой разумеется, что сознательным рабочим необходимо с особенной строгостью отстаивать это основное начало в борьбе против всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, которые часто дают мандаты в парламент карьеристам и не соблюдают никакой действительно партийной дисциплины. В нарушение всего этого Малиновский сложил с себя депутатские полномочия, не посоветовавшись ни с руководящим учреждением, ни со своей ближайшей коллегией — РСДР фракции. Такой поступок безусловно недопустим ни для одного организованного и сознательного рабочего, будучи нарушением дисциплины и анархическим шагом... Поступок этот заслуживает прямого осуждения, равняясь поступку часового, покидающего свой пост самовольно... Признание Малиновского, что он не посчитался с ответственностью, совершая свой «убий-

---

[1] «Путь правды» № 91 от 26 мая.

ственный» шаг, нисколько не смягчает его проступка, которым он поставил себя вне наших рядов. РСДР фракция приглашает всех сознательных рабочих поддерживать настоящее решение, чтобы сделать невозможным впредь среди марксистско-организованного пролетариата повторение подобных поступков...»

Рабочая масса отозвалась на уход Малиновского так именно, как мы рассчитывали. В нашу фракцию и в редакцию «Правды» начали поступать телеграммы, приветствия, резолюции, в которых клеймился изменнический поступок Малиновского и одновременно выражалось полное доверие и поддержка работе фракции.

Временный ущерб, который был нанесен дезертирством Малиновского, был восстановлен единодушной поддержкой всех передовых организованных групп рабочего класса. Наша шестерка, превратившаяся теперь в пятерку, перестроила свои ряды. Как с думской трибуны, так и вне Думы фракция с еще бо̀льшим напряжением продолжала вести революционную борьбу.

Я описал здесь в кратких чертах как самый факт ухода Малиновского, так и ту обстановку, в которой он произошел. Причины, побудившие Малиновского на этот шаг, так и остались в то время неизвестными. Мы объяснили поступок Малиновского, и это казалось более или менее правдоподобным в то время, только нервной усталостью и потерей душевного равновесия. Некоторые присущие Малиновскому черты характера — повышенная нервность, горячность, неуравновешенность, которые часто проявлялись у него в его отношениях с окружающими, — как будто давали основания притти к такому выводу.

Только после революции в полной мере раскрылись истинные причины поведения Малиновского. Архивы департамента полиции, ставшие достоянием гласности, среди прочих провокаторов раскрыли и фигуру Малиновского. Материалы этих архивов, а затем суд над Малиновским дают нам теперь возможность узнать всю историю его предательства и провокации.

Начало провокаторской деятельности Малиновского относится к 1910 г., когда он был зачислен агентом московской охранки под кличкой «Портной». В это время он жил в Москве, куда переехал после высылки из Петербурга. Можно однако предположить, что еще раньше, в Петербурге, Малиновский находился в каких-то отношениях с охранкой,

но полностью его провокаторская работа в первое время развернулась именно в Москве.

Арестованный вместе с группой партийных работников по какому-то делу, Малиновский предложил свои услуги охранному отделению. Предложение его было принято. С тех пор он стал деятельным и энергичным агентом охранки, которая давала ему важные поручения и всячески направляла его провокаторскую работу.

Человек очень способный и неглупый, Малиновский старался как можно глубже проникнуть в партийные организации и завести как можно больше всяких связей. Он появлялся на всех собраниях, бывал в рабочих клубах, профессиональных обществах, всюду выступал, говорил и принимал энергичное участе в организационной работе. Характерно, что в это время Малиновский одновременно изображал себя и меньшевиком и большевиком. Среди меньшевиков он ругал большевиков, а среди последних представлялся горячим противником меньшевизма. Как тех, так и других Малиновский выдавал охранке.

По его указаниям производились аресты партийных работников и даже разгромы целых организаций. В охранку Малиновский сообщал сведения о предполагавшихся и состоявшихся собраниях, о кличках и действительных фамилиях нелегальных партийцев, о составе партийных органов, адреса складов литературы, типографий, — словом, о всех сторонах деятельности партии. По его доносам и указаниям была ликвидирована в Москве в 1910 г. русская коллегия ЦК, руководившая работой социал-демократов в России. Он дал материал для провала группы примиренческого[22]) направления «Возрождение» во главе с т. Милютиным. Благодаря его указаниям был ликвидирован вновь формировавшийся в Туле руководящий центр большевиков и арестованы тт. В. Ногин, Г. Лейтейзен-Линдов и София Смидович. Ему были обязаны своими арестами агенты ЦК тт. Ф. Голощекин, Б. Бреслав, ряд меньшевиков — Шер, Чиркин и др. На совести Малиновского за это время его московской «работы» лежали многочисленные аресты революционных работников, которых он «освещал» в охранке.

Для того чтобы оградить Малиновского от «провала», полиция арестовывала его вместе с другими участниками какого-либо раскрытого собрания. Продержав Малиновского для приличия несколько дней, охранка выпускала его на свободу, тогда как арестованные с ним попадали

либо на продолжительное время в тюрьму, либо подвергались ссылке. Иногда, осторожности ради, охранка вместе с Малиновским выпускала всех, но через пару недель арестовывала остальных снова.

Благодаря своей осторожности, ловкости и несомненным недюжинным способностям Малиновский начал довольно быстро выдвигаться в партийной среде. Еще раньше, в Петербурге, он показал себя как способный и сильный работник профессионального движения. В течение трех лет, с 1906 по 1909 г., Малиновский был секретарем Петербургского профессионального союза металлистов, одного из самых крупных и самых богатых квалифицированными силами союзов. Уже одно это указывало на большие способности Малиновского и на его умение добиваться влияния на рабочие массы.

Все это создавало Малиновскому ту популярность, которая дала возможность выставить его кандидатуру в Государственную думу. Крайне честолюбивый, Малиновский принял все меры для того, чтобы провести свою кандидатуру в члены Думы. Однако несомненно, что им в этом отношении руководили и другие соображения. Директор департамента полиции Белецкий в своих показаниях по делу Малиновского (Белецкий был арестован после революции и затем расстрелян) говорил, что Малиновский, стараясь пройти в Думу, рассчитывал упрочить свое положение в охранке и повысить при этом получаемое из полиции жалование. Вошедший уже во вкус провокации, Малиновский готовился развернуть свою предательскую работу в еще больших размерах.

Малиновский сам доказывал охранному отделению, как «выгодно» для полиции иметь в Думе своего «осведомителя». Уговаривать охранку конечно не пришлось. Она с радостью ухватилась за этот проект, который вполне отвечал правам и приемам полицейской работы. Вопрос о проведении в члены Думы «агента московского охранного отделения Портного» обсуждался в самой верхушке царской полиции. И департамент полиции получил «благословение» от самого министра внутренних дел Макарова. В Москву полетели шифрованные телеграммы от Белецкого и его помощника, пресловутого Виссарионова, о том, чтобы московская охранка приняла все меры к устранению препятствий, могущих помешать выборам Малиновского.

Первым таким препятствием было то, что Малиновский

в прошлом несколько раз судился по уголовным делам. По закону человек, имевший судимость, лишался права быть избранным в депутаты Думы. При помощи и содействии охранки Малиновский отправился к себе на родину в Польшу и там за взятку писарю получил подложную справку о несудимости.

Другое затруднение было связано со стажем работы, необходимым для участия в выборах. Малиновский работал на какой-то небольшой фабрике под Москвой. Как раз к моменту избирательной кампании должен был окончиться необходимый для стажа шестимесячный срок его работы. За несколько недель до выборов у Малиновского обострились отношения с одним из мастеров фабрики, и ему грозило увольнение. Чтобы избавить Малиновского от этой опасности, мастер по распоряжению департамента полиции был арестован. Его продержали в тюрьме ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы он не мешал выборам Малиновского. Все-таки Малиновский был уволен с фабрики и тогда путем подкупа конторщика получил удостоверение о том, что он находился в «отпуску». Таким образом при помощи полиции и это препятствие к выборам Малиновского было устранено.

В то же время Малиновский развил энергичную работу по устранению своих конкурентов — других кандидатов в депутаты. В результате он добился того, что остальные кандидатуры были сняты и избрание его в Думу было обеспечено.

Когда Малиновский попал в Государственную думу, перед ним открылось новое широкое поле провокаторской деятельности. Он становится одним из самых главных сотрудников охранки. Малиновского «ведет» сам директор департамента полиции Белецкий.

В списки сотрудников охранки Малиновский в Петербурге был зачислен под кличкой «Х». Жалованье он получал сперва 500 руб. в месяц, а затем 700 руб. Кроме того охранка выдавала ему наградные и оплачивала отдельно наиболее важные «сведения». На квартире у Малиновского за счет полиции был установлен телефон, по которому он условленным шифром сговаривался с Белецким о свиданиях. Эти свидания обычно происходили в отдельном кабинете какого-либо ресторана. Белецкий являлся туда вместе со своим помощником Виссарионовым, который записывал все, что сообщал Малиновский. Обыкновенно, как показы-

вал потом Белецкий, он задавал Малиновскому заранее заготовленные вопросы, тот отвечал на них, и тут же Белецкий давал распоряжения об обысках, арестах, высылках и т. д. При этом соблюдалась крайняя осторожность, чтобы не «провалить» Малиновского. Когда департамент полиции в феврале 1913 г. решил арестовать т. Е. Розмирович, по совету Малиновского этот арест был произведен в Киеве, чтобы на Малиновского не падало каких-либо подозрений. По его же настоянию, через месяц, когда выяснилось, что арест т. Розмирович все-таки возбудил в заграничном центре кое-какие подозрения, она была освобождена из тюрьмы [1].

Сведения, которые сообщал Малиновский, для полиции имели очень ценный характер, так как он был в курсе не только дел думской фракции, но и подпольной работы партии. В виде примера того, какой вред наносил Малиновский, можно указать на следующее. Он систематически держал департамент полиции в курсе всего, что происходило в редакции «Правды». Он не только сообщал о лицах, собраниях, происходивших в редакции, явках, но и осведомлял Белецкого о финансовом положении «Правды». Этим самым, по собственному признанию Белецкого, он давал полиции возможность наносить удары газете штрафами, конфискациями и т. п. в наиболее трудные для редакции моменты. Вместе с тем от Малиновского Белецкий узнавал фамилии всех вносивших деньги на поддержку «Правды», а также ее подписчиков. Эти списки служили для полиции руководящими указаниями для арестов и других репрессий. Таков вред, который приносил провокатор Малиновский только нашей газете.

Ораторские способности Малиновского делали его одним из наиболее часто выступавших членов фракции. Он хорошо владел ораторской техникой, владел жестом, свободно держался на трибуне. Но если внимательно разобраться в содержании его речей и в тех формулировках, которыми он пользовался, то легко убедиться, что все его речи носили гораздо более «приглаженный» характер, чем речи других членов нашей фракции. В то время как остальные рабочие депутаты сознательно обостряли свои выступления, гово-

[1] Окончательно расправилась полиция с т. Розмирович в апреле 1914 г., когда она вместе с Конкордией Самойловой и т. П. Куделли была арестована на редакционном собрании журнала «Работница», на квартире П. Куделли. Этот арест уже повлек за собой высылку.

рили напролом, Малиновский постоянно обходил наиболее острые места, стараясь как-нибудь замазать подлинно революционную постановку вопроса, принимал все меры, чтобы выхолостить речь, лишить ее того революционного содержания, которое партия считала обязательным и необходимым во всех думских выступлениях нашей фракции.

Если Малиновскому приходилось выступать на каких-либо открытых собраниях вне Думы, там для «обезвреживания» его речей применялся более простой способ. Присутствовавшие на собрании представители полиции, по указаниям своего начальства, урезывали речь Малиновского в заранее обусловленных с ним местах. Так было с выступлением Малиновского на съезде торгово-промышленных служащих в Москве, который в это время был значительным общественным явлением.

Предательская деятельность Малиновского во время пребывания в Думе была целиком связана с Петербургом, так как он по охранке был подчинен самому департаменту полиции. Но, как оказывается, он в этот период не порвал связи с московской охранкой. Во время своих наездов в Москву Малиновский давал различные сведения, разъяснял и «освещал» то, что нужно было московским охранникам, за что получал от них отдельную плату. Каждый его приезд в Москву имел результатом новые аресты революционных работников.

В Петербурге Малиновский сообщал Белецкому о заседаниях фракции, предположениях и планах депутатов, маршрутах их поездок и впечатлениях, которые они привозили с мест.

Предупрежденный Малиновским, департамент полиции давал распоряжения местным охранкам всячески мешать собраниям с участием членов нашей фракции. По требованию полиции Малиновский даже дал ей однажды на просмотр партийный архив фракции, из которого Белецкий сделал нужные для себя выписки. Белецкий в своих показаниях рассказывает также о передаче ему Малиновским транспорта нелегальной литературы, который был доставлен в Петербург. Правда, всю литературу Малиновский не решался отдать полиции, но все же значительное количество привезенной с таким трудом партийной литературы пропало.

Из боязни подвести провокатора под разоблачения охранка соблюдала некоторую осторожность в арестах тех партийных товарищей, которые соприкасались в Петербурге с

Малиновским. Однако, когда в Петербурге появились Свердлов и Сталин, департамент полиции потребовал от Малиновского, чтобы он их выдал для ареста.

Обстоятельства, сопровождавшие арест Свердлова, были следующие. Свердлов, только что бежавший из ссылки, скрывался у меня на квартире. За ним, очевидно по указаниям того же Малиновского, полиция установила слежку. Однажды ко мне явился дворник и, описав приметы Свердлова, спросил, не находится ли тот в моей квартире. Конечно я заявил, что никого постороннего у меня нет.

Во всяком случае скрываться у меня Свердлову было уже не безопасно. Мы решили в этот же день перевести его куда-нибудь в другое место. Условившись заранее со Свердловым, я и Малиновский вечером вышли на улицу, чтобы посмотреть, все ли безопасно. Кругом никого не было, мы зажгли папиросы — это был условленный сигнал. Свердлов ответил тоже условленным сигналом — потушил свет и опустил раму. Переждав несколько минут, он вышел на двор. Мы помогли ему перелезть через забор, затем он одолел еще забор дровяного склада и вышел на набережную, где ждал его заранее нанятый извозчик. Заехав к Малиновскому, Свердлов оттуда пробрался к Петровскому. В ту же ночь на квартире Петровского он был арестован. Оказывается, Малиновский, так «хлопотавший» о безопасности Свердлова, сообщил в охранку по телефону адрес нового убежища Свердлова.

В те же дни Малиновский выдал Сталина. Только что совершивший свой очередной побег из ссылки Сталин скрывался и не показывался на улице. Полиция с нетерпением ожидала первого случая, когда он выйдет на улицу. Случай этот скоро представился. В зале Калашниковской биржи устраивался концерт, сбор с которого должен был поступить на издание «Правды» и другие революционные цели. Такие концерты обычно в большом количестве посещались сочувствовавшей интеллигенцией и рабочими. Приходили туда и легально живущие партийцы, и даже нелегальные работники, в шуме толпы успевавшие встретиться и переговорить с кем надо. Сталин решил отправиться в здание Калашниковской биржи. Малиновскому это было известно, и он сообщил об этом в департамент полиции. На наших глазах Сталин был схвачен охранником в тот же вечер в одном из помещений биржи.

Аресты Свердлова и Сталина — два примера, до какой

степени предательства дошел Малиновский. Из рук в руки передал он полиции виднейших работников нашей партии, каждый побег которых из ссылки был сопряжен с невероятнейшими трудностями и с исключительным личным героизмом и мужеством.

Взаимоотношения Малиновского с другими членами нашей фракции с самого начала были неровными. Чрезвычайно тщеславный и честолюбивый, Малиновский очень часто при обсуждении, казалось бы, незначительных вопросов выходил из себя, нервничал, впадал в истерику. Со стороны членов фракции это его поведение встречало постоянный отпор. В результате у нас происходили частые трения и конфликты, которые не могли не нарушать правильного хода фракционной работы.

Одно из резких столкновений с Малиновским произошло во фракции за несколько дней перед его уходом из Думы. При обсуждении вопроса, как реагировать на исключение на 15 заседаний депутатов левых фракций, Малиновский настаивал на необходимости бросить Думу и обратиться к массам с призывом к немедленному революционному выступлению. Несомненно, что этот план Малиновского носил провокационный характер. Но надо думать, что, настаивая на такой форме реагирования против исключения левых депутатов, Малиновский одновременно подготовлял почву для своего ухода из Думы, так как к этому моменту, как оказывается, департамент полиции уже решил его убрать.

Зимой 1914 г. в министерстве внутренних дел произошли перемены. Товарищем министра, ведающим жандармерией и полицией, был назначен небезызвестный генерал Джунковский, бывший московский генерал-губернатор. Назначение Джунковского повлекло за собой перемены в составе департамента полиции. Был убран директор департамента Белецкий и его помощник Виссарионов. Взамен их Джунковский назначил своих людей. С уходом Белецкого положение Малиновского в охранке пошатнулось. Джунковский решил избавиться от Малиновского.

Сам Джунковский в своих показаниях объяснял, что он, мол, не считал возможным терпеть такое «безобразие», когда агент полиции состоит членом Государственной думы. Вряд ли этому объяснению можно поверить. Вернее всего, та деятельность Малиновского, которую он должен был волей-неволей вести как член фракции, все же представлялась опасной для полиции. С другой стороны, возможно,

здесь играли роль и обычные «ведомственные» соображения. Новое начальство, как это часто бывало, хотело скомпрометировать всю работу своих предшественников и показать вид, что оно устанавливает новый курс.

По распоряжению Джунковского начальник охранного отделения предложил Малиновскому выйти из состава членов Думы и немедленно уехать за границу. Перед отъездом он получил 6 тыс. руб., вроде, так сказать, выходного пособия.

В Думе единственный, кто знал истинные причины ухода Малиновского, был Родзянко. По словам Родзянко, дело обстояло следующим образом. Утром в день опубликования декларации вернувшихся после исключения левых депутатов к Родзянко кто-то позвонил по телефону и сообщил ему текст декларации, который левые фракции держали в секрете. Родзянко решил выяснить, в чем дело. Тогда Джунковский рассказал ему, что Малиновский — агент охранного отделения и что в департаменте полиции уже решено его убрать. Эти сведения Родзянко скрыл от Думы, не сказав об этом никому из депутатов. Таким образом причины ухода Малиновского долгое время так и оставались тайной.

После своего ухода из Думы и поездки за границу Малиновский совершенно пропал с горизонта. В начале войны он был мобилизован и вскоре же попал в германский плен. Оттуда он вернулся в Россию уже после революции. Он был обнаружен и арестован.

5 ноября 1918 г. в Москве над Малиновским состоялся суд Революционного трибунала. Многочисленные показания свидетелей, в том числе главных руководителей царской полиции (Белецкого, Виссарионова, Джунковского, Золотарева, Макарова и др.), а также целый ряд документов и личных расписок Малиновского, извлеченных из недр охранки, нарисовали отвратительную картину его предательства.

Жизнь Малиновского являлась сплошным клубком преступлений. Все свои способности, свой ум, волю провокатор использовал только для одной цели — как можно дороже продаться, как можно больше нанести вреда освободительному движению рабочего класса. Стараясь расшатать всю организацию в целом, Малиновский не гнушался мелкими предательствами, выдавая отдельных революционных работников, тех самых, с которыми он накануне сговаривался о работе партии.

На суде, где деятельность провокатора была освещена с достаточной полнотой, Малиновский конечно не мог отрицать своего преступления. Он избрал другой способ защиты. В своих показаниях и в речи перед трибуналом Малиновский пытался доказать, что он стал провокатором потому, что запутался в сетях охранки. Историю своей провокации Малиновский изображал как огромную личную трагедию, сопровождавшуюся мучениями и терзаниями совести, — как тупик, куда он был загнан и откуда у него не было никакого выхода. Но, тут же сбиваясь с этого положения, он признавался: «...на первое предложение я не мог согласиться, и не потому, что я почувствовал отвращение к этому предложению, — я этого не переживал, а просто я не хотел потому, что я не видел возможности справиться с той двойственной ролью, которую я должен был нести...» Когда же, как говорил на суде Малиновский, охранка пригрозила ему разоблачением его уголовного прошлого, он сразу согласился стать провокатором: «Тут уже для меня вопрос был решенный совершенно, тут уже я не колебался ни в чем, ни вопроса об угрызении совести у меня не было...»

Несмотря на позу искреннего самобичевания, которую занял Малиновский на суде, и тут, в самую решительную минуту своей жизни, он лгал. По показаниям руководителей московской охранки, которые вряд ли имели основания искажать истину, Малиновский сам при первом же допросе после ареста заявил, что желает дать откровенные показания начальнику охранного отделения. И, наконец, есть сведения, что еще за два-три года перед этим Малиновский добровольно совершил свой первый донос в петербургскую охранку.

Так же как и по вопросу о начале своего провокаторства Малиновский лгал на суде об обстоятельствах, заставивших его уйти из Государственной думы. Он доказывал, что ушел из Думы по собственному желанию, что, переживая величайшую личную трагедию, он добился от департамента полиции разрешения сойти со сцены, уйти одновременно и от политики и из охранки: «... Не буду говорить, как это было, это неважно, но важно, что я получил согласие Белецкого на уход... Джунковскому я категорически заявил, что мой уход из Думы был не по приказанию кого-нибудь, а потому, что создались условия, при которых я никоим образом не мог исполнить своих функций по целому ряду причин морального характера и по целому ряду других».

Нам известно, какие действительно причины заставили уйти Малиновского. Он не только не просил «освободить» его из охранки, а, наоборот, когда с приходом Джунковского его положение пошатнулось, Малиновский упрашивал уже ушедшего в отставку Белецкого помочь в восстановлении его связей с департаментом полиции.

Ложь в показаниях Малиновского была так же рассчитана, как вся занятая им перед судом поза искреннего раскаяния и признания тяжести совершенных им преступлений. Он сам говорил, что другого приговора, кроме высшей меры наказания, он не ждет. Но, говоря так, Малиновский несомненно думал, что этими словами он купит себе какое-то снисхождение. Несомненно, что и самое возвращение в Россию после революции объяснялось надеждой Малиновского на то, что добровольная явка как-нибудь спасет его от неминуемой участи. Это была последняя неудачная ставка авантюриста. Суд революции не мог простить его неизгладимых преступлений перед рабочим классом. Революционный трибунал приговорил Малиновского к расстрелу.

Малиновский был и останется в истории как один из самых крупных провокаторов и предателей. Для нас однако важны не столько сама преступная личность Малиновского, для которой нет никакого оправдания, сколько тот объективный вред, который он нанес делу революционной борьбы.

В деле Малиновского есть однако один момент, показывающий, что деятельность Малиновского имела и обратную, вредную для царского правительства сторону. В двойственной игре, которую вел Малиновский, вторая его роль — как члена большевистской фракции заставляла Малиновского выступать с думской трибуны с революционными речами, вести соответствующую агитацию и т. д. В тот период в каждый данный момент эта деятельность давала нужный для нас результат. Волей-неволей царское правительство лило воду на мельницу революции.

В своих собственноручно написанных показаниях по делу Малиновского В. И. Ленин следующим образом характеризовал положение, создавшееся для полиции в связи с провокаторством Малиновского [1]:

---

[1] Из показаний, написанных и подписанных собственноручно Лениным для чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Допрашивал Ленина следователь комиссии Н. А. Колоколов

«Ясно, что, проводя провокатора в Думу, устраняя для этого соперников большевизма и т. п., охранка руководилась грубым представлением о большевизме, я бы сказал — лубочной карикатурой на него: большевики-де будут «устраивать вооруженное восстание». Чтобы иметь в руках все нити этого подготовляемого восстания, стоило, с точки зрения охранки, пойти на все, чтобы провести Малиновского в Государственную думу и в ЦК.

А когда охранка добилась и того и другого, то оказалось, что Малиновский превратился в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связывавшей (и притом с разных сторон) нашу легальную базу с двумя крупнейшими органами воздействия партии на *массы*, именно с «Правдой» и с думской социал-демократической фракцией. Оба эти органа провокатор должен был охранять, чтобы оправдать себя перед нами.

Оба эти органа направлялись нами непосредственно, ибо я и Зиновьев писали в «Правду» *ежедневно*, а резолюции партии определяли *целиком* ее линию. Воздействие на 40 — 60 тыс. рабочих было таким образом обеспечено. Тоже и с думской фракцией, в которой особенно Муранов, Петровский, Бадаев работали все более независимо от Малиновского, расширяли *свои* связи, воздействовали *сами* на широкие слои рабочих.

Малиновский мог губить и губил ряд отдельных лиц. Роста партийной работы в смысле развития ее значения и влияния на *массы* на десятки и сотни тысяч (через стачки, усиливающиеся после апреля 1912 г.), этого роста он ни остановить, ни контролировать, ни «направлять» не мог. Я бы не удивился, если бы в охранке среди доводов за удаление Малиновского из Думы всплыл и такой довод, что Малиновский на деле оказался слишком связанным легальною «Правдой» и легальной фракцией депутатов, которые вели *революционную* работу в массах, чем это терпимо было для «них», для охранки».

Эта оценка объективной роли Малиновского не только не скрашивает, но еще больше клеймит личность предателя.

---

26 мая ст. ст. 1917 г. В начале протокола показания имеется надпись: «Владимир Ильич Ульянов, 47 лет, проживаю — редакция газеты «Правда», Мойка, 32». Воспроизведено с копии. Курсивом даны слова, подчеркнутые в рукописи. Печатается с разрешения Института В. И. Ленина при ЦК ВКП(б).

ГЛАВА XVIII

Забастовочное движение летом 1914 г.

Забастовка на Ижорском заводе. — Забастовочное движение в провинции. — Борьба бакинских рабочих. — Баку — военный лагерь. — Николай II посылает усмирителя. — Подготовка питерских рабочих к ответному выступлению. — Запрещение сборов в пользу бакинцев. — У министра внутренних дел Маклакова.

В середине июня 1914 г., после «благополучного» утверждения бюджета, Государственная дума была распущена на летние каникулы. Сессия Думы, оказавшаяся последней думской сессией перед войной, закрылась в обстановке чрезвычайно высокого подъема рабочего движения в стране.

После грандиозной первомайской забастовки, в середине мая в Петербурге была организована забастовка протеста против приговора над обуховскими рабочими. Первый разбор дела состоялся в ноябре 1913 г. и тогда уже вызвал стачки на петербургских фабриках. При вторичном разбирательстве в мае 1914 г. суд приговорил обуховцев за участие в забастовках к двухмесячному тюремному заключению. Ответом на этот приговор была новая забастовка, охватившая свыше 100 тыс. человек и прошедшая с не меньшим подъемом, чем первомайская. Следующая политическая стачка питерских рабочих была вызвана судом над адвокатами в связи с киевским делом Бейлиса и смертным приговором, вынесенным одному рабочему Трубочного завода за убийство начальника мастерской. В этой забастовке, прошедшей в первых числах июня, в Петербурге участвовало до 30 тыс. человек.

Рядом с политическими стачками на петербургских фабриках и заводах не прерывались экономические забастовки, которые в связи с революционным подъемом отличались особым упорством. Одной из наиболее упорных забастовок была стачка на принадлежавшем морскому ведомству Ижорском заводе. Забастовка началась с предъявления ряда экономических требований рабочими заводской электрической станции. Увольнение забастовавших вызвало стачку в других мастерских, предъявивших в свою очередь требования об увеличении расценок, восьмичасовом рабочем дне и т. д. Забастовка проходила под руководством Петер-

бургского комитета. По просьбе рабочих я приехал в Колпино, где было устроено собрание представителей бастующих. Собрание происходило в уединенном месте, на кладбище, и продолжалось до глубокой ночи. Решено было держаться как можно крепче.

Ввиду того что забастовка стала разрастаться, морское ведомство начало проявлять признаки беспокойства. В Колпино была вызвана сотня казаков, которые были размещены в ближайших к заводу бараках, для того чтобы они в любую минуту были готовы к «усмирению» рабочих.

В день появления казаков я снова приехал на завод для участия в собрании бастующих, устроенном под Колпиным. Вызов казачьей сотни был встречен рабочими с негодованием и возмущением. Настроение на собрании было очень приподнятое. Решено было, несмотря на увольнения рабочих и другие возможные репрессии, продолжать борьбу и настаивать на выполнении выставленных требований. При участии представителей наших партийных организаций были составлены агитационные листки, в которых перечислялись все требования ижорцев. Помимо чисто экономических в список требований был вставлен пункт об удалении начальника завода. Администрация, узнав о распространении листков, начала охоту за ними. Офицеры, начальники отделений завода, вырывали листки из рук рабочих. Само собой разумеется, это только подняло настроение бастующих, решивших упорно добиваться выполнения своих требований.

Забастовка на Ижорском заводе продолжалась три недели и закончилась обещанием администрации повысить расценки и рядом других уступок. Я остановился на забастовке ижорцев для иллюстрации того, как протекали экономические забастовки в этот период большого революционного подъема. Близкая связь и выступление рабочих под руководством большевистских партийных организаций, с одной стороны, и вызов администрацией вооруженных сил для расправы с бастующими, с другой, — чрезвычайно характерны для той обстановки, в которой происходила в это время экономическая борьба рабочего класса.

Но не только в ближайших к Петербургу районах рабочие усилили свою борьбу. Пример питерского пролетариата послужил толчком к чрезвычайному подъему рабочего движения во всей стране. Стачки, как политические, так и экономические, перекатывались из одного города в другой. Рабочие провинциальных городов проявляли небывалую

до тех пор организованность, огромное упорство в борьбе и большую революционную сознательность. Это накладывало отпечаток на экономические забастовки, которые хотя и были в основном связаны с определенными экономическими требованиями, но в значительной мере содержали и элементы политической борьбы.

С середины мая началась продолжительная и упорная забастовка текстильщиков Московского района. Движение началось в Костромской губернии, оттуда быстро перебросилось на текстильные фабрики соседних Владимирской и Московской губерний. Число бастовавших в одной только Костромской губернии достигло 50 тыс. человек, а по всему району — почти 100 тыс. Для текстильщиков, работавших на разбросанных и отдаленных друг от друга фабриках, это количество бастовавших было огромным. Основным требованием рабочих было повышение расценок, но рядом с этим был предъявлен целый ряд других требований, в том числе даже об устройстве библиотек и выписке «Правды», «Просвещения», [23]) «Вопросов страхования» [24]) и других газет и журналов.

Всеми имевшимися в нашем распоряжении средствами большевистская фракция поддерживала и направляла забастовку текстилей. После окончания думской сессии член фракции Шагов выехал в Костромскую губернию, откуда был избран, и, объезжая район забастовки, агитировал за необходимость усилить борьбу и не сдаваться на уговоры предпринимателей. Поездка Шагова протекала в обстановке, обычной для поездок всех рабочих депутатов. Полицейские и шпики следовали за ним по пятам, следили за каждым его движением, вламывались в дом, куда заходил Шагов, арестовывали всех, с кем он встречался и т. д.

Забастовка текстильщиков, продолжавшаяся в течение всей первой половины лета 1914 г., благодаря организованности и стойкости рабочих закончилась целиком рядом уступок, в том числе и повышением расценок, на которые вынуждены были пойти фабриканты. Рабочие правильно избрали время для своей борьбы, воспользовавшись близостью Нижегородской ярмарки, к которой фабриканты заготовляли товар.

В то время как текстильщики вели свою борьбу в Московском районе, — на далеком юге, в Баку, произошли события, имевшие огромные последствия для всего рабочего движения. Бакинская забастовка, отличавшаяся не только

особенной длительностью и стойкостью, но и совершенно исключительными мерами ее подавления со стороны предпринимателей и царского правительства, повлекла за собой историческое выступление питерских рабочих накануне самого объявления войны.

Забастовка рабочих бакинских нефтяных промыслов не была результатом стихийной вспышки, а подготовлялась в течение нескольких месяцев. Были организованы рабочие комиссии, от рабочих крупных фирм были избраны уполномоченные, которые вместе с партийными организациями заранее выработали требования, касавшиеся как оплаты труда на промыслах, так и разных других вопросов жизни рабочих.

Непосредственным поводом объявления забастовки было обнаружение нескольких случаев чумы в районе около самых нефтяных промыслов. Угроза страшной болезни вновь подняла вопрос об ужасающих жилищных условиях промысловых рабочих. По свидетельству видных ученых, обследовавших жилища бакинских рабочих, подобных условий им не приходилось видеть даже в Индии, постоянном рассаднике чумных заболеваний.

Вопрос об устройстве рабочих поселков поднимался перед этим уже неоднократно. Под влиянием прежних забастовок нефтепромышленники несколько раз обещали приступить к постройке благоустроенных квартир, но, как только движение рабочих несколько стихало, предприниматели немедленно забывали свои обещания.

Профессиональный союз промысловых рабочих, немедленно вслед за обнаружением чумных заболеваний в конце мая 1914 г., вновь поставил перед объединением предпринимателей вопрос о постройке жилищ. Совет съездов нефтепромышленников ответил отказом. В то же время среди рабочих были произведены аресты. Тогда рабочие одного из районов, а затем и других объявили забастовку, вскоре превратившуюся во всеобщую. В забастовке участвовало около 50 тыс. человек. Руководил забастовкой стачечный комитет, который выпускал прокламации, организовывал, собирал стачечный фонд и т. д. Стачечный комитет находился в тесной связи с партийными организациями. Рабочими был предъявлен длинный список требований, насчитывавший свыше 60 отдельных пунктов. Наиболее существенными из них были следующие: увеличение заработной платы, улучшение квартирных и продовольственных условий на

промыслах, допущение представителей от рабочих к участию в организации медицинской помощи, устройство поселков, отмена наградных, постройка народных домов, введение всеобщего обучения и т. д. На некоторых промыслах рабочие требовали также введения 8-часового рабочего дня и официального признания первомайского праздника.

Перечень этих требований, в которых нашли себе место такие, как всеобщее обучение и признание первомайского праздника, указывал на то, что забастовка имела и политический характер. Это являлось результатом значительного влияния наших партийных организаций. Из других пунктов обращало на себя внимание требование об отмене наградных. Уже один этот протест против унизительных подачек, при помощи которых предприниматель до тех пор держал в руках рабочие массы, свидетельствовал о большой сознательности бакинских рабочих. Несмотря на пестрый национальный состав (на промыслах работали русские, армяне персы, татары), вся масса бакинских рабочих единодушно объединилась для борьбы с предпринимателями.

На все требования рабочих нефтепромышленники ответили категорическим отказом. Предприниматели решили ни в чем не уступать рабочим и прибегнуть для борьбы с забастовкой к самым крайним мерам. Когда в указанный владельцами промыслов срок рабочие не прекратили забастовку, всем забастовавшим был объявлен расчет. Паспорта уволенных были переданы в полицию. Одновременно к рабочим было предъявлено требование об освобождении занятых ими квартир. Со скоропалительной быстротой суд удовлетворил многочисленные иски нефтепромышленников о выселении живших на промыслах рабочих. Промысловая администрация не останавливалась ни перед чем: вывозили из рабочих казарм кровати, ломали в квартирах печи, приостанавливали подачу электрического тока, даже накладывали пломбы на водопровод, лишая рабочие семьи воды.

Наравне с администрацией свирепствовала и полиция. Бакинский градоначальник превратил город в военный лагерь. Гарнизон Баку был усилен шестью сотнями казаков, вызванных для борьбы с «внутренним врагом». Профессиональный союз нефтепромышленных рабочих был разгромлен — все активные работники союза переарестованы. Арестовывали всех, кто подвернется; рабочие собрания разгонялись. В городе было объявлено военное положение: после 8 часов вечера было запрещено выходить на улицу.

В последних числах июня бакинскими рабочими была организована демонстрация, в которой участвовало около 20 тыс. человек. С плакатами, на которых были написаны требования рабочих, демонстрация двинулась к зданию совета съездов нефтепромышленников. Полиция не могла справиться с огромной толпой; тогда были вызваны казаки, окружившие и разогнавшие демонстрацию. Часть рабочих, свыше 100 человек, была загнана во двор, арестована и отправлена в центральную тюрьму. Вместе с забранными раньше число арестованных достигло нескольких сот. Не только камеры, но и тюремный двор были набиты до отказа. Аресты, высылки по этапу, выселения, лишение воды, света и топлива — все меры были пущены в ход предпринимателями вместе с полицией. Характерно, что градоначальник предупредил нефтепромышленников, что они не имеют права ни обсуждать, ни принимать требований неэкономического характера, как например учреждение заводских комиссий, празднование 1 мая, всеобщее обучение и т. п. По существу это предупреждение было лишним — предприниматели и не предполагали итти на какие-либо уступки рабочим.

По мере развития забастовки бакинские рабочие все больше и больше привлекали к себе внимание страны. Обе стороны, — предприниматели и царское правительство, с одной стороны, и рабочий класс, с другой — с напряженным вниманием следили за развернувшейся грандиозной борьбой. Недобор нефти, добыча которой прекратилась из-за забастовки, начал беспокоить ряд промышленных организаций и в первую очередь судовладельцев, перед которыми встала угроза приостановки движения судов.

Царское правительство решило, что меры, принимавшиеся местной бакинской властью, слишком слабы. Для борьбы со стачечниками, по особому распоряжению Николая II, в Баку был командирован с чрезвычайным полномочием товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский, выехавший туда вместе с директором департамента полиции.

С приездом Джунковского начались еще более сильные полицейские преследования. Джунковский ввел самые «строгие» порядки: запретив газетам печатать что-либо о стачке, ввел цензуру всех телеграмм, относившихся к забастовке, и приказал уведомлять его о всех денежных суммах, поступавших в Баку без определенного указания, а суммы, предназначавшиеся бастовавшим, конфисковывать и передавать в доход казны и т. п. Словом, Джунковский, достойный

начальник всей царской полиции и жандармии, «усмирял» и «расправлялся» направо и налево. Таково было отношение царского правительства, которое в союзе с нефтяными «королями» использовало самые крайние меры, чтобы подавить упорную стачку бакинских рабочих.

Эти меры не могли с своей стороны не возбудить негодования и возмущения среди рабочих других городов и в первую очередь питерских рабочих, выступивших на поддержку стойкой борьбы бакинцев. В то же время и сами бакинские рабочие обратились за помощью к своим товарищам из других городов. Естественно, что в первую очередь они обратились к думской фракции, уже неоднократно перед этим организовывавшей помощь бастовавшим рабочим. В Петербурге началась подготовка к выступлению на помощь бакинцам.

В донесении директору департамента полиции охранное отделение, конечно не без ошибок, но в общем более или менее правильно, так описывало подготовительную работу нашей партии по организации выступления питерских рабочих: «Момент возникновения наблюдаемого ныне стачечного движения среди бакинских нефтепромышленных рабочих совершенно случайно (?) совпал с усилением деятельности представителей революционного подполья, стремящихся ныне поднять настроение и наладить организационную работу в передовых рабочих кругах в связи с предстоящим осенью сего года заграничным международным социалистическим конгрессом. Учитывая в самом факте означенной забастовки наличность мотивов и поводов для соответствующей агитации и возбуждения волнений в распропагандированной части рабочих, представители социалистических партий поспешили использовать означенное обстоятельство для усиления своей организованной работы, столь необходимой им перед началом выборов делегатов на указанный конгресс».

Далее охранка переходит к описаниям методов агитационной работы: «...Помимо систематических и явно будирующих бюллетеней о ходе означенной стачки в местных легально издающихся социал-демократических органах печати, руководящими кругами революционного подполья был дан лозунг затрагивать и обсуждать вопрос о характере и значении бакинской забастовки на всех текущих собраниях и сходбищах рабочих, дабы указанием на невозможное положение трудящихся при существующем государствен-

ном строе повысить революционность настроения в рабочих кругах и тем самым еще боле заинтересовать конечными идеалами социалистического миросозерцания.

Усиленным агентурным наблюдением за последнее время выяснено, что наиболее серьезная работа в означенном направлении ведется преимущественно или лично остающимся в г. С.-Петербурге членом социал-демократической думской фракции Бадаевым или же близко к нему стоящими и им руководимыми отдельными партийными работниками.

Организуя загородные, под видом научных экскурсий, собрания рабочих, поименованный депутат Государственной думы и наблюдаемые в связи с ним лица систематически, освещая цели и задачи предстоящего социалистического конгресса, поднимая вопрос о бакинской стачке, агитировали за желательность солидарности между отдельными группами рабочих и указывали на крайнюю необходимость поддержания бастующих соответствующими мерами как морального, так равно и материального характера»[1].

Поддержка бакинских рабочих в первую очередь выразилась в многочисленных пожертвованиях, которые поступали в нашу фракцию. Денежные сборы проходили с большим подъемом. На ряде фабрик и заводов рабочие отчисляли определенную часть своего заработка. «Правда» регулярно печатала отчеты о поступлениях в пользу бакинцев и призывала в статьях и заметках еще больше усилить сборы. Призыв к усилению сбора пожертвований в пользу бастующих по существу был одной из форм революционной агитации. Это было ясно не только передовым рабочим, но и правительственным властям.

Когда революционное настроение в Петербурге стало нарастать, правительство сделало попытку лишить нас возможности продолжать сбор пожертвований в пользу бакинцев. Петербургский градоначальник издал «обязательное постановление», воспрещающее сбор денег «на цели, противные государственному порядку и общественному спокойствию, какими бы то ни было способами, в том числе и путем печати в виде объявлений, воззваний, открытием редакциями газет и журналов сборов денег на поддержание забастовщиков, в пользу ссыльных, на уплаты взысканий, наложенных судом или административной властью, и дру-

---

[1] Архив департамента полиции, особый отдел, 1914 г., дело № 307, лл. 330 — 332.

гих недозволенных сборов». За производство сборов на указанные цели градоначальник грозил штрафом до 500 руб. или арестом до 3 месяцев.

Оба градоначальника, бакинский и петербургский, действовали таким образом в полном согласии: там конфисковывались деньги, поступающие в адрес бастующих, здесь полиция накладывала свою руку на самые сборы. Помещая распоряжения петербургского градоначальника на видном месте, «Правда» сразу же под ним напечатала жирным шрифтом мой адрес и дни и часы приема, во время которого я принимал деньги в пользу бастующих. После запрещения градоначальника сборы не только не прекратились, а, наоборот, значительно усилились. Приказ полиции послужил как бы сигналом к еще большему усилению поддержки бакинских рабочих. Представители фабрик и заводов вереницей несли мне на квартиру отчисления рабочих в пользу бастующих. Через пару дней я телеграфом перевел в Баку очередную сумму, полторы тысячи рублей, собранных среди петербургских рабочих.

Вместе с тем я послал бакинцам следующую телеграмму, которая была опубликована в «Правде»:

«По поручению и от имени петербургского пролетариата шлю его горячий привет героическому пролетариату Баку, подающему пример единодушия и классовой стойкости. Петербургский пролетариат с чутким вниманием следит за вашей борьбой» [1].

В полученной редакцией ответной телеграмме бакинский стачечный комитет просил передать питерским рабочим свое товарищеское спасибо за моральную и материальную поддержку.

Кампания за поддержку бакинской забастовки с каждым днем разрасталась. Когда в Петербург дошли известия о выселениях, высылках и арестах бастующих, питерские рабочие уже не ограничивались одними денежными сборами. Бакинская забастовка вызвала новый подъем классовой солидарности, выразившийся в забастовках протеста.

Забастовки поддержки и протеста против преследований бакинских рабочих начались во второй половине июня. В течение первых двух недель движение носило сравнительно узкий характер, захватывая лишь отдельные предприятия. Все наши партийные организации вели в это время усилен-

---

[1] «Трудовая правда» № 32 от 4 июля 1914 г.

кую агитационную работу за расширение забастовочного движения и за подготовку к массовому выступлению.

Со своей стороны и охранка, видевшая приближение нового революционного взрыва, принимала «свои» меры. Начались усиленные аресты. Царское правительство, увидев, что революционное движение с каждым днем разрастается, решило перейти в наступление.

Начался поход на рабочие организации. В поисках «наиболее видных и активных агитаторов» охранка прежде всего обратила свое внимание на культурно-просветительные общества. Полицейскими было разгромлено общество «Образование», помещавшееся по Сампсониевскому проспекту на Выборгской стороне. В помещении общества было арестовано около 40 человек, преимущественно партийных работников. Полиция почти ежедневно «посещала» и все другие просветительные общества, проверяла присутствовавших, обыскивала, арестовывала.

После набега на «Образование» я потребовал приема у министра внутренних дел Маклакова. Попутно накопился ряд других дел — об арестованных, ссыльных, избиениях полицией и т. д., по которым меня просили переговорить в министерстве. Начальник канцелярии министерства уведомил меня, что Маклаков назначил прием на другой же день утром.

Дом министра на Фонтанке был окружен густой сетью явной и тайной полиции. Шпиками различных мастей и рангов были полны и все внутренние помещения, вплоть до самого министерского кабинета. Сквозь строй охранников, пытавшихся глазами прощупать мою фигуру, я прошел к Маклакову.

Маклаков, еще молодой царский сановник, ставленник царицы, старался оправдать выраженное ему «доверие». Он уже начал и готовил окончательный разгром рабочих организаций. Конечно Маклаков категорически отказался выпустить арестованных в Сампсониевском обществе, где, по его словам, была найдена нелегальная библиотека. По всем другим делам он отказался дать какой-либо ответ, заявив, что необходимо произвести предварительное расследование. Я все же настаивал на необходимости обуздать распоясавшуюся полицию. Маклаков перевел разговор на общие темы.

«Мы присягали и служим его величеству так же, как вы служите и исполняете свою присягу перед вашей пар-

тией, — сказал Маклаков. — Мы принимаем все меры и будем бороться с революционным движением».

Маклаков решил показать, что он прекрасно осведомлен о том, что делает наша организация.

«Я знаю, что вы ведете подпольную работу, печатаете и распространяете агитационные листки». С этими словами он открыл ящик своего письменного стола и вынул еще свеженькую, только что напечатанную прокламацию.

Черновик этой прокламации только дня за два до этого был составлен и редактировался группой партийных работников на моей квартире. Накануне ночью только она печаталась, и теперь, когда я был у Маклакова, по моим расчетам уже успели напечатать 10—12 тыс. экземпляров. Очевидно, готовясь к приему, Маклаков распорядился, чтобы охранка доставила ему какое-либо вещественное доказательство нашей подпольной работы. Он хотел продемонстрировать, что от полиции, мол, не скроешься, как ни крутись, охранке все известно. Прокламация была вероятно получена от провокатора Игнатьева, который имел некоторое отношение к выпуску листовки.

Не показав вида, что я узнал прокламацию, я решил, что больше у Маклакова мне делать нечего.

«Мы будем говорить с вами не в кабинете и не с трибуны, — сказал я, уходя. — Рабочий класс разрешит вопрос на улице, в борьбе лицом к лицу с существующим строем».

Несмотря на горделивые слова Маклакова, несмотря на мобилизацию всех сил полиции, приостановить развитие революционного движения правительство было не в силах. Через неделю борьба питерских рабочих действительно вылилась на улицу, приняв новые, небывалые размеры.

ГЛАВА XIX

Июль 1914 г.

Расстрел путиловских рабочих. — На заводе. — У Джунковского по делам путиловцев. — «Союз русского народа» требует крови. — Новые столкновения с полицией. — Баррикады на улицах Петербурга.

С первых чисел июля массовое движение на петербургских фабриках и заводах начало быстро расти. 1 июля забастовали рабочие заводов Лангезиппена, Трубочного, Лесснера, Эриксона, Сименса и Шуккерта, Айваза и

других более мелких. На митингах и собраниях перед оставлением работы принимались резолюции протеста против преследования рабочих: «Товарищи бакинцы, мы с вами», «Победа бакинцев — наша победа», — заявляли питерские рабочие. На ряде заводов рабочие, не объявляя забастовки, прекращали работы на час раньше и устраивали митинги, посвященные бакинским событиям и организации материальной поддержки бастующим. Митинг, устроенный путиловцами на дворе завода, собрал 12 тыс. человек. Но лишь только первый оратор произнес несколько слов, раздались крики: «Полиция!» Провокационными выкриками митинг был сорван, и путиловцы разошлись, не успев принять резолюции. Через день, 3 июля, путиловские рабочие снова собрались на митинг, посвященный бакинской забастовке. Митинг закончился событием, которое послужило поворотным пунктом в июльском выступлении петербургских рабочих.

На митинг путиловцы собрались за два часа до окончания работ. Сперва на двор вышли рабочие турбинной и башенной мастерских, затем к ним присоединились все остальные. Собралась вся дневная смена — около 12 тыс. человек. Два выступивших оратора обрисовали положение бакинских рабочих и призывали путиловцев к сборам в пользу бастующих и к объявлению однодневной забастовки протеста.

После окончания собрания рабочие подошли к воротам и потребовали, чтобы их открыли. Ворота открылись, но не для выхода рабочих, а для того, чтобы пропустить во двор отряд конной и пешей полиции, которая еще с утра была спрятана на территории завода. По распоряжению полицейских, ворота вслед за ними были снова закрыты наглухо.

Полиция потребовала, чтобы толпа разошлась. Но через закрытые ворота уйти рабочие, понятно, не могли. Тогда полицейские стали нажимать на рабочих и пустили в ход нагайки.

Рабочие запротестовали. В ответ полицией был дан залп. Кто-то крикнул: «На баррикады». Толпа бросилась на находившуюся во дворе вышку, отсюда в полицию полетели камни. Полицейские дали второй залп. Толпу охватила паника. Раздались стоны раненых. Полицейские начали выхватывать одного за другим и под конвоем отправляли в участок.

Выстрелами полицейских около 50 человек было ранено, двое, по сообщениям рабочих, было убито. Кроме того

около ста путиловцев было арестовано и отправлено в ближайший участок.

О расстреле путиловцев мне сообщили по телефону. Я немедленно поехал на завод. В толпе рабочих около завода мне рассказали о залпах, произведенных полицией, об избиении шашками и нагайками, о ранениях и арестах. Однако точных сведений о количестве раненых ни у кого не было. Как всегда в таких случаях массовой паники, в толпе ходили самые разноречивые слухи. Зато единодушно было глубочайшее возмущение расстрелом безоружной толпы.

За точными сведениями я решил обратиться к администрации завода. Боясь ответственности, администрация постаралась уклониться от разговоров. В заводской больнице перепуганный фельдшер заявил мне, что он ничего не видел и ничего не знает. Ни раненых, ни убитых, по его словам, в больницу не привозили. После повторных опросов рабочих на заводе мне все же удалось восстановить всю картину расстрела и узнать число жертв.

Оставалось узнать о судьбе арестованных. С завода я отправился в Петергофский участок. Человек десять полицейских офицеров в полном боевом вооружении, в портупеях, с кобурами наружу, толпились в комнате пристава. Я обратился к приставу с рядом вопросов: кто распорядился стрелять в безоружных рабочих, сколько убито, кто и за что арестован? Я требовал, чтобы мне немедленно ответили.

Удивленный моей настойчивостью, пристав начал спорить: он не обязан отвечать какому-то неизвестному человеку, никто не имеет права вмешиваться в действия полиции. Мне пришлось назвать себя и показать депутатскую карточку. Это вызвало растерянность среди полицейских, не знавших как поступить. Пристав позвонил градоначальнику, от которого получил категорическое распоряжение никаких сведений мне не давать.

Полицейские начали вытеснять меня из участка. Окружив меня плотным кольцом, они прервали мой разговор с находившимися рядом арестованными.

Комната, где находились арестованные, была битком набита. Рассадить их по камерам еще не успели. Вся обстановка говорила за то, что арестованные были жестоко избиты. Часть их лежала на скамьях, не имея сил ни стоять, ни сидеть. Других городовые отливали водой.

Стоны и страдания арестованных, грубые выражения лиц

полицейских, заполнявших весь заводской район и на каждом шагу старавшихся показать, что они господа положения, паника и сильное возмущение рабочих, — под такими впечатлениями я отправился в «Правду» на обычное ночное дежурство в редакции.

Я рассказал обо всем мною виденном и слышанном. Это было уже поздно вечером. Наскоро составили сообщение для газеты. Сведения о расстреле сообщили также ликвидаторской газете и редакции «Дня», который печатался в той же типографии.

На другой день «Правда» вышла с подробным сообщением о расстреле, помещенным вместо передовой. В краткой заметке редакция разъясняла смысл событий.

Еще ночью из редакции «Правды» я по телеграфу обратился к министру внутренних дел с требованием назначить мне прием для переговоров о путиловских событиях. Маклакова не было в городе, и вместо него управлял министерством товарищ министра, шеф жандармов генерал Джунковский. Джунковский прислал ко мне на квартиру своего чиновника с сообщением, что примет меня утром (в 7 или 8 часов) у себя на дому.

На несколько минут позже назначенного срока я на другой день явился на Сергиевскую к Джунковскому.

«Я опоздал, — начал я разговор, — потому что всю ночь отбивал «Трудовую правду» от ваших налетчиков».

Такое извинение сразу привело генерала в нервное состояние.

«Конечно вам некогда, вы ездите по заводам, подстрекаете рабочих к забастовке. Удивляюсь, как вас допустили на Путиловский завод. Вы — депутат Государственной думы, ваше дело заседать, для этого вы и выбраны. А вы вместо того ходите по заводам, разводите смуту, выпускаете прокламации, издаете газету, которая с раннего утра занимается подстрекательством. — Он указал на свеженький номер «Трудовой правды», уже лежащий на его столе. — Я распорядился, — продолжал Джунковский, — образовать специальную комиссию для привлечения в срочном порядке к суду вас и вашей газеты».

«Меня уже не первый раз привлекают по разным статьям, вы на эти дела способны. Я пришел не за тем. Скажите, какое право имела полиция расстреливать путиловцев? Ваш ответ я передам рабочим петербургских фабрик и заводов».

«Никаких выстрелов там не было. Полиция дала только два холостых залпа».

Джунковский встал, я тоже. Мы стояли друг против друга, как будто готовые к немедленной схватке.

«Мы не допустим, чтобы рабочие избивали булыжниками полицейских, которые имеют винтовки и шашки. Полиция будет стрелять и впредь в таких случаях. Для этого она и вооружена».

«Другого ответа от наших министров никто и не ждал. Я его знал заранее и передам на фабрики и заводы. Запретить мне туда ездить вы не можете.

Депутат от рабочих в то время, когда в участках водой отливают избитых, никогда не ограничится одними разговорами в Думе».

Я резко оборвал разговор и вышел от шефа царских расстрельщиков.

Мой разговор с Джунковским был опубликован в «Правде». Газету конфисковали. В следующем номере «Правда» его опять напечатала. Рабочие должны были знать, что выстрелы на Путиловском заводе были не случайные, что это система, от которой царское правительство не отступит ни на шаг.

Сообщение о расстреле путиловцев произвело потрясающее впечатление на всю массу питерских рабочих. По силе того возмущения и негодования, которое охватило рабочих, весть о расправе на Путиловском заводе могла сравниться лишь с сообщением о ленском расстреле. Охранка, видевшая в каждом выступлении лишь результат «преступной агитации», в своем докладе департаменту полиции сообщала, что «появление статей и заметок о расстреле путиловцев в рабочей печати произвело на рабочую массу исключительное по силе и результатам впечатление»[1].

Полиция бросилась тушить разгорающийся пожар. Номера «Правды» с сообщениями о расстреле, без всякого постановления о конфискации газеты, отбирались полицейскими у всех газетчиков. Газету отбирали не только на улице. В Нарвском районе были произведены обыски на квартирах всех проживавших там газетчиков. Полиция забирала каждый номер «Правды», который попадался ей на глаза.

Черносотенцы всех мастей, почуя опасность, требовали

---

[1] Архив департамента полиции, особый отдел, 1914 г., дело № 307, лл. 344 — 348.

жестокой расправы. Они призывали полицейский сапог выполнить до конца свой долг перед царем и отечеством и немедленно затоптать разгоравшееся революционное движение. Газета Союза русского народа «Русское знамя» истерически требовала крови.

«...4 июля, — писали дубровинцы, — вышел № 32 бунтарской газеты «Трудовая правда», издание некоего Герб. Там в статье «Расстрел»... заведомо ложно сообщается, что полиция стреляла в путиловцев и убила 4 человека. Этот листок пошел по рукам путиловцев, и конечно ложное сообщение, что убито 4 человека, было доверчивыми путиловцами принято на-веру как истинная правда, и они, простаки, были уловлены на эту удочку, как глупые караси. Добродушно поверив, что убито 4 человека, путиловцы совершенно потеряли голову, послушались голоса изменников царю и родине и пошли по пути, который ведет сперва к измене, а затем к виселице. Там же в статье «Приветствие бастующим в Баку» узнаем, что по поручению и от имени петербургского пролетариата Бадаев шлет горячий привет героическому пролетариату в Баку, подающему пример единодушия и классовой стойкости, и сообщает, что петербургский пролетариат с чутким вниманием следит за их борьбой. Этот призыв к бунту подписал депутат Бадаев. Таким образом ясно, что депутат Бадаев является руководителем бунтов рабочих, а в том числе и путиловцев, подстрекает к бунту рабочих в Баку. Он, этот изменник, нагло клевещет на путиловцев и сознательно подводит их и рабочих под обух, расстрел. И это делается в то время, когда в Баку послан по высочайшему повелению генерал, чтобы умиротворить рабочих. После этого мы вправе крикнуть: «Бадаева на виселицу!» Итак г. Бадаев как глава петербургского пролетариата, грозит решительным и дружным бунтарским выступлением всех рабочих. Это значит, что по мановению руки Бадаева, когда ему будет угодно (время он не назначил), например в случае мобилизации или войны, он поднимет все рабочее глупое стадо, натравит его на мирных обывателей, и по всей России польется кровь во взаимной братоубийственной резне, он предъявит счет реакции (понимай — самодержавию) и осветит Россию повсеместными иллюминациями. Видимо г. Бадаеву мешают спать лавры Разина и Пугача. Полагаем, что правительству нечего ожидать жеста Бадаева, а следует расширить действие военного положения на все градоначальство и для успокоения взвол-

нововавшегося, благодаря подстрекательству Бадаева, петербургского пролетариата приказать по законам военного времени отвести первым Бадаева на виселицу»[1].

Статья прямо и откровенно так и была озаглавлена: «Бадаева на виселицу». Черносотенцы по обыкновению полагали, что достаточно уничтожить пару «подстрекателей», как рабочие превратятся в послушных сынов «царя и отечества».

Не забастовки протеста, а забастовки возмущения охватили на другой же день после расстрела путиловцев все фабрики и заводы Петербурга. С утра забастовали 90 тыс. человек. «Выслушав сообщение о новой пролитой крови, — заявляли в своей резолюции рабочие завода Винклер, — мы решили не приступать к работе, а на новый вызов ответить стачкой. Нет слов негодования. Дальше терпеть нет сил...» Около ста подобных резолюций было напечатано в вышедшем на другой день номере «Правды». С раннего утра улицы во всех рабочих районах были полны толпами демонстрантов. Бросая работу, рабочие с красными флагами и пением революционных песен обходили соседние заводы, призывая товарищей присоединиться к забастовке. Толпы рабочих росли, как снежный ком. Демонстрации разрастались в огромные единодушные выступления целых районов.

Особенно бурно прошли демонстрации в Московском районе. К 10 часам утра все фабрики и заводы Московского района приостановили работу. Вся масса рабочих находилась на улицах. По требованию рабочих были закрыты все трактиры и казенки. Магазины и лавки позакрывались сами, так как приказчики бросали прилавки и присоединялись к демонстрантам. В середине дня образовалась новая огромная толпа, которая направилась к Путиловскому заводу. Шли с революционными песнями. Во главе демонстрации развевался красный флаг. На Путиловской ветке толпу встретил отряд полиции. По демонстрантам было дано несколько залпов. Но только толпа не расходилась. Вновь были пущены в ход камни. Между полицией и демонстрантами произошли схватки, продолжавшиеся 15 минут. Полицейские бросились бежать, по дороге отстреливаясь последними сохранившимися у них патронами. Несколько полицейских вместе со своими офицерами спрятались в бли-

---

[1] «Русское знамя» № 161.

жайший дом. Из демонстрантов четверо рабочих было тяжело ранены. С места побоищ их отправили в Обуховскую больницу. В тот же день вечером я видел раненых в больнице. Положение двух из них было очень тяжелым.

Другое крупное столкновение произошло в этот день на Выборгской стороне. Большая толпа рабочих во главе с айвазовцами направилась по Сампсониевскому проспекту в город. Около завода «Новый Лесснер» демонстрантам преградил дорогу отряд полиции, который был встречен камнями. И здесь раздались выстрелы, к счастью никого не ранившие. Толпа была оттеснена в переулки.

Мелкие стычки и столкновения с полицией происходили в течение всего дня во всех районах города.

Поздно вечером в тот же день Петербургский комитет партии обсуждал дальнейший план действий. Нашей задачей было оформить и соединить пока еще разрозненные выступления рабочих и превратить их в единое мощное движение. Решено было продолжить массовую забастовку еще на три дня и организовать новые уличные выступления в первую очередь в районе Выборгской стороны. Уличная демонстрация намечалась на 7 июля, в день приезда в Петербург президента Французской республики Пуанкаре. Если раньше партия обращалась с призывом выступить на поддержку бакинской забастовки, то теперь основным лозунгом движения был выдвинут протест против расстрелов рабочих в Петербурге. В этом духе была составлена и выпущена от имени ЦК прокламация. Для установления общего плана действий и информации представителей заводов решено было устроить собрание за городом по Ириновской железной дороге на станции Пороховые. Представителям заводских ячеек был сообщен пароль, по которому патрульные будут показывать, как пройти в лес к месту собрания.

5 июля в Петербурге повторились те же картины, что и накануне. К забастовке присоединился целый ряд новых заводов. В разных районах города снова имели место демонстрации и столкновения с полицией. Выстрелов в этот день не было, зато полиция широко пользовалась холодным оружием — шашками и нагайками.

6 июля приходилось на воскресенье. В этот день больших выступлений не было. В рабочих районах шла интенсивная подготовка к следующему дню, когда было назначено массовое выступление питерских рабочих.

С утра 7 июля город принял облик, напоминавший дни 1905 г. За очень незначительными исключениями все фабрики и заводы стояли. Бастовало 130 тыс. человек. Широкой волной рабочее движение вылилось на улицы. Полиция не в силах была сдержать толпы демонстрантов, которые, минуя и сметая полицейские заставы, двигались по улицам. Единственно, что сделала полиция, — это не допустила демонстрации на Невский. Из боязни «конфуза» перед французским президентом полицейские в огромной массе охраняли центр города, отражая и не допуская туда рабочие демонстрации.

Выступление 7 июля уже не ограничивалось одними демострациями. Рабочие прекращали нормальный ход уличного движения. Уже первые трамваи, вышедшие ранним утром из выборгского трамвайного парка, были остановлены рабочими демонстрациями. У вагоноважатых отбирались ключи и ручки от машин. Пассажиров высаживали. В середине дня трамвайное движение было восстановлено, но часа через два рабочие снова остановили вагоны. Так же как и в Выборгском, трамвайное движение приостанавливалось и в других районах. Некоторые группы рабочих, не догадываясь отобрать ключи от мотора, выбивали стекла в трамвайных вагонах. Рабочие заполняли остановленные вагоны и не позволяли включать ток. Со второй половины дня к общей забастовке присоединился один из трамвайных парков. Таким образом движение трамваев в городе еще больше сократилось.

Во многих местах рабочими были закрыты все лавки и магазины; этому способствовали отчасти работники прилавка, бросавшие работу и присоединявшиеся к демонстрациям. В первую очередь рабочие закрывали все казенки, трактиры и пивные. Еще в субботу вечером в Выборгском районе происходили следующие картины: группа работниц — человек около 50 — обходила все трактиры и пивные, разливала поданое на стол пиво, разбивала бутылки водки и заставляла владельцев закрыть двери. В некоторых местах сидельцы казенок отказывались подчиняться толпе, — тогда их выгоняли насильно. Буржуазные газеты впоследствии с крайним удивлением писали об абсолютной трезвости, которая царствовала в эти дни в рабочих районах.

Полиция, наученная опытом предыдущих дней, не рисковала на этот раз прибегнуть к огнестрельному оружию. Однако, когда рабочие шли врассыпную, полицейские на-

брасывались на отдельных рабочих, били нагайками и шашками и тащили в участок. В свою очередь рабочие бросались отбивать арестованных и нередко жестоко избивали полицейских. Толпа, вышедшая на улицу, полиции уже не боялась. Схватки врукопашную, избиение полицейских камнями в эти дни были рядовым явлением.

Весь день 7 июля прошел в революционных выступлениях питерских рабочих. На царское правительство это выступление произвело угрожающее впечатление. Вечером состоялось экстренное совещание петербургского градоначальника с министром внутренних дел Маклаковым. Решено было прибегнуть к крутым мерам. На другой день градоначальник напечатал обращение к населению с предупреждением, что для прекращения беспорядков будут приняты самые крайние меры. Словом, вновь повторялся знаменитый треповский приказ 1905 г.: «Патронов не жалеть».

Несмотря на все эти меры, движение не только не сокращалось, но с каждым днем все больше и больше нарастало. Последующие дни с 8 по 12 июля были наиболее бурными. Число бастующих в эти дни все время держалось на уровне около 150 тыс. человек. 9 июля на улицах Петербурга появились баррикады. Для баррикад служили остановленные трамвайные вагоны, бочки, столбы. Все это оплеталось проволокой. Большая часть баррикад была устроена на Выборгской стороне — на углу Сампсониевского проспекта и Башенного, Флюгова и Муринского, на углу Парголовской и Муринского, Сердобольской и Языкова и в других районах пересечения улиц. В Василеостровском районе баррикады из бочек были построены на Большом проспекте. По Сестрорецкой дороге баррикадой было приостановлено движение поездов.

Июльское движение 1914 г. было приостановлено объявлением войны. Правда, забастовки прекратились за два дня до объявления войны, 17 июля. Но уже к этому дню город жил в атмосфере назревающего военного кризиса. Еще за неделю до объявления войны в Петербурге начались патриотические демонстрации. При такой обстановке полиции было уже легче расправляться с выступлениями рабочих. В то же время фабриканты и заводчики, сперва было объявившие локауты, которые в свою очередь повысили революционное настроение рабочих, теперь, в связи с перспективами военных заказов, пошли на уступки.

Вполне возможно, что и при нормальных обстоятельствах

июльское выступление не было бы еще девятым валом. Но во всяком случае, если бы не война, окончательный штурм царизма был бы следующим, очень быстро наступившим после июля этапом. Война отсрочила этот штурм почти на $2^{1}/_{2}$ года. Июль 1914 г. и февраль 1917 г., разделенные между собой годами войны, непосредственно смыкаются в общей цепи революционного движения.

ГЛАВА XX

«Правда»

Роль «Правды» в революционном движении. — «Правда» и думская фракция. — В ежедневной борьбе с полицией. — Запрос о «Правде» в Государственной думе. — Разгром «Правды».

В развитии революционного движения перед войной «Правда» сыграла исключительную по своему значению роль. С первых же дней своего существования «Правда» стала одним из основных рычагов нашей партии. Не только редакция и группа работников, участвовавших в руководстве газетой, но и каждый распространяющий «Правду», каждый ее читатель фактически становился организатором рабочих масс. Революционный рабочий считал своим обязательным долгом ежедневно читать свою большевистскую газету, во что бы то ни стало доставая ее, каких бы трудностей это ему ни стоило. Каждый номер «Правды», переходя из рук в руки, обслуживал десятки читателей, формулировал их классовое сознание, воспитывал, организовывал, — словом, делал свое большое революционное дело.

Успех «Правды» среди рабочих масс объяснялся ее твердой большевистской линией, тем, что она, в противовес оппортунистической ликвидаторской печати («Луч» и другие газеты), ставила вопросы не вкось, а впрямь. В то время как тираж «Луча» в момент наибольшего распространения ликвидаторской газеты не превышал 15 — 16 тыс., «Правда» расходилась в среднем по 40 тыс. экземпляров в день. Три четверти всех подписчиков рабочей печати падало на большевистскую газету. Такое же соотношение было и в сборах на издание газеты. «Правда», созданная на средства самих рабочих, все время поддерживалась рабочей массой, тогда как ликвидаторы издавали свою газету главным образом на крупные пожертвования отдельных лиц, сочувство-

вавших меньшевикам. В 1913 г. в «Правду» поступило от рабочих групп 2 180 взносов, а в «Луч» — в три с половиной раза меньше — 660. В следующем году (до мая) «Правда» получила 2 873 взноса, «Луч» — 671. И по числу корреспонденций, писем в редакцию, посетителей «Правда» далеко обгоняла меньшевистскую печать.

На каждое политическое событие, на каждую победу или поражение рабочего класса рабочие откликались присылкой в «Правду» писем, приветствий, резолюций, отчетов и т. д. Четыре страницы газеты, даже увеличенного впоследствии формата, не могли вместить этого потока рабочей корреспонденции. Некоторым приходилось подолгу ждать очереди. Многие корреспонденции не могли быть напечатаны и по цензурным условиям. Рабочие в резкой форме выражали свое отношение к царскому строю и высказывали свою готовность к революционной борьбе. Выходящая легально газета не все могла напечатать. В тех случаях, когда редакция все же помещала рабочие корреспонденции, газета неизменно попадала под штраф или конфискацию. Это было настолько обычным явлением, что, присылая свою корреспонденцию, рабочие заранее писали: «В случае, если газета будет конфискована, просим наше сообщение напечатать еще раз в следующем номере».

«Правда» была связана с рабочими массами не только путем писем и корреспонденций. Огромную роль играла живая связь газеты с многочисленными и постоянными посетителями редакции. Правдистская редакция была одним из важных узлов организационной работы партии. Здесь устраивались встречи с представителями местных партийных ячеек, сюда стекалась вся информация о работе на фабриках и заводах, отсюда передавались директивы, явки и т. д.

Царская охранка прекрасно понимала, каким опасным врагом является большевистская «Правда». Только благодаря непрерывно нараставшим революционным настроениям среди питерских рабочих царское правительство в течение более чем двух лет не решалось окончательно расправиться с рабочей газетой. Зато оно самыми разнообразными полицейскими приемами ежедневно кололо газету, стараясь, так сказать, измором взять эту завоеванную рабочими крепость.

Существование «Правды» было полно непрерывной борьбой за каждый день газеты, за каждую строчку, вышедшую из-под печатного станка. Аресты, штрафы, конфискации,

весь набор полицейско-жандармских скорпионов градом сыпались на «Правду», не давая газете ни отдыха, ни срока.

Партия создавала свою газету с огромным трудом, при чудовищно трудных условиях. Центральный комитет придавал исключительное значение газете и считал ее одной из главных частей революционной работы. На группу товарищей, которые непосредственно работали в «Правде», Центральным комитетом возлагались тяжелые и значительные по своей важности задачи. Большая роль в укреплении и поддержке «Правды» падала и на думскую фракцию большевиков.

Наша фракция в Государственной думе и «Правда» были тесно переплетены между собой, составляли единое целое. Только при помощи газеты мы, члены думской фракции, могли выполнить те задачи, которые ставили перед нами партия и революционное движение. Думой мы пользовались как трибуной, откуда через головы всяких парламентариев можно было говорить с широкими массами рабочих. Но думская трибуна могла быть использована только при наличии своей рабочей печати. Так называемые либеральные газеты уделяли нашим речам всего две-три строчки, а то и совсем их замалчивали. Если бы не существовало рабочей большевистской газеты, наши речи так бы и застревали в четырех стенах Таврического дворца.

Этим не ограничивалась помощь, которую оказывала «Правда» нашей думской деятельности. В редакции мы общались с представителями петербургских фабрик и заводов, обсуждали с ними различные вопросы, совещались, получали от них информацию; словом, «Правда», вокруг которой собирался актив революционных рабочих, служила постоянным источником, питающим работу фракции.

С самого начала существования фракции работу по газете она поставила своей первоочередной задачей. Эту же обязанность возлагал на фракцию и Центральный комитет. Сразу же после открытия IV Думы большевистская шестерка опубликовала в «Правде» заявление с призывом к рабочим о поддержке газеты: «В полной уверенности, что «Правда» выполнит возложенную на нее моментом задачу — сплочения передовых сил пролетариата, мы приглашаем вас, товарищи, поддерживать «Правду», распространять ее, снабжать материалом. Конечно «Правда» не лишена недостатков, как и всякое новое дело, еще не успевшее окрепнуть. Но

единственное верное средство против этого — дружная и неустанная поддержка газеты».[1]

Согласно решению партии на меня были возложены обязанности по изданию газеты.

«Рабочий депутат и рабочая газета служат одному и тому же делу, — писал я в обращении к питерским рабочим. Между рабочим депутатом и рабочей газетой данного города всегда должна быть самая тесная связь. Вот почему, товарищи, я счел своим долгом принять самое деятельное участие в деле издания нашей рабочей газеты «Правда». Товарищи! Мы, рабочие, сами, своими усилиями при помощи своих рабочих грошей, создали нашу первую ежедневную рабочую газету в России — «Правду». Мы, петербургские рабочие, шли в этом деле в первых рядах. Но мало создать газету, надо еще ее укрепить, упрочить, поставить на собственные ноги, а для этого впереди еще много и много работы... Каждый рабочий должен стать постоянным подписчиком своей газеты, каждый подписчик должен заботиться о привлечении других постоянных подписчиков. Надо делать постоянные сборы на «Правду», надо требовать «Правду» всюду и везде и распространять ее, как можно шире... Дружнее же за работу для нашей «Правды», товарищи. Исполним все свой долг перед газетой, служащей рабочему делу»[2].

Агитация за газету, призывы к ее поддержке, изыскание денежных средств — были только частью моих обязанностей по изданию «Правды». Наибольшее количество и времени и сил надо было тратить на борьбу против бесконечно сыпавшихся на газету репрессий. Чуть ли не каждый день приходилось хлопотать и бороться против очередной конфискации «Правды», прибегать к самым различным приемам и уловкам, чтобы номер газеты дошел до своих читателей.

Формальный порядок выпуска газеты был таков: экземпляр напечатанной газеты посылался для просмотра из типографии в «комитет по делам печати» и одновременно же выпускался в продажу. Обычно комитет немедленно накладывал на газету арест и сейчас же отдавал распоряжение заранее готовой полиции о конфискации сегодняшнего номера. Пока газета пересылалась с Ивановской, где была типография, на Моховую в комитет, проходил некоторый, очень короткий срок. Вот этим-то сроком и приходилось пользоваться, что-

[1] «Правда» № 190 от 11 декабря 1912 г.
[2] «Правда» № 5 (209) от 6 января 1913 г.

бы выпустить напечатанную газету со двора типографии. В ожидании «Правды», обыкновенно еще засветло, собирались на дворе типографии представители фабрик и заводов и, занимая наиболее выходные стратегические пункты, готовились юркнуть на улицу со свежей пачкой газет.

Несколько позже полиция разгадала нашу уловку и уже с вечера весь прилегающий к редакции район ежедневно кишел армией шпиков, а двор типографии и соседние переулки нередко набивались отрядами конных и пеших полицейских. Чиновники из комитета печати, нарушая существовавший закон, приходили накладывать арест на газету тут же, у печатной машины. Тогда правдисты начали прятать пачки отпечатанных газет во всех углах, на лестнице, чердаке, — словом, где придется, чтобы после ухода полиции, вынести хоть несколько экземпляров газеты на улицу.

Спорить с полицией, с нарушителями закона из комитета печати, требовать соблюдения хотя бы внешних формальных приличий — к этому сводились постоянные хлопоты о «Правде». Пресловутая депутатская неприкосновенность, которой я был наделен как член Государственной думы, несколько облегчала эти трудности для газеты. Но разумеется, она нисколько не страховала ни меня, ни моих товарищей по фракции от полицейских и судебных преследований. Одно дело за другими накапливали против нас судебные следователи, и когда соотношение сил в борьбе рабочих с царским правительством казалось им выгодным, они предъявляли свой счет ко взысканию. За газету я привлекался несколько раз по 1034, 129 и другим статьям. Арестовать рабочих депутатов правительство пока еще не решалось, но зато оно возбуждало дело, чтобы попытаться запутать в него других, более досягаемых людей.

«Кто редактирует газету «Правда»? Кто сотрудники газеты?» — допрашивал меня «особо важный» следователь.

«Фамилия редактора напечатана в каждом номере газеты, а сотрудничают в ней тысячи петербургских рабочих», — получал стереотипный ответ судебный чиновник.

В мае 1913 г. «Правда» была закрыта, а через несколько дней вышла под новым названием «Правда труда». К этой всем ясной маскировке приходилось прибегать и дальше. У редакции был запас заранее приготовленных разрешений на новые газеты, в названиях которых неизменно сохранялось слово «Правда»: «За правду», «Пролетарская правда», «Северная правда», «Путь правды» — все эти названия следо-

вали одно за другим. Еще быстрее сменялись фамилии редакторов и издателей газеты, и каждый из них после одной-двух недель подписывания газеты на несколько месяцев садился в тюрьму. Охранка долго не задумывалась перед закрытием «Правды», но и наш правдистский аппарат настолько наладился, что петербургские рабочие почти ни одного дня не оставались без своей большевистской газеты.

В издании газеты встречалось бесконечное количество всяких трудностей. Не последнюю роль среди них играли и вопросы материальные. «Правда» издавалась преимущественно на средства, собранные среди самих рабочих. На всех заводах и фабриках Петербурга регулярно производились сборы на издание газеты. Некоторую материальную поддержку получали мы иногда и от отдельных лиц, близких к революционному движению рабочих, в том числе и от Максима Горького, который всегда чем мог помогал нашей партии. Алексей Максимович был неизменным сотрудником всех большевистских изданий. Своим участием и авторитетом он не только оказывал моральную поддержку «Правде», но и принимал все меры, чтобы добыть необходимые для газеты средства.

По возвращении из эмиграции Горький жил в Финляндии, недалеко от Петербурга. Сюда летом 1913 г. я поехал к Алексею Максимовичу. Чтобы не «провалить» Горького и не подвести его под новые полицейские преследования, надо было соблюдать крайнюю осторожность. К Горькому я отправился по поручению наших партийных центров. Нужна была его помощь и содействие не только по газете, но и по целому ряду других вопросов партийной работы.

Когда мы покончили с деловой частью разговора, Горький забросал меня вопросами о жизни партии, о состоянии революционного движения, о подпольной работе, о деятельности нашей думской фракции, о внедумской работе депутатов-большевиков и т. п. С огромным вниманием он расспрашивал и об общем положении революционной борьбы и об отдельных деталях. Но особенно настойчивый и живой интерес Горький проявлял к тому, что делалось на фабриках и заводах, в гуще рабочей жизни. Я не успевал отвечать на все новые и новые его вопросы. На обращенную к нему просьбу Горький откликнулся чрезвычайно живо и обещал сделать все, что в его силах. Он принял энергичное участие в проведении тех дел, о которых мы с ним говорили, и помог в получении необходимых связей и средств, нужных в это время для работы партии и в частности для издания «Правды».

Живучесть «Правды» ожесточила полицию, которая мало-помалу окончательно распоясалась и бросила считаться даже с малейшими законными формальностями. Без всяких постановлений о конфискации городовые и околоточные набрасывались на газетчиков, арестовывали их и отнимали пачки «Правды». Наглость полиции была настолько откровенна, что за этими налетами даже потом не следовало постановления комитета печати.

В конце февраля 1914 г., ночью, без всякого ордера и предписания, нужно полагать — по распоряжению охранки, в редакцию ворвался отряд полиции во главе с одним из высших полицейских чинов. Полиция сорвала замок с двери и произвела обыск, перевернув и разбросав все дела и рукописи. Часа в четыре ночи мне сообщили по телефону о набеге на газету. Я помчался в редакцию и вступил в споры с полицией, указывая ей на незаконность взлома и обыска. В это время я уже официально не числился издателем газеты. Полицейские офицеры набросились на меня.

«Чего вы вмешиваетесь? Вы посторонний человек газете, вас это не касается».

«Как это не касается? Я рабочий депутат, и газета рабочая. Мы делаем одно дело».

Обыск полиция все же продолжала и те материалы, какие ей понравились, забрала. На другой день я отправился в министерство протестовать против полицейских беззаконий. К практическим результатам эти протесты конечно не приводили. Министр и городовой были заодно.

Как раз в это время правительство внесло в Думу новый закон о печати, отнимающий последние остатки завоеванных в 1905 г. «свобод». Налетами на «Правду» нам таким образом на практике показывали сущность будущего закона.

В связи с усилившимися репрессиями фракция внесла в Государственную думу запрос о беззаконных конфискациях «Правды». Поддерживая от имени фракции спешность запроса, я на заседании 4 марта произнес речь, посвященную общему положению рабочей печати в России. Мое выступление было в сущности призывом к рабочим массам теснее сплотиться вокруг «Правды», укрепить ее еще больше своей поддержкой:

«В защиту спешности нашего запроса я остановлюсь на картине того положения, в котором находится в данный момент рабочая печать. Когда мы вносили наши запросы, вы неустанно вставали и голосовали против них, беззастенчиво

говоря таким образом всему рабочему классу, что вы одобряете полицейские провокаторские действия. Но скажите нам, господа горемычной России, какие же для вас законы существуют наконец: те ли, которые называются якобы незыблемыми, или те, которые фабрикуются в темных охранных отделениях и полицейских застенках? Наша печать является настоящей великомученицей. Кто только ею не помыкает. В столице пьяненький полуграмотный чиновник, в провинции градоправители, ставленники Пуришкевича и его друзей. Но все же лучшим цензором является в деревне стражник: там он стомиллионному крестьянству наводит цензуру.

Известия за известиями приносит номер газет, как тот или иной стражник надругается над печатным словом. Незыблемыми остались только крепостнические условия, то господство стражника над душою и телом русского человека, стражника во всех видах, начиная от городового и кончая самим министром. Вот действительная цензура нашей русской печати. А охранка является своего рода учебным комитетом, рассылает свои отзывы о печатных произведениях, как стражникам удобнее разделаться с наиболее неудобной рабочей и крестьянской печатью. Все вы, господа, знаете и читаете в газетах, как стражники надругаются над свободным словом,— попадает даже и невинной печати. Уже не только кадеты и прогрессисты, но даже октябристы начинают принимать гостей из комитета по делам печати и платить им штрафы...

Но, господа либералы, знайте, что реакция набила руку на рабочей печати, она протягивает свою жадную руку и к вашей печати. Знайте, что придется вам пожать плоды на собственной спине вашего нежелания резко, прямо и определенно стать на защиту печати. Мы же за свободное слово в России возлагаем ответственность не только на реакцию, на зубров, но еще и на жалкую трусость господ либералов буржуазных партий вообще. Но если, господа, есть преследование либеральной печати, то все же по отношению к ней сохраняется хотя некоторая видимость закона. Зато по отношению к рабочей печати этот всесильный стражник чувствует себя совершенно свободным.

Особенно ретиво, нагло администрация и полиция стали себя чувствовать с весны прошлого года. В апреле месяце они ордой налетели на редакцию, разрыли, разгромили, унесли рукописи и конторские книги, закрыли газету, вновь вышедшую газету стали ежедневно конфиско[вы]вать, штрафовать. Если рабочая газета и выдержала, то только

потому, что она лежала на здоровых плечах рабочего класса, который выдержал эту бешеную цензуру стражника. Тогда они взялись за темные дела[1]. Я, господа, говорю о тех фактах, с которыми мне самому пришлось близко соприкасаться, охраняя это детище рабочих — рабочую газету — от всех полицейских набегов. Стражники — от цензурного комитета до охранки — не постеснялись притти в типографию и чинить там все, что им хотелось. На углах улиц задерживали газетчиков, отбирали еще не конфискованные номера газет, просматривали корреспонденцию, задерживали все переводы, арестовывали всех, кто только соприкасался с этой газетой, а редакцию обложили армией шпиков.

А что делают в деревне стражники? Я прочту вам, господа, что пишет рабочий из Олонецкой губернии. «8 января, в день прихода почты, когда все ссыльные с нетерпением ждали прихода рабочей «ласточки», нам сообщил заведующий почтовыми операциями, что газеты и журналы урядник приказал задержать. Как, почему, на каком основании? «Пока ничего неизвестно», — ответил нам писарь. Мы пошли к уряднику и потребовали от него объяснения, но чин полиции нам сообщил, что он просмотрит наши газеты и журналы. «Это не ваше дело. Я приду на почту и посмотрю, что вам прислали, что можно — выдам, а чего нельзя — отберу», — отвечал урядник. Напрасно мы доказывали, что почтовое учреждение не имеет права без официальной бумаги не выдавать ту или другую корреспонденцию, — наш протестующий голос остался гласом вопиющего в пустыне, и урядник, придя на почту, показал писарю какую-то записку, кем написанную, какого содержания — богу известно, но для него видно было достаточно и этого, чтобы почта выдала ему наши газеты и журналы для просмотра. И вот вновь испеченный цензор начинает просматривать «Пролетарскую правду» № 17. Поглядев, положил ее в сторону, потом взял «Новую рабочую газету» № 111 и тоже туда положил; затем взял «Союз потребителей», положил в другую сторону. Окончив цензуру, урядник «Союз потребителей» нам выдал, а «Пролетарскую правду» и «Новую рабочую газету» взял себе. Все это проделал он чисто семейным образом, без всяких официальных документов, да и не к чему они. Правда, на второй день урядник написал для оправдания своих действий писарю

[1] В тексте стенограммы, без сомнения ошибочно, напечатано: «Выдержав эту бешеную цензуру стражника, взялись за темные дела». *Ред.*

бумагу, в которой и сообщил, что министр внутренних дел совершенно секретно распорядился по полиции отбирать на почте «Пролетарскую правду», «Новую рабочую газету» и «Северную мысль», — так это распоряжение, эта бумага никому неизвестна, она прислана даже без номера». Вот, господа, что пишет высланный рабочий из Олонецкой губернии: что там стражники не только конфискуют, но делают все, что им угодно.

Подумайте, господа, во всех полицейских участках, начиная от низших до самых высших чинов, все заняты как бы одним только вопросом: засыпать булыжником этот светлый разгоревшийся костер вокруг рабочей газеты. Ведь если ее карали, то только за то, что она сообщала сведения о тех стачках, которые широко разлились[1] в стране за последнее время. Но, господа, почему это делалось? Почему пристав, городовой с околоточным так свободно делают все, что им угодно: конфискуют номера и нередко газетчиков вместе с газетой арестовывают? Почему, если только не по повелению свыше? Начальство свыше приказало отбирать «Пролетарскую правду», — и газеты отбирают без разбора. Тут дело уже не в законе, а в повелении старшего по чину, будет ли это сам министр или начальник охранного отделения — все равно.

Мы, господа, внося этот запрос, настаивая на спешности его, спрашиваем вас: господа законодатели, скажите же вы нам, отменяете ли вы закон о печати, или вы скажете, что Дума вне законности, или же вы нам скажете, что рабочую печать должен просматривать не только центральный комитет по делам печати, но еще всякий городовой? Скажите нам, господа помещики, приготавливающие ныне незыблемый закон о печати: законно ли это беспримерно дикое беззаконие или нет? Мы вам ставим вопрос прямо, и пусть ваш ответ будет всенародным: оправдываете ли вы это безобразие и поддерживаете ли вы ту руку, которая ходит по спине рабочей печати? Ведь ваше голосование против нашего запроса скажет рабочим всей страны, что вы — против свободного слова в России, вы рукоплещете расходившемуся стражнику, вы освящаете те кандалы, которые современное правительство натягивает на руки и на ноги рабочей печати. Что вы сказать можете рабочим? Вы можете сказать: подождите, скоро наступит произволу конец, мы выработаем закон о печати. Мы знаем, каков этот закон. Этот закон только

---

[1] В тексте стенографического отчета: «развились». — *Ред.*

дает одну возможность — наполнить всю Россию черносотенными листками.

Но, господа, ваши расчеты были построены на песке и без действительного хозяина; страна еще не сказала своего решительного слова. Ждите, она вам скажет. А ваш законопроект будет погребен под развалинами современного строя. *(Слева рукоплескания, справа смех. Чхеидзе*: «Тогда будет не до смеха».) Господа, вы хотите задушить рабочую печать, это вам не удастся: если растут репрессии на рабочую печать, то растут и усилия рабочих. Я должен вам сказать больше, что в Германии несколько десятков лет назад Бисмарк, железный канцлер, как тогда его называли, задумал задушить рабочую печать и для этого издал специальный закон. Этот человек, вы знаете, господа, покрупнее будет г. Маклакова или г. Горемыкина и даже может быть обоих вместе взятых.

И когда только этот закон был представлен в парламент, тогда на трибуну поднялся вождь германских рабочих Август Бебель и заявил тогдашним реакционерам: «Вы, господа, хотите уничтожить рабочую печать, — вам не удастся: после этого вся Германия будет наводнена нелегальной печатью».

И что же? Рабочие исполнили слово своего вождя: они создали нелегальную печать в сотнях тысяч, для распространения ее они создали так называемую красную почту, которая распространяла по заводам и фабрикам свою печать, — и тогда у германской полиции опустились руки, а сам Бисмарк через несколько лет вынужден был признать, что желание рабочих иметь свою печать непреоборимо.

И вот, господа, я не хочу перед вами пророчествовать, но все же должен заявить свою уверенность, что в России, как и в Германии, несмотря ни на какие желания господ из полицейского ведомства задушить рабочую печать, рабочие будут иметь свою печать, и будут иметь свою печать во что бы то ни стало, говорю я, и этот мой клич поддержат рабочие всех фабрик и заводов не только Петербурга, но и всей России. Они — против вашего законопроекта о печати, будут поддерживать сборами, усиленными сборами, подпиской свою газету и укреплением своих организаций для осуществления своей свободной печати, а не маклаковской и пуришкевичевской».

Черносотенным большинством Думы запрос был провален. Но мое выступление имело другую цель — призвать рабочие массы к усилению газеты. Эта цель была достигнута. Изо дня в день сборы на газету и количество подписчиков «Правды» все увеличивались.

Июльские дни 1914 г. были для «Правды» временем самой кипучей работы. Каждый день в газете помещались боевые сводки борьбы. Редакция была в постоянной связи с забастовочными комитетами, помогала им, организовывала сборы, получала от них сведения и т. д. Эта лихорадочная деятельность немедленно вызвала реакцию со стороны полиции. Преследования газеты усилились. Штрафы, конфискации, аресты сыпались еще чаще, чем раньше. Типография и редакция во всякое время дня и ночи были осаждены армией шпиков, конной и пешей полицией, жандармами, — словом, всеми родами полицейского оружия.

Каждый номер приходилось положительно отбивать от полиции, спорить и доказывать ей, что, мол, по такому-то пункту закона газету в данную минуту конфисковать нельзя. Для защиты газеты от нападений мне часто приходилось дежурить по ночам в редакции, помогая ей в очередной борьбе с полицией. С собой я всегда имел сборник законов о печати, чтобы в любой момент ткнуть полицейского чина в соответствующий параграф правил.

Когда правительство увидело, что рабочие Петербурга уже начали строить баррикады, оно перешло в контратаку. Охранка вылавливала и арестовывала отдельных революционеров, но вместе с тем она понимала, что значительно важнее разгромить всю организацию и прежде всего лишить революционное движение его главного оружия — печати.

На этот раз набег на газету был задуман с таким расчетом, чтобы захватить не только полностью всю редакцию, но и основную группу посетителей «Правды». 8 июля полиция явилась в помещение «Правды» под вечер, в самый разгар работы. В это время, после заводского гудка, в редакцию обыкновенно двигались со всех заводов рабочие с корреспонденциями, сборами и по разным партийным и профессиональным делам.

Мне сообщили о новой атаке «Правды», я приехал в редакцию и застал все помещение окруженным кольцом охранников и жандармов. Жандармские ротмистры вместе со своими подручными хозяйничали в редакционных столах и шкафах. Всюду был полный разгром. Все работники газеты вместе с посетителями были арестованы и загнаны в одну комнату. Среди арестованных, помню, были тт. Киселев, Гертик, Герб и ряд других правдистов.

С трудом я протолкался через стену жандармов. К арестованным товарищам меня не подпустили, и я с ними пере-

говаривался через открытую дверь. Я начал протестовать против обыска и арестов, заявив, что подыму дело в Государственной думе. Сперва жандармские офицеры как будто не знали, как поступить со мною. Они обратились по телефону за инструкциями к своему начальству, от которого очевидно получили распоряжение действовать решительно. Жандармы начали гнать меня из редакции, заявляя, что никаких разговоров со мной не будут вести, так как я посторонний для газеты человек. Я настаивал. Сила была однако на стороне полиции, и мне пришлось уйти, но предварительно был составлен очередной протокол о моем вмешательстве в дела полиции.

Разгром «Правды» в июле 1914 г. был сигналом к дальнейшей расправе с рабочими организациями. В те же дни, перед самым объявлением войны, полиция громила все рабочие журналы, просветительные и профессиональные общества. По всему Петербургу прокатились массовые аресты. Целыми партиями арестованные высылались в северные губернии и Сибирь.

Война сопровождалась еще большим усилием полицейского режима. Партийная работа ослабела, снова ушла в глубокое подполье. У себя во фракции мы несколько раз обсуждали вопрос о возобновлении под каким-либо предлогом издания рабочей газеты. Этот же вопрос в числе других стоял и на ноябрьском совещании, когда была арестована вся думская фракция большевиков. В условиях военного времени вновь приступить к изданию «Правды» все же так и не удалось.

ГЛАВА XXI

Подготовка к съезду

Решение о созыве съезда. — Директивы Владимира Ильича. — Съезд и Международный конгресс. — «План» меньшевиков. — Подготовка к съезду. — Как сохранить документы.

Последний всероссийский съезд партии (пятый) состоялся в Лондоне в 1907 г. Годы, прошедшие с того времени, изобиловали крупнейшими событиями политической жизни страны. За это время произошли, как известно, и значительные передвижки внутри партии. Если в годы реакции созыв всероссийского съезда партии был совершенно невозможен, то теперь обстановка изменилась. В то

же время непрерывно нараставший подъем рабочего движения выдвигал огромнейшие по масштабу задачи революционной борьбы, которые было необходимо поставить и разрешить на съезде. Перед партией стоял целый ряд вопросов как общеполитических, так и связанных с ними внутренне-организационных.

Все они должны были получить окончательное разрешение на съезде.

Решение о созыве съезда партии было принято в сентябре 1913 г. на поронинском совещании. «Рост рабочего движения, назревание политического кризиса в стране, необходимость выступления рабочего класса во всероссийском масштабе, — говорилось в резолюции совещания, — делают и необходимым и возможным созыв такого съезда после достаточной его подготовки». Совещание приглашало товарищей на местах поставить вопрос о съезде на обсуждение в своих организациях, намечать предварительный порядок дня, желательный срок съезда, проекты резолюций, организовывать денежные сборы среди рабочих и т. д.

На поронинском совещании был намечен и предположительный срок созыва съезда. Решено было приурочить съезд к Международному социалистическому конгрессу, который должен был собраться в Вене в августе 1914 г. Центральный комитет считал крайне желательным и необходимым широкое участие большевиков в конгрессе. В то же время соединение подготовительных работ к конгрессу с подготовкой к партийному съезду давало возможность глубже и шире вести обе эти работы и в частности позволяло лучше законспирировать созыв съезда партии.

Докладывая на поронинском совещании о социалистическом конгрессе, Владимир Ильич указывал на необходимость организовать как можно шире участие в конгрессе самих рабочих.

«До сих пор, — говорил Владимир Ильич, — социал-демократическая партия представлялась на международной арене или центральными органами партии или различными заграничными ее группами: «впередовцы», «примиренцы» и т. п., куда входили исключительно интеллигенты. Теперь нужно принять все меры, чтобы был представлен подлинный рабочий. Надо добиваться, чтобы каждый профессиональный союз, каждый рабочий кооператив, каждая рабочая школа или клуб, каждая местная партийная организация прислали своих выборных. Представительство от тех организаций,

которые по техническим или конспиративным причинам не смогут послать своих делегатов, должна принять на себя думская фракция. Все депутаты-большевики должны обязательно прибыть на конгресс, так как они — сами рабочие — в то же время осуществляют подлинное представительство от рабочего класса России».

Владимир Ильич подчеркнул необходимость связать Венский конгресс с созывом съезда партии. Выборы на конгресс и на съезд нужно согласовать между собой с таким расчетом, чтобы одновременно можно было организовать съезд партии.

Совещанием было решено немедленно приступить к агитации за посылку делегатов на конгресс и начать одновременно подготовительную работу по съезду. Вопрос этот ставился на обсуждение местных организаций уже сразу после поронинского совещания. Однако наиболее интенсивная работа по подготовке к международному конгрессу, а главным образом к партийному съезду развернулась в весенние и летние месяцы 1914 г.

Ранней весной (в апреле 1914 г.) наша фракция, вместе с другими очередными директивами ЦК, получила от Ленина ряд практических предложений о мерах к усилению подготовительной работы к съезду.

Для этого, как указывал Владимир Ильич, в первую очередь должны быть укреплены все подпольные организации партии.

Революционное движение имеет тенденцию расти дальше, но при отсутствии хорошо налаженных подпольных организаций, лишенное руководства, оно может распылиться и оказаться бессильным. Усиление подпольных ячеек является нашей основной задачей в деле подготовки к съезду, который в свою очередь должен сыграть огромную роль в оформлении и дальнейшем укреплении как партийного центра, так и всех местных партийных организаций. Съезд направит революционное движение по определенному, твердому руслу. Он политически сорганизует рабочих, даст определенные директивы и в то же время окончательно убьет ликвидаторов и в частности меньшевистскую думскую семерку.

...Наша победа, т. е. победа революционного марксизма, велика, указывал Владимир Ильич. Пресса, страховая кампания, профессиональные союзы и просветительные общества, все это — наше. Но победа эта имеет свой предел. Мы побе-

ждали дисциплиной, налаженностью работы... Если мы хотим удержать позиции и не дать усиливающемуся рабочему движению выйти из-под руководства партии и удариться в анархическое, раздробленное движение, то мы должны усилить во что бы то ни стало подпольные организации. Можно отказаться от доли работы в Государственной думе, которую так успешно вели до сих пор, но необходимо еще больше наладить подпольную деятельность вне Думы. Необходим хороший распространительный отпор, необходимы организованные рабочие группы по фабрикам и заводам, чтобы через них скоро передавались бросаемые сверху лозунги. Необходимо снова обратиться к средству кооптации в подборе партийных деятелей...[1]

К этому времени был выработан и порядок дня съезда. Повестка съезда предполагалась следующая: 1) отчет Центрального комитета и отчеты с мест; 2) политический момент; 3) организационные задачи партии; 4) задачи стачечного движения; 5) новый законопроект о печати; 6) тактика профессионального движения; 7) тактика страховых учреждений; 8) программные вопросы: а) национальный вопрос, б) некоторые дополнения к программе-минимум; 9) народничество; 10) отношение к ликвидаторам; 11) участие в буржуазной прессе; 12) выборы в Центральный комитет и редакцию Центрального органа; 13) текущие дела.

На съезде таким образом должны были быть поставлены все основные и кардинальные вопросы революционного движения и партийной работы. Вместе с тем съезд должен был разрешить чрезвычайно важные вопросы организационного строительства партии.

Был намечен и примерный состав съезда. От Петербурга предполагалось участие от 10 до 15 делегатов, от Москвы — 6 — 10, от Московской окружной организации — 2 — 4, от Московской области — от 2 до 6. Киев, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Николаев, Кременчуг и Шахтерский район должны были прислать всего 9 — 10 делегатов. От Урала ожидалось 4 — 6 делегатов, из Волжского района — 3 — 4, с Кавказа — 2 — 3, из Гомеля и Двинска — 2 — 3, из Эстонии — 1 — 2, из Вологды, Архангельска и Сибири — по 1. Кроме того литературным предприятиям предоставля-

[1] Эта формулировка взята из донесения начальника московского охранного отделения от 27 апреля 1914 г. Материал получен агентурным путем, очевидно от сотрудника «Пелагея» (провокатор Романов). Архив департамента полиции, особый отдел, 1914 г., дело № 307, л. 296.

лось от 7 до 10 мест. В качестве гостей на съезд приглашались представители Бунда, латышской, польской и литовской организаций.

Проведение выборов делегатов, составление наказов, оформление и пересылка мандатов, денежные сборы и наконец переправка всех делегатов за границу — требовали огромной организационной работы. Партийная работа в этот период требовала исключительного напряжения. При Центральном комитете решено было образовать особую организационную комиссию по созыву съезда. Кроме этой центральной комиссии, местопребывание которой было в Петербурге, создавались четыре местных (областных) организационных комиссии — в Москве, на Кавказе, на юге и на Урале. На эти комиссии ложилась обязанность укрепить и восстановить, где это было нужно, партийные организации, провести выборы делегатов и вести всю остальную работу по подготовке к съезду. В первую очередь работа должна была охватить следующие районы и города: Петербург, Москву с прилегающей к ней областью, Киев, Харьков, Екатеринослав, Одессу, Николаев, Кременчуг, Вологду, Архангельск, Гомель, Двинск, Урал, Волгу, Кавказ, Сибирь и Донецкий каменноугольный район. Во всех этих местах предполагалось устройство возможно широких областных и городских партийных конференций.

Решено было также устроить организационные и агитационные объезды по России членов нашей фракции. Каждый депутат должен был прежде всего посетить свои избирательные районы, после чего отправиться для ведения подготовительной работы к съезду в один из других районов. Владимир Ильич сам распределял районы, где каждый из нас должен был вести работу. Петровский после Украины должен поехать в Эстонию, Муранов — оттуда же на Урал, Шагов — после Костромы во Владимир.

Мне была поручена кроме работы в Петербурге также часть Поволжья и Кавказ.

Параллельно с усилением местных партийных организаций Владимир Ильич выдвигал задачу укрепления центральных руководящих органов партии в России. Для этой цели он предлагал устроить побег находившихся в ссылке тт. Сталина и Свердлова и привлечь к работе ряд других товарищей. От Ильича я получил письмо, в котором он сообщал о моем включении в состав Русского бюро Центрального комитета партии.

Разработанный Центральным комитетом план подготовительной работы к съезду был таким образом и планом общего организационного укрепления партии. По линии съездовской работы, как я уже говорил, он совмещал в себе и подготовку к Международному социалистическому конгрессу.

Съезд должен был собраться перед конгрессом, на который наши делегаты в таком случае явились бы уже подкрепленные авторитетными решениями высшего органа партии. Международное социалистическое бюро наметило следующую повестку заседаний Венского конгресса: 1) безработица, 2) алкоголизм, 3) дороговизна жизни и аграрный вопрос в его связи с дороговизной, 4) империализм в связи с колониальным вопросом, 5) положение политических заключенных в русских тюрьмах и 6) объединение социал-демократических партий в России.

Включение в порядок дня последнего вопроса явилось результатом принятых Международным социалистическим бюро в декабре 1913 г., на лондонском заседании, решений в связи с расколом социал-демократической думской фракции. Вопрос об «объединении» партии ставился и на других, более поздних заседаниях и конференциях бюро. Ни к каким определенным решениям всем этим конференциям притти не удалось. Ни о каком объединении большевистской партии с меньшевиками конечно не могло быть и речи. Ликвидаторы, открыто ведущие борьбу против партии, тянувшие рабочее движение на путь «легальной» политики, фактически изменили делу революции. Правильнее было говорить не об объединении с меньшевиками, а о признании их стоящими вне партии и об упразднении меньшевистского центра, чем и достигалось бы действительное единство партии. Эта точка зрения и отстаивалась большевиками в Международном бюро, которое перенесло окончательное разрешение вопроса на Международный конгресс.

Как и во всех других кампаниях, производившихся партией в России, главная подготовительная работа и по съезду и по конгрессу падала на нашу думскую фракцию. Конечно подготовка к съезду должна была быть строго законспирирована. Несколько иначе обстояло дело с Международным конгрессом. По отношению к нему мы имели все же возможность развить некоторую агитационную кампанию в нашей печати. Естественно, что и эта возможность была относительной. По цензурным условиям мы даже не называли его социали-

стическим, а именовали международным съездом рабочих организаций, конгрессом профессиональных союзов и тому подобными близкими по значению словами. Партийная рабочая масса, привыкшая к «осторожному» языку наших газет, понимала, о чем идет речь, тем более что устные выступления на собраниях и подпольная печать дополняли газетные сообщения полной и ясной информацией. Чрезвычайно важным обстоятельством было то, что целый ряд вопросов, который ставился нами в газетах в связи с конгрессом, по существу имел отношение и к партийному съезду. Под флагом конгресса шла предсъездовская работа.

Со своей стороны подготовительную работу вели и меньшевики. Они намечали на это же время созыв своей конференции из представителей тех организаций, которые приняли участие в Августовском блоке 1912 г. Мобилизовав все свои силы, ликвидаторы начали вести агитационную кампанию в рабочих организациях.

Соотношение сил в этих организациях было таково, что добиться какого-либо большинства на выборах для ликвидаторов было безнадежным делом. И в профессиональных обществах, и в страховых кассах, и во всех других рабочих организациях подавляющее количество членов были сторонниками большевизма. К лету 1914 г. в правлениях 14 профессиональных союзов из 18 существовавших в Петербурге большинство состояло из большевиков. В правлении одного союза большевиков и меньшевиков было поровну, и только три союза по составу их правлений могли быть отнесены к меньшевистским. На стороне большевиков были все наиболее крупные союзы, в том числе и союз металлистов, самый многочисленный и самый мощный из всех профессиональных организаций. Такое же соотношение наблюдалось и среди рабочей группы страховых учреждений. В состав столичных страховых органов уполномоченными от рабочих было избрано 37 большевиков и всего 7 меньшевиков, а во всероссийские страховые учреждения — 47 большевиков и 10 меньшевиков.

Не рассчитывая добиться большинства и, даже более того, боясь вовсе остаться без мандатов от рабочих организаций на Венском конгрессе, меньшевики в качестве последнего средства выдвинули идею двойного представительства. Первую попытку в этом направлении они сделали среди металлистов, от которых им во что бы то ни стало хотелось иметь «своего» представителя, хотя бы в качестве добавочного

к большевистскому кандидату. Ликвидаторы внесли предложение послать от союзной организации металлистов двух делегатов, так как один выбранный от большинства будет-де фракционным и потому осветит деятельность союза односторонне. Когда стали говорить о посылке двух представителей, то, совершенно естественно, потребовали себе места и эсеры, хотя число их сторонников в союзе в лучшем случае исчислялось десятками. Волей-неволей ликвидаторам пришлось согласиться с этим требованием. Таким образом предлагаемая меньшевиками система должна была привести к полной пестроте представительства, что не дало бы никакой возможности выявить на конгрессе подлинное лицо той или иной организации.

Попытка меньшевиков встретила отпор от большинства рабочих, категорически отвергших идею двойного представительства. На конгресс должен быть послан делегат от всего союза металлистов, а не делегация от нескольких течений, имевших сторонников среди членов союза. Как пример характерных в этом отношении резолюций, приведу решение, принятое делегатским собранием района Охтенских пороховых заводов: «Мы, члены союза металлистов, делегаты от мастерских в количестве 25 человек, признаем необходимостью послать делегата на Международный рабочий конгресс, который (делегат) должен быть от большинства и который мог бы в достаточной степени выразить наши идейные интересы. Подготовку вопроса о посылке делегата того или другого течения считаем неправильной и притом нарушающей всяческое понятие об организации и дисциплине; кроме того считаем недопустимыми пропорциональные выборы» [1].

Хитроумный план меньшевиков, пытавшихся фальсифицировать представительство от рабочих организаций, таким образом был разоблачен. Большинство рабочих организаций, как и следовало предполагать, мандаты на Международный социалистический конгресс передавали большевикам.

Успешно развивалась и подготовка к съезду партии. Начиная с весны, все подготовительные работы, связанные с созывом съезда, непрерывно усиливались. Стоявшая перед нами задача — в предсъездовский период укрепить и расширить местные партийные ячейки — была в значительной мере разрешена огромным подъемом в эти месяцы революционного движения в стране. Среди рабочих масс усилилась

---

[1] «Трудовая правда» № 27 от 28 июня 1914 г.

тяга к партии, в партийные организации вступали новые кадры революционно настроенных рабочих, работа руководящих коллективов партии все время шла на повышение. В связи с этим будущему съезду и стоявшим на его повестке вопросам было обеспечено большое внимание со стороны партийной рабочей массы.

Сложившаяся перед съездом благоприятная обстановка однако отнюдь не исключала необходимости напряженнейшей организационной работы. Созыв любого, даже самого узкого, партийного совещания в условиях подполья представлял чрезвычайные трудности; в данном же случае перед нами стояла задача организовать сравнительно широкий по составу съезд от всех районов страны, которому к тому же должны были предшествовать городские и областные совещания и конференции. Наряду с вопросами агитационно-пропагандистскими не меньшие, а может быть еще и большие трудности представляли вопросы технической организации съезда. Вся подготовка к съезду требовала исключительной конспиративной техники, так как провал хотя бы нескольких делегатов мог повлечь за собой провал всего съезда, что было бы крупным ущербом для партии. Наконец серьезным был также вопрос о сборе денежных средств, необходимых на расходы, связанные с организацией съезда.

Подготовка к съезду заняла центральное место в работе нашей петербургской организации. Петербургский комитет, районные организации и все отдельные ячейки партии деятельно готовились к съезду, организовывали денежные сборы, устраивали собрания, обсуждали съездовские вопросы и т. п. Летнее время способствовало организации нелегальных собраний за городом, в лесах, где мы были в сравнительной безопасности от набегов полиции. В случае необходимости созывать более или менее расширенные собрания, они устраивались в виде загородных экскурсий от имени какого-либо просветительного общества. Отъехав за пару десятков верст от Петербурга, мы отправлялись «на прогулку» в глубь леса и там, выставив дозоры, указывавшие дорогу только по условному паролю, устраивали собрания. Доклады и сообщения, которые делались на этих собраниях, конечно не ограничивались одними лишь вопросами, связанными с созывом съезда. По существу каждое партийное собрание, которое удавалось в это время организовать, обсуждало все очередные вопросы революционной борьбы, ставшей к лету 1914 г. особенно напряженной.

Охранка, чувствовавшая, что в Петербурге идет большая работа партии, всячески пыталась раскрыть организацию. Шпики в огромном количестве вились вокруг всех рабочих организаций, особенно уделяя внимание заведомым центрам партийной работы, каковыми были редакция «Правды» и помещения нашей фракции.

Но наряду с усилением деятельности охранки усиливалась наша конспиративная техника. Конечно аресты отдельных товарищей имели место, но больших провалов не было.

Подготовка к съезду развертывалась в Петербурге полным ходом. Ко мне поступали довольно значительные денежные суммы, собранные в фонд по организации съезда: я получил уже целый ряд мандатов, резолюций по вопросам, стоящим на съезде, наказов и т. п.

Успешно шла и начавшаяся несколько позднее, чем в Петербурге, подготовительная работа в провинции. Члены нашей фракции, отправившиеся в свои избирательные районы немедленно после окончания думской сессии, переезжая из одного города в другой, налаживали связи с местными партийными ячейками, инструктировали их, делали доклады о съезде, проводили выборы делегатов, собирали мандаты и т. д. Попутно был разрешен ряд вопросов текущей работы партийных организаций, в частности вопросы, связанные с забастовочным движением, организацией профессиональных союзов, страховой кампанией, созданием фонда рабочей печати и т. д. Руководящая роль и здесь была в руках большевистских организаций; влияние меньшевиков с каждым месяцем все более и более ослабевало.

Подготовка к съезду всюду шла энергично. Конспиративными путями на мой адрес в Петербурге пересылались мандаты и другие документы, с делегатами был установлен маршрут их поездки на съезд, им давались условные явки для перехода через границу и т. д. Дружно шел также сбор денег. К середине июля вся подготовительная работа примерно на две трети была уже окончена. Муранов, закончивший объезд своего района, проводил уже работу на Урале. Петровский в ближайшие дни тоже должен был отправиться в свой район — в Эстонию. Еще до этого я полностью закончил всю подготовку к съезду в Петербурге. Объезд же Поволжья и Кавказа я вынужден был несколько отсрочить, так как в связи с июльским выступлением питерских рабочих в Петербурге надо было вести огромную и напряженнейшую партийную работу.

К моменту объявления войны во всяком случае главная часть работы по подготовке и к Международному конгрессу и к съезду была закончена. Большинство делегатов было выбрано, наказы выработаны, почти все мандаты собраны. Закончена была и организация техники — явки, маршруты, паспорта. Наконец всеми организациями был уже проведен сбор денежных сумм в предназначенный для созыва съезда фонд. Уже нельзя было сомневаться, что созыв и организация съезда пройдут вполне успешно.

Объявление войны и последовавшая сразу за ним бешеная реакция резко изменили положение в стране. Созыв партийного съезда в этой обстановке оказался совершенно невозможным, тем более что закрытие границ оборвало всякую связь с другими странами. Очередной съезд партии приходилось отложить до более благоприятного момента. Не мог в этих условиях состояться и конгресс Интернационала.

Полагая однако, что если не теперь, то несколько позже съезд партии удастся созвать, мы считали необходимым сохранить собранные к съезду материалы и документы. Эти документы имели огромное значение для всей работы нашей партии и для местных организаций, и для ЦК. Здесь были все связи и нити партийной работы, по существу вся наша организация в целом.

Документы хранились у меня на квартире. Согласно намеченному ранее плану я должен был переправить их за границу в распоряжение Центрального комитета, с тем чтобы делегаты, каждый в отдельности, ехали «налегке». Теперь, когда всюду на границах начались военные действия, когда вся переписка и все выезды из России находились под наблюдением военной контрразведки, переправить съездовские документы за границу не было никакой возможности.

В то же время хранить их и на квартире было небезопасно. Все рабочие организации были разгромлены. Наступала очередь нашей фракции; уже ясно чувствовалось, что правительство объявило поход против рабочих депутатов. В любую минуту мы могли ждать нападения полиции на наши квартиры. Уже был один момент, когда мы приготовились к тому, чтобы сжечь все находящиеся у нас материалы и документы.

Дни призрачной «депутатской неприкосновенности» членов нашей фракции были сочтены. Необходимо было торопиться, чтобы успеть спрятать до поры до времени в каком-либо укромном месте находившиеся у нас партийные документы.

Решено было отвезти и спрятать их в Финляндии, на одной из станций, в двух-трех часах езды от Петербурга. Запрятав по всем правилам искусства документы и покружив по городу до тех пор, пока не убедился, что сбил шпиков, я отправился в Финляндию. На всякий случай было решено, что место хранения документов будет известно еще одному товарищу. В Финляндии в условленном месте я встретился с т. Ольминским, который жил там вместе с несколькими другими партийными работниками. Там же, в лесу под деревом мы спрятали документы, придавив их для большей сохранности камнем.

Выждав некоторое время, мы все же решили каким-либо способом переправить документы Центральному комитету. Мы условились, что это возьмет на себя ЦК финской социал-демократической партии, имевший некоторые возможности сношения с заграницей. Я отправился снова в Финляндию за документами, откопал их в лесу и отвез в Гельсингфорс.

Одновременно я поднял перед ЦК финской партии вопрос о помощи нашей организации. У нас уже разгром прошел по всей линии. Для того чтобы восстановить работу, необходимы были и денежные средства и помощь по организации техники, связей с заграницей и т. д. Финская партия, бывшая легальной, находилась в более благоприятном положении, чем наши организации.

«Наша организация разгромлена, — сказал я финским товарищам. — Вы должны нам помочь. Надо у вас позаимствовать кое-что и по денежной линии и по типографской технике. Нам важна сейчас каждая тысяча, каждая сотня рублей».

Несмотря на то, что финская социал-демократическая партия находилась в легальных условиях, финские товарищи все же нашли способы оказать нам некоторую помощь.

Подготовительная работа к съезду, проведенная в 1914 г., имела большое организационное значение. В этой работе приняли широкое участие все звенья партии, начиная от руководящих ее центров и до низовых ячеек. Несмотря на то, что съезд в намеченный срок из-за войны не состоялся, подготовка к нему сыграла крупную роль в усилении и укреплении партии. Она усилила приток рабочей массы в ряды партийных организаций, укрепила эти организации и сорганизовала кадры новых стойких работников.

Империалистическая война

ГЛАВА XXII

Начало войны

Объявление войны. — Выступления рабочих во время мобилизации. — Интервью о войне. — Выработка думской декларации. — Отказ от голосования военных бюджетов. — Условия партийной работы в начале войны. — Первые антивоенные прокламации ПК. — Поиски охранки. — Поездка по России.

Выступление питерских рабочих в июле 1914 г. и бакинская забастовка были последними крупными революционными событиями в предвоенные годы. Рабочему классу эта борьба стоила многочисленных жертв. Царское правительство, столкнувшись с широким массовым движением, непосредственно переходящим в баррикадные бои и вооруженное восстание, не останавливалось ни перед какими мерами, чтобы задушить начинающуюся революцию. Локаутами оно ударило по экономическому положению рабочих, массовыми арестами, высылками и разгонами — по политической организации рабочего класса. Для того чтобы оправиться от последней схватки, требовалось известное время; пролетариат должен был вновь собрать свои силы, чтобы ринуться в новые бои с царизмом. Последующие события однако не только не дали рабочему классу необходимой для него передышки, но, наоборот, нанесли еще больший удар по революционному движению.

Объявление войны развязало руки самой черной реакции, поторопившейся немедленно же использовать военное положение, чтобы с еще большей силой обрушиться на рабочее движение. В атмосфере самого оголтелого шовинизма и искусственно подогреваемого ура-патриотизма царское правительство жестоко расправлялось не только с партийным подпольем, но и со всеми легальными рабочими организациями.

Война, формально возникшая из-за столкновения Австрии с Сербией, была по существу грандиозной борьбой империалистических хищников, готовых ради захвата новых рынков перегрызть горло своим конкурентам. Для буржуазии она сулила не только возможности новых грабежей на мировом рынке, но и непосредственно огромные барыши внутри страны от бесчисленных военных заказов. Националистические идеалы прозрачно прикрывали самое грубое хищничество мирового капитализма. Буржуазия всех стран приняла объявление войны с восторгом. Российская буржуазия не представляла в этом отношении какого-либо исключения. Позволявшая себе раньше от времени до времени играть в либерализм и оппозицию, теперь во имя великодержавных завоевательных идеалов она падала ниц, клянясь в полной верности трехцветному знамени российского царизма. Романовская монархия, с ее кровавым строем полицейщины и жесточайшего угнетения народных масс, вдруг превратилась в защитника демократии и малых национальностей от прусского юнкерства и германского милитаризма.

По улицам Петербурга с утра до вечера шествовали демонстрации. С портретами царя и трехцветными флагами, дворники, полицейские и охранники вместе с обывателями всех рангов и мастей расхаживали по городу, пели «Боже царя храни» и во все горло кричали «ура». Под высокой охраной правительства, обнаглевшие до последней степени, они сбивали шапки с прохожих, врывались в трамваи и дома и избивали всякого, кто не выражал в достаточной мере патриотических чувств. Каждая такая манифестация, организованная и опекаемая полицией, в любую минуту могла превратиться в толпу истинно-русских погромщиков. Это и было на самом деле. В Петербурге «патриоты» разгромили германское посольство, а в Москве погром принял более широкие размеры, захватив целый ряд немецких торговых и промышленных предприятий.

Патриотические погромы сменялись коленопреклонением

перед царским дворцом. Даже мелкобуржуазное студенчество, гордившееся своими «левыми» традициями, стояло на коленях перед Зимним дворцом, восторженно крича «ура» «обожаемому» монарху.

Шовинистический угар густой пеленой окутал страну. И, прикрываясь этой пеленой, военщина распоясывалась все больше и больше, не стесняясь никакими средствами. Не ища никаких, даже внешних, формальных поводов, царская полиция торопилась свести свои старые счеты с «внутренним» врагом, т. е. с наиболее передовой, сознательной частью российского пролетариата. Правительство наспех довершало начатую перед войной расправу с рабочим классом. Росчерком пера закрывались рабочие организации, которые еще уцелели до этого времени, тюрьмы еще больше уплотнились новым населением. Сибирь снова наполнилась толпами ссыльных. Партийные организации потерпели жестокий урон, потеряв целый ряд своих лучших работников. Военная реакция выхватывала все новые и новые жертвы из среды рабочего класса.

Буржуазия готовилась к войне задолго и исподволь; пролетариат же она застала не только неподготовленным, но и разбитым после только что перенесенной им тяжелой схватки с царизмом. В то же время широко разлитый яд патриотизма не мог не заразить и отдельные отсталые группы рабочих, которые на первых порах недостаточно уяснили себе смысл развернувшихся событий. В такой обстановке трудно было представить себе возможность какого-либо широкого организованного отпора со стороны российского пролетариата военному безумию и военной реакции, охватившим страну.

И все же, несмотря на отсутствие достаточной организованности, несмотря на большой урон, который только что потерпел рабочий класс, в первый же день войны Петербург был свидетелем ряда противовоенных выступлений рабочих.

В первые же дни войны, когда только что была объявлена мобилизация, Петербургский комитет выпустил первую противовоенную прокламацию. «Кровавый призрак веет над Европой», — этими словами начинался призыв партии ко всем рабочим, крестьянам и солдатам. «Долой войну! Война войне! — должно катиться мощно по градам и весям широкой Руси. Рабочие должны помнить, что у них нет врагов по ту сторону границ; всюду рабочий класс угнетается богатыми и власть имущими, везде гнетет его ярмо эксплоа-

тации и цепи нищеты... Солдаты и рабочие! Вас призывают умирать во славу казацкой нагайки, во славу отечества, расстреливающего голодных крестьян, рабочих, душащего по тюрьмам лучших своих сынов. Нет, мы не хотим войны — должны заявить мы. Мы хотим свободы России. Вот должен быть ваш клич».

Эта прокламация, наскоро составленная под впечатлениями первых сведений о разразившейся военной катастрофе, давала только краткую, беглую характеристику момента, но уже тогда, в первые же дни войны, петербургская организация большевиков наметила ту линию, которая впоследствии была подкреплена, развита и пополнена всеми остальными партийными органами.

Несомненно, что такие же настроения были и в преобладающей массе передовых революционных рабочих провинции. Нарушенные с первого же дня связи с провинцией лишали нас возможности получить сколько-нибудь полные сведения о том, что происходило в эти дни в других городах России; но кое-какие отрывочные сообщения все же доходили. Характерно в этом отношении письмо, полученное мною из Костромы, откуда оно было выслано на другой день после объявления мобилизации. В этом письме сообщалась следующая резолюция, принятая на собрании группы костромских рабочих: «Мы самым решительным образом протестуем против действий правительства и правящих классов, вовлекающих в братоубийственную войну пролетариев России, Сербии, Австрии и Германии, и мы спрашиваем РСДР фракцию: какие меры предприняты ею против войны и для выражения братской солидарности пролетариата враждующих государств?»

В Петербурге первые дни войны ознаменовались несколькими забастовками и даже отдельными демонстрациями. В день мобилизации запасных, в знак протеста против войны, в Петербурге бастовало свыше 20 предприятий. В некоторых местах рабочие встречали запасных криками «Долой войну» и пением революционных песен.

Но демонстрации происходили уже в другой обстановке, чем две-три недели назад. Уличная толпа, особенно в центре города, взвинченная патриотическими криками, теперь не только не держала «дружественный» нейтралитет, но сама набрасывалась на демонстрантов, помогая полиции их арестовывать и избивать. Один из характерных для этого времени случаев такой «патриотической» вспышки

произошел в тот же день мобилизации на Невском у здания городской думы, т. е. в самом центре города.

Позади проходившей здесь партии запасных появилась толпа демонстрантов-рабочих. С криками «Долой войну» демонстранты подошли вплотную к запасным. Публика Невского проспекта, в большинстве состоявшая из обывателей и всякого рода бездельных фланеров, во время рабочих демонстраций обычно торопилась прятаться в боковые улицы, или в крайнем случае робко жалась к подъездам и воротам, издалека наблюдая за демонстрацией. На этот раз она проявила «активность», приняв на себя роль царской полиции; с панели публика бросилась на мостовую и с криками «Изменники, предатели» начала избивать демонстрантов. На долю полиции остались только аресты участников демонстрации, которые были отправлены в ближайший полицейский участок.

При таких условиях конечно не было никакой возможности для сколько-нибудь широкого развития движения протеста против войны. Отдельные героические выступления рабочих тонули в общем море воинственного патриотизма.

Для того чтобы еще больше продемонстрировать «единение» с народом, а главное — чтобы утвердить кредиты на войну, в экстренном порядке была созвана Государственная дума. Съехавшиеся в Петербург депутаты, начиная от крайних правых и кончая кадетами, были настроены самым воинственным образом, говорили о войне до победного конца, о защите отечества, о решительном отпоре врагу и т. п. Газеты наперебой печатали патриотические заявления лидеров думских фракций, высказывавших самые патриотические мысли о необходимости объединиться для борьбы с внешним врагом.

Буржуазная печать была крайне заинтересована позицией, которую займут в вопросе о войне рабочие депутаты.

Ко мне на квартиру, во время обычного приема рабочих, ввалились гурьбой журналисты всех петербургских газет, начиная от «левого» «Дня» и кончая черносотенной «Земщиной». По поручению своих редакций они поставили мне целый ряд вопросов:

— Как относятся рабочие к войне? Какую позицию занимает ваша фракция? Как будут вести себя в Думе рабочие депутаты?.. и т. д.

Вынув блокноты и карандаши, журналисты приготовились записать мои ответы.

То, что я сказал, однако было совсем неподходящим для опубликования в их газетах.

— Рабочий класс, — заявил я, — будет бороться всеми силами против войны. Война — не в интересах рабочих. Наоборот, всем своим острием она направлена против рабочего класса всего мира. На международном социалистическом конгрессе в Базеле было принято решение от имени пролетариата всего мира — в случае объявления войны повести против нее решительную борьбу. «Война войне» — вот наш лозунг. За этот лозунг мы, действительные представители рабочего класса, и будем бороться. Наша фракция всеми имеющимися в ее распоряжении средствами будет решительно бороться против войны.

Ни одна газета конечно не опубликовала моего заявления. Зато оно немедленно стало известным охранке, для которой мои слова были подтверждением уже ранее известной им противовоенной позиции нашей партии. Были пущены в ход «доводы», которые должны были не столько убедить, сколько устрашить, терроризировать нас. По моему адресу посыпались полные отборных ругательств угрожающие письма.

«Твоей участью будет участь Герценштейна и Иоллоса»,— писали мне всякие охранники и черносотенцы. Герценштейн и Иоллос—оба депутаты предыдущих Дум—по наущению полиции были убиты из-за угла членами союза русского народа. В одном из писем, помимо словесных угроз, был и рисунок—скелет, который наглядно должен был изобразить мою участь.

Рабочие, среди которых стало известно об этих угрозах черной сотни, настаивали на необходимости организовать специальную охрану моей квартиры. Как я ни возражал, указывая на бесцельность этой меры, так как все равно не было никакой возможности уберечься от выстрела из-за угла, все-таки рабочие настаивали на своем.

Все это происходило в самые первые дни войны, еще до публичного выступления фракции. Это выступление должно было состояться в заседании Государственной думы, на котором должно было происходить голосование военного бюджета. Предполагалось опубликование общей декларации от имени обеих социал-демократических фракций и трудовиков. Никаких заранее подготовленных формулировок у нас не было, нужно было их выработать. Посоветовавшись с теми из партийных товарищей, которые тогда были в городе, мы решили настаивать на составлении такой декларации, которая решительно осуждала войну и категорически от-

вергала какую-либо поддержку войны со стороны рабочего класса. Начались переговоры и совещания между фракциями. После первого же совещания, на котором присутствовали Керенский, Чхеидзе и я, трудовики выбыли. Керенский прямо заявил, что они считают необходимым выступить за поддержку объявленной войны. Чхеидзе вначале занимал неопределенную позицию, в значительной мере склоняясь к оборончеству.

После длительных переговоров было приступлено все-таки к выработке совместной от обеих фракций декларации. На совещании, с участием нескольких членов ПК, с одной стороны, и некоторых партийцев-меньшевиков, с другой стороны, намечены были основные линии декларации. Первый проект декларации был кажется составлен Соколовым. Вечером в тот же день приехали Шагов и Петровский, которые тоже приняли участие в выработке декларации. Потом подъехали другие депутаты как из нашей фракции, так и меньшевики. У нас состоялся еще целый ряд собраний, на которых вырабатывался проект общего выступления. По отдельным пунктам и формулировкам шли споры и дебаты, вносились поправки и дополнения. Комбинированный текст декларации обеих фракций после нескольких обсуждений как в большевистских партийных кругах, так и среди меньшевиков был окончательно выработан.

Заседание Государственной думы состоялось 26 июля. Перед ним думское большинство, а на этот раз вместе с ним и трудовики, ездило на прием во дворец, где депутаты выразили свои верноподданнические чувства. Заседание Думы открыл Родзянко, произнесший торжественную высокопатриотическую речь об «единении русского царя с верным ему народом», об «охране целости и единства государства», о том, что «все народы, населяющие Россию, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда», и т. д. Это были обычные формулы воинственного патриотизма, которые с теми или иными изменениями повторяли затем лидеры всех фракций думского большинства. Трудовики в оглашенной Керенским декларации, после нескольких фальшиво-революционных фраз, заявляли, что они «непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами даст решительный отпор нападающему врагу и защитит свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений». Декларации Керенского аплодировала вся Дума (кроме социал-демократов), вплоть до крайне-правых.

Затем была оглашена декларация социал-демократической фракции. Родзянко, перед напечатанием ее в стенографическом отчете, сделал в декларации ряд цензурных урезок. Полный же текст социал-демократической декларации, оглашенный с думской трибуны, был следующий:

«Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены, брошены в кровавый водоворот. Миллионы семей обречены на голод. Война началась... Когда европейские правительства готовились к войне, европейский пролетариат, во главе с германским, выступил с дружным протестом против подготовляемой правящими кругами войны. Ряд насилий над рабочей печатью и рабочими организациями непосредственно перед войной помешал рабочим России выступить открыто с тем же протестом против войны. Но в моменты грандиозных демонстраций европейских пролетариев против войны сердца российских пролетариев бились вместе с их сердцами. И мы, представители рабочего класса России, считаем своим долгом заявить, что настоящая война, порожденная политикой захватов и насилий, практикуемой всеми капиталистическими государствами, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран, что война эта противоречит чувству и настроению сознательных элементов российского пролетариата, так же как и пролетариата всего мира. Чуждый того фальшивого патриотизма, под прикрытием которого господствующие классы ведут свою хищническую политику, пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент исполнит свой долг и будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили — извне или изнутри. Но, когда раздаются призывы к единению народа с властью, мы, констатируя, что народы России, так же как и все народы, вовлечены в войну помимо своей воли, по вине их правящих кругов, считаем нужным подчеркнуть все лицемерие и всю беспочвенность этих призывов к единению.

Не может быть единения народа с властью, когда она не является исполнительницей сознательной воли народа, когда последний порабощен властью, когда народная масса, на которую ложится все бремя войны, бесправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что

пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения.

Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет, но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности пролетариата всего мира человечество найдет средство к скорейшему прекращению этой войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами хищных правительств, а самими народами, которые возьмут свои судьбы в свои руки. Вместе с тем мы выражаем глубокое убеждение в том, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетения, от которых они страдают, и что теперешняя ужасная вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой».

Наша декларация, как это видно из ее текста, не давала правильной революционной оценки как характера самой войны, так и позиции рабочего класса. Несмотря однако на расплывчатый характер декларации, не ставившей коренного вопроса о превращении войны империалистической в войну гражданскую, все же на общем ура-патриотическом фоне она прозвучала как резкий протест против военного безумия.

В противовес всем другим заявлениям, приветствовавшим, каждое по-разному, объявление войны, социал-демократы выступили с решительным осуждением войны, выставляя как средство борьбы с ней международную солидарность трудящихся. Наша декларация также категорически отрицала всякую возможность «единения» народа с царской властью, о котором лицемерно говорила черносотенная дума.

После торжественнодекларативной части, Государственная дума перешла к вотированию военного бюджета. Наша фракция, основываясь на решениях всех конгрессов Интернационала, в голосовании военных кредитов не приняла участия и — в знак протеста — покинула заседание.

Наша декларация и наш отказ от голосования бюджета вызвали бурю протестов и негодования среди думского большинства. Как взбешенные набросились на нас в кулуарах депутаты всех фракций, не исключая левых кадетов и прогрессистов.

— Что вы делаете? Вы, представители рабочих, ведете за собой массы, тянете Россию в бездну, в пропасть. Вы погубите народ.

Правые ругались и грозили расправой. Они готовы были тут же на месте растерзать и разорвать нас. Мы выходили из Думы, сопровождаемые угрожающими выкриками думских зубров.

Наше выступление в Думе против войны, ставшее широко известным рабочим массам, явилось основным стержнем для всей противовоенной работы партии. Постепенно мы начали снова развертывать подпольную работу, направленную теперь главным образом на организацию масс для борьбы против войны.

Условия партийной работы в связи с объявлением войны стали во много раз труднее, чем в предыдущие месяцы. Первый период войны для революционной деятельности представлял такие трудности, с которыми не приходилось сталкиваться нашей партии даже в предшествовавшие наиболее тяжелые годы реакции. Военщина беспощадно расправлялась со всякими проявлениями рабочей общественности. Массовые аресты, с одной стороны, и мобилизация на фронт — с другой, образовали зияющие бреши в рядах принимавших участие в партийной работе товарищей.

В то же время война, закрывшая границы, на первых порах совершенно лишила нас возможности поддерживать связь с находившимся за границей Центральным комитетом партии. Как известно, и Центральный комитет в это время подвергся нападению австрийских властей, посадивших Владимира Ильича в тюрьму. После объявления войны прошло две-три недели, пока возобновилась деятельность заграничного центра партии. Нашу же связь с ним удалось с колоссальными трудностями, и то лишь частично, восстановить только через месяца два. Надо принять во внимание и содержание партийной работы в это время. В основном она сводилась к антивоенной пропаганде, что — в условиях военного террора — грозило каждому захваченному партийному работнику репрессиями вплоть до военного суда и смертной казни. Конспиративная техника при этих условиях должна была быть во много раз усилена, в то время как партийные организации значительно ослабли, связи прорвались и т. п. Я не упомянул здесь еще о разгроме «Правды» и полной ликвидации рабочей печати, являвшейся до тех пор центром, вокруг которого группировались партийные силы.

Единственной, пока еще сохранившейся в полной мере организованной силой партии в начале войны оставалась думская фракция. Как я уже говорил, она и раньше была основным руководящим ядром партийной работы в России; теперь же на всех нас падали во много раз увеличившиеся обязанности. С первых же дней я начал налаживать работу Петербургского комитета партии. Из большевиков, принимавших участие в руководящей работе в Петербурге, к тому времени почти никого не оставалось. Большинство было арестовано, те же несколько товарищей-партийцев и наших литераторов, которые еще были на свободе, вынуждены были скрываться в пригородных районах. Главной базой была Финляндия, где жили Ольминский, Еремеев, Каменев, Демьян Бедный, Максим Горький и некоторые другие товарищи. В условиях военного времени поддерживать с ними постоянную связь было чрезвычайно трудно. Нам приходилось соблюдать совершенно исключительную осторожность. С другой стороны, необходимо было как можно больше законспирировать деятельность и Петербургского комитета. Поэтому новая исполнительная комиссия ПК была сконструирована в более узком, чем раньше, составе. Партийных сил стало гораздо меньше, между тем работа перед нами стояла огромная.

Главной заботой ПК в это время было налаживание связей с районами и подготовка к выпуску прокламаций. Нужно было организовать типографию, поставить технику, достать необходимые денежные средства и т. д. У нас были заранее заготовленные адреса, куда мы перевозили шрифт и другие принадлежности для печати сразу же после того, как они были использованы в каком-либо одном месте. Несмотря на то, что после выхода каждой прокламации охранка вырывала из наших рядов новые пачки людей, типография, передвигаясь из одного места в другое, продолжала свою работу. Не проходило и трех дней, как типография была уже готова к новой работе. Как ни билась охранка, раскрыть нашу работу она была не в силах.

Черновик первой выпущенной во время войны прокламации я возил для редактирования в Финляндию. Белоостровская граница и вся Финляндская дорога кишела жандармами и шпиками, зорко следившими за каждым приезжающим. На случай внезапного обыска или ареста я спрятал один оригинал прокламации в сапог, а другой вез в спичечной

коробке, которую я готов был поджечь в любой момент, когда появится опасность нападения полиции.

В условленном месте я встретился с т. К. Еремеевым. В течение целой ночи просидели мы с ним над редактированием листовки. На утро, соблюдая такие же меры предосторожности, я вернулся в Петербург и передал исправленный черновик для печатания группе товарищей (В. Соловьев, А. Яковлева-Сергушева, И. Красников, М. Рудный и др.), которые принимали участие в организации и налаживании типографской техники. Они же и распространяли наши первые листовки. Для этого они шли в самые многолюдные места — на мобилизационные пункты, на вокзалы и т. п. и там раскидывали и даже прямо рассовывали прокламации в карманы запасных.

В начале августа ПК была выпущена вторая после объявления мобилизации противовоенная прокламация. Мы уже говорили в ней о необходимости вести пропаганду в войсках, о подготовке к вооруженной борьбе, о готовящейся социальной революции.

Выпуск прокламации всполошил охранку. Царская полиция рассчитывала, что она успела уже полностью разгромить партийные организации, что ее репрессивные меры, с одной стороны, и «патриотическое» настроение — с другой, окончательно выбили почву из-под ног революционных партий. Между тем факт выпуска прокламации говорил за то, что партия продолжает вести свою работу, а самое содержание воззвания указывало на то, что большевики организуют решительную борьбу за использование войны в интересах развития революционного движения. С точки зрения правительства это было «изменой», «предательством», против распространения которых следовало принять все имеющиеся в его распоряжении средства. Охранка начинает охоту за группой товарищей, принимавших участие в выпуске прокламации, а главным образом ищет нелегальную типографию, в которой прокламация отпечатана. После тщательных обысков были произведены аресты нескольких человек, успевших однако спрятать в другое место типографские принадлежности [1].

---

[1] Как выясняется из дел, сохранившихся в архиве департамента полиции, охранка считала меня главным инициатором выпуска прокламации. В докладе директору департамента полиции начальник охранного отделения сообщил, что, хотя «деятельность Петербургского комитета местной большевистской организации совершенно пре-

Сохранившаяся техника дала нам возможность через две недели напечатать от имени Петербургского комитета партии новую прокламацию.

Несмотря на чрезвычайные военные строгости, прокламации распространялись на фабриках и заводах, попадали к запасным, частично начали проникать и в войска. Свою задачу они выполнили постепенно, формируя революционное мнение рабочих масс и рассеивая шовинистический дурман, который насаждался правительственно-буржуазной печатью. Мы разоблачали истинное лицо империалистической войны и, следовательно, переходя от одного лозунга к другому, призывали рабочий класс готовиться к вооруженной революционной борьбе во имя международной солидарности трудящихся.

Постепенно начали возрождаться и партийные ячейки, оправившиеся после первого разгрома. Уцелевшие от арестов и мобилизации партийцы стягивали вокруг себя новых работников и, строго законспирировавшись, восстанавливали работу. В виду отсутствия других легальных рабочих обществ, партийные организации обратили свое внимание на больничные кассы, вокруг которых группировались революционно настроенные рабочие. Вновь начали создаваться и районные организации, направлявшие своих представителей в Петербургский комитет. В некоторых районах работа приняла оживленный характер. Все это показывало, что, несмотря на большой натиск военной реакции, партия продолжала пользоваться влиянием в рабочих массах. Правда, с большими затруднениями и не с такой быстротой, как нам всем хотелось, большевистская организация в Петербурге снова начала оживать, обрастать связями и ячейками

кратилась», «наиболее беспокойные элементы подполья, преимущественно из рабочей молодежи, не удовлетворяясь подобным вынужденным бездействием и находясь под воздействием депутата Государственной думы, социал-демократа Бадаева, задумали заняться выпуском серии листовок и воззваний, приуроченных к текущему моменту и имевших своим назначением дискредитировать в глазах масс общегосударственное значение текущей войны и правительственных, связанных с таковой, мероприятий».

Охранка очевидно имела поручение подготовить материалы для моего ареста и привлечения к суду. Не получивши при обысках необходимых для этого данных, начальник охранки докладывает, что «будут приняты все меры к получению откровенных показаний задержанных лиц, дабы добыть материал к изобличению в революционной пропаганде депутата Государственной думы Бадаева» (Архив департамента полиции, особого отдела 1914 г., дело № 307, лл. 94 — 96).

и продолжала свою революционную работу, теперь главным образом направленную на борьбу с войной и подготовку к вооруженному выступлению рабочего класса.

Вслед за Петербургом постепенно начала восстанавливаться и работа партийных организаций в провинции. Для того чтобы усилить эту работу и вновь наладить партийные связи, я во второй половине августа отправился в поездку по России, которая была намечена еще раньше, в связи с подготовкой к партийному съезду. Я предполагал посетить некоторые города Поволжья, затем из Астрахани проехать в Баку, а оттуда направиться в Тифлис. В мои задачи входила организация партийных центров там, где их в это время не существовало, и в первую очередь восстановление организации в Баку, разгромленной после летней забастовки. Параллельно с этим мне нужно было провести подготовительную работу к намеченному на осень всероссийскому партийному совещанию.

Для того чтобы скрыться от шпиков, я постарался выехать из Петербурга незаметно. Предварительно покружив по городу, я пешком отправился в лес около станции Обухово. Выйдя на полотно железной дороги, я вскочил на тормоз товарного вагона, который довез меня до Любани. В Любани в это время жили Конкордия Самойлова и т. Юрьев, уехавшие из Петербурга после разгрома партийной организации. Заранее предупрежденные, они встретили меня в условленном месте в лесу и передали мне уже приготовленный железнодорожный билет. На станцию я явился к самому отходу поезда и, быстро пройдя в вагон, сразу же забрался на верхнюю полку. Таким образом удалось запутать охранников, которые, потеряв мои следы, бросились разыскивать меня по городу, недоумевая, куда я мог скрыться.

Я побывал в ряде городов. Всюду мне удалось установить связи с местными партийными работниками и при их участии провести собрания рабочих. Я установил явки для сношения с фракцией, адреса для корреспонденции и посылки литературы и принял участие в разрешении всей массы вопросов местной партийной работы.

Бакинская организация после недавней забастовки была совершенно разгромлена. Ее надо было восстанавливать почти совсем заново. На нескольких совещаниях с бакинскими большевиками, в том числе с т. Шаумяном, были выработаны конкретные меры по оживлению партийной работы. Я предполагал организовать также несколько

рабочих собраний на промыслах. Однако это не удалось сделать. На происходившие у нас совещания затесался какой-то провокатор. Местная охранка телеграфировала о моем приезде в Петербург, откуда было получено распоряжение окружить меня густой сетью наблюдения. Шпики не давали мне сделать шагу. При таких условиях пришлось отказаться от проведения рабочих массовок. Я решил воздержаться от дальнейшей поездки, иначе я мог потащить за собой туда целый хвост шпиков. Таким образом из Баку я прямым путем отправился в Петербург.

В Петербурге я узнал, что для розысков, после моего отъезда, была поставлена на ноги чуть ли не вся полиция. В Думе мне рассказывали, как обрадовался Джунковский, когда наконец удалось обнаружить меня в Баку.

— Бадаев-то пропал совершенно, — говорил Джунковский какому-то из думцев. — А теперь вынырнул и очутился в Баку, — добавил он, подчеркивая «хорошую» работу полиции.

В Петербург я вернулся в начале сентября. Скоро подъехали и другие члены нашей фракции, находившиеся в разъездах по России. Начатая ими работа по подготовке к созыву партийного съезда и Международного социалистического конгресса хотя из-за объявления войны и должна была прекратиться, но то, что являлось основной частью этой работы, — оформление и укрепление местных партийных ячеек, — проводилось ими и сейчас. Сообщения с мест указывали на то, что противовоенная пропаганда находила поддержку среди революционно настроенных рабочих.

ГЛАВА XXIII

Ноябрьская конференция 1914 г.

Измена II Интернационала. — Письмо Вандервельде. — Меньшевики за поддержку войны. — Наш ответ Вандервельде. — Тезисы Ленина о войне. — Созыв конференции. — Начало работы конференции. — Прокламация к студенчеству. — Обсуждение тезисов.

Развивая партийную работу, ведя противовоенную пропаганду и организовывая борьбу против войны, мы действовали согласно решениям международных социалистических конгрессов. Постановления международных съездов говорили об отказе в поддержке каких-либо войн,

затеянных буржуазными правительствами, о необходимости для всех социалистов голосовать в парламентах против военных бюджетов и о призыве к пролетариату покончить революционным восстанием с войной в случае ее возникновения. Последний перед войной Базельский конгресс, состоявшийся в 1912 г. во время военного кризиса на Балканах, обратился к пролетариату всего мира с особым манифестом против войны. «Пусть не забывают правительства,— говорилось в манифесте, — что франко-прусская война вызвала революционный взрыв Коммуны, что русско-японская война привела к движению революционные силы народов, населяющих Россию... Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга во имя барышей капиталистов, соревнования династий и процветания тайных дипломатических договоров».

Наша думская фракция в своей работе исходила из этих решений международных конгрессов. Базельскому конгрессу члены нашей фракции, которая в этот момент только что организовалась, послали приветственное письмо, в котором писали: «...Война и кровопролития нужны правящим классам; рабочие всех стран требуют мира во что бы то ни стало. И мы, русские рабочие, братски протягиваем руку рабочим всех других стран и сливаемся в общем с ними протесте против позора наших дней — войны». Несколько позже, в апреле 1913 г., когда назревала новая угроза русско-австрийского военного столкновения, думская социал-демократическая фракция обменялась письмами с социал-демократической фракцией австрийского парламента и правлением венгерской социал-демократической партии. Выступая с протестом против готовившегося военного преступления, социал-демократическая думская фракция указывала, что «народы России не знают ни одной причины, которая способствовала бы придать хоть тень смысла такому преступлению... с презрением отметаем мы прочь германо- и австрофобскую агитацию русского либерализма, который пытается окрасить в краску прогрессивности дикое восстановление русского народа против немцев и всего немецкого. С гордостью мы заявляем себя преданными учениками немецкого социализма». В ответном письме центральный комитет Австрийской социал-демократической партии выражал свою радость и удовлетворение нашей агитацией против войны: «...В вашем выступлении против панславистского шовинизма, в вашей бесстрашной борьбе против него

мы видим одну из самых прочных гарантий европейской демократии и европейского мира... К вашим притеснителям питаем мы непримиримую вражду, но народы России связаны с нами неразрывными узами общей борьбы за свободу и мир» [1].

Письмо австрийского ЦК, касающееся по существу того самого международного конфликта, который несколько позже стал поводом для мировой войны, совершенно ясно указывало на позицию австрийской социал-демократии во время будущей войны. О том же говорили решения и декларации и всех других западноевропейских социалистических партий. Однако, как известно, лидеры II Интернационала на другой же день после объявления войны совершили беспримерное в истории предательство, изменив революционному знамени рабочего класса. Большинство европейских социалистических партий пошло на поводу своих правительств, превратившись в орудие поддержки своей национальной буржуазии. На сцену во всей его неприглядности выступило пресловутое «оборончество». Изменившие революции вожди начали говорить, что, раз война объявлена, необходимо защищать отечество. Вместе с буржуазной печатью они разжигали самые худшие националистические страсти, взывая к беспощадной борьбе с «врагом». Пытаясь обмануть рабочие массы, немецкие социал-демократы оправдывали свою поддержку войны тем, что они этим самым борются с русским царизмом. Социал-патриоты Антанты, не оставаясь в долгу, твердили, что они поддерживают войну как средство уничтожения германского милитаризма и прусского юнкерства. В итоге обе стороны прикрывали империалистический грабеж своей отечественной буржуазии, которая во имя дальнейшего обогащения стремилась руками рабочих и крестьян уничтожить своих конкурентов.

Я не буду подробно останавливаться на общеизвестных фактах предательства лидеров правосоциалистических партий. Голосование парламентских фракций за военный бюджет, с одной стороны, и вступление социалистов в буржуазное правительство — с другой, — таковы были первые ступени измены, на которые вступило большинство социал-демократических партий на другой же день после объявление войны.

Не ограничиваясь этим, социалисты II Интернационала

---

[1] «Правда» № 97 (301) от 28 апреля 1913 г.

сделали попытку втащить на этот же путь и русских социал-демократов. Эту миссию взял на себя председатель II Интернационала, бельгийский социалист Эмиль Вандервельде, в первые же дни войны занявший пост министра в бельгийском правительстве.

За несколько месяцев перед этим, весной 1914 г., Вандервельде приезжал в Россию. Вандервельде на нескольких совещаниях с представителями различных социал-демократических течений, в том числе и с нашей большевистской фракцией, подробно ознакомился с ходом той непримиримой борьбы, которую вел российский пролетариат против царского правительства. Во время своего пребывания в России Вандервельде имел возможность убедиться в ужасающем гнете русского самодержавия и его беспощадном угнетении трудящихся. После всего этого именно от Вандервельде было более чем странным услышать предложение прекратить борьбу с царизмом и поддержать затеянную им войну. В выступлении Вандервельде во всей полноте отразился оппортунизм, до которого докатились руководители II Интернационала, оппортунизм, последовательно доведший затем социал-демократию до роли прислужника и пособника международной буржуазии.

Со своим предложением Вандервельде обратился к обеим думским социал-демократическим фракциям. Телеграмма Вандервельде, не в пример всякой другой заграничной корреспонденции, была пропущена русской военной цензурой. Совершенно очевидно, что царское правительство было заинтересовано в успешности миссии Вандервельде.

Текст этой телеграммы может служить хорошим образцом махрового шовинизма, который насквозь пропитал западноевропейских социал-патриотов: «Для социалистов Западной Европы поражение, я не говорю Германии, которую мы любим и пред которой мы преклоняемся, но прусского юнкерства,— писал Вандервельде,— есть вопрос жизни и смерти... Но в этой ужасной войне, разразившейся над Европой вследствие противоречий буржуазного общества, свободные нации вынуждены рассчитывать на военную поддержку русского правительства.

От российского революционного пролетариата в значительной степени будет зависеть, чтобы эта поддержка была более или менее решительной. Я, разумеется, не имею возможности указывать вам, что всем делать и чего требуют от вас ваши собственные интересы. Вы сами прежде всего

должны решить, как вам поступить. Но я вас прошу — и наш бедный Жорес, если бы он еще жил, конечно также просил бы вас вместе со мною — стать на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе... Мы считаем, что против подобной опасности настоятельно необходима коалиция всех живых сил Европы, и мы были бы счастливы узнать по этому поводу ваше мнение и еще более счастливы узнать, что оно сходится с нашим».

Под телеграммой красовалась горделивая подпись: «Эмиль Вандервельде, делегат Бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро, а со дня объявления войны министр».

Вандервельде разрешал сделать из своей телеграммы то употребление, которое мы найдем нужным, иначе говоря — предлагал воспользоваться ею как одним из доводов для прекращения революционной борьбы с правительством.

Совершенно очевидно было, что ответ Вандервельде мог быть только отрицательным. Ни о каком заключении гражданского мира с царским правительством не могло быть и речи. Рабочий класс никогда и ни при каких условиях не мог поддерживать царизм, который был его главным и непримиримым врагом. В сражающихся друг с другом армиях у трудящихся не было врагов. Враг был по эту сторону окопов в лице своей отечественной буржуазии, против которой и должно было быть направлено оружие. Только так, а не иначе, могла ответить партия революционного пролетариата на изменнический призыв королевского министра Вандервельде.

Казалось, что такой же точки зрения должны были придерживаться и меньшевики. Во всяком случае думская декларация 26 июля, которая была оглашена совместно от обеих социал-демократических фракций, говорила за то, что меньшевики отказываются от поддержки войны и не предполагают заключать гражданского мира с правительством. Однако пример западноевропейских оппортунистов сперва поколебал, а потом изменил позицию меньшевиков, быстро скатившихся затем к социал-патриотизму и оборончеству.

Обращение Вандервельде на первых порах вызвало среди меньшевиков горячие споры. Наряду со сторонниками полной победы русского оружия, считавшими, что голосование против военных кредитов являлось ошибкой, среди меньшевиков были течения и против войны. Спор шел вокруг фор-

мулировки ответа Вандервельде. В окончательной редакции ответа Вандервельде меньшевики заявили о своем согласии поддержать войну. Описывая всю тяжесть полицейского строя в России, перечисляя все усиливавшиеся репрессии царизма, меньшевики писали: «...Но несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение общеевропейского конфликта, как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее нам основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне». Романовское самодержавие носило настолько дикий и изуверский характер, что меньшевики не могли конечно заявить о своей поддержке правительству. Но заявление меньшевиков было равносильно такой поддержке. Обещание не противодействовать войне означало отказ от последних следов какой-либо революционной борьбы с правительством, означало полную выдачу меньшевиками рабочего класса на расправу царизму.

Большевистской фракцией тоже был составлен ответ Вандервельде. Этот ответ по существу носил характер декларации о нашем отношении к войне и задачах рабочего класса во время войны. Для окончательного редактирования ответа в последних числах сентября в Финляндии было устроено совещание членов фракции совместно с несколькими партийными работниками. Происходило совещание на квартире Каменева, на станции Мустамяки.

После продолжительного обсуждения был окончательно утвержден составленный фракцией текст. В своем ответе мы решительно отметали всякие разговоры о поддержке войны и прекращении революционной борьбы с правительством. Наоборот, как задача партии нами выдвигалось всестороннее использование военного кризиса в интересах развития революции. Военная победа русского царизма, как мы указывали, должна была привести к еще большему его укреплению и тем самым превратить романовское правительство в одну из сильнейших преград и угроз для международной демократии.

«...Русский пролетариат не может ни при каких условиях итти рука об руку с нашим правительством, не может заключать с ним никаких, хотя бы и временных, перемирий, не может оказывать ему никакой поддержки, — писали мы в нашем ответе. — Здесь не может быть и речи ни о какой

пассивности. Напротив, мы считаем своей неотложной задачей вести с ним самую непримиримую борьбу, оставаясь на почве старых требований, столь единодушно выдвинутых и поддержанных русским рабочим классом в революционные дни 1905 г. и снова встретивших широкое признание в массовом политическом движении русского рабочего класса за последние два года. Нашей задачей во время войны, в которую втянуты миллионы крестьян-пролетариев, является только противодействие бедствиям, вызываемым войной, путем расширения и энергичного развития классовых организаций пролетариата и широких слоев демократии и использования военного кризиса для подготовки народного сознания к скорейшему осуществлению народными массами задач 1905 г. Нашим очередным лозунгом является созыв учредительного собрания. И это мы делаем именно в интересах той демократии, к поддержке которой вы приглашаете русскую социал-демократию в вашей телеграмме... Только таким путем мы сослужим действительную службу и русскому рабочему классу, и всемирной демократии, и социалистическому интернационалу, роль которого, по нашему глубокому убеждению, должна в ближайшем будущем, при подведении итогов этой ужасной войны, неизбежно возрасти, так как эта война откроет глаза остальным слоям трудящихся масс и заставит их искать спасения от ужасов милитаризма и капитализма единственно в осуществлении нашего общего социалистического идеала».

Полный текст этого ответа за подписью ЦК был затем напечатан в ноябрьском № (33) «Социал-демократа».

Кроме обсуждения ответа Вандервельде на совещании в Мустамяках были разрешены некоторые вопросы текущей партийной жизни. Принят был ряд практических решений, в том числе о выпуске новой антивоенной прокламации (она была отпечатана и выпущена в начале октября). Кроме того был намечен предварительный срок созыва Всероссийского совещания-конференции с участием представителей от провинциальных организаций партии. На этой конференции предполагалось вновь обсудить «военную» платформу нашей партии.

Основным материалом для этого обсуждения должны были послужить выработанные Владимиром Ильичом тезисы о войне, которые к тому времени были доставлены в Россию. Написанные в сентябре 1914 г., эти тезисы были первым документом Центрального комитета, формулиро-

вавшим отношение большевистской партии к войне. «С точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России, — писал Владимир Ильич, — наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск...». Последний, седьмой пункт тезисов выдвигал следующие лозунги партийной работы: «Всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театры военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и патриотизмом мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и враждебных шовинизму и оппортунизму».

Эти тезисы легли в основу манифеста Центрального комитета, опубликованного в первом после объявления войны номере (33) ЦО партии «Социал-демократа». Манифест, разоблачивший истинный смысл империалистической войны и вскрывавший измену вождей II Интернационала, давал оценку противовоенной позиции, занятой российской социал-демократией:

«Наша партия, Российская социал-демократическая рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство — Российская социал - демократическая рабочая фракция в Государственной думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседания Думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств как империалистскую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом». И далее: «Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской (1912 г.)

резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами».

Тезисы Ленина и манифест ЦК клали конец всякой расплывчатости и нечеткости в оценке войны и позиции по отношению к ней рабочего класса. Направленные со всей остротой против предательства социал-патриотических вождей II Интернационала, они во весь рост ставили вопрос о «пораженчестве» и превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Когда кружным путем и с огромными трудностями мы получили эти документы из-за границы, перед нами встала задача — прежде всего познакомить с ними представителей местных партийных организаций, а затем, с участием последних, наполнить лозунги ЦК практическим содержанием, т. е. выработать конкретную программу действий. Это и было основной целью партийной конференции, созванной фракцией в ноябре 1914 г.

Конференция должна была наметить пути высвобождения революционного движения, придавленного военной реакцией. Рабочий класс только что пережил жесточайший разгром всех своих организаций. Этот разгром еще продолжался, военный террор свирепствовал со все возрастающей силой. Восстановление партийной организации в такой обстановке требовало величайших усилий и огромного организационного напряжения. Кроме этого нужны были и технические средства. В задачи конференции входили все эти основные вопросы партийной работы. Здесь был и вопрос об укреплении связей с местными ячейками, организация партийной работы в армии, устройство нелегальных типографий, вопросы страховой кампании, выпуск газеты, расширение связи с заграницей, наконец вопросы финансового характера и т. п. Словом, на совещании должны были обсуждаться все задачи, стоявшие в порядке дня партии.

С чрезвычайной осторожностью, с соблюдением всех строжайших условий конспирации, готовились мы к созыву конференции. Члены фракции, проводившие большую часть времени в организационных поездках по России, должны были организовать выборы делегатов в своих избирательных районах. Кроме того должны были прибыть делегаты из всех наиболее крупных промышленных центров, с которыми фракция к этому времени уже восстановила свои связи. Всем делегатам были сообщены конспиративные явки в Петербурге, причем для того чтобы не вызвать подозрения

полиции, приехавшие представители местных организаций не должны были до совещания встречаться с депутатами. Первоначально предполагалось организовать его в Финляндии, но затем решено было подыскать помещение где-либо под самым Петербургом, в одном из подгородных дачных районов. После некоторых поисков квартиру нашли в Озерках, по Выборгскому шоссе в доме № 28а. Здесь, в уединенном доме, окруженном пустующими зимними дачами, жил конторщик одного из заводов, Гаврилов, жена которого согласилась предоставить свою квартиру для нашего совещания. Озерки были тем более удобны, что сюда можно было попасть не только железной дорогой, но и городским трамваем, от последней остановки которого было сравнительно недалеко до дома Гавриловых.

Когда выяснилось, что часть делегатов уже прибыла в Петербург, был назначен день конференции. Осторожно, заметая свои следы и сбивая шпиков, пробирались мы в Озерки. Я вышел из дому рано утром и отправился за город совершенно в противоположном нужному мне направлении. Запутав шпиков, я подошел к Неве, быстро сел в лодку и таким образом перебрался на другой берег. Это был один из обычных способов отбиться от шпиков, так как вторую лодку в тот же самый момент найти было не так просто. На той стороне я скрылся в лес и, снова несколько раз меняя направление, наконец дошел до места совещания.

Такими же путями добрались до квартиры Гавриловых все другие участники конференции. В небольшой комнате собралась вся думская фракция — Петровский, Муранов, Самойлов, Шагов и я, и приехавшие представители местных партийных организаций — М. Воронин от Иванова-Вознесенска, В. Н. Яковлев [1] от Харькова, Линде от Рижской организации и два представителя от петербургской организации: Н. Антипов [2], член исполнительной комиссии ПК, и Н. Козлов, путиловский рабочий, член правления заводской страховой кассы и бывший уполномоченный от завода на выборах в Государственную думу. С Каменевым было условлено, что из предосторожности он приедет из Финляндии на другой день. Значительной части делегатов не удалось приехать в Петербург. Не у всех оказалась

[1] Тов. Яковлев, в начале революции председатель Енисейского губисполкома, был в гражданскую войну расстрелян Колчаком.

[2] Тов. Н. Антипов — теперь народный комиссар почт и телеграфов.

возможность обмануть бдительность охранки и пройти через густую сеть шпиков. Один из делегатов (Алексей Джапаридзе от Кавказа) попал в руки полиции уже в самом Петербурге, на Финляндском вокзале. Другим охранка помешала выехать из своих городов. Кое-где оказались технические провалы.

Конференция начала свою работу к вечеру 2 ноября. Мы сразу приступили к разрешению стоящих перед нами практических вопросов. Как я уже говорил, эти вопросы охватывали все стороны партийной работы вплоть до отдельных технических моментов. Все делегаты сделали доклады о положении на местах. Они сообщили о состоянии своих организаций, о том, как развивается работа партии в их районах, о настроениях широких масс рабочих, их отношении к войне и т. д. Всюду партийные ячейки, так же как и легальные рабочие организации, потерпели жестокий урон. Руководящий штаб пролетариата в лице нашей партийной организации был более чем на половину уничтожен. Все же некоторая партийная работа велась, перспективы ее усиления и дальнейшего развития связывались с сохранением нашей думской фракции, которая была центром и связывающим звеном всей организации.

В связи с докладами делегатов принимались определенные решения, которые записывались в протокол т. Яковлевым, принявшим на себя обязанности секретаря.

На очереди был выпуск прокламации к студенчеству. К этому времени в Петербурге организовался объединенный комитет большевистских групп Горного, Политехнического, Технологического, Женского медицинского и Сельскохозяйственного институтов. Комитет начал проявлять довольно большую активность. Для того чтобы усилить его работу, решено было выпустить обращенную к студенчеству прокламацию.

Выпускавшиеся в Петербурге прокламации обычно утверждались нами в бюро ЦК или Петербургским комитетом. Если по техническим причинам этого нельзя было сделать, я согласовывал текст прокламаций с той или иной группой партийных товарищей и затем уже передавал его для напечатания технике.

На этот раз в связи с тем, что каждая антивоенная прокламация имела большое принципиальное значение, я решил воспользоваться собравшимся совещанием, которое рассмотрело и утвердило текст студенческой листовки. Завершая

определенный период партийной работы, студенческая прокламация наглядно показывает, как последовательно формулировалась позиция нашей организации по отношению к войне. От первых листовок, в которых выбрасывались лишь отдельные короткие лозунги против войны, мы уже перешли к сравнительно обстоятельному анализу войны и определенным выводам из этого анализа:

«Товарищи!

Наконец-то исполнилась давно лелеянная мечта капиталистов и правительств всех стран, а в особенности Англии, Австрии, Германии и России, наконец-то настала та война, о которой они мечтали и к которой готовились десятки лет.

Вот уже три месяца, как льется потоками кровь наших братьев и товарищей в борьбе за противные нам интересы капитала. Нас не обманут псевдопатриоты и воющие им в унисон «либеральные» писаки — они хотят заговорить нам зубы.

Напрасно! Мы знаем, что давным давно уже капиталисты Англии и Германии точат зубы друг на друга, мы знаем, что еще во время балканской войны 1912 г. были моменты, когда наружу должна была всплыть хищническая политика всех правительств.

Разошлись тучи: грозы не было, но мы знали, что не сегодня-завтра она должна вспыхнуть.

Еще в то время, товарищи, конгрессы социалистов всех стран — в Штутгарте, Копенгагене, а в особенности в Базеле — постановили бороться с войной до последних сил, в случае же, если загорится война, использовать ее в своих интересах, чтобы она была последней войной, последней вспышкой насилий капитала над трудящимися массами.

Кто смеет и кто станет отрицать, что вся тяжесть войны ложится на трудящийся класс? Сотни тысяч и миллионы наемных рабов капитала и задавленных крепостниками крестьян идут на бойню ради династических интересов нескольких коронованных разбойников, ради прибылей буржуазии, стремящейся к грабежу чужих земель. Мы должны проливать свою кровь в выгодах наших эксплоататоров и «господ»; мы должны итти на позиции в окопы, сознавая, что каждая пролитая капля нашей крови кует все больше и больше цепи для нас же самих, так как нам приходится сражаться с нашими товарищами «вражеской» армии за интересы истинных наших врагов. Кровью своей и телами своими давя немцев, почему-то объявленных нашими врагами, мы удобряем тем самым ту почву, на которой пышным цветком благодаря нашим трудам расцветает русский царизм, русский произвол и русский милитаризм.

Товарищи! Нас заставляют сражаться с той Германией, которая в 1905 г. выставила свои войска на границе России для защиты русского царизма; нас заставляют сражаться с Австрией, ради которой Россия задавила восстание Кошута в Венгрии. Разве не говорит нам эта «милая» дружественность отношений между собой России, Австрии и Германии, кто наши враги и с кем мы должны бороться?

Наши враги — правительства этих стран. Зачем же нам кричат о всей Германии, всей Австрии? Когда одному, разбойничьему царизму угрожает опасность от порабощенных, он зовет на помощь правительства других стран.

Товарищи! Мы должны бороться со всеми правительствами — эта борьба и есть наша борьба с милитаризмом, с узаконенным грабежом и разбоем. Уничтожение существующих разбойничьих династий Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов есть уничтожение милитаризма. Ура-патриоты говорят нам об уничтожении германского юнкерства — и. только, но они умалчивают о русской военщине, так как наверное знают, что, уничтожив германское юнкерство, русский штык достигнет своего апогея, а вместе с ним и русский царизм и русский гнет.

Товарищи! Великие идеи панславизма и освобождения народов из-под власти Германии и Австрии и покорения их под власть русской нагайки явно мерзостны и гнусны. Сравните положение населения русской Польши с положением германской Польши, положение русской Украины и австрийской Галиции.

Международная политика русского царизма — одна сплошная цепь самых неслыханных преступлений и насилий, самых грязных и подлых интриг против свободы народов, против демократии, против рабочего класса.

Русское правительство в лице своих прежних выразителей — Плеве, Треповых, Думбадзе, теперь Коковцевых, Кассо, — правительство, поработившее Финляндию и Польшу, во главе со своим царем преследующее и открывающее гонение и погромы на «инородцев», евреев и т. п., расстреливающее беззащитных граждан, — это правительство вдруг объявляет себя другом славян и кричит нам хором под царским управлением: «Бей немцев».

Нет, русский народ, а в особенности мы, студенты, научились коечему с 1905 г.; нас не обманешь сладкими напевами о реформах под аккомпанемент мягкотелых либеральных писак из газет, ходящих на задних лапках. Когда мы верили басням, мы получили 17 октября эту лицемерную конституцию, этот царский манифест — «мертвым свобода, живых под арест». Да, у нас была когда-то автономия университета, а теперь что?

Товарищи! Свободная школа может быть только в свободной стране, в стране, где не царит произвол, где нет вероломных и гнусных лжецов во главе правления.

Товарищи! Опираясь на установившееся лицемерное поведение правительств, видя и указывая вам лишний раз, что и теперь даже правительство наше попрежнему верно себе в своих гонениях на рабочих в Саратове, Харькове, Ростове-на-Дону и т. д. и т. д., мы протестуем против слов, призывающих к вере в правительство; протестуем против резолюций, в которых говорится об обращении к правительству с просьбой амнистии всем политическим заключенным.

Товарищи! Эта резолюция есть не что иное, как иудины сребренники; мы продаем за них тех наших товарищей, которые боролись с правительством, и знаем ему цену. На их знамени было написано: «Долой русский царизм, долой войну и милитаризм, да здравствует демократическая республика». Какой ценой вы хотите купить им свободу? Вы хотите продать их идеалы, вы идете в ряды «христолюбивого воинства».

Верьте, товарищи, освобожденные из тюрем уйдут обратно в тюрьмы; они не захотят продать своих богов, свои идеалы, свои верования, за которые боролись и страдали; они не требуют царской милости.

Теперь, когда нас берут в солдаты, мы не просим амнистии для

наших заключенных братьев, мы освободим их сами и мы не зовем никого в виде расплаты за их освобождение в ряды солдат.

Товарищи! Мы призываем вас не в ряды войска, чтобы итти «за веру, царя и отечество» против наших германских товарищей. Не туда зовем мы вас.

Вспомните, товарищи, как в прежние годы мы обещали «итти в ряды страждущих братьев», итти «к голодному люду». Мы теперь зовем вас в эти ряды; мы зовем на работу, на работу за заветы нашего былого революционного студенчества.

Те товарищи, которые остаются здесь, которых царский кулак не тянет на позиции в окопы вы идите «к страждущим братьям», организуйтесь и организовывайте массы и подготовляйте их к революции. Время не терпит. Близок день. Вспомните, что было после русско-японской войны.

И в то время, как вы будете здесь работать, товарищи, ушедшие на позиции, тоже будут готовиться к борьбе с истинными врагами.

Товарищи! Мы повторяем, что идем сражаться, идем в солдаты, только потому, что против нас идет сила штыков, и мы объявляем царям и их правительствам, что берем оружие против своей воли. Пусть же знают они, что мы его употребим и против них.

Товарищи, не возвращайте оружия — храните его.

А вы, уходящие на позиции, ждите, когда мы дадим вам знать, и помните, что ваше место не против нас, а с нами.

Прочь веру в царские реформы! Мы сами создаем свои реформы. Долой войну! Да здравствует социализм! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международная революционная социал-демократия! Да здравствует РСДРП! Да здравствует новая российская революция!»

Со второго дня заседаний конференция перешла к обсуждению основного вопроса — о военной платформе нашей партии. Вводный доклад сделал Каменев. Тезисы Ленина, которые были основным документом, определяющим отношение Центрального комитета к войне, вполне отвечали той позиции, которую заняли мы в России с первых же дней войны. Они окончательно подтверждали правильность нашей линии. Более точные и более твердые ленинские формулировки завершали выработку противовоенной платформы большевистской партии. Теперь перед нами встала задача воплотить их на деле и в первую очередь широко распространить по всем уголкам России.

Обсуждение тезисов шло при участии всех делегатов, последовательно пункт за пунктом, фраза за фразой. Содержание и сущность тезисов не встречали никаких возражений. Вносились лишь отдельные редакционные поправки. Попутно обсуждались практические предложения о том, как развернуть противовоенную пропаганду. Эту работу однако совещание не закончило. Ворвавшаяся полиция оборвала работу конференции, захватив всех ее участников.

ГЛАВА XXIV

Арест фракции

Как охранка готовилась к аресту. — Налет полиции. — Заявление в президиум Думы. — Арест. — Доклад Маклакова Николаю II. — Правительство готовит процесс. — Дума об аресте фракции. — Прокламации Петербургского комитета. — Выступления рабочих. — Ленин об аресте нашей фракции.

Раскрытые теперь архивы департамента полиции показывают, как готовилась к нашему совещанию охранка. Царское правительство, давно уже искавшее какого-либо повода для того, чтобы «ликвидировать» большевистскую фракцию, решило воспользоваться совещанием и захватить нас, так сказать, на месте преступления. Сведения о готовящемся совещании охранка получила от своего агента «Пелагеи», — кличка известного провокатора Романова, одного из работников московской партийной организации. Романов должен был принять участие в совещании в качестве делегата от Москвы. Заранее решив произвести арест совещания, охранка запретила Романову принять в нем участие, боясь провала своего агента. (Департамент полиции сообщил в Москву, что «участие агентуры на съезде нежелательно, необходимо приблизить ее к участникам съезда, чтобы могли своевременно сообщить место и время съезда». Одновременно московской охранке предлагалось приложить все усилия к тому, чтобы выяснить через своих сотрудников место и время совещания и «немедленно телеграфировать о сем департаменту и начальнику финляндского жандармского управления в целях обеспечения для последнего возможности производства своевременной и результатной ликвидации конференции».

Предполагая, что совещание будет происходить в Финляндии, в Мустамяках, департамент полиции решил поручить арест его участников финляндскому жандармскому управлению. Начальнику управления полковнику Еремину директор департамента полиции дал поручение постараться обязательно обнаружить на совещании членов нашей фракции: «...является весьма желательным обнаружение на означенной конференции членов Государственной думы социал-демократической фракции и направление переписки по ликвидации этой конференции в порядке правил о местностях, состоящих на военном положении...»

Шифрованной циркулярной телеграммой охранным отделением 33 городов всей России департамент полиции предлагал установить слежку за делегатами от местных организаций: «Примите безотлагательные меры к выяснению делегатов, сопровождайте неотступным наблюдением, телеграфируя выезд в Гельсингфорсе полковнику Еремину, а также департаменту» [1].

Петербургские вокзалы были наводнены шпиками. Партия охранников была специально командирована в Финляндию для усиления «сил» полковника Еремина. В Белоострове на границе были установлены посты шпионов, хорошо знающих в лицо членов нашей фракции. Само собой разумеется, что и без того густая сеть шпиков, преследовавших нас по пятам в Петербурге, стала еще гуще, еще наглее.

Если о самом совещании и срок его созыва полиция узнала от московского провокатора Романова, то место совещания несомненно было узнано от петербургского провокатора Шурканова. Принимавший тогда некоторое участие в работе Петербургского комитета Шурканов присутствовал на организационном собрании, на котором решался вопрос о квартире для совещания, и поспешил сообщить об этом своему полицейскому начальнику. Таким образом в руках полиции оказались все необходимые сведения.

Документы охранки показывают, что арест нашей фракции отнюдь не носил характера случайного провала, всегда возможного при развитой системе сыска и шпионажа. Вопрос о ликвидации большевистской фракции в Думе был окончательно решен правительством, долго поджидавшим благоприятного для себя момента. Оставалось только как можно лучше разработать стратегический план нападения. Этот план был разработан и выполнен при помощи провокаторов.

На третий день совещания, 4 ноября, около 5 часов вечера, в наружную дверь дома Гавриловых раздался оглушительный стук. Дверь была сорвана с петель, и сейчас же в комнату, где мы находились, ворвался отряд полиции и жандармов. Шедший во главе наряда полицейский офицер, выставив револьвер, закричал: «Руки вверх!»

В ответ на наш протест офицер заявил, что он должен произвести обыск, и предъявил ордер, в котором предлага-

[1] Архив департамента полиции, особого отдела, 1914 г., дело № 5, лит. Ф, лл. 1 и 5.

лось на основании ст. 23 военного положения, обыскать квартиру и арестовать всех находившихся в ней.

Прежде всего была отделена для обыска группа не депутатов, вместе с хозяйкой квартиры Гавриловой. Когда полиция захотела затем приступить к обыску членов фракции мы шумно и энергично стали протестовать.

— Ни обыскивать, ни арестовывать нас мы не позволим, — заявили мы начальнику наряда. — Как члены Думы мы пользуемся депутатской неприкосновенностью на основании статей 15 и 16 положения о Государственной думе. Без соответствующего разрешения Думы никто не в праве нас подвергнуть обыску или задержанию. Полиция совершает беззаконие, которое даром ей не пройдет.

Протестовали мы так решительно и энергично, что жандармский ротмистр, несмотря на имевшийся у него ордер, заколебался.

Оставив нас под охраной жандармов, он вышел из дому, чтобы по телефону испросить дополнительных инструкций у своего начальства.

Пока шли протесты и споры с полицией, нам удалось уничтожить значительную часть находившихся у нас на руках документов. В первую очередь были уничтожены протокол совещания и все относящиеся к созыву совещания материалы. В руки полиции не попало ни одного документа, из которого можно было бы установить, что представляло собой собрание на квартире Гавриловой. Кроме того был уничтожен целый ряд других документов, главным образом явки и компрометирующие адреса. Некоторые из них были выброшены в люк уборной. Все же у нас на руках оставался целый ряд материалов, которых за этот короткий срок не удалось уничтожить.

Полицейский офицер получил распоряжение не церемониться с нами и не обращать внимания на наши протесты. Вместе с ним явился какой-то другой высший чин, по приказу которого полицейские сразу же бросились на нас. На каждого из депутатов набросились по нескольку человек охранников, схвативших нас за руки, несмотря на наше отчаянное сопротивление, приступили к насильственному обыску. Первым обыскали Самойлова, затем Шагова и меня. Последним были обысканы Петровский и Муранов.

Обыск производился с чрезвычайной тщательностью, отбирали все, что находилось в карманах, вплоть до часов. У каждого из нас были с собой отдельные экземпляры литера-

туры, проекты резолюций, тезисов, блокноты с записями, конспекты и т. п. Все это забиралось полицией как доказательство нашей революционной деятельности.

У Петровского был отобран экземпляр копии ответа Вандервельде, копия тезисов о войне, номер «Социал-демократа» с манифестом ЦК, список петербургских фабрик и заводов и несколько изданных за границей брошюр, в том числе устав и программа партии.

У меня полиция отобрала тоже по экземпляру ответа Вандервельде и тезисов о войне, те же, что и у Петровского, брошюры и журнал и кроме того черновик прокламации к студенчеству (приведенной выше) и паспорт на чужое имя, один из тех, которыми мы пользовались для нелегальной работы. У Самойлова, кроме журнала и брошюр, был отобран блокнот с записями, представлявшими собой конспект его доклада. У Шагова никаких документов не было.

Наиболее компрометирующим материалом была записная книжка Муранова, извлеченная полицией уже на другой день из уборной, куда Муранов ее бросил. Муранов с чрезвычайной подробностью записывал все свои посещения во время объезда Урала, заносил сюда сведения о местных партийных организациях, клички партийных работников, результаты собраний, установленные связи, некоторые адреса и т. д. Записи в книжке Муранова не оставляли сомнений о характере нелегальной работы, которую он вел.

Во время нашего обыска участники конференции недепутаты под конвоем были отправлены в тюрьму. Не имея точных инструкций, что делать с членами Думы, полицейский офицер снова ушел для телефонных переговоров с высшим начальством. Вернувшись, он объявил, что мы свободны, освобождая каждого из нас поочереди. Наши вещи, за исключением документов, были возвращены. Из документов мы получили обратно только депутатские билеты.

С момента появления полиции прошло почти полсуток. Мы вышли из дома Гавриловых уже под утро. Весь прилегающий район, обычно глухой и безлюдный, был наводнен полицейскими отрядами. Очевидно для захвата конференции были мобилизованы все виды полицейского оружия. До ближайшей трамвайной остановки мы шли в сопровождении целой толпы шпиков. Не скрываясь, без всякой церемонии, они окружили нас плотной стеной. Группа шпиков вслед за нами влезла в трамвайный вагон, ни на минуту не спуская с нас глаз.

Самый факт обыска и бесцеремонное поведение полиции ясно показывали, что правительство, начав свой поход против рабочих депутатов, перестало считаться с какой-либо иллюзией депутатской неприкосновенности. В любую минуту можно было ожидать новых набегов полиции. Поэтому, приняв меры, чтобы сообщить в рабочие районы о ночных событиях, мы немедленно же начали «чистить» и «приводить в порядок» свои квартиры.

В затопленную печь полетели все бумаги и документы, которые, с одной стороны, могли скомпрометировать фракцию, а с другой — «провалить» всю организацию. У нас на квартирах, считавшихся до сих пор наиболее безопасным местом, хранились все документы и материалы партии. Здесь были явки, условные адреса для посылки литературы, списки, фамилии, переписка, отчеты и т. д. Не было почти ни одного города, с которым у нас не было бы связей по нелегальной работе. Всюду имелись наши люди, связанные с фракцией. Если бы хранящиеся у нас документы попали в руки полиции, сотни и тысячи партийцев попали бы в тюрьму и на каторгу, и вся организация партии была бы окончательно разгромлена. Все эти материалы, наспех собранные, бросались в огонь. На долю полиции должна была остаться лишь кучка золы вместо ожидаемых ею богатых архивов. Кроме отдельных документов и материалов, у меня хранились еще приходо-расходные тетради, где записывались поступающие во фракцию денежные сборы, и алфавитные книги. Из них я вырвал ряд страниц, уничтожив наиболее компрометирующие записи.

Утром 5 ноября на моей квартире состоялось заседание фракции. Обсудив создавшееся положение, мы решили, во-первых, как можно шире осведомить обо всем широкие рабочие массы, а во-вторых — обратиться в президиум Думы с требованием, чтобы он принял меры против незаконного нарушения полицией депутатской неприкосновенности. Несмотря на то, что на какую-нибудь действительную защиту со стороны черносотенной Думы фракция конечно рассчитывать не могла, все же мы решили поднять в думских кругах как можно больше шума, чтобы привлечь к нашему делу внимание широких общественных кругов. При всем том кое-какие реальные шаги все же Родзянко должен был предпринять. Дело в том, что обыск и задержание полицией депутатов являлись нарушением законных прав Государственной думы, и ее председателю, для поддержания собственного достоинства

волей-неволей надо было выступить с каким-либо протестом. Вообще следует отметить, что думское большинство, самым бесцеремонным образом расправившееся с «левыми» внутри Думы, очень ревниво относилось к ущемлению своих прав со стороны. Конечно все это делалось лишь в таких размерах, чтобы не поссориться с правительством, и при малейшей угрозе со стороны последнего черносотенная Дума сразу же прекращала свои протесты.

Переговоры с Родзянко фракция поручила Петровскому и мне. Рассказав ему о незаконном нашем задержании и насильственном обыске, мы потребовали, чтобы он принял меры для привлечения к ответственности виновных. За подписью всех членов фракции мы подали Родзянко заявление, в котором официально доводили до сведения президиума Думы о насилии, учиненном над нами полицией на частной квартире «нашего знакомого Гаврилова». «Усматривая в изложенном, — писала фракция в заявлении, — нарушение прав Государственной думы, изложенных в ст. 15 учреждения Государственной думы, мы доводим о сем до вашего, господина председателя, сведения, дабы нарушение это не прошло без надлежащего протеста со стороны президиума Думы». Приняв заявление, Родзянко пообещал принять все зависящие от него меры. Какие в действительности он принял меры и как реагировало на них правительство, об этом я расскажу ниже.

Воспользовавшись пребыванием в кулуарах депутатов различных фракций, мы постарались как можно шире оповестить их о случившемся и в частности договорились с Чхеидзе, чтобы он предпринял возможные шаги к протесту со стороны Думы. К Чхеидзе мы обратились на тот случай, если полиция доведет свое дело до конца и, арестовав нас, лишит большевистскую фракцию возможности самостоятельно выступить с протестом.

Когда мы вышли из Думы, толпа шпиков, сопровождавших нас, была еще гуще, еще наглее, чем утром. На каждом повороте, из-за каждого угла появлялись новые фигуры охранников, которые, уже ничем не стесняясь, окружили нас вплотную. Никогда еще, за все время бдительного внимания охранки к рабочим депутатам, наглость полицейских агентов не доходила до таких пределов. Они, как хищные звери, уже лизнувшие крови, со свистом кружились вокруг нас в ожидании, когда им будет разрешено окончательно растерзать свою жертву. Охранка, два года преследовавшая

большевистсткую фракцию, с нетерпением ждавшая момента, когда ей представится случай с нами разделаться, теперь торжествовала победу.

И это победоносное настроение отражалось на физиономии каждого шпика, каждого охранника.

Кольцо полицейских преследований все более и более сжималось. Круг замыкался.

В условиях такой никогда еще до тех пор небывалой слежки охранки, боявшейся, что мы ускользнем в последнюю минуту, конечно ничего нельзя было предпринять, чтобы снестись с рабочими организациями, сообщить им подробности налета на фракцию и призвать их к организации движения протеста. Единственно, что мы могли сделать, это еще раз осмотреть, отобрать и уничтожить документы, чтобы они не достались полиции.

Я уже лежал в кровати, только что успев заснуть после нескольких дней хлопот и волнений. Около полуночи раздался звонок, и в двери появились фигуры полицейских. С ордером в руках, пристав подошел к моей кровати.

— Господин Бадаев, у меня есть ордер на то, чтобы вас доставить в Дом предварительного заключения.

Настал момент, которого ждал. Я наскоро оделся, собрал необходимые вещи, попрощался с домашними. Весь дом был полон полицейскими. На лестнице и у подъезда стояли наряды полиции.

Темными улицами полиция доставила меня на Шпалерную в Дом предварительного заключения.

После тщательного обыска меня отвели в одиночную камеру. Тут же я узнал, что в тюрьму доставлены все остальные члены нашей фракции. Вся наша пятерка была арестована в этот же вечер 5 ноября.

Царское правительство торжествовало победу. Наконец-то ему удалось осуществить свою работу с рабочими депутатами. Соотношение сил, — единственное, что в конечном счете определяло и общий нажим на рабочий класс и частный вопрос о «депутатской неприкосновенности» депутатов-большевиков, — для правительства, казалось, теперь было вполне благоприятным.

Министр внутренних дел Маклаков, одна из самых мрачных черных фигур российского самодержавия, на другой же день после обыска в Озерках, поторопился донести Николаю II о подвигах полиции. «Всеподданнейший» доклад, помеченный 5 ноября, был составлен еще до нашего ареста

и очевидно преследовал цель получить разрешение на арест фракции. В своем докладе царю Маклаков писал следующее:

«Существующая в империи Российская социал-демократическая рабочая партия, стремящаяся к ниспровержению государственного строя и замене такового республиканским образом правления, с открытием военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны, выставляя побудительным для того мотивом опасность укрепления в случае победы самодержавного строя и отдаления осуществления преследуемых ею задач.

Непосредственное серьезное участие в пропаганде этих идей принимают члены Государственной думы четвертого созыва социал-демократической фракции, от коей исходят все директивы и руководство преступной деятельностью партии.

Свою тлетворную деятельность, проявившуюся ярко в создании минувшим летом чрезмерного забастовочного движения рабочих и учинении ими уличных беспорядков, члены социал-демократической фракции ведут настолько скрытно, что привлечение их к ответственности в судебном порядке не представлялось возможным за отсутствие достаточных улик.

Несмотря на это, розыскные органы империи, неослабно наблюдая за деятельностью революционных групп партии, в последнее время получили сведения о том, что члены социал-демократической фракции предполагают созвать конференцию с участием выдающихся социал-демократов для выработки тактических приемов пропаганды идей о скорейшем прекращении войны для ниспровержения затем монархического образа правления в России.

4-го сего ноября, в 12 верстах от столицы, в Петроградском уезде, в частной квартире розыскные чины застигли заседание упомянутой конференции, в которой участвовали члены Государственной думы четвертого созыва социал-демократической фракции — Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и Самойлов, а также шесть представителей партии, прибывших из разных мест империи. При опросе чинами полиции о цели собрания участники такового объяснили празднованием восьмилетней годовщины супружества хозяйки квартиры. Это объяснение было всецело опровергнуто явившимся через некоторое время мужем хозяйки квартиры.

Произведенным у собравшихся обыском найдены: отдельные номера заграничной революционной газеты «Социал-демократ», перечень подлежащих обсуждению собрания вопросов по поводу войны, 32 брошюры революционного и тенденциозного содержания, партийные заметки и переписка; кроме того у члена Государственной думы Бадаева — рукопись преступного воззвания к студентам с призывом к участию в революционном движении и паспорт на чужое имя.

Все акты расследования переданы судебной власти, которой возбуждено предварительное следствие с привлечением к ответственности всех участников преступного собрания, в том числе и членов Государственной думы.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставлю себе доложить вашему императорскому величеству.

Министр внутренних дел *Маклаков*»[1].

---

[1] Архив департамента полиции, особого отдела 1914 г., дело № 5, лл. 60 — 61.

Надо отдать справедливость Маклакову. Пользуясь хорошо налаженным сыскным аппаратом охранки, он довольно правильно описал деятельность большевистской фракции. Раздраженно говоря, что фракция до тех пор, хорошо законспирировавшись, не давала в руки полиции каких-либо фактических материалов, он радостно сообщил, что наконец-то депутаты-большевики пойманы «на месте преступления» и теперь уже ничто не мешает осуществить над ними давно задуманную расправу.

С благословения Николая правительство начало быстрым темпом готовиться к созданию нового, по меньшей мере «каторжного» процесса. В соответствующем духе началась «подготовка» и «обработка» общественного мнения. Почва для этой правительственной агитации была подготовлена тем безудержным шовинистическим угаром, который отравлял и не только не успел угаснуть, но продолжал непрерывно усиливаться в первые месяцы войны. Первое правительственное сообщение, напечатанное в «Правительственном вестнике», и было составлено в таком духе, чтобы создалось впечатление о раскрытии крупного заговора против «военной мощи России».

«С самого начала войны народ русский, — писал «Правительственный вестник» (№ 268, от 8 ноября), — объединившись в сознании необходимости защитить достоинство и целость родины, дружно с патриотическим подъемом помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями. Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических сообществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей социал-демократических организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач». Далее следовало сообщение об обыске в Озерках: «Так как противогосударственное значение не подлежало сомнению, то участники собрания, застигнутые на месте преступления, после обыска были задержаны, а члены Государственной думы отпущены».

«Правительственный вестник» несмотря на то, что наша пятерка в это время уже сидела в одиночках предварилки,

осторожно сообщал лишь о решении судебного следователя «заключить под стражу» всех участников конференции.

Это сообщение было как бы пробным шаром — посмотреть, какое впечатление произведет пока только «решение» об аресте. Тон был задан. Реакционная печать, получив задание, с бешеным воем обрушилась на нашу фракцию. «С врагами церемониться нечего: виселица — единственное средство внести в страну успокоение», — в неистовстве писали дубровинские молодцы в «Русском знамени» (№ 289, от 12 ноября).

Все остальные реакционные рептилии не отставали в своей кровожадности от дубровинцев. Либерально-буржуазная печать в лучшем случае осторожно молчала. Рабочих газет в это время уже не было.

После такой подготовки, через неделю (15 ноября), правительство сочло уже возможным сообщить об аресте фракции. Второе правительственное сообщение гласило следующее: «При производстве предварительного следствия о лицах, съехавшихся вблизи Петрограда с разных мест на совещание с некоторыми членами Государственной думы, обнаружено, что совещание было посвящено обсуждению проекта резолюции, в которой признается «наименьшим злом поражение царской монархии и ее войска» и выдвигается лозунг «всестороннего распространения на войска и на театры военных действий пропаганды социалистической революции» и «организации для таковой пропаганды нелегальных ячеек в войсках». Все задержанные лица, по постановлению судебного следователя, заключены под стражу».

Как реагировала на все это Государственная дума? Я уже говорил, что Родзянко, получив наше заявление, обещал принять «все зависящие от него меры». Необходимость какого-то протеста признавалась и рядом депутатов других фракций. Конечно их протестантское настроение было насквозь фальшивое. По существу думское большинство было вполне солидарно с царским правительством. В своих намерениях выступить с протестом они руководствовались исключительно страхом перед рабочим классом, который мог ответить на провокацию правительства новой революционной вспышкой.

Ввиду отсутствия в это время думской сессии обычная форма протеста в виде запроса правительству не могла быть применена. Тогда по инициативе Чхеидзе, к которому присоединился Керенский, а также Ефремов от прогрессистов и Милюков от кадетов, вопрос был поставлен на очередном

заседании думского комитета помощи больным и раненым, ежедневно заседавшего в кабинете председателя. Это происходило 6 ноября утром, когда в Думе еще не было известно об аресте фракции, и поэтому в комитете обсуждался лишь вопрос об обыске и нашем задержании в Озерках.

В выступлениях депутатов на собрании комитета сквозил совершенно ясный и ничем не прикрытый страх перед революционным выступлением в стране. В этом отношении характерна была позиция октябристов. Октябристские лидеры — Годнев, Опочинин и Люц, говоря о необходимости протестовать против действий полиции, прямо заявляли, что нападение на рабочую фракцию может вызвать волнения в рабочих массах, а тем самым внести расстройство в тылу армии. Исходя из этих чисто «патриотических» причин, они осуждали провокационный выпад правительства.

Результатом этого совещания была посылка Родзянко председателю совета министров Горемыкину письма с «протестом». Содержание этого письма чрезвычайно характерно для той фальшивости, которой была проникнута позиция думского большинства. Послал свое письмо Родзянко только 30 ноября, т. е. почти через месяц после нашего заключения в тюрьму. Между тем он ни словом не обмолвился об аресте и ограничился лишь пересылкой полученного им заявления от фракции с сообщением об обыске и задержании в Озерках. В сопроводительном письме на имя Горемыкина Родзянко ссылается в первую очередь на нарушение статьи 15 Учреждения Государственной думы и затем добавляет, что «такое действие администрации не может быть терпимо и потому, что, нарушая закон и обнаруживая безнаказанность недопустимого произвола административной власти, оно в переживаемое нами трудное время сеет смуту в умах мирного населения и волнует его, без того уже взволнованного тяжелыми условиями всеобщей войны». Какие выводы делал Родзянко? Требовал ли он прекращения преследования нашей фракции? Нисколько. Он заканчивает свое письмо следующими словами: «Позволяю себе надеяться, что ваше высокопревосходительство соблаговолите принять соответствующие меры к ограждению впредь членов Государственной думы от незаконных действий чинов полиции». Весь протест председателя Думы сводился таким образом лишь к формальному заявлению и просьбе «впредь» не повторять подоб-

ных поступков. Ни о какой защите рабочей фракции не было ни слова [1].

Бессодержательным и безрезультатным письмом к Горемыкину и ограничилось все выступление думского большинства в связи с арестом рабочих депутатов. Попытка меньшевиков и трудовой фракции созвать специальное совещание членов Думы встретила противодействие Родзянко, заявившего, что во время перерыва сессии никакие собрания депутатов не могут быть допущены по закону, да, по его мнению, в этом не было и «никакой надобности».

Когда в январе 1915 г., после длительного перерыва, вновь была созвана Государственная дума, думское большинство не допустило даже предъявить запрос правительству об аресте нашей фракции. Кадеты отказались дать свои подписи под запросом, и таким образом не удалось собрать под запросом нужное количество подписей. Речи по бюджету Чхеидзе и Керенского, значительную часть своих выступлений посвятивших разгрому большевистской фракции, председателем Думы не были даже разрешены в печати.

Черносотенная Дума, как и следовало ожидать, заняла позицию полной солидарности с романовским правительством. Арест нашей фракции, завершавший летний разгром революционных организаций, вполне соответствовал интересам царских чиновников и помещиков, заседавших в Государствен-

---

[1] Письмо Горемыкин передал на заключение министру внутренних дел Маклакову. На письме, сохранившемся в делах департамента полиции, имеется резолюция Маклакова, которая может служить лучшей характеристикой этого старшего царского городового. Даже более чем скромное письмо Родзянко привело в неистовство Маклакова, усмотревшего в этом чуть ли не настоящее революционное выступление. Сделав пометку «к делу», Маклаков пишет: «Не могу назвать «произволом» действия полиции, которые установили, что 5 членов Государственной думы — преступники. Председателю Думы это может быть и неприятно, но это так. Не такие «действия» не могут быть терпимы, а нетерпимо, что общегосударственные тяжкие преступления совершались безнаказанно под флагом «депутатской» неприкосновенности. Неприкосновенность государственного строя в России важнее всяких депутатских привилегий. Нарушая закон, члены Думы неизменно всегда и всюду встретятся с полицейской преградой. Смуту в умах сеют не административные власти, борющиеся с революционным течением, а такие люди, которые даже по поводу таких возмутительных действий не находят ничего умнее, как кричать о произволе администрации. Пора бросить эту повадку. Фальшь негодования здесь уже слишком цинична и неуместна. Чинов полиции, обнаруживших и задержавших членов Думы, благодарю и благодарю» (Архив департамента полиции, особого отдела 1914 г., дело № 5, лит. Ф, лл. 360—361).

ной думе. Министры раздавали награды славным победителям на внутреннем фронте — городовым и охранникам, а цвет российского либерализма пресмыкался у ног царского правительства.

Что происходило в это время в противоположном лагере— на фабриках, заводах, в рудниках? Весть об аресте большевистских депутатов не могла не взволновать рабочие массы. Мы видели, что даже октябристы, эти жалкие подпорки правительственной власти, понимали, какое впечатление должен произвести разгром рабочей фракции среди российских пролетариев. И они не ошибались. Требование об освобождении большевистских депутатов — вплоть до самого февраля 1917 г. — стало рядом с основными лозунгами революционной борьбы. Но в самый момент ареста рабочий класс еще не имел достаточных сил, для того чтобы предпринять какое-либо широкое революционное выступление. Военный террор, небывалый по силе и жестокости, мертвой хваткой держал за горло страну. Каждое революционное выступление грозило военно-полевым судом и расстрелом в лучшем случае — пожизненной каторгой и ссылкой. Только с огромным трудом революционное движение рабочего класса могло высвободиться из тисков военной реакции. С арестом фракции вырывались последние корни революционной работы, разрушался основной и главный центр партии в России. Все нити партийной работы сходились к думской пятерке, и эти нити были оборваны.

Охранка, которая долго и настойчиво подготовляла арест, само собой разумеется, приняла одновременно и свои предупредительные меры против возможного выступления рабочих в защиту большевистской фракции. Вместе с разгромом фракций и непосредственно после него полиция обрушила целую лавину арестов на все рабочие районы города. Шпики и охранники в изобилии шныряли по городу, беря под подозрение каждую рабочую квартиру. Жертвой такой напряженной слежки был целый ряд партийных работников, попавших в руки полиции.

Несмотря на такой бешеный натиск охранки, Петербургскому комитету все же удалось выпустить прокламацию по поводу ареста фракции. Напечатанная на гектографе прокламация была выпущена 11 ноября и призывала рабочих к забастовкам и митингам протеста [1].

---

[1] Архив департамента полиции, особого отдела 1914 г., дело № 5, л. 246.

«Товарищи!

В ночь на 6 ноября подлое царское правительство, обагрившее себя кровью борцов за лучшее будущее демократии, правительство-палач, замучившее на каторге представителей пролетариата 2-й Думы и тысячи его лучших сынов, правительство, веками сосущее кровь народную, бросило в темный сырой каземат депутатов Российской социал-демократической рабочей фракции.

С такой наглостью и цинизмом расправилось самодержавное правительство с думским представительством 30-миллионного рабочего класса. Лживость и лицемерие фраз о единении с народом вскрыто. Обману и развращению рабочих масс наступает конец... Царское правительство сделало последний шаг; дальше итти некуда... Фиговый лист российской конституции еще раз сорван и на этот раз окончательно. Во весь рост встает перед рабочим классом и всей демократией вопрос об истинном народном представительстве, об учредительном собрании.

Только война и военное положение, железными тисками сжимающие пролетариат и демократию, дали возможность правительству совершить гнусную расправу над избранниками рабочих, стоящими самоотверженно настраже их святейших интересов.

Под грохот пушек и ружей правительство старается задушить революционное движение рабочего класса; в потоках крови насильно угоняемых на бойню миллионов рабочих и крестьян оно надеется утопить их освободительные стремления.

Прикрывая свои хищнические замыслы лживыми фразами об освобождении славян, царское правительство во время войны еще с большей свирепостью душит рабочий класс: оно разгромило все рабочие организации, уничтожило рабочую печать, ежедневно заточает в тюрьмы и ссылает в далекую, холодную Сибирь лучших борцов пролетариата.

Но смертельному врагу рабочего класса было мало этого. Он решил, что настал удобный момент для расправы с представителями рабочего класса, геройски борющимися с правительственной политикой, политикой гнета и насилия, и железные кандалы зазвучали за тюремной решеткой. Избранникам пролетариата царские бандиты сказали: ваше место в тюрьме.

В тюрьму посажен весь рабочий класс. Шайка грабителей и эксплоататоров, шайка погромщиков осмелилась осудить как преступника 30-миллионный рабочий класс России. Рабочему классу брошен смертельный вызов.

Но и железные тиски военного положения не удержат рабочий класс от гневного крика протеста. Крик «Долой палачей и насильников» громко вырвется из груди многомиллионного пролетариата России, грудью вставшего на защиту своих депутатов.

Товарищи!

Петроградский комитет Российской социал-демократической рабочей партии призывает рабочих Петрограда к однодневной забастовке и митингам протеста против гнусного и беззаконного деяния царско-помещичьей шайки.

Долой царское правительство!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Да здравствует социализм!

Ноября 11 дня.

Петроградский комитет РСДРП».